

УДК 821.0:398

ББК 82

И 32

Из истории русской фольклористики. Вып. 6 / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. — СПб., Наука, 2006. — 440 с.

ISBN 5-02-026410-5

Выпуск содержит материалы и публикации по теории и практике отечественной науки о фольклоре XIX—XX вв.

Для филологов-фольклористов и интересующихся историей русской культуры.

Редколлегия:

А. А. ГОРЕЛОВ, В. И. ЕРЕМИНА, В. И. ЖЕКУЛИНА,
А. Ю. КАСТРОВ, Е. А. КОСТЮХИН (ответственный редактор),
Т. А. НОВИЧКОВА, А. Н. РОЗОВ

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 05-04-16281д*

ТП-2006-И-254

ISBN 5-02-026410-5

© Коллектив авторов, 2006

© Российская академия наук и издательство «Наука», серия «Из истории русской фольклористики» (разработка оформления), 1978 (год основания), 2006

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Очередной, 6-й, выпуск серийного издания «Из истории русской фольклористики» продолжает знакомство с явлениями отечественной науки о народном творчестве, обладающими ценностью абсолютной, но остающимися до сих пор за гранью известности. Входящие с этой книгой в круг общедоступной документалистики материалы послужат пониманию магистральных линий развития народоведения России, усвоению правды об исторических обстоятельствах, формировавших научные процессы XIX — XX столетий и отражавшихся на судьбах замечательных людей, преданно служивших познанию своего народа.

Наряду с этим в 6-м выпуске серии важное место отводится собственно фактографии фольклора: извлечения из архивных собраний расширяют и укрепляют базовую территорию современной науки.

Письма А. А. Котляревского к А. Н. Пыпину — существенное пополнение данных о биографии одного из блистательных ученых XIX в.

На основании анализа солидного комплекса источников в статье А. Н. Розова охарактеризованы особенности текстологического и составительского труда А. И. Соболевского над знаменитой семитомной антологией «Великорусские народные песни», намечены перспективы грядущего ее переиздания в расширенном варианте.

С. К. Шамбинаго выступает в публикации из фондов Отдела рукописей ИРЛИ как интерпретатор русских былин «московского периода», посвященных борьбе против ордынской экспансии. Статья обязывает сделать конкретные уточнения к оценке методологии ученого как последователя О. Ф. Миллера и обогащает литературу по русскому патриотическому эпосу.

Высокий уровень провинциального отечественного краеведения 1920-х годов, его программная устремленность к охва-

ту полноты картины народного бытия отчетливо прорисовывается в публикациях вологодских материалов М. И. Романова и пермских — Е. Н. Косвинцева. До сокрушительного года «великого перелома» краевед — активная фигура в русской культуре. Ему наука обязана многими позднейшими обретениями, и тем важнее вывести из забвения народнопоэтические накопления доколхозного периода.

Публикация Ю. И. Марченко возрождает одну из страниц масштабной деятельности выдающегося русского этномузыковеда Ф. А. Рубцова. Органическое чувство стилистики народной традиционной песни и проникновение в ее генезис у Ф. А. Рубцова вырабатывались на фундаментальных контактах с региональной культурой. Великолепен по составу сборник «Песни Смоленской области», который представлен в публикации: его хочется цитировать и филологу, и музыканту. Исполнено обаяния слово музыковеда-классика, отличавшееся точностью и выразительной силой.

Актуальный фактографический очерк Л. И. Петровой почти физически ощутимо передает силовое идеологическое давление партийной государственности 1930-х годов на академическую фольклористику.

Во втором разделе книги читатель найдет неопубликованные песенные записи и записи обрядов, принадлежащие перу К. Д. Кавелина и доносящие дыхание эпохи П. В. Киреевского, его собрания народных песен.

Редкостные напевы сохранили фиксации кулойской эпики, извлеченные ныне А. Ю. Кастровым из архива малоизвестной Северной экспедиции 1921 г., переведенные с восковых валиков в нотографику.

Северорусский (собственно мезенский) свадебный обряд в записях известного деятеля хоровой культуры Архангельщины М. Н. Мякушина тщательно подготовлен к изданию и прокомментирован Е. И. Якубовской.

А. А. Бурькиным обнародуются первостепенного интереса музыкальные записи фольклора малых народностей Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока. Для этой линии собирательства показательны, что русская фольклорная наука никогда не замыкается в рамки сомнительного национального самоограничения.

РАЗДЕЛ I. ФОЛЬКЛОРИСТИКА. ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ. СТАТЬИ

ПИСЬМА А. А. КОТЛЯРЕВСКОГО К А. Н. ПЫПИНУ

Публикация З. И. Власовой

Постоянное внимание к положению народа, забота об его интересах и стремление служить ему было одним из главных жизненных принципов лучших представителей русской интеллигенции, к числу которых относятся А. А. Котляревский и А. Н. Пыпин.

Переписка Котляревского и Пыпина заключает в себе черты их эпохи, отголоски тех научных и общественных интересов, которые определяли их интенсивную историко-литературную деятельность, и сохраняет живые черты характера каждого из корреспондентов. Поэтому при публикации писем Котляревского цитируются в отрывках и некоторые письма А. Н. Пыпина.

Они были почти ровесниками (Пыпин на 4 года старше) и оба формировались в обстановке нарастающей общественной активности, характерной для второй половины XIX в., что не могло не отразиться на выборе ими своего профессионального поприща, на их позиции в науке. «На него повлияло то нравственное содержание событий, которое выдвигало в общественном сознании и в самых учреждениях народ и народную жизнь, а в них и была рано намеченная цель всех его изучений сначала в университетской школе, а затем и в собственных самостоятельных трудах», — писал о Котляревском Пыпин. Эти слова можно отнести и к нему самому.

О Котляревском обычно упоминают только как о выдающемся слаviste и представителе мифологической школы, забывая о его активной общественной позиции в конце 1850-х— начале 1860-х годов, которая привела его к сближению с Н. Г. Чернышевским, аресту и заключению в Петропавловской крепости, где он получил болезнь легких, сократившую его жизнь. Большим влиянием в студенческой и прогрессивной среде русского общества пользовались его статьи, призывавшие к общественной активности, указывавшие на рутину в науке, литературных взглядах, педагогике, на общественное равнодушие и опасные реакционные заявления некоторых ученых.

Александр Александрович Котляревский (1837—1881) принадлежал к поколению, лучшие представители которого продолжали демократизацию основ русской филологической науки в 1860-е годы. Воспитанник Московского университета, ученик О. М. Бодянского, Ф. И. Буслаева, Т. Н. Грановского, он увлекался филологическими разысканиями со студенческих лет и уже со второго курса начал публиковать в газетах и журналах свои рецензии, заметки, статьи. Некоторое сходство наблюдается в первых шагах научной деятельности Котляревского и Пыпина. Если первым литературным трудом Пыпина было составление словаря к Новгородской летописи — вклад в работу над словарем древнерусского языка, предпринятую И. И. Срезневским, — в которой участвовали его ученики, то одной из первых печатных рецензий Котляревского был отзыв на труд П. А. Лавровского «О летописи Якимовской».¹

В студенческие годы Котляревский, как известно, увлекался социалистическими учениями и был одним из постоянных участников известного кружка «вертепников». Его имя встречается в полицейских донесениях с 1858 г., внесено в «Список подозрительных лиц в Москве» генерал-губернатора А. А. Закревского (1859).² В студенческие годы установились дружеские связи Котляревского с П. С. Ефименко, П. Н. Рыбниковым, А. А. Козловым, И. Г. Прыжовым, М. Я. Свириденко и другими активными участниками социалистических кружков. В то же время, по воспоминаниям Алексея Веселовского, «в его скромной студенческой комнате на самой вышке одного из старых домов Арбатской площади понемногу скоплялась редкая для студента библиотека, главное его сокровище, и вызывала к нему какое-то особое, почти пугливое уважение».³

После окончания университета Котляревский служил сначала репетитором, затем преподавателем в Московском Александринском сиротском кадетском корпусе, где начинали службу такие известные позднее ученые, как К. Н. Бестужев, С. А. Ешевский, Н. А. Попов, Н. С. Тихонравов, и приобрел вскоре репутацию одного из талантливых педагогов Москвы. Демократизм взглядов, уважительное отношение к личности учащегося, содержательные лекции, высокая требовательность, доброжелательный, открытый и веселый характер привлекали к нему учащихся. Он приглашал их к себе, позволял пользоваться его личной библиотекой, учил самостоятельно мыслить и работать.

Имя Котляревского часто появлялось в печати. За три послеуниверситетских года он опубликовал около тридцати статей. В этот период возникли интересные знакомства: со знаменитым впоследствии революционером П. Л. Лавровым, известным тогда только в качестве одного из лучших преподавателей математики, на квартире А. Н. Плещеева — с Н. Г. Чернышевским. Выдающаяся роль Чернышевского в общественном революционно-демократическом движении России 1860-х годов не может быть стерта из истории и памяти потомков. В конце июня 1861 г. Чернышевский был озабочен трудоустройством В. Д. Костомарова, сыгравшего роковую роль в его жизни; Чернышевского он предал и оболгал на допросе после ареста. Второго июля 1861 г. ему-то и писал Чернышевский: «...я все возвращаюсь к мысли об уроках в одном из корпусов. У меня теперь там, кроме Котляревского, есть еще добрый знако-

мый Свириденко, человек вполне порядочный, подобно Котляревскому <...> люди они очень хорошие. Мне бы хотелось познакомить Вас с ними, конечно, в том случае, если бы вы думали похлопотать при их содействии об уроках в одном из корпусов».⁴

Знакомство Чернышевского с Котляревским было, видимо, достаточно длительным и надежным, чтобы можно было обратиться с просьбой. Правда, арестованный через год, он на допросе отозвался о Котляревском и Свириденко как людях, ему мало знакомых. Он не хотел привлекать к ним внимание Следственной комиссии. Позднее в письме, написанном из Виллойска через два года после смерти Котляревского, Чернышевский упомянул, что Котляревский, бывая в Петербурге, навещал и его с женой. Уверяя Ольгу Сократовну, что она была интересной собеседницей для его друзей, Чернышевский напомнил ей и о Котляревском: «А другой <один> из немногих, пользовавшихся моим уважением (курсив мой. — З. В.) и радушным приемом ученых. — Котляревский, подобно Пекарскому, слишком рано умерший и унесший с собою в могилу еще более гжучую силу ума и учености, чем Пекарский, — этот дерптский и впоследствии киевский профессор, о кончине которого скорбела не русская только, но и вся европейская ученая публика, — он, когда живал в Петербурге, неотступно сидел подле тебя или нет? Кажется, неотступно, моя милая голубочка».⁵ Комментаторы писем отнесли это высказывание к сыну Котляревского Нестору, который родился в 1863 г. и никак не мог беседовать с Ольгой Сократовной до ареста ее мужа, совершенного 7 июля 1862 г. Из приведенного отзыва ясно, что, находясь на каторге, а затем в ссылке, Чернышевский не переставал интересоваться судьбой Котляревского и следил, насколько это было возможно в положении ссылного, за его ученой карьерой.

Котляревский был взят полицией через неделю после ареста Чернышевского и находился в Петербурге, куда приехал для работы в библиотеке и для встреч с друзьями. Он, несомненно, своевременно узнал о внезапном аресте Чернышевского, обнаружил за собой слежку и поостерегся везти книги из Петербурга, которые ждали в Москве. Он был арестован 15 июля в Клину. При обыске у него были обнаружены три книги лондонского издания. Сначала его освободили, установив секретный надзор, но через неделю арестовали снова и увезли в Петербург. Обвиненный «в сношениях с лондонскими пропагандистами», он был заключен в Алексеевский равелин, в «покой № 13». Рядом с ним в номере 12 был Андрей Нечипоренко, а в номере 11 — Чернышевский.⁶ Его освободили «за отсутствием улик», уволили со службы без права преподавать. Он вышел больной, с горловыми кровотечениями и кашлем и в течение семи лет находился под секретным надзором полиции. В этот период друзья поддерживали его, как могли, и в их числе, как видно из переписки, Пыпин.

На следствии Котляревский категорически отвергал политические обвинения. Он не мог опровергнуть факт своей встречи с В. И. Кельсиевым, связь с которым была одним из главных пунктов обвинения. Он подчеркивал, что его интересы имеют чисто библиографический характер, в кругу этих интересов есть и литература раскольников, о которой шел разговор с Кельсиевым. В крепости им была написа-

ла статья «На память будущим библиографам».⁷ О самообладании Котляревского свидетельствует и письмо его, написанное из крепости К. Н. Бестужева-Рюмину и озаглавленное «Библиографическое послание». По упоминанию 8-го номера «Отечественных записок» 1862 г., можно полагать, что написанное в сентябре или октябре (заключенным разрешалось ограниченное пользование книгами и переписка), оно хранилось в архиве К. Н. Бестужева-Рюмина и заслуживает быть процитированным полностью:

«Сейчас прочел я, дорогой Константин Николаевич, конечно Вашу библиографическую заметку (опубликована без подписи. — З. В.) в 8-м номере „Отечественных записок“ 1862 г. (отдел русской литературы, с. 260—265) о первом выпуске лекций по русской истории Костомарова и спешу, что называется, душу отвести, то есть не всю душу, а библиографическую часть ее, которая более трех месяцев дремала праведным, но не безмятежным сном. На с. 261 Вы говорите: „Специальных сочинений о летописях мы знаем три: Иванова, Поленова и Перевошикова В. М., но они касаются более внешнего вида, чем внутреннего значения летописи; характер их почти исключительно палеографический“. *По неисповедимым судьбам промысла в настоящую минуту со мной нет никаких книг, сколько-нибудь сюда относящихся* (курсив мой. — З. В.), но если не обманывает меня память, то Ваши слова подлежат некоторому изменению: во-первых, ни одно из этих сочинений не имеет характера палеографического. „Обозрение русских летописей“ Поленова, напечатанное сначала в Журнале Мин<истерства> нар<одного> пр<освещения> в 1849 г. и потом отдельно в 1850, есть не иное что как обозрение изданий русских летописей, начиная с изданий „Степенной книги“ и Таубертского „Воскресенского летописца“ и оканчивая „Полным собранием русских летописей Археографической экспедиции“ или комиссии.⁸ В этом обозрении буквально нет ничего палеографического. То же должно сказать и о сочинении Перевошикова „О русских летописях и летописателях до 12...“ — не помню которого года.⁹ Это рассуждение о первоначальном виде Несторовой летописи и ее продолжателях. Каким изданием пользовались Вы: отдельным ли (1839) или помещенным в „Трудах Российской Академии“ 1840 г.? В последнем оно пополнено и несколько переделано. Равным образом, и сочинений Иванова имеются два: первое — „О русских хронографах“ (Казань, 1842), где почти нет ни слова о хронографах, ни о летописях, и второе — „Обозрение русских временников“ (Казань, 1843) — простой и сухой каталог нескольких летописных сборников разных библиотек — без всякого ученого значения.¹⁰ Здесь хотя и определяются некоторые палеографические признаки рукописей, но по большей части — неверно!

Во-вторых, Ваше число — три сочинения — нужно пополнить еще несколькими, которые важнее всех этих трех, таковы: „О новгородских летописях“ — исследование Срезневского в третьем (ni fall-ov!)* томе „Известий Академии Наук по О<тделению> р<усского> я<зыка> и с<ловесности>“; „О русских летописях в церковно-исто-

* Ni fallov ! (греч.) — Не падать!

рическом отношении“ — очень и очень недурной ряд статей (три или четыре) в „Православном собеседнике“ Казанской духовной академии 1859(60?), года. По моему мнению, это лучшее, что было писано по предмету внутреннего значения летописей.

Извините, дорогой Константин Николаевич, мою библиографическую прыть: ей долго не было никакого выхода — так и не выдержал, и, что Вы думаете, право, на душе стало легче. До свидания, быть может, скоро увидимся.

Преданный Вам душевно
Котляревский.

Да, забыл было: за что же Вы обидели Клеванова, а ведь как он старался уяснить „значение русской летописи в духовном развитии народа“ (Чтения, 1848, последняя книга)!¹¹ Читаю сочинение барона Шеппинга „Русская народность“ — руки так и зудят написать статью „У всякого барона свои фантазии“.¹²

„Библиографическое послание“ и статья „На память будущим библиографам“ — косвенное свидетельство того способа защиты, который избрал обвиняемый.

Из крепости он писал редактору „Филологических записок“ А. А. Хованскому: „Меня постигло великое несчастье, перевернувшее вконец всю мою жизнь. Под гнетом этого несчастья я нахожусь еще и теперь, по истечении трех месяцев. Когда я вздохну свободно — не знаю“.¹³

Лишенный права служить по ведомству народного просвещения, Котляревский около шести лет жил частными уроками, но с прежним энтузиазмом занимался научными изысканиями и литературно-критической деятельностью. В первый же год после освобождения он опубликовал более десяти статей под псевдонимом «Н. Челышевский» (Челыши — название дома в Москве, где сдавались меблированные комнаты для студентов), возможно, выбранным не случайно: созвучие фамилий могло напомнить о заключенном Чернышевском. В этот же период он стал секретарем Московского археологического общества, образовавшегося из кружка, активным участником которого был Котляревский. Председатель Общества граф А. С. Уваров поручил ему также редактировать ученые труды Общества, к участию в них Котляревский привлек А. Н. Афанасьева, также лишенного права служить в государственных учреждениях за предполагаемые, но не доказанные «сношения с лондонскими пропагандистами», хлопотал и об П. С. Ефименко, сосланном в Архангельскую губернию. К участию в «Трудах Археологического общества» и в «Археологическом вестнике» он пригласил участвовать всех своих друзей, в их числе А. Н. Пыпина.

Александр Николаевич Пыпин (1833—1904) — известный филолог, славист, историк литературы и фольклора, с 1898 г. — академик, приходился двоюродным братом Чернышевскому, авторитет которого был для него недостижимо высок. После его ареста Пыпин снабжал его в крепости книгами и бумагой, заботился обо всем необходимом и хлопотал о публикации написанных в камере крепости трудов. Знакомый с

Котляревским задолго до ареста, Пыпин несомненно знал обстоятельства, сблизившие его с Чернышевским, но умолчал об этом в биографии, написанной после смерти Котляревского, и в письмах к нему. Лишь в некрологе, упоминающая о большом в обществе успехе статьи покойного «Старина и народность за 1861 год», он вскользь заметил: «...около этой поры мы лично узнали Котляревского, свежего, талантливового, богатого силами, окончательно выбравшего себе ученую дорогу (возможна была другая, влекущая достаточно сильно? — З. В.). Предстояла много обещающая деятельность, но, к несчастью, над ним стряслась беда, которая тяжело отразилась на его дальнейшей жизни».¹⁴

Сдержанность Пыпина в данном случае вполне объяснима. Друзья и ученики Котляревского заботливо утверждали за ним репутацию благонамеренного ученого, чтобы помочь ему восстановить право на преподавание и освободиться от секретного полицейского надзора. Посчитал ли Пыпин несвоевременным упоминать о дружеской близости с Чернышевским уже после смерти Котляревского, в условиях наступившей реакции 1880—1890-х годов — трудно сказать. Как биограф Пыпин рассказал гораздо меньше, чем знал. В публикуемой далее переписке есть лишь одна обмолвка о Чернышевском в письме от 1 марта 1874 г. и лаконичный ответ на нее Пыпина (см. прим. 26).

Защитив магистерскую диссертацию в С.-Петербургском университете, Котляревский получил место экстраординарного профессора в Дерптском университете. Прибалтийский климат губительно отразился на его здоровье. Проведя в Дерпте четыре года, он получил возможность ехать на лечение в Италию, где провел год, и еще год в Праге, где установил широкие и разнообразные контакты с чешскими учеными и некоторыми славистами Европы. В Праге он закончил докторскую диссертацию о древностях юридического быта балтийских славян (Прага, 1874), которую защитил 2 декабря 1874 г. в С.-Петербургском университете. Приглашенный в Киевский университет в качестве слависта, он вскоре был избран президентом Исторического общества Нестора-летописца и вел большую научно-общественную работу: член-корреспондент С.-Петербургской Академии наук и чешского Общества наук, действительный член Общества истории и древностей российских при Московском университете, член Киевского Юридического общества и др. В 1881 г. Котляревский скончался в Пизе (Италия) в возрасте 44 лет.

Публикуемые ниже 13 писем Котляревского Пыпину хранятся в Российской национальной библиотеке в фонде А. Н. Пыпина. Три письма были опубликованы в сборнике «Из переписки деятелей Академии наук» (Л., 1925), ставшем ныне библиографической редкостью.

1

<1867, Москва>.

И я поздно отвечаю на Вашу записку, дорогой Александр Николаевич, и виною тому моя забывчивость: затерялся где-то Ваш адрес, а вспомнить не вспомню. На днях только один из общих знакомых сообщил мне его, и я спешу исправиться.

Благодарю Вас душевно и за добрую память обо мне, и за Эрмия;¹⁵ Вас, я считаю, что статья уже находится у меня; в дело она пойдет с 15-го мая; между тем, получили ли Вы первый номер «Археологического вестника», мною издаваемого?¹⁶ Если нет, то спросите Н. Н. Трапезникова, к нему отправлен Ваш экземпляр уже около двух недель, второй номер оканчивается печатанием, и Вы получите его оттуда же около 5 мая.

Подивитесь Вы и покачаете головой, взглянув, какими материями я там занимаюсь; я и сам немало изумляюсь своему археологическому запою¹⁷, а делать пока более нечего; все же — согласитесь сами — лучше, чем упражняться в российской науке в духе Вашего приятеля Ламанского¹⁸ и тому подобной честной братии. Журнал издаю я сам — один, на средства, мною выдуманные, а потому и ни перед кем и не состою в ответе. Общество дало мне именное право да дает статьи, доставляемые в него. Не оставьте, кормилец, Вашими щедротами, коли будет какая статья, рецензия или просто какая-нибудь малая заметка.

Преданный Вам душевно

А. Котляревский

2

<1867, май, Москва>

Дорогой Александр Николаевич,

Напрасны Ваши беспокойства о статье: российские Шпекины интересуются занимательными письмами, а что для них почтенный Эрмий и Бронтология?¹⁹

Статью я получил благополучно, душевно благодарю Вас за нее, но исполнить Вашего желания относительно помещения во второй книжке «Вестника» не мог, потому что книга была уже вся набрана и почти вся отпечатана, т. е. оставалось отпечатать один лист мелочи, куда Ваша статья не шла. Отвожу ей теплое место в третьей книге, которая уже набирается и выйдет в конце июня м<еся>ца. Сегодня вышла в свет вторая книга «Вестника». Вы ее получите через почту за бандеролью. До сведения Вашего спешу довести, что я немного бесцеремонно распорядился Вашею Особою, т. е. 10 мая Вы единогласно были избраны в действительные члены Московского Археологического общества по седьмому параграфу Устава, т. е. без обязательства платить годовую повинность. Вы получите об этом, яко подобает, официальное извещение, а пока — простите, если это избрание Вам не по сердцу, мне же просто совестно было не сделать этого, так как ничем другим

я не мог поблагодарить Вас за статью, причем я имел в виду другое соображение: отसेле Вы будете получать даром все издания Общества даже и в том случае, когда я не стану более принимать в них никакого участия.

По душе приходится мне Ваша мысль о сборнике, обеими руками готов принять в нем самое деятельное участие (Матерьялу у меня много, но приняться за него не могу ранее сентября: диссертация камнем лежит на мне!), но думаю, что ему никак не следует иметь лишь популярное значение: публика может и должна обходиться пока без таких книг, а наука — не может, и ей-то многим книголюбам следовало б послужить, тем более, что она и они так бедны здравомыслием... Когда мечтаю о проектируемом сборнике, он представляется мне книгою серьезною, необходимою для каждого исследователя русской старины, долговечною, одним словом; он должен быть сборником занимательных и верных исследований по русской науке, а не учебником. Мне так опостыла роль учителя, так кажется она — пока — неблагоприятною и бесплодною, что я возненавидел все популяризации. Когда пишу что-нибудь, то веду беседу не с почтеннейшей публикой, а с Вами, с другим, с третьим из занимающихся людей; с ними хочу я делиться и мыслию, и трудом, им хочу служить, как, равным образом, от них хочу учиться. А публика — я равнодушен к ней более даже, чем к приезду «дорогих гостей», как здесь говорят, то есть славян.²⁰ Кстати о них. Жаль мне их от души, неужели проявления российской дури они примут за что-нибудь серьезное и возложат на нее свои надежды! Что это такое в самом деле: откуда вакханалия славянским пивом не по разуму, откуда вдруг явилось такое количество славянолюбцев, откуда это повальное преображение в Ламанских? Все это, конечно, делается искренно, но уж чересчур глупо, а для славян опасно: подуй иной ветер — и мы их в толчки... И это должно быть, поверьте мне. В Москве им готовятся такие же кутежи с такими <же> глупыми овациями, как у Вас, или еще хуже, потому что Москва имеет то высокое преимущество перед Петербургом, что в ней дураков менее, чем в Петербурге, зато все они отличного сорта, каких у вас нет, на выбор — одним словом, и гораздо более, чем ваши экземпляры, страдают хроническим умопомешательством, а они-то — коноводы славянской суматохи. Извините за брань: зло берет.

Простите пока, дорогой Александр Николаевич, в сентябре увидимся, надеюсь. Дружески жму Вашу руку

преданный Вам душевно
А. Котляревский

1 марта 1874

Драгоценнейший Александр Николаевич, здравствуйте!

В прошлом году я послал Вам с знакомым книжицу Шевырева и Рубини «Storia della letteratura russa». Получили Вы ее?²¹

Вот скоро два года, как я мыкаюсь по разным палестинам Европы: летом в Праге, зимою в Италии; промыкаюсь, кажется еще год, а потом пора и честь знать... Несмотря на все прелести сих стран, тянет меня на Русь...²²

Написал я книжицу «О юридическом быте славян балтийских»; если удастся летом напечатать в Праге, то осенью явлюсь в Петербург защищать ее на доктора и, конечно, сейчас же отведу душу сердечной беседой с Вами.²³

Самое важное мое занятие заключается в хождении на нечестивые сонмища книжников, т. е. на книжные аукционы, где иногда приходится добывать очень недурные вещи, разумеется, из старья. Новым — как в литературе, так и в науке — Италии похвалиться нечем. По истории народных средневековых суеверий я нашел здесь прекрасные книги и мало известные к тому же в немецко-французской Европе. Хотелось бы как-нибудь употребить все это в дело, но как? Я даже не знаю, где буду обитать по возвращении из Европы: из Дерптского университета я вышел в отставку и состою не у дел. Одно почти решено у меня: издавать (три книги в год) журнал по русско-славянской старине.²⁴ Я распространяюсь об этом затем, чтобы припомнить Вам, дорогой Александр Николаевич, Ваше обещание быть вкладчиком в мое будущее предприятие.

Что у Вас делается хорошего? Вот утешили бы, если бы дали весточку о себе хоть двумя-тремя строками.²⁵ Читал я что-то в газетах о манифесте. Отразится ли он на улучшении быта Н<иколая> Г<авриловича>?²⁶

Здесь живет Петровский, «пернон» (казанский наш ледник Григоровича) — чистейшая душа и прекрасный человек, да не моего поля ягода: славянофил, хотя в благороднейшем смысле слова.²⁷ Оттого, видясь каждый день, мы остаемся чужды друг другу. Не могу ли я чем быть полезен Вам, дорогой Александр Николаевич? Не нужно ли каких сведений, книг etc.? С первого мая я поселяюсь в Праге и был бы сердечно рад чем-нибудь услужить Вам. Если встретится что — опишите, адресуя на имя пана Патеры²⁸ и — будьте уверены — что исполню. Простите, дружески жму Вашу руку и прошу Вас верить в искреннейшую и неизменную мою преданность и уважение к Вам.

Ваш А. Котляревский

Roma Piazza Barbarini, № 95, I-piana

< Без даты >

Дорогой Александр Николаевич, прошу Вас дружески провести у меня вечер завтра (в субботу). Приходите, утешьте. Из людей, которых Вы не желали бы видеть, не будет никого. Будут только Костомаров и Кожанчиков.²⁹

Простите, дорогой мой.

Ваш А. Котляревский

< Без даты >

Дорогой Александр Николаевич,

Прошу Вас дружески: примите моего друга (и друга М. Я. Свириденко) Алексева Алексея Козлова, как подобает добрым знакомым и друзьям.³⁰

Ваш А. Котляревский

Киев, 14 апреля 1876.

Дорогой Александр Николаевич, здравствуйте!

Гневаетесь Вы, конечно, на меня за мешкотность в доставлении «Slovníka naučného»,³¹ но если бы Вы знали мои мытарства с квартирами и книгами, то, несомненно, переложили бы гнев на милость. Поверите — досель не устроился, а в июне нужно снова расстраиваться, то есть менять квартиру.

Вчера, однако, я отправил Вам пять томов Словника и приложил к нему четыре книги для А. Н. Веселовского (передайте — будьте добры). Цену Словнику узнаете из прилагаемой вырезки из чешского каталога: русский рубль во время покупки мною книг стоил один гульден пятьдесят три крейцера. Денег мне высылать не трудитесь. А вот об чем попрошу Вас: распорядитесь в конторе «Древней и новой России», чтобы мне выслали в университет прошлый год в английском светло-зеленом переплете и год текущий выслали бы.³² Это составит почти ровнехонько стоимость «Slovníka».

Račete, roztomilý příteli, odrustiti že tim vás obtěžuji, ale jnac to ne dá se udělati*... Лекции в этом семестре читал я преподло, потому

* Прошу прощения, любезный друг, что доставляю Вам эти хлопоты, но другого выхода не вижу...

что читал без книг, которые привел в порядок лишь перед самым заключением курса. Надеюсь поправиться в будущем семестре. Летом примусь за исполнение давнишней мечты — написать «историю изучения древнерусской литературы» z chronologický-bibliografickeno standpunkgta cile ohledy*...

Думаю, что может выйти полезная справочная книга.

Вот еще что, дорогой Александр Николаевич, в последний раз, когда я видел Вас, Вы дали мне отгиск Вашей первой статьи об изучении древнерусской литературы.³³ Статья мне понравилась, и я жажду продолжения. Пришлите мне, если есть у Вас — под бандеролью. Утешьте. Да уведомьте о Вашем точном адресе: благодаря незнанию его, я принужден был отправить книги в редакцию «Вестника Европы», хотя и на Ваше имя.

Здешний историко-филологический факультет разделяется на три категории: а) старцев обоего пола, б) юношей, подающих надежды, в) немногих рабочих людей. Слабый факультет и, что хуже всего, нет близкой надежды на обновление.

Найдите свободную минутку — напишите о себе. Что Костомаров и Скимен-зверь Ефремов?³⁴

Простите, дружески жму вашу десницу.

А. Котляревский

7

<1879> 12 декабря

Искренне уважаемый дорогой Александр Николаевич,
здравствуйте!

С некоторого времени я всем порядочным людям «желаю здравия» с полным уважением к этому слову, ибо сам утратил оное, кажется — безвозвратно: прошлую зиму от воспаления дыхательных органов чуть-чуть не погиб, а теперь — вкушаю последствия сего: одышку, слабость и расстройство организма. В таком положении естественно погружаюсь в самую злокачественную хандру, огорчая по временам существование и себе, и другим...

Впрочем, что же это я — пишу к Вам свой скорбный лист... Довольно сказать, что даже старая неизменная любовница моя, нарицаемая «библиофилия» представляется мне шлюхою... Но только по временам. А потом все-таки идешь к ней и кормишься не без приятства ее сиською. Так и теперь: в сентябре студенты пришли ко мне и просили прочесть курсы древнерусской литературы, потому что официальный «сих дел мастер» ока-

* С хронологически-библиографических позиций или обзора.

зывается импотентом. Вместо курса исторического я читаю из истории обработки истории древнерусской словесности.³⁵ Дело идет, и я сижу по уши во всякого рода цитатах, книгах, рассмотрении западного и восточного направления в сей науке и так далее. Пишу все весьма аккуратно и твердо намерен издать сии лекции, разумеется, в приличной и опрятной библиографической одежде.³⁶ А посему к Вам просьба: года два тому назад Вы прислали мне три Ваши статьи: а) о сравнительно-историческом изуч<ении> русской литературы, б) древний период русской литературы. 1. Племя и народ, в) древний период русской литературы. 2. Византия. Да сим и прекратили Вашу доброту, Прошу о продолжении ее до конца. В особенности нужна мне первая статья — средних веков русской литературы, помещенная в ноябре 1876 («Вестник Европы»).³⁷ Я нигде не могу отыскать ее здесь. Вот Палестина-то! Взамен сего пришлю Вам третий том сочинений Максимовича, содержащий труды его по лингвистике, истории русской словесности: они печатаются теперь под моей, как у Вас говорят, редакцией,³⁸ равным образом пришлю Вам во всяком случае любопытные историко-литературные упражнения Хруща над летописными сказаниями.³⁹ Он думает пустить сей труд как докторскую диссертацию. Да напишите что-нибудь о себе в добрую минутку — право!

Если не подохну в скором времени, то, само собою разумеется, отпечатаю Вам моей «Библиологической истории древнерусской письменности» экземпляр in 4° на чудовищной бумаге с чудовищными полями, словом, совсем не удобный для употребления...⁴⁰ Библиографическому старосте Ефремову будет такой же. Кстати передайте мой поклон сему мужу, коли он не злится. А когда он не злится?!

Прочел длиннейшую статью Тихонравова: разбор «ист<ории> лит<ературы>» Галахова. «Шава шьел» сего старца — просто даже совестно было читать (в Уваровском отчете помещена).⁴¹

Простите.

Искренно Вам преданный Ваш Котляревский

На углу Шулявской и Кузнечной, дом Горлова.

8

<1880>, 10 января

Дорогой и сердечноуважаемый Александр Николаевич!

На днях буду иметь удовольствие доставить Вам два новых плода моего «киевского уединения», а теперь распространяюсь о деле.

Вам, конечно, не менее моего известны литературные опыты и усилия Задерацкого по славянству.⁴² Летом этого года он скончался, оставив совсем лишенную всяких средств к бытию старуху-мать. Полагая, что труды сего покойного юноши, труды неутомимые и очень полезные, дают право его бедствующей матери на некоторое внимание со стороны «Общества пособия нуждающимся литераторам», позволяю себе просить Вас принять участие в сем деле. Честно, положив руку на сердце, говорю: дело сие такое, что не уважить его было бы вопиющею несправедливостью. Кто знает, что в Киеве значит заниматься науками и литературую в том смысле, как это делал Задерацкий, т. е. с самоотверженнейшим бескорыстием и всякого рода лишениями тот только правильно поймет и оценит его усилия, впрочем, и без сего достойные всякой хвалы и очень полезные. Примите, если можно, дружественное участие в сем деле или известите меня, как сделать...

Подательница сего письма, очень образованная девица Подвысоцкая стремящаяся неослабно вперед к «медицинскому неизвестному» на медицинских курсах в С.-Петербурге. Девица весьма достойная! Она хорошо знает положение старухи Задерацкой и может дополнить мои слова фактическими данными. Уделив ей несколько минут Вашего внимания, Вы прибавите новую гиричку к весу уважения к Вам, впрочем и без того уважающего Вас глубоко и искренно

Вашего Котляревского⁴³

Киев, 10 янв<аря>

9

<1880, январь>

Нарочито уважаемый Александр Николаевич, здравствуйте!

Дня через три-четыре отправлю Вам под заказной бандеролью увесистый третий том сочинений Максимова, изданный мною на счет Киев<ского> университета и обнимающий российское языкознание, историю словесности, «Слово о полку Игореве» и всякую старопечатщину. А в ноябре пришло издание (в числе 66 экземпляров первого тома — вступительный) моей «Библиологии русской народной поэзии».⁴⁴ Последняя украшена и некими «полюемическими красотоми» против готовящейся канонизации и открытия мощей «преподобных отец Алексия, Иоанна, Константина и Юрия в богоспасаемом граде Москве праведно подвизавшихся, т. е. Хомякова, Киреевского, Аксакова первого и Самарина. Знаете, моченьки не стало от дурачеств, производимых с их «памятью» и «учением».

Был летом в Полтаве, где племянник (=сын) Бодянского отдал мне дневник покойника с 1853 по 1857 год, разумеется, писанный не изо дня в день, а как «Бог на душу положит».⁴⁵ Всего будет листов 6—7 печатных. Есть много очень интересного, есть и неважное, но первенствует война и ее интересы. Хочу *dies inatibus*, снабдив примечаниями, напечатать.

Что поддельваете? Как живете? Вопросы не пустые на моем языке, ибо я живу так паскудно, что и вообразить невозможно: ноги отказываются ходить, легкие отказываются действовать... Погано.⁴⁶

Что второй том «Ист<ории> слав<янских> литер<атур>», когда наконец? Вопрошают меня о сем студенты, для коих сия книга служит учебником (разумеется, за вычетом беллетристики Спасовича⁴⁷) для приготовления на экзамен. Вот что, дорогой А<лександр> Н<иколаевич>: просьба! На днях читаю в «Российской библиографии» нижеследующий номер: *Пыпин А. Н. Старообрядческий синодик*. СПб., 1880. 18 страниц.⁴⁸ Почудился и возревновав добыть сию книжицу. Помогите мне в этом. Да нет ли еще оттисков? Вы давно забыли меня.

Просьба № 2. Не знаете ли Вы точного адреса Александра Николаевича Пыпина?⁴⁹ Знаете — сообщите, а к сему пристегните, где обитает рогатый зверь, П. А. Еремовым нарицаемый.⁵⁰ Давно также раззнакомился со мною; в библиографические боги сел, возгордился и превознесся...

За сим примите от меня, всегда того же — дружественное приветствие.

Ваш А. Котляревский

Киев. Угол Кузнечной и Шулявской, дом Горловой

10

1881, 15 февраля

Отменно мною почитаемый, дорогой Александр Николаевич!

Вчера отправил Вам две посылки под заказною бандеролью, но отправил по адресу книжного магазина Стасюлевича.⁵¹

Представляю Вам плоды своего библиографически-исторического рукоблудия (в продажу не пущены, напечатаны в числе 66 экземпляров). Ваш экземпляр редкостный, ибо по величине один из тридцати трех, и первое славянское упражнение своего (?) юнца Стороженка. Мои плоды да встретят от Вас всякого рода замечания, указания на пропуски, на недостатки и тому подобное, а трудец Стороженка да поощрится вами...⁵²

Теперь хочу печатать вторую часть сего «Введения», т. е. «Истории изучения русской народной поэзии». А там, если хватит сил — и далее... Написано около половины всего труда. «Если

хватит сил» пишу, — и сам над собой смеюсь: легкие плохо действуют, ходить не могу, застоялась кровь и фистулой изуродовано несчастное мое сидение; а еще пишу «если хватит сил»...

Истинно справедливое и хорошее дело сделаете, коли окажете заступничество в литературном Фонде за старуху Задерацкую.⁵³ Мне она — не сватья, не родня; я едва знаю ее, но глубокую нужду ее знаю, знаю и то, что она не захотела последовать совету друзей — продать славянскую библиотеку своего сына в Университет, а, согласно его воле, *подарила* ее в библиотеку Университета; знаю — но это и Вам хорошо известно — что Задерацкий имеет некоторое право на внимание со стороны посягающих нуждающимся литераторам и ученым.

Если, когда найдет на Вас добрая минутка и Вы захотите обрадовать мою малость несколькими строками — напишите мне, где будете летом; быть м<ожет>, я буду в Петербурге и, конечно, не желал бы не повидаться с Вами.⁵⁴ А за сим простите пока, дорогой мой.

Ваш, как всегда, А. Котляревский

1881, 15 февраля

11

<1881> 1 августа

Дорогой и отменно почитаемый Александр Николаевич!

Есть страна в немцах, Баварскою нарицаемая; в сей Баварии есть гнездо, Рейхенгаль рекомое... Оттуда пишу к Вашеству.

С третьей недели страстные седмицы напала на меня трясавица, дщерь Ирода-царя, Гнетей зовомая, и только теперь, не стерпев хинного действия и благорастворения воздухов, начинает мало-помалу бросать меня.⁵⁵ Хотя взамен малярии Рейхенгаль наградил меня частыми и грозными горлокровеизлияниями (слово, не вошедшее в Толковый словарь бестолкового Даля, потому что он не читал произведений покойного Щапова⁵⁶). Тяжко, на душе мрачно; но все же лучше, чем прежде, когда девица Гнетей сосала меня. Вы не узнали бы меня, когда увидели бы: и стар, и сед, только что не лыс... А между тем, подобно шелковичному червю, который до самой кончины тянет свою нитку, тяну, сколько сил хватает, и я ее; подписываю всю первую часть своей «Энциклопедии славяноведения» (лекции студентам), имеющую объять «обозрение предмета, метода и литературы наук вспомогательных». Не знаю, удастся ли кончить, а не кончу — сын окончит, который теперь поступает в Московский университет⁵⁷ (в Киевский нельзя: достаточно, что там профессорствует такой сопляк-пошляк как «M-r Loutschisky»⁵⁸, чтобы бежать оттуда без оглядки) и, разумеется, будет филологом.

Имею намерение, если не отправлюсь *ad patres** пробыть за границей целый год. А не захочет мое «начальство»: мою просьбу уважить — уйду в отставку вчистую... «Состояние не у дел» улыбается мне, ибо какие дела делаются у нас теперь... Боже мой, коли б Вы знали, что такое наши университеты теперь. Расскажу Вам новейший факт, случившийся почти что со мною. Предложил я в доценты по истории русского языка известного Житецкого.⁵⁹ Возражали, но не против научной уместности, годности, достоинств и т. д. Житецкого, а против чего-то иного, очень ясно сквозившего из-за шумихи слов, но прямо не высказываемого никем, кроме Ренненкампа.⁶⁰ Этот с откровенностью и наглостью банкирского вора объявил, что он считает Житецкого политически вредным человеком, в особенности для Южной Руси, а потому войдет о сем с особым мнением. Тщетно я возражал, что сие особое мнение относится и принадлежит к *совсем иному учреждению* чем Совет университета — по лицам я видел, что сим довольны многие и очень многие...

Что Вы, дорогой Александр Николаевич, что Ваша «русская часть» «Истории славянских литератур»?⁶¹ Жалею очень, что не могу поспеть со своею «Библиологией».⁶² Готовы: история народной поэзии, священное писан<ие>, книги богослужебные, писания греческих и славянских отцов церкви, Палеи и апокрифы, хронографы. Остальное — матерьялы. Но и готовое застряло за моей болезнью.

Что это, впрочем, я занимаю Вас своего особою... Простите по старому знакомству. Теперь вопрос или просьба: Вы написали мне, что Общество пособия литераторам не разорится, прибавив несколько рублей в год старухе Задерацкой. Нельзя ли сделать сие и прибавить ей рублей сорок в год, чтобы выходило 20 в м<е-ся>ц, тем более, что здесь действительно нужда и пособлять придется недолго... Мне ли написать куда или Вы сами можете сказать где следует, только как бы устроить это.⁶³ Да кстати — как и куда дать знать, что за моим отсутствием из Киева деньги пансионные старухе могут быть высланы на имя Ригельмана, председателя Славянского общества в Киеве, или на имя Онисима Ивановича Лясецкого, директора второй гимназии.

Простите, дорогой Александр Николаевич! От души желаю увидеться еще с Вами, а не увидимся — то ни я в тогобочной, ни Вы в сегобочной жизни не помянем друг друга лихом.

Ваш А. Котляровский

Bavaria. Reichenhall, Maximalants Bad. 1 aug<usta> бусурманского стиля.

* *Ad patres* (лат.) — к праотцам.

<1881, сентябрь>

Многоуважаемый, дорогой Александр Николаевич!

Излишне было с Вашей стороны и спрашивать, желаю ли я ознакомиться с Вашей работой; не токмо желаю, но жажду; тем более, что предмет-то мне несколько близок, да и томлюсь духовной жаждою вообще. Только с высылкой (под бандеролью, конечно) повремените, ибо через несколько дней начинаю кочевую жизнь на юге и где остановлюсь на зимнюю стоянку — еще и не знаю...

Судя по заглавию, прочтенному мною в объявлении о восьмой кн<иге> «В<естника> Е<вропы>» в Journal de S.-Petersb<ург>, предмет Вашей работы тот же, что и одной главы в моей книге, главы, написанной, но не пущенной в свет (nonnum pictabut in annum!*), т. е. отдела об изучении русской народной поэзии, представлен<ной> лишь в виде очерка листа два-полтора печатных. У Вас все дело, конечно, в обстоятельности изложения содержания. Искренно, от души рад Вашему труду, заранее уверенный, что найду в нем и для своего труда (если только за немощью или прекращением бытия не оставлю его непечатной сироткой), много полезного.

Здоровье мое поправляется туго; правда, молитвами к Сисинию-патриарху прогнал я нечестивую Гнетюю, но для изгнания удушья — особого святого не полагается; да и эскулапы глаголют, что от добра сего я николи же избавлен буду. Невзрачная перспектива! Вернулся бы на Русь, да боюсь попасть в герои или жертвы «Смутного времени». Нет никакой охоты приниматься за устройство хотя бы своей частной жизни, когда нет веры (и откуда ей быть!) в прочность и права сей жизни.

В часы, свободные от перхоты, кашля и всяких других прелестей, читаю прелестную книгу: J. Grimm. Kleinere Schriften.⁶⁴ Для истории изучения народной поэзии сущий клад, многое свежо и доселе. В деле Задерацкой — поступлю по Вашим указаниям. Простите, дорогой Александр Николаевич. Не забывайте.

Ваш Котляревский

Пиза, 1881, октября 8

Вот теперь попрошу я Вас, нарочито и незаблемо мною уважаемый Александр Николаевич, о присылке Ваших статей!¹⁶⁵

В Пизе, коли ничего особого не случится, думаю провести зиму...

* Nonnum pictabut in annum! (лат.) — Изображено году в девятом.

Последний раз писал я к Вам из Рейхенгаллия; вскоре затем пустился <на> долгих в странствие на юг: в каждом месте, при каждой остановке приносил обильные жертвы вавилонской блуднице, дочери Ирода-царя, трясавице Гнетее, так что пока добрался до Пизы — от меня осталась одна тень моя. Что будет далее — не ведаю. С эскулапами решил прекратить всякие сношения, ибо они такие же промышленные мошенники, как и попы. Различие только в названиях их промышленных банков и в солидности фирм: у одних непрочный «банк телесного здоровья», у других — старый солидный торговый дом Иисуса и К^о.

Что делается в любезном отечестве — совершенно мне неизвестно; мимоходом где-то читал, что армянин, «лобзавший некогда сию невинную деву», снова прорывается к этой работе. В добрый час!⁶⁶

Рассказывали мне, что года два тому назад в Тифлисе судили армян за скотоложество. Обвинявший спросил: «Чье было поле, на котором паслись подвергшиеся насилию телята?». Ответ: «Поле наше, телята наши. Хотым — едим, хотим — е...». Так и здесь: «Россия наша, хотым — едим, хотым — е...».

Если когда-нибудь придет Вам охота написать мне пару слов, — напишите, что есть и <чем> обещает быть заграничный варшавский «Вестник».⁶⁷ Хотелось бы, если сил хватит, помочь прежнему другу, во всяком случае честнейшему из российских журналистов. А пока простите, дорогой Александр Николаевич. Сегодня целый день лежу: лихорадка, хинин и широко сокрушают мою бrenную плоть.

Душевно преданный Вам А. Котляревский

Адрес в Пизу так: Piazza St. Niccola № 11, ab. I, piano

¹ Северная пчела. 1856. № 49.

² Клевенский М. Вертепники // Каторга и ссылка. 1928. Кн. 47. С. 20.

³ Веселовский Алексей. Воспоминания об А. А. Котляревском. Киев, 1888. С. 2.

⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Письма. Т. XIV. М., 1949. С. 40.

⁵ Там же. Письма. Т. XV. М., 1950. С. 38.

⁶ Возвращавшийся из Лондона с письмами Герцена, Бакунина, Огарева и Кельсиева П. А. Ветошников был арестован на границе. Он привез письмо В. И. Кельсиева сослуживцу Котляревского Н. Ф. Петровскому, у которого при обыске нашли письмо с сообщением, что Котляревский из Петербурга привезет в Москву «массу книг». За Котляревским установили слежку. Из рассказов жены его Екатерины Семеновны известно, что один из агентов сел вместе с ним в вагон и ехал в одном купе, усиленно вызывая подозреваемого на разговор, но тот не отвечал, сославшись на зубную боль (Русская старина. 1893. Т. 78. С. 18—620).

⁷ Отечественные записки. 1862. № 11. Отдел III.

⁸ Иванов Николай Алексеевич (1811—1869) — историк, профессор русской и всеобщей истории Казанского университета в 1840—1850 гг. С 1856 г. пре-

подавал в Дерпте, где за год до смерти познакомился с Котляревским, который ценил даровитого ученого и позднее посвятил ему некролог; *Поленов Дмитрий Васильевич* (1806—1878) — историк и библиограф. Речь идет о книге «Библиографическое обозрение русских летописей» (СПб., 1850); *Перевощиков Василий Матвеевич* (1785—1851) — историк, писатель, профессор Казанского и Дерптского университетов, директор Дерптского профессорского института.

⁹ Речь идет о работе В. М. Перевощикова «О русских летописях и летописателях по 1240 год. Материалы для истории словесности» (СПб., 1836).

¹⁰ Неточно названы следующие работы Иванова: «Общее понятие о хронографах и описание некоторых списков их» (Казань, 1843); «Краткий обзор русских временников, находящихся в Москве и С.-Петербурге» (Казань, 1843), где дана история развития русской исторической науки до 1843 г. с меткой оценкой отдельных ее явлений.

¹¹ Имеется в виду статья А. Клеванова «О значении русской летописи в духовном развитии народа» // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1848. Кн. 1.

¹² *Шеппинг Дмитрий Осипович* — автор многих работ по мифологии и этнографии, которые нередко критиковались за поверхностность наблюдений, необоснованность выводов, непонимание произведений фольклора. Критически к трудам Шеппинга относились ученые противоположных направлений: и славянофилы (К. С. Аксаков) и западники (А. Н. Афанасьев, О. Ф. Миллер).

¹³ Письма А. А. Котляревского к А. А. Хованскому хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Р. I. Оп. 12, № 123.

¹⁴ Вестник Европы. 1881. Т. VI, № 11. С. 428—431. Письмо 1. Впервые: Из переписки деятелей Академии наук. Л., 1925. С. 87.

¹⁵ Эрмий — одно из названий Гермеса.

¹⁶ Полное название: «Древности. Археологический вестник», выходил в 1867—1868 гг. под редакцией Котляревского.

¹⁷ В письмах от 21 апреля и 12 мая 1867 г. Пыпин поддерживал замысел сборника статей по русской старине. В связи с переездом Котляревского в Дерпт задуманный было сборник не состоялся. В течение 1867 г. в «Археологическом вестнике» публиковались статьи и рецензии Котляревского.

¹⁸ *Ламанский Владимир Иванович* (1833—1914) — историк и славист. Его труды «О славянах в Малой Азии, в Африке и Испании» (СПб., 1859) и «Об изучении греко-славянского мира в Европе» вызывали в революционно-демократическом лагере ироническое отношение. Котляревский считал неудачной научную аргументацию Ламанского и не одобрял его поддержку идей панславизма. Более подробно выражено отношение Котляревского к проблемам славянства в связи с подготовкой Археологического съезда в Москве в письме втором.

¹⁹ Письмо 2. Впервые: Из истории русской фольклористики. Вып. 3. Л., 1990. С. 83—84. Шпекин — фамилия почтмейстера из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». Эрмий и Бронтология — условные названия статей Пыпина, опубликованных под общим названием «Заметки по литературной археологии: 1. Бронтология и археологические предвещения. 2. Гермес Трисмегист». Бронтологиями назывались «предвещательные» книги с предсказаниями по грому — «громовники» и молнии «молнияники». Трисмегист — древнеегипетское мифологическое существо с именем древнегреческого бога Гермеса.

²⁰ Специальных исследований о позднем славянофильстве выявить не удалось. В письмах 1870-х годов Котляревский осуждал тенденции национализма и панславизма в научных исследованиях. Пыпин посвятил этой проблеме небольшую главу в своей книге «Панславизм в прошлом и настоящем» (СПб., 1878). Проблема панславизма неоднократно рассматривалась в евро-

пейской фольклористике (см. библиографию в работе: *Волков В. К.* К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969. Вопрос о поздних славянофилах касается Б. Ф. Егоров в статье «О национализме и панславизме славянофилов» (Славянофильство и современность: Сб. статей. СПб., 1994. С. 23—32).

²¹ «История русской литературы» на итальянском языке была составлена С. П. Шевыревым (М., 1862). Рубини преподавал итальянский язык и литературу в Московском университете в 1827—1856 гг.

²² Котляревский получил разрешение на заграничную командировку в 1872 г. сроком на один год. В конце 1873 г. он послал просьбу об отставке, но через месяц был причислен к Министерству народного просвещения, что давало ему право продолжать профессорскую деятельность после возвращения из-за границы.

²³ Речь идет о книге «Древности юридического быта славян балтийских. Опыт сравнительного изучения славянского права» (Прага, 1874). Котляревский защитил ее в качестве докторской диссертации 17 ноября 1874 г. и был утвержден в степени доктора славянской филологии 2 декабря того же года.

²⁴ Пыпин отвечал: «Ваши замыслы меня очень радуют, и я думаю, что это была бы вещь полезная: и путная <...> Литература в том же положении, как и лет 20—25 тому назад, и потому, — между прочим, как тогда, — самое время для „Старины и народности“, для „Архивов“ и для Вашего издания» (март 1874).

²⁵ Пыпин сообщал: «Кое-какие работы предпринимаются очень интересные. Для начала назову предприятие Ровинского: издать тексты и некоторые рисунки лубочных картин. Он после Пасхи приступает к печати. Николай Саввич <Тихонравов> объявил об издании своих произведений. Их все еще нет („Русские драматические произведения 1672—1725“). СПб., 1874, в двух томах). Забелин издает в двух—трех томах бытовую, если хотите — культурную историю русского народа с рисунками и т. д. — заказ его мецената. Костомаров печатает „Русскую историю в жизнеописаниях главнейших деятелей“, теперь идет 4-й выпуск, где речь идет уже об Алексее Михайловиче. А. Н. Веселовский читает хорошие лекции о средневековой старине. Иловайский полагает, что разыскал Тмутараканскую Русь (Речь идет о главном труде Д. И. Иловайского „Разыскания о начале Руси“ (СПб., 1876)). Погодин с пеною у рта вопит против Костомарова, Иловайского, в последнее время и против меня и издает целую книгу своих полемических обличений и донесений». (Известная полемика с Погодиным Костомарова и других ученых продолжалась с 1860-х по 1870-е годы. В «Вестнике Европы» были напечатаны статьи Костомарова «Ответ на бранное послание г. Погодина» (О Скопине-Шуйском) — 1872. Т. 1, кн. 2; «Ответ на новые бранные послания г. Погодина» — 1874, Т. 1, кн. 1 и др. «Русские народные картинки» Д. А. Ровинского издавались с 1874 по 1881 г., вышли в пяти книгах с атласом в трех томах. «История русской жизни с древнейших времен» И. Е. Забелина вышла в двух томах: М., 1876—1879 у Костомарова Н. И. вышло шесть выпусков «Жизнеописания».)

²⁶ Т. е. Чернышевского. Пыпин отвечал: «Вы спрашиваете, возымеет ли манифест какое-нибудь действие на улучшение быта Н<иколая> Г<авриловича> — никакого». Как известно, Чернышевский после гражданской казни и двухлетнего заключения в Петропавловской крепости семь лет пробыл на каторге в Нерчинских рудниках, затем был переведен в Вилюйск, откуда освобожден в 1881 г.

²⁷ *Петровский Петр Петрович* (1833 — 1912) — филолог-славист, преподавал в Казанском университете после перешедшего в Новороссийский университет В. И. Григоровича.

²⁸ *Патера Адольф Осипович* — выдающийся чешский филолог 1870—1880-х годов, заведовал библиотекой Чешского музея в Праге, безукоризненно владел русским языком и оказывал всяческое содействие приезжавшим в Прагу русским ученым.

²⁹ Письмо 4. Точнее, записка, относится к ноябрю 1874 г., когда Котляревский готовился в Праге к защите докторской диссертации. *Кожанчиков Дмитрий Ефимович* (1821—1887) — известный петербургский книгопродавец и издатель. Магазин его на Невском проспекте напротив Публичной библиотеки служил местом постоянных встреч писателей.

³⁰ Письмо 5 — *Козлов Алексей Алексеевич* — член социалистических кружков Москвы, обладал, по словам А. Н. Веселовского, «базаровской смелостью до Базарова», подружился с Котляревским в кружке «вертепников», привлекался к следствию по процессу 32-х и позднее; учительствовал, служил агрономом, преподавал философию в Киевском университете и издал несколько работ по философии. *Севириенко Матвей Яковлевич* (умер в 1864 г.), член социалистических кружков Москвы конца 1850-х годов, ходил «в народ», преподавал одновременно с Котляревским в Александринском кадетском корпусе; переехав в Петербург, служил приказчиком в магазине Кожанчикова, сблизился с писателям революционно-демократического лагеря. Во время гражданской казни Чернышевского предложил публике снять шляпы в знак уважения к нему.

³¹ Имеется в виду *Slownik naučny. Red. L. Rieger. Díel I. S. 12. Praha, 1860—1890.*

³² Первая работа Пыпина по древнерусской литературе — его магистерская диссертация «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских» (СПб., 1857), где впервые рассмотрены повести «Девгениево деяние» и «Повесть о горе-злочастии». Возможно, имеется в виду другая его статья «Древний период русской литературы и образованности: Сравнительно-исторические очерки» (Вестник Европы. 1875. Ноябрь—декабрь; 1876. Июль).

³³ «Древняя и новая Россия» — ежемесячный исторический сборник, выходил в Петербурге в 1870—1879 гг. под ред. С. Н. Шубинского; с 1879 г. стал журналом и прекратился в 1881 г. на третьем номере.

³⁴ *Ефремов Петр Александрович* (1830—1908) — литературовед, библиограф, коллекционер, издатель сочинений классиков XVIII—XIX вв.

³⁵ Комментированная библиография по истории древнерусской литературы Котляревского была первой и единственной попыткой такого рода в истории изучения последней.

³⁶ Пыпин писал в ответ: «План Вами предпринимаемой работы мне очень нравится. Я сделал бы только два замечания: работа будет без сомнения любопытная, но жаль все-таки, что Вы сокровищницу Ваших знаний, сведений и „карточек“ употребите на труд в существе библиографический, а не на новое какое-либо исследование о вещах, которые разработаны мало и для которых Вы очень хорошо вооружены, например, по археологии, этнографии, а наипаче по мифологии. Во-вторых, если уж возьметесь за начатое, то не затягивайте работы в долгий ящик, провинция очень к этому располагает, особенно когда Вас к тому же расположит и Ваш собственный характер» (5 июня 1877 г.).

³⁷ Имеются в виду статьи Пыпина: «Средние века русской литературы и образованности. I. Общие черты среднего периода. Национальные перемены и состояние образования. II. Местные сказания и московское литературное объединение. III. Состояние народной поэзии» (Вестник Европы. Ноябрь. 1877. Февраль. Апрель).

³⁸ Сочинения М. А. Максимовича. Т. III. Киев, 1880.

³⁹ *Хрущов Иван Петрович* (1841—1904) — историк литературы, с 1870 по 1878 г. занимал кафедру русской словесности в Киевском университете. Имеется в виду его работа «О древнерусских исторических повестях и сказаниях» («Киевские университетские известия» 1877; отдельно — Киев, 1878).

⁴⁰ Пыпин отвечал: «Не могу выразить удовольствия от ожидания получить от Вас экземпляр Вашей „Библиологической истории“, „совсем неудобный для употребления“. К сожалению, я не имею денег для библиотеки, но элементы этой благородной страсти у меня есть и вышесказанный экземпляр доставит мне истинное удовольствие. Только, во-первых, где Вы будете печатать? В Киеве печатают скверно, судя по „Университетским известиям“, академическим трудам и другим книгам, и, во-вторых, когда Вы соберетесь, ужасный человек? <...> Неужто Вы будете откладывать печатание до поездки в Москву, чтобы найти под Сухаревой недостающую брошюру „О курганах“?» (У Сухаревой башни был большой букинистический рынок. Упомянутая работа вышла под названием «Древняя русская письменность. Опыт библиологического изложения истории ее изучения» проф. А. А. Котляревского. Воронеж, 1881, тиражом 66 экз. — 3. В.).

⁴¹ Разбор Н. С. Тихонравова см. в «Отчете о 19 присуждении Уваровских наград». СПб., 1878. С. 13—136.

⁴² *Задерацкий Николай Петрович* (1845—1880) — славист, преподаватель Второй гимназии г. Киева, секретарь Киевского отделения Славянского комитета, издавал с 1876 г. «Славянский ежегодник» и был деятельным членом исторического общества им. Нестора-летописца.

⁴³ «Барышня Подвысоцкая у меня была, и мы побеседовали о киевских делах и о деле Задерацкой», — писал Пыпин 20 февраля 1881 г. в ответном письме.

⁴⁴ «Ваша библиология меня крайне интересует, тем более еще, что кончивши второй том славянщины („Истории славянских литератур“ — 3. В.), вскоре примусь за третий, т. е. историю русской литературы, в которой особенно хочу принять в соображение не русскую, а славянскую публику», — писал в ответ Пыпин 8 октября. Издание «Библиологии русской народной поэзии» не состоялось в связи с кончиной автора, последовавшей 11 октября 1881 г.

⁴⁵ *Бодянский Осип Максимович* (1808—1877) — известный славист, профессор Московского университета (1842—1868), редактор журнала «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете». Его дневник опубликован в отрывках: «Русская старина» (1888, ноябрь; 1889, октябрь); «Исторический вестник» (1887, ноябрь). Статья Котляревского «Осип Максимович Бодянский» опубликована в «Славянском ежегоднике» (Киев, 1878. С. 343—352).

⁴⁶ Пыпин отвечал: «Мне и несколько лет назад было невероятно слышать жалобы на эмфизему — Вы представлялись для меня издавна образцом здоровья!... Поезжайте за границу и возвращаетесь прежним, бодрым и сильным, каким я Вас давно знал и каким желаю Вам быть на многие лета» (8 сентября 1880 г.).

⁴⁷ Пыпин сообщал: «На этих днях второй том вышел в свет; я уже отдал распоряжение о высылке книги Вам». *Спасович Владимир Данилович* (1829—1906), историк польской литературы и права, выдающийся юрист (адвокат на политических процессах 20-ти, 50-ти, 193-х и других), профессор С.-Петербургского университета, составитель учебника по уголовному праву (СПб., 1863), который был запрещен.

⁴⁸ «Российская библиография» — еженедельный вестник русской печати выходил в Петербурге в 1879—1882 гг. под редакцией Э. К. Бертъе, который был также и его издателем.

⁴⁹ Пыпин поддержал шутку: «Точный адрес Александра Ник<олаевича> мне довольно известен: Васильевский остров, Большой проспект 22, квартира 6».

⁵⁰ Пыпин об Ефремове сообщал: «Ефремова я давно не видал. Он все злится и даже на приятелей, так что наконец избегаешь вредить его здоровью встречами. Живет он, кажется, в прежнем (которое, впрочем, Вы, вероятно, не знали) библиографическом гнезде на Лиговке 25» (8 сентября 1880 г.).

⁵¹ *Стасюлевич Михаил Матвеевич* (1826—1911) — историк, журналист и публицист, с 1866 г. издатель «Вестника Европы». Книжный магазин его находился на 5-й линии Васильевского острова в доме 28.

⁵² *Стороженко Андрей Владимирович* (1857—1904) — историк Украины, автор статьи «А. А. Котляревский» (Вестник Европы. 1890. Июль). Его студенческое сочинение «Литературная история Зеленогорской и Краледворской рукописей» было награждено в Киевском университете золотой медалью.

⁵³ В письме от 26 февраля 1881 г. Пыпин сообщал: «Собрание Комитета Литфонда состоялось раньше, чем я предполагал, и вопрос о Задерацкой уже решен. Ей назначена пенсия в 180 руб. Если бы сумма оказалась недостаточной, то... Вы могли бы обратиться в Комитет с указанием этой недостаточности, и Комитет, вероятно, мог бы теперь же несколько увеличить назначение».

⁵⁴ Пыпин отвечал: «...где я буду летом — еще не знаю; во всяком случае — около Петербурга, дальше уже давно не пускают мои здешние дела, и найти меня нет ничего проще — справившись в конторе «Вестника Европы»: Вас<ильевский> о<стров>, 2 линия, № 7» (письмо от 20 февраля 1881 г.).

⁵⁵ Котляревский интерпретирует известный заговор от лихорадки, в котором упоминаются 7—12 дочерей Ирода, истязавших людей в виде различных болезней. Пыпин заметил на это: «Если нет в немецких странах патриарха Сисиния (персонаж из заговора от «трясовиц». — *З. В.*), т. е. тузы-врачи, которые, как бы его ни выхваляли, конечно, ему не уступят в укрощении „се-стрениц“».

⁵⁶ *Щапов Афанасий Петрович* (1830—1876) — историк, разделявший взгляды революционного народничества. Тавтологическое выражение о Дале использовано «ради красного словца». Котляревский высоко ценил монументальные труды В. И. Даля: в 1861 г. он отметил появление его сборника пословиц, назвав их «энциклопедией веками сложившихся народных понятий и убеждений» (Соч., т. 1. С. 581). О толковом словаре Даля он заметил: «Достоинство труда Даля стоит выше признания: оно несомненно и убедительно для каждого, кто вдумается в работу, требующую и таланта, и обширной опытности, и железного, исполинского терпения <...> В его „Словаре“ вы получите полное изображение современной жизни русского народа, живую картину его современного нравственного бытия и деятельности, его нужд и потребностей, его мыслей, наивных верований, нравов, обычаев; вы живо почувствуете и то, что ожидает в грядущем этот народ, создавший такой звучный язык, такое богатство понятий и такую могучую державу» (Соч., т. 4. С. 441).

⁵⁷ Сын — *Нестор Александрович Котляревский* (1863—1925) — историк литературы, академик, первый директор Пушкинского Дома Академии наук.

⁵⁸ *Луцицкий Иван Васильевич* (1845—1900) — экстраординарный профессор Киевского университета с 1877 г. на кафедре всеобщей истории.

⁵⁹ *Житецкий Павел Игнатьевич* (1836—1911) — историк украинской литературы, фольклора и языка, представитель культурно-исторической школы в литературоведении, автор работ «Мысли о монументальных малорусских думах» (1893), «Очерки звуковой истории малорусского наречия» (1876) и др.

⁶⁰ *Ранненкамф Николай Карлович* — профессор Киевского университета на кафедре энциклопедии права, с 1883 по 1890 г. — ректор.

⁶¹ «Русская часть» разрослась у Пыпина в монументальный четырехтомный труд «История русской литературы» (СПб., 1898—1899).

⁶² Имеется в виду 2-я часть «Истории русской устной словесности. Опыт библиологического изложения истории ее изучения», над которой автор работал три последних года и не успел закончить при жизни.

⁶³ Пыпин писал: «Относительно Задерацкой — всего лучше напишите сами в Комитет Литературного фонда записку об ее деле; сам я теперь там не состою... Можно будет адресовать записку в Комитет Лит<ературного>

фонда с таким адресом: „Его пр<евосходительству> Андрею Николаевичу Бекетову, ректору университета и председателю Общества для вспомоществования нуждающимся литераторам и ученым“ — в университет».

⁶⁴ *Grimm J. Kleinere Schriften. Leipzig, 1869* (Я. Гримм. Мелкие статьи).

⁶⁵ Котляревский отвечает на предложение Пыпина высылать ему отписки «Вестника Европы» в двух экземплярах, один — «для критического прочтения и для заметок... и с этими заметками возвратится ко мне».

⁶⁶ Армянин — граф М. Т. Лорис-Меликов (1825—1888), назначенный в феврале 1880 г. после взрыва в Зимнем дворце начальником Верховной распорядительной комиссии, а в августе — министром внутренних дел. После убийства Александра II в 1881 г. был уволен в отставку. Пыпин отвечал: «Об армянах здесь слухов нет, и сомнительно, чтоб он снова появился» (4 октября 1881 г.).

⁶⁷ *Корш Валентин Федорович* (1828—1893) — талантливый и широко эрудированный журналист, издавал «Московские», затем «С.-Петербургские ведомости», но вынужден был оставить издание за выступление против гимназической реформы. В октябре 1881 г. основал «Заграничный вестник», который выходил до апреля 1883 г.

А. Н. РОЗОВ

А. И. СОБОЛЕВСКИЙ — РЕДАКТОР ПЕЧАТНЫХ ПЕСЕННИКОВ XVIII В.

В 1930 г. Д. К. Зеленин писал: «„Великорусские народные песни“ — единственный пока согрус произведений русской устной поэзии».¹ Эти слова ученого справедливы и поныне.

Удивительно, что такой эпохальный семитомный труд, издаваемый с 1895 по 1902 г., и ставший настольной книгой каждого фольклориста, до сих пор еще не привлек к себе внимания исследователей. Между тем в свое время выход в свет каждого тома превращался в событие огромной научной значимости. Такие исследователи, как В. Ф. Миллер, Л. Н. Майков, А. Н. Пыпин, В. Н. Перетц, Е. Ф. Будде, Д. К. Зеленин публиковали восторженные рецензии, признавая труд Соболевского «монументальным и классическим», дающим толчок для историко-филологического изучения русской народной песни.² Действительно, во многом благодаря Соболевскому изучение народной лирики стало на долгое время одной из важнейших тем отечественной фольклористики. Однако само это издание, история его создания, методика отбора и редакционной правки материала все еще

¹ Зеленин Д. К. А. И. Соболевский как этнограф // Изв. АН СССР. VII сер. Отделение гуманитарных наук. 1930. № 1. С. 60.

² Миллер В. Ф. [Рец.] // Изв. Отдел. рус. яз. и словесности Имп. Академии наук. 1898. Т. 3, кн. 1. С. 288—242; Майков Л. Н. [Рец.] // Журнал Министерства нар. просвещения. 1895. № 10. Критика и библиография. С. 310—324; [Пытин А. Н.] 1) [Рец.] // Вестник Европы. 1895. № 10. С. 835—838; 2) [Рец.] // Вестн. Европы. 1898. № 4. С. 854—856; Перетц В. Н. 1) Русская песня // Северный курьер. 1899. 4 нояб. № 4; 2) Педагог. мысль. 1904. Вып. 2. Отд. 3. С. 20—23; 3) Рус. филол. вестн. 1907. № 1. С. 187—201; Будде Е. 1) [Рец.] // Учен. зап. Казан. ун-та. 1896. Кн. 2. Прибавление. С. 5—14; 2) [Рец.] // Учен. зап. Казан. ун-та. 1898. № 5—6. С. 9—17 (4-я пагинация); Зеленин Д. К. [Рец.] // Ист. вестн. 1903. № 2. С. 738—741.

не изучены. Конечно, многие из перечисленных тем навсегда останутся неразгаданной загадкой по причине гибели архива учебного в революционное лихолетье.³

В последние десятилетия фольклористы из разных российских городов ведут большую работу по переизданию классических сборников сказок, песен, былин, других жанров устной народной поэзии. Вышли в свет первые тома «Свода русских былин», включающие в себя как опубликованные, так и архивные тексты. Все эти книги созданы по новейшим текстологическим принципам. Рано или поздно встанет вопрос о новом издании антологии «Великорусские народные песни», давно ставшей раритетом. Наконец существует надежда, что в обозримом будущем все же начнется работа над сводом всей огромной русской лирики. Поэтому представляется своевременным анализ основных направлений редакторской работы А. И. Соболевского.

Цель данной статьи — выявление основных направлений эдиционной правки, произведенной составителем томов народной лирики, в процессе работы с печатными и рукописными песенниками XVIII в. Это позволит, с одной стороны, ответить на вопрос: способна ли текстологическая методика А. И. Соболевского, выдающегося лингвиста, обобщившего весь издательский опыт XIX столетия, помочь современному текстологу; а с другой, решить, как следует переиздавать антологию: печатать ее в том виде, как она была создана Соболевским, или так, как тексты представлены в песенниках XVIII в. Наконец, было бы желательно вернуться к работе над сборником русских народных песен из печатных песенников XVIII столетия.⁴

Всего в сборнике приведено 642 песни XVIII столетия, что составляет приблизительно 1/7 всего корпуса. Причем из этого числа 517 взято из печатных сборников; 106 — из рукописных; 25 — из сборника Кирши Данилова; 4 текста — из разных источников. По моим подсчетам всего в печатных песенниках XVIII в. опубликовано (без учета вариантов) около 600 народных песен, поэтому можно считать, что А. И. Соболевский был знаком почти со всеми текстами данного периода (см. табл. 1).

Публикуя текст песни одного издания, составитель антологии сразу же перечислял варианты из других. Поэтому число песен XVIII в., известных А. И. Соболевскому, может быть значительно расширено: опубликовано 517 номеров и 145 номеров перечислено в качестве их вариантов.

³ Статьи по славянской филологии и русской словесности: (Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского) // Сб. Отд. рус. яз. и словесности. Л., 1928. Т. CI, № 3.

⁴ Хотел бы напомнить, что подобное издание было подготовлено в конце 1950-х годов Н. П. Колпаковой и Е. А. Тудоровской, но по разным причинам сборник не был опубликован. В начале 1990-х эта работа продолжена А. Д. Троицкой и А. Н. Розовым.

Распределение песен XVIII в. по семи томам антологии

№ тома	Общее число текстов	Из печатных сборников	Из сборника К. Данилова	Из рукописных сборников	Прочие тексты
1	503	35	14	4	—
2	653	74	—	10	1
3	595	65	—	17	—
4	855	117	—	17	—
5	786	96	—	22	—
6	601	57	6	12	1
7	779	73	5	24	2

Из около 30 печатных сборников второй половины XVIII в., содержащих народные песни, А. И. Соболевский использует десять: 1) Песенник Новикова — Новое и полное собрание российских песен, содержащее в себе песни любовные, пастушеские, шуточные, простонародные, хоральные, свадебные, святочные с присовокуплением песен из разных российских опер и комедий. М., 1780. Ч. I—IV; 1781. Ч. V⁵; 2) Собрание разных песен. М., 1788; 3) Обстоятельные и верные истории двух мошенников, первого российского славного вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина со всеми его сысками, розысками, сумасбродною свадьбою и разными забавными его песнями; второго французского мошенника Картуша и его со товарищей / Соч. М. Комарова. М., 1788; 4) Собрание народных русских песен с их голосами / На музыку положил Иван Прач. СПб., 1790; 5) Молодчик с молодкою на гулянье с пестельниками, поющими новые песни городские и деревенские, простые, ухарские и самые нежные. СПб., 1790; 6) Новый российский песенник или собрание любовных, хороводных, пастушьих, плясовых, театральных, цыганских, малороссийских, козацких, святочных, простонародных и в настоящую войну на поражение неприятелей и на разные случаи сочиненных песен. СПб., 1791; 7) Российская Эрата или выбор наилучших новейших, российских песен поныне сочиненных — любовных, нежных, городских, пастушьих, любовных на старинный русский вкус, простонародных, святошных, свадебных, караводных, маске-

⁵ Так называемый песенник Новикова, представляющий собой третье, дополненное переиздание песенника М. Д. Чулкова (*Чулков М. Д.* Собрание разных песен. СПб., 1770—1774).

радных, малороссийских, сатирических, столовых, военных, театральные и нравоучительных / Собранные и частию сочиненные покойным Михайлом Поповым и с его предисловием. СПб., 1792; 8) Собрание русских песен. СПб., 1792. Печат. и прод. по 20 коп. в доме г. Зубова по Невской перспективе у Аничковск. мосту; 9) Карманный песенник или собрание лучших светских и протонародных песен. М., 1796. Ч. I—III. В вольной типографии Пономарева⁶; 10) Весельчак на досуге или собрание новейших песен как то: нежных, протонародных, святочных, свадебных, малороссийских, театральные, военных, пастушьих и прочих российских; собранный из разных старинных песенников и новейших книг кол. р. Ив. Ф. Л. М., 1797. Ч. I. В вольной типографии А. Решетникова. Ч. II. М., 1798. В Губернской типографии у А. Решетникова⁷ (см. табл. 2).

Приведенные в табл. 1 и 2 цифры свидетельствуют о большом интересе А. И. Соболевского к песням XVIII столетия. В рецензии на книгу «Русские народные песни, собранные Н. А. Львовым» он пишет: «...пора заступиться за народную песню и позаботиться о восстановлении ее прав, хотя бы в той степени, в какой она ими пользовалась в конце XVIII и в первой четверти текущего столетия».⁸ В свою очередь, В. Н. Перетц, отмечая значение старинных вариантов из книг и рукописей XVIII в., указывает в рецензии на шестой том «Великорусских народных песен»: «...теперь, кажется, можно уже смело утверждать, что изучению современной песни должно предшествовать изучение ее основ, песенной археологии».⁹ Эти высказывания лишь раз свидетельствуют о бурной дискуссии, развернувшейся на рубеже двух столетий, о судьбах народной лирики, о ее корнях, о взаимоотношении «старых» (крестьянских) и «новых» (городских) песен.

Следует отметить важность и актуальность еще одной проблемы, затронутой составителем антологии: атрибуция песенных текстов XVIII столетия. В припесенном аппарате, заменяющем собой комментарий, Соболевский неоднократно указывает: «песня едва ли не искусственная», иными словами, он интуитивно полагал, что публикует явную стилизацию под фольклор. Таким образом, ученый пытался дифференцировать тексты фольклорные и сочиненные в «народном духе» литераторами.

⁶ Так называемый песенник Дмитриева.

⁷ Некоторые рецензенты упрекали А. И. Соболевского за то, что он не использовал песенник М. Д. Чулкова, знаменитую грамматику Н. И. Курганова, нотный сборник В. Ф. Трутовского и т. д.

⁸ *Соболевский А.* [Рец.] // Этнографическое обозрение. 1897. Кн. 22, № 1. С. 179.

⁹ Литературный вестник / Издание Русского библиографического общества. СПб., 1901. Т. I, кн. I, С. 82.

**Использование материалов из десяти сборников
в «Великорусских народных песнях»**

№ п/п	Название сборников	Колич. опубликованных текстов	Колич. текстов, привлеченных в качестве вариантов
1	Песенник Новикова	333	5
2	Собрание разных песен. М., 1788	11	62
3	Комаров	2	—
4	Песенник Прача	42	28
5	Молодчик с молодкою	19	7
6	Новый российский песенник. 1791	98	7
7	Российская Эрата	2	14
8	Собрание русских песен. 1792	2	14
9	Карманный песенник	2	2
10	Весельчак на досуге	—	19

Процесс атрибуции очень сложен из-за того, что в рассматриваемое время поэты, сочинявшие песни в модном тогда «народном духе», не раскрывали свое авторство. С течением времени многие подобные произведения из репертуара образованного сословия попадали в народную среду, усваивались ею, варьировались, т. е. принимали форму чисто фольклорного текста.

Расположение песен в зависимости от их содержания, публикация вариантов позволили А. И. Соболевскому впервые в отечественной науке показать жизнь народной лирики в ее историческом развитии, на большом временном интервале: от начала XVII в. (записи 1619—1620 гг., сделанные для английского священника Джеймса) до 1880-х годов.

Совершенно естественно, что печатание в одном сборнике текстов XVIII и XIX вв. требовало их унификации, т. е. перевода всех песен на единую орфографию, отвечающую нормам современного литературного языка, в данном случае литературного языка конца XIX столетия.¹⁰ А. И. Соболевский был, по-

¹⁰ Есть все основания полагать, что если бы А. И. Соболевский готовил к изданию какой-нибудь сборник XVIII в., то он бы сохранил особенности литературного языка той эпохи. Недаром в уже цитируемой рецензии на книгу «Русские народные песни, собранные Н. А. Львовым» ученый призывает ее редактора Н. Е. Пальчикова переиздать другой не менее важный нотный того же времени песенник В. Ф. Трутовского. Замечу, что в 1913 г. А. И. Соболевский, как указывалось в преамбуле к 4-му изданию «Собрания разных песен»

жалуй, первым составителем фундаментальной фольклорной антологии, который провел подобную работу. Такой же принцип издания разнородных и разновременных песенных текстов сохранялся в антологиях, вышедших в свет спустя много лет.¹¹ При этом неизбежно происходит, как писал А. А. Горелов, «эмоциональное обесцвечивание произведений», исчезает неповторимая архаика языка песен XVIII в.

В конце XIX—начале XX в. не было принято писать развернутые вступительные статьи к фольклорным сборникам, публикуемые тексты не комментировались, наконец, не создавались, столь характерные для современных изданий, заметки о принципах публикуемого материала. Из предельно сжатого предисловия к первому тому «Великорусских народных песен» можно лишь заключить, что их составитель устранил все диалектные особенности, которые сохранялись в немногочисленных источниках свода. Поэтому, для того чтобы иметь представление об основных принципах редакторской работы А. И. Соболевского, необходимо сопоставить тексты антологии с текстами из печатных сборников второй половины XVIII столетия. При этом надо иметь в виду, что рассматриваемое время — это период формирования русского литературного языка. Поэтому не только у одного и того же издателя, но и у разных наблюдаются двоякие окончания (даже в одной песни) у прилагательных в именительном падеже единственного числа на -ой и -ый: «красной» и «красный»; «родимой» и «родимый»; «самой» и «самый»; «зеленой» и «зеленый» и т. д. Наблюдались двоякие и даже тройные окончания в родительном падеже единственного числа прилагательных: «краснова» и «краснаго»; «милого», «милаго» и «милаво»; «богатого», «богатаго» и «богатова». Два варианта окончания в именительном падеже множественного числа: «новые» и «новыя»; «молодые» и «молодыя». Родительный падеж от местоимения «она» мог выглядеть как: «ее» и «ея». В большинстве случаев передача свистящих и шипящих не только в XVIII, но и в первой половине XIX в. осуществлялась через «щ»: «счастье», иногда же издатели сборников использовали приемы орфографии, адекватные нашему времени: «счастье». Наблюдаются также колебания в произношении «ш» и «ч». В разных сборниках и даже в одном и том же встречаются: «што» и «что»; «девишник»

М. Д. Чулкова, наблюдал за подготовкой книги к печати, а в ней тексты песен перепечатаны без правки.

¹¹ Народные лирические песни / Вступ. ст., подг. текстов и прим. В. Я. Проппа. Л., 1961 (Б-ка поэта, Большая серия); Русские народные песни / Вступ. ст., сост. и примеч. А. М. Новиковой. М., 1957; Русская народная поэзия: Лирическая поэзия / Сост., подгот. текста, предисл. к разделам, коммент. Ал. Горелова. Л., 1984; Русские народные песни / Вступ. ст., сост., подгот. текста и прим. А. Н. Розова. Л., 1988 (Б-ка поэта, Малая серия); Лирические песни / Сост., предисл., подгот. текстов и прим. П. С. Выходцева. М., 1990.

и «девичник». Не упорядочено было употребление «ь» после шипящих и свистящих: «горючьми» и «горючми». В одних текстах после «н» перед согласной ставился «ь», а в других нет: «миленькой» и «миленкой». В песеннике Чулкова в 1770 г. местоимение «это» пишется «ето», а спустя десять лет в сборнике Новикова употребляется только форма «это». Число подобных примеров можно многократно увеличить.

Сформулирую лишь наиболее существенные преобразования текстов оригинала, проделанные А. И. Соболевским.

1. Унифицирована вся песенная строфика: все припевы, столь характерные для хороводных, игровых и плясовых песен, убраны в примечания. При этом в ряде случаев восстановить первоначальную строфику весьма сложно. Например, к № 553 из III тома «Великорусских народных песен» (далее в статье данное издание будет обозначено: Соб. с указанием соответствующего тома и номера песни), взятому из песенника Новикова имеется следующее примечание: «Три или четыре слога каждого стиха повторяются по три раза». В действительности же, трижды повторяется каждое последнее слово в строке, которому предшествует частица «да»:

Недоноска меня матушка родила
Да родила, да родила, да родила
Недоростка меня матушка женила
Да женила, да женила, да женила... и т. д.

В примечании к песне «Земляничка ягодка на полянке выросла» (Соб. III, № 70) сказано: «После каждого стиха припев „Эх-ох-ох-ох-ох-ох“ с повторением второй половины». Однако при этом не отмечено, что этот принцип соблюдается не во всем тексте. Так, к стиху: «Я свинушек кликучи: „и вы чух-чух, свинушки“» припев образуется иначе: «Эх, ох-ох, ох-ох, ох-ох и вы, голубушки»; к стиху: «Мимо моего двора тут в Орел езда» припев: «Эх, ох-ох, ох-ох, ох-ох, тут в Орел город езда».

Число подобных примеров, даже более ярких, очень много.

В довольно большом количестве текстов наблюдается уменьшение числа строк за счет объединения двух стихов из песенников XVIII в. в один:

Как у нас было в Калуге
На Оке да на реке,
Собиралися девицы
В наряде платье мыть и т. д.

В сборнике Новикова здесь четыре строки, у Соболевского — две. Нередко наблюдается и обратный процесс: одна строка разбивается на две.

2. Почти 90 % всей правки А. И. Соболевского — это преобразование окончаний *-ой, -ей* в *-ый, -ий*: «грознай» — «грозный»; «широкой» — «широкий»; «тихой» — «тихий»; «родимой» — «родимый»; «доброй» — «добрый»; «удалой» — «удалый»; «горячей» — «горячий»; «хорошей» — «хороший»; «последней» — «последний». Причем подобное исправление делается даже тогда, когда ударение падает на окончание: «удалой» — «удалый».

Также во всех случаях окончание *-ова/-ева* в родительном падеже прилагательных заменяется на *-аго*: «студенова» — «студенаго»; «малова» — «малаго»; «гремучева» — «гремучаго». Окончание же именительного падежа множественного числа *-ые* на *-ья*: «новые» — «новья»; «дубовые» — «дубовья».

Архаическое окончание прилагательных родительного падежа множественного числа *-иих* на *-их*: «высокиих» — «высоких».

3. Реликт звательного падежа: «батюшко» переделывается в «батьюшка».

4. Окончание, характерное для просторечного произношения слов, заменяется на окончания, присущие литературному языку: «ведры» — «ведра»; «вороты» — «ворота»; «полотны» — «полотна»; «игрища» — «игрище» и т. д. Те же изменения претерпевает гласный *о* после *ж, ц, ч, ш* в суффиксе или в окончании (даже в том случае, когда гласная стоит под ударением): «суденцо» — «суденце»; «деревцо» — «деревце»; «молодцом» — «молодцем»; «жона» — «жена»; «чорт» — «черт» и т. д.

5. Суффиксы, отражающие просторечное произношение слов, заменяются на суффиксы, характерные для литературного языка: «горемышный» — «горемычный»; «коришневый» — «коричневый».

6. Частицы *та* и *ту*, которые в некоторых случаях могут быть восприняты и как местоимения, везде преобразованы в частицу *то*, хотя далеко не во всех текстах такое изменение оправдано: «На ней шуба — та зайчинная» или «А другую ту беду сотворю».

7. Повсеместно суффикс *-чик* меняется на *-чек*: «городочик» — «городочек»; «дымочик» — «дымочек».

8. Во многих случаях устраняются диалектные формы или формы орфографии XVIII в.: «али» — «или»; «нету» — «нет»; «туда» — «тут»; «Ерославль» — «Ярославль»; «матрозы» — «матросы»; «караводы» — «хороводы»; «козаки» — «казаки»; «ясаул» — «есаул»; «теперя» — «теперь»; «туто» — «тут» и т. д. Стажженные формы местоимений «мово» и «свово» переделываются в «моего» и «своего».

9. Слово «ведь» в XVIII в. произносилось и писалось «вить». Соболевский всюду употребляет форму «ведь».

10. Для песенников XVIII столетия характерно в одних случаях употребление *ь* в середине слова после *р* или *ч*: «церьк*ь*ва», «повер*ь*х», «горюч*ь*ми»; в других же случаях, наоборот, *ь* не употребляется: «вынте», «ставте», «яблонка». Все подобные примеры также переведены на орфографию конца XIX в.

11. Во всех песенниках XVIII в. в значении «вч*ера*» употреблялась форма «веч*ер*». А. И. Соболевский всюду исправляет это слово на «веч*ор*».

Наряду с отмеченной аргументированной правкой текстов в антологии имеется большое число неаргументированных исправлений. Поскольку издание не снабжено списком опечаток и не сохранилось корректур томов с авторской правкой, то не всегда понятно: с чем приходится сталкиваться — с сознательным редактированием, с невольным искажением текста в процессе подготовки корпуса или, наконец, с опечатками, возникшими при наборе.

Приведу ряд примеров подобной правки: «золоты цымбалы» — «звонкие цымбалы» (Соб. IV, № 632); «малое» — «милое» (Соб. II, № 110); «головка» — «головушка» (Соб. VI, № 395); «посвистывает» — «насвистывает» (Соб. II, № 112); «не в союзн*ую* семью» — «не в согласн*ую* семью» (Соб. III, № 70); «манит» — «машет» (Соб. IV, № 208); «д*о*мам» — «д*в*орам» (Соб. I, № 357); «братцы» — «робята» (Соб. VI, № 400); «тальянский» — «итальянский» (Соб. IV, № 255); «каждую» — «всякую» (Соб. V, № 79); «где ты спала» — «ты где спала» (Соб. III, № 180); «бельмо на глазу» — «бельмо в глазу» (Соб. III, № 101); «парчевому камзолу» — «по черному камзолу» (Соб. III, № 402) и т. д. и т. п. Много ли таких искажений? Мною было сличено с оригиналом около ста текстов из «Великорусских народных песен», выбранных произвольно. В них обнаружилось более тридцати исправлений.

Наблюдаются случаи, когда А. И. Соболевский, судя по примечанию, публикует текст из одного песенника, а исправление производит по другому. Так, в песне, взят*ой* из сборника Новикова, слова «заплачет» и «промолвит» переделаны так, как они напечатаны в сборнике Чулкова: «заплачешь» и «промолвишь». То же самое проделано и в Соб. IV, № 805. Имеются и другие подобные примеры.

Иногда А. И. Соболевский оставляет без внимания явные опечатки, имеющиеся в использованном песеннике. Так, у Новикова и Соболевского опубликовано: «тобой рябиною», а во всех других изданиях XVIII в. — «тобою рябиною».

Проведенное в статье сличение текстов антологии с текстами из печатных сборников XVIII столетия показывает, что А. И. Соболевский их довольно существенно правил. В связи с этим возникает вопрос о том, как следует переиздавать «Великорусские народные песни». Очевидно, здесь возможны три варианта.

I. Публиковать все тексты в том виде, как они были напечатаны в песенниках XVIII в. Такой способ переиздания должен быть признан самым неудачным, так как тогда труд А. И. Соболевского, сам по себе будучи выдающимся памятником отечественной культуры и науки, фактически перестанет существовать.

II. Отметить в комментариях все случаи расхождения текстов антологии с текстами оригиналов. Но тогда семитомный свод народной лирики станет десяти- или четырнадцатитомным. Мало того, что едва ли найдутся спонсоры, согласные на такое бумагоемкое издание, оно к тому же будет неудобочитаемое.

Значит, остается III принцип переиздания, при котором все редакторские правки были бы систематизированы и представлены в виде рубрик во вступительной статье, или предшествовали комментариям. Все же исправления, систематизации не поддающиеся, могли бы быть отмечены в комментарии к данной песне, либо в постраничных сносках. Наконец, слова или части слов (суффиксы, окончания), подвергшиеся редактуре, можно выделить курсивом прямо в корпусе.

Анализируя определенное классическое песенное собрание, необходимо четко представить себе, что особо ценно: это собрание само по себе, или фольклорные произведения, в нем опубликованные. Мне кажется, в данном случае в одинаковой мере важен и труд А. И. Соболевского и те песни, которые он извлек из раритетных сборников XVIII в. Поэтому существует только один способ сохранить всю значимость самой крупной отечественной песенной антологии конца XIX в. и песенников второй половины предшествующего ему столетия: одновременно переиздать «Великорусские народные песни» в их первоначальном виде, снабдив этот корпус современным научным аппаратом, и переиздать фольклорные тексты из печатных песенников XVIII в. с максимальным приближением к оригиналу, а возможно, сделать репринтные переиздания если не всех сборников, то, по крайней мере, наиболее значимых. Только тогда фольклористы и любители русской народной лирики могут получить полное представление о двух важнейших этапах эдиционной практики: от ее зарождения в последней трети XVIII в. до ее состояния на рубеже XIX и XX столетий. Комментарий же к текстам отразит важнейшие принципы современной фольклорной текстологии.

С. К. ШАМБИНАГО

ПЕСНИ ТАТАРСКОГО ЦИКЛА

Публикация С. Н. Азбелева

Сергей Константинович Шамбинаго (1871—1948) соединял в себе фольклориста и литературоведа, отдавая предпочтение в своих трудах произведениям древнерусской литературы. О ней была написана магистерская диссертация, в которой исследовался цикл памятников, отсылавшихся на Куликовскую битву. К этой теме ученый не раз обращался и позже, демонстрируя связь литературных текстов Куликовского цикла с народным эпосом. Ряд работ С. К. Шамбинаго был специально направлен на исследование устного эпоса. Ему он посвятил и свою докторскую диссертацию. В области изучения новой русской литературы ученого привлекало наследие Н. В. Гоголя и А. Н. Островского.¹

Будучи учеником и последователем В. Ф. Миллера, С. К. Шамбинаго как эпосовед уделял пристальное внимание соотносительности русского эпоса и русской истории. Не все его построения выдержали испытание временем, некоторые сразу же вызвали обоснованные возражения со стороны других представителей исторической школы. Это относится главным образом к двум тенденциям, появившимся в эпосоведческих работах С. К. Шамбинаго: он считал былины по преимуществу обязанными своим появлением XVI столетию (например, полагал, что за образом Василия Буслаева следует видеть царя Ивана IV) и преувеличивал роль литературы как источника произведений фольклорных (например, утверждал, что «Сказка про Мамаю безбожного» основана на тексте «Синописа»).

¹ О жизненном пути и трудах С. К. Шамбинаго см.: *Водовозов Н. В.* С. К. Шамбинаго // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 481—486; *Гудзий Н. К.* Изучение русской литературы в Московском университете. М., 1958. С. 59—61.

С. К. Шамбинаго как ученый был, по выражению Ю. М. Соколова, «легкомысленный человек, хотя и талантливый».² Первое проявлялось не только в экстравагантности некоторых его ученых построений и малоубедительности некоторых доводов. В трудах С. К. Шамбинаго встречаются цитирование по памяти, приблизительные ссылки, не вполне точные сведения. Встречается это и в публикуемой его работе. Но при всем том она отразила концепцию талантливого ученого, основательно занимавшегося материалом, о котором он пишет, и потому заслуживающую внимания.

Тематически и концептуально статья «Песни татарского цикла» примыкает к выполненному в свое время С. К. Шамбинаго исследованию письменных памятников Куликовского цикла — исследованию, позже корректировавшемуся самим автором под воздействием критики со стороны А. А. Шахматова и других. Написана эта работа, по-видимому, уже в последние годы жизни С. К. Шамбинаго, а предназначалась, как можно думать, для несостоявшегося издания восьмого сборника «Советский фольклор». Машинописный текст с рукописными поправками автора обнаружен в Рукописном отделе Пушкинского Дома: разряд V, коллекция 1, папка 41, номер 5. При подготовке статьи к печати ее библиографический аппарат приведен в соответствие с современными издательскими правилами.

² «Верю, мы для России пригодимся»: Переписка Б. М. и Ю. М. Соколовых (1921—1923) / Публикация В. А. Бахтиной, Г. Г. Григорьевой и Э. В. Померанцевой // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. С. 18; ср.: Там же. С. 87 и 151.

[ТЕКСТ]

В существующих сборниках песен¹ находится ряд старин, где богатыри изображены в борьбе с татарами. Старины эти можно распределить по группам. К первой относятся: 1) Михаил

¹ Сборник Кирши Данилова / Под ред. П. Н. Шеффера. СПб., 1901 (обозначая — Кирша); Песни, собранные П. В. Киреевским: 2-е изд. Т. I. М., 1868; Т. II и III. М., 1861. (Кир.); Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: 2-е изд. / Под ред. Е. А. Грузинского. Т. I. М., 1909; Т. II и III. М., 1910. (Р.); Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Т. I // Сб. Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1894. Т. 59; Т. II // Там же. 1896. Т. 60; Т. III // Там же. 1900. Т. 61, вып. 1 (Г.); Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894. [Разделы I и II] (Т.—М.); Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901 (М.); Печорские былины / Записал Н. Ончуков. СПб., 1904 (О.); Былины новой и недавней записи из разных местностей России / Под ред. В. Ф. Миллера. М., 1908 (Ннз.); Труды Музыкально-этнографической комиссии. М., 1908. Т. 2 (Тр.); Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым. Т. I. М., 1904; Т. III. СПб., 1910. (Гр.); Сказки и песни Белозерского края / Записали Борис и Юрий Соколовы. М., 1915 (С.).

При ссылках римская цифра обозначает номер тома или раздела, арабская без буквы «с» — номер текста.

Данилович, 2) Сухан Домантьевич, 3) Мамаево (Камское) побоище; ко второй — 4) Василий Игнатъевич, 5) Илья Муромец в ссоре с Владимиром; к третьей — 6) Илья Муромец и Ермак, 7) Илья Муромец и Калин царь, 8) Суroveň-Суздадец.

В науке не раз отмечалось, что все эти композиции находятся в столь тесном сплетении друг с другом, что можно мыслить существование целого *цикла татарских песен*.*

Первым указал на это проф. О. Ф. Миллер.² В сборнике Афанасьева находится сказка «Балдак Борисъевич» (№ 180). На пиру в Киеве князь Владимир «наметывает» на богатырей службу — увести у салтана турецкого коня златогривого, убить кота-бахаря, самому салтану в глаза наплевать. Никого не выискивается. Дочь Владимира советует поискать по кабакам «молода Балдака Борисъевича от роду семилетнего». Его приводят, опохмеляют. Балдак с дружиной не только выполнил поручение, но даже сжег салтанов «любимый сад», где поставил шатры. Выдает Балдака младшая салтанова дочь; его хватают, ведут на казнь. Балдак перед смертью трубит в рожок, дружина бросается на выручку. Повесив салтана с дочерью, герой вернулся в Киев. — О. Ф. Миллер видел в этой сказке мост, соединяющий старину о Василье Пьянице с песнями о богатыре-малолетке. Припоминалась украинская легенда о малолетнем Михайлике, который унес, в обиде на киевлян, в Царьград на своем копье «Золотые ворота», припоминалась потому, что в одном варианте о Василии Пьянице князь встретил героя у «Золотых ворот».

Еще детальнее разработал циклизацию акад. А. Н. Веселовский, который составил целую схему песен, идущую от Михайлика, через Михаила Даниловича, к старинам об Илье, Калине, Ермаке, Василии Пьянице и, по некоторым деталям, — к старинам об Илье и голях кабацких.³

Сложнее обстоит вопрос о времени создания песен татарского цикла. В науке до сих пор преобладает мнение об очень раннем возникновении русских эпических песен. Поэтому нахождение в некоторых вариантах татарских песен имени «Батыги» (Батыя) заставляло исследователей охотно относить старины ко временам первых столкновений Руси с татарами, т. е. к XIII—XIV вв. Между тем русские считались с татарами, как с врагами, от Калкской битвы до покорения Крыма, почти до конца XVIII в. Для средневековых книжников враждебные пришельцы были еще народом «неведомым», сказочным «Гогом и Магогом», заключенным в горах Александром Македонским. Татар узнали позже, во время вассальных отношений Руси к Золотой орде.

* «Песни татарского цикла», «цикл татарских песен» — авторские варианты названий русских народных песен на темы татарщины (*прим. ред.*).

² Миллер О. Ф. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869.

³ Веселовский А. Н. Южнорусские былины. [Т. 1]. СПб., 1881. С. 3—60.

За долгий период взаимных отношений поражения сменялись победами, ужасы Батыевщины были отомщены Куликовской битвой, разгром Москвы Тохтамышем возмещен спасением от нашествия Тамерлана, в 1480 г. было формально уничтожено «татарское иго», XVI век принес падение царств Казанского и Астраханского и вместе с тем сожжение Москвы крымцами. После тяжелых, не всегда успешных походов XVII и начала XVIII в. последнее Татарское царство перестало существовать в 1774 г. Обширное поле для хронологических воздействий!

Книжность последовательно отражала на себе влияние длительного процесса. Батыевщина дала «Повесть о разорении Рязани Батием», Куликовская битва вызвала «Задонщину» и ряд других повестей, в XVI в. создалась огромная «Казанская история», в XVII в. появились «Азовские повести». Основаниями для них служили события датированные, и, как бы ни претворялась историческая основа, связь с фактами не нарушалась.

Иное дело — фольклор. Правда, существуют «исторические песни», например «О взятии Казани», где фактическая основа налицо. Но как быть с такими песнями, где у героев нет исторических имен, у событий — точного приурочения? Несомненно, что в них фактический материал изменен и приспособлен для каких-то определенных заданий. Чтобы выяснить точное время возникновения таких старин, необходимо изучать их по отношению к книжной литературе и, главное, обращать внимание на социальную основу.

О. Ф. Миллеру принадлежит ряд существенных высказываний относительно песен татарского цикла. В своих «сравнительно-критических наблюдениях над слоевым составом народного русского эпоса» он обратил внимание, во-первых, на то, что в песнях о татарщине, сгруппированных вокруг князя Владимира, повествуется и о нападении на Русь Батыея, и об освободительной борьбе на Куликовском поле, и о наступательных подвигах Ермака;⁴ во-вторых, что сам Владимир в качестве центральной фигуры меняет облик, начиная носить все признаки московского «белого царя», как он назван в одном из вариантов, записанных на Иртыше.⁵ Вместо «ласковости», обычно присущей этому персонажу, «осуровленный» великий князь слушает наветы «неизменных слуг», оговаривающих богатырей, заключает в тюрьмы победителей, подозрителен и неблагодарен. Такой «совершенно иного рода нрав» казался исследователю «позднейшим слоем», когда на «основной песенный тип» великого князя «налег государственный деспотизм в духе Ивана Грозного».⁶ Под влиянием московского периода русской истории в старинах начали «от-

⁴ Миллер О. Ф. Илья Муромец... С. 710.

⁵ Там же. С. 686.

⁶ Там же. С. 329.

слаиваться» черты самоуправства, властность времен царских, выражавшаяся в «наметывании» на богатырей службы волей-неволей.⁷

Но для О. Ф. Миллера, славянофила и представителя мифологической школы, всякая эпическая песня должна иметь «древнейшую основу». На эту основу в течение дальнейшей жизни песни исторические смены оставляли только налет, сквозь который первоначальная основа всегда была обязана проглядывать. «Бытовые слои» на песнях татарского цикла принадлежат, по указанию О. Ф. Миллера, XVI веку. Исследователь не раз возвращался к этой датировке, и первый указал на присутствие черт эпохи Ивана Грозного в старинах о Сухане и Даниле Ловчанине. Им же был определен и основной тон татарских песен: осознание превосходства русской силы над врагами. Скорое и легкое истребление татар, по его словам, отзывается «строем народной трагикомедии».⁸ Татар не только всякий раз побеждают, но и всячески глумятся над ними; такое издевательское отношение можно сравнить разве с содержанием казацких посланий к султанам. И там и тут — «могучий и меткий народный юмор». «Батыга» мог стать смешным только тогда, «когда достаточно простыли следы исторического Батыя».⁹

Замечания — верные, но исследователь не настоял на них, спеша добраться до мифической основы старин, до «ласкового» Владимира, «красного солнышка» в переносном и буквальном смысле. Но сам же О. Ф. Миллер указал, что «поверх ласковости и доброжелательности» великого князя тут же отмечаются черты нрава совершенно иного.¹⁰ Владимир корыстолюбив, трусоват, способен на ложную клятву, недалек; он ничем не занят, кроме постоянного пиროванья, богатырей заставляет или взыскивать «дани-выходы» или, главное, добывать себе невесту.

Таким образом, «центральная фигура русского эпоса» оказывается или в достаточной степени безразличной, а если и определенной, то чертами отрицательными, или «осуровленной», напоминающей царя Ивана. И там и тут Владимир очень далек от образа средневекового феодального князя, каким, положим, изображает такого «Слово о полку Игореве». Там «Святослав грозный», которому народы поют славу за победы, и деятелен и любвеобилен. Получив сведения от «бояр-дружины» о судьбе своих «сыновцев», он скорбит, отечески укоряет буйных вассалов, положившихся на свою удаль, но тут же не дает «гнезда своего в обиду». Его стремление помочь им выражено в обращении, не без лести, к другим крупным феодалам, сильным, богатым и

⁷ Там же. С. 410, 473.

⁸ Там же. С. 622, 631.

⁹ Там же. С. 716.

¹⁰ Там же. С. 329.

«многовоям». Здесь Святослав — первый между равными, очень далекий от каких-либо приказаний. Другие князья — своевольные авантюристы. «Слово о полку Игореве» полно картинными воспоминаниями на тему о «стоне русской земли», когда князья говорили: «Это — мое и то мое же», когда в разные стороны реяли у них знамена, когда не слышно было по полям земледельцев, а только грей ворон, деливших меж собой трупы. Владимир в старинах с его или сентиментальными или повелительно-нетерпимым отношением к богатырям и князьям-боярам выступает продуктом совершенно иной социальной среды.

О. Ф. Миллеру принадлежит также указание на особенность построения старин татарского цикла: композиция их во многом напоминала ему «строй наших летописей и книжных сказаний».¹¹

ПЕСНИ О НЕУЧЕСТВОВАННЫХ ВОЕВОДАХ

Первая группа песен татарского цикла отмечена яркими чертами психологии княжеско-боярского класса в пору его непосильной борьбы с возвышающимся злейшим врагом — абсолютизмом. Группу можно назвать «песнями о неучествовавших воеводах». «Осуровление» их центральной фигуры — результат плохо скрытого антагонизма.

Композиция песен восходит к определенному книжному источнику — повестям о Мамаевом побоище. Литературные обработки события 1380 г. начались в XV, продолжились в XVI в. За это время повести стали достоянием широкого круга читателей. Таким образом, создается термин, раньше которого не могла возникнуть разбираемая группа песен.

1. Песня о Михаиле Даниловиче

Вариантов песни — 17. Из них один содержит так называемую старую запись (Т.—М. I. С. 61), остальные сделаны с устной передачи и находятся: Кир. III. С. 39 и 41; Р. 104; Г. 192; М. 12, 76; Ннз. 43, 44, 45; Тр. 30, 31, 32; Гр. 343, 385; С. 6. Обычное наименование устных вариантов: «Михайло Данилович», реже, «Данило Игнатъевич и его сын Михайло» или «Данило Игнатъевич с сыном». Старая запись (рукопись начала XVIII в.) озаглавлена: «Гисторія о кievском богатыре Михайле сыне Даниловиче двенатцати летъ». Этот древнейший из вариантов передает песню в прозаическом изложении с хорошо сохранным в большинстве случаев стихом.

¹¹ Там же. С. 715.

Среди вариантов «Гисторія» стояла особняком до находки в 1909 г. сходного с нею пересказа, значительно поддерживающего старую запись (С. 6). Оба они составляют, таким образом, первую редакцию, остальные — вторую.

В плане первой редакции намечаются три части: 1) Поход ордынского царя на стольный город, 2) Татарское побоище, 3) Опала над победителем-воеводой.

Содержание первой части.

1. К великому князю (Владимиру) на пир (с богатырями в Киеве) приходят вести через гонца («молодца из чиста поля»; у С. 6 — «Илью Муромца»), что из Большой орды поднялся царь татарский («Бахмет Тавруевич»; у С. 6 — «Бахмет и его сын Тавлет») к стольному городу («Киеву»; у С. 6 — «на поля Куликовы, на горы Баклановы»).

2. Гонец объявляет, что царь идет с братьями («Богатыри три брата братовичи»; С. 6 — «Збродовичи»), под каждым сила (три тысячи), с семью князьями (ширскими, с каждым по семи тысяч), сорока царевичами (с каждым по сорока тысяч), а всей силе татарской сметы нет. Хочет стольный город за щитом взять, князей-бояр под меч склонить, князя поневолить.

3. Великий князь заклучился, испугался, стал просить богатырей взять из-под знамени татарского человека, который знал бы намерения царские (у С. 6 — «выехал бы богатырь на поле Куликово, переметил силу, привез человека из-под знамени»).

4. Богатыри хоронятся, выступает юный Михайло Данилович, вызывается исполнить поручение.

5. Великий князь вразумляет его: мал он, молод (двенадцати лет), в чистом поле не бывал, на крепком деле не стаивал (у С. 6 — «рано ему на коне сидеть, владеть оружием»).

6. Михайло отвечает: держи гоголя три года, потом пусти на воду, увидишь, сумеет ли плавать (у С. 6 — «выбери коней, старого и молодого, пусти на воду, молодой впереди поплывет»), так и в наше сердце богатырское. Князь соглашается, жалуется и посылает.

7. Михайло седлает коня, одевает доспехи и едет в монастырь к отцу своему (Данилу Ивановичу) за благословением — ехать в поле, добывать человека, знающего замыслы царские.

8. Отец дает благословение на трудное дело: сам он бывал на многих побоищах, но из-под знамени не доставал таких людей (у С. 6 — «Бог тебе, чадо, подаст на помощь»).

Вторую часть некоторое время ведет одна старая запись (Т.—М.).

9. Получив благословение, Михайло выехал в поле. Посмотрел с шеломени, видит: в одну сторону сила-рать великая, в другую — еще больше, в третью — как вода сильная колеблется.

10. Смутился сначала, но размыслил: назад поехать, от князя кручина, от брата позор, а если вернется победителем с боя, от всех великая честь и хвала будет.

11. Призвав в молитве Бога на помощь, напустился на полки татарские, словно ясный сокол на стада галочки. Побил братьев братовичей, князей ширских, всех царевичей с силами («трое су-ток бился» — у С. 6).

12. Стали просить мурзы-улановья три дня сроку для отдыха. Согласился Михайло, ушел в шатер спать (у С. 6 — «Михайло просит дать отдых, удаляется с побоища и засыпает»).

13. Татары тем временем копают рвы, втыкают в них острые торчки, замаскировывают («делают мосты опрометные, покрыва-вая полстями ордынскими») (у С. 6 — «копают подкопы, вты-кают сабли, закрывают сукнами»).

14. Проснувшись, Михайло верхом напускается на полки татарские, три полка побил, но ввалился в подкоп, только конь выскочил (у С. 6 — «Михайлу прислуга сообщает о подкопах, предупреждает, чтобы не бил коня, когда тот станет третий под-коп перескакивать, но — расхотелись руки богатырские, хлест-нул коня и ввалился»).

15. В окопах повели его к царю татарскому. Тот стал просить — послужить ему верою и правдою, как служил вели-кому князю, за службу обещает дать треть царства.

16. Отвечает Михайло: рад служить своею саблею острою над твоею шеєю толстою. Царь приказывает снять с него буй-ную голову.

17. Обращается Михайло к мурзам-улановьям: беги подаль-ше, кто хочет жить подольше. Мурзы дивуются, как может ско-ванный пленник грозить им.

18. Не ясный сокол встрепенулся, оборвал Михайло желез-ные путы, стал бить—рубить. Обхватили было его, но он, вы-ломив ось из телеги, стал полки клонить, до царской ставки до-брался, уже по колени в крови бродит (у С. 6 — «Всех перебил, царю глаза выкопал»).

19. Взмолился царь: отпусти в Орду хоть сам-третья, оставь татар хоть на семена.

20. Михайло милует царя за то, что обещал ему долю в Большой орде. Царь с поклоном уезжает.

Третья часть.

21. С побоища вернулся Михайло в стольный город. Сыскался там лихой на него оговорщик, донес великому кня-зю, что Михайло ездил бражничать, а у царского дела не был (у С. 6 — «Сам великий князь не верит победе, сердится, что не привез „языка“ — человека из-под знамени»).

22. Рассердившись, приказал великий князь посадить Михайла в глубокую яму, вместо хлеба по овсяному снопу да-

вать на неделю за выслугу. Заперли темницу, поставили стражу. Тем временем великий князь приказал слуге верному (Илье Муромцу) проведать о побоище: если правду сказал, то выпустить из тюрьмы.

23. Долго (двенадцать дней) объезжал посол поле, где лежали трупы татарские: где пригор — тут по щеку коню крови, где привражие — по колени, где приборг — по чрево. Такого побоища, доложил он князю — не видано.

24. Великий князь приказал немедленно освободить Михайла, предложил ему золотой казны, дорого платья, добрых коней (у С. 6 — «Хоть полцарства бери, а по смерти — все царство»).

25. Много твоего государственного жалованья, отвечает Михайло. Отпусти лучше к отцу в монастырь, там постригусь; у тебя лихи оговорщики, не дают служить верою-правдою (у С. 6 — «На приезде не употчивал, где потчивать по поездке»).

26. Михайло постригается (у «отца») и живет в монастыре в великой чести.

Со стороны композиции и содержания первая редакция по плану, подробностям повествования, даже отдельными выражениями стоит в близком отношении к книжной воинской повести. Можно было бы предположить, что эта близость стала следствием редакторской работы старой записи, чтобы придать ей характер книжного рассказа, однако близость эта поддерживается, с одной стороны, вариантом С. 6, с другой, вариантами второй редакции. Следовательно, композиционная особенность принадлежит основной песне.

Можно указать и на ее прямой источник. Среди книжных воинских повестей наиболее завершенным по художественности видом следует считать повести о Мамаевом побоище. Самым популярным из них было «Сказание» — большая историческая повесть, известная в огромном количестве списков и во многих редакциях. Повесть эта имело большое влияние на последующую книжную литературу, вошла в сказочные обработки.¹² По плану, формальным особенностям, совпадению ряда мест разбираемая редакция близка именно к этому «Сказанию», к его более поздним редакциям, возникшим в XVI в.¹³ Вариант С. 6 упоминанием о «Куликовском поле» еще более подчеркивает эту связь.

Для доказательства приведу параллели из «Сказания» соответственно намеченным выше частям плана песни.

1. К великому князю (Дмитрию Ивановичу) на пиру, в набережном терему, когда он поднимал заздравную чашу за своего брата (Владимира Андреевича) приходит гонец и говорит: «Нѣсть ти нынѣ время, княже, веселитися, нынѣ время есть Богу

¹² Такова в сборнике А. Н. Афанасьева сказка «О Мамае безбожном».

¹³ *Шамбинаго С. К.* Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.

молитися <...> Идетъ на тя гордь царь». — У Т.—М. гонец говорит великому князю: «Пьешь ты и ешь и тешишься, а над собою, государь, кручины не ведаешь: идетъ из Большія орды царь...».

2. Татарский царь (Мамай), собирая войско, «многие орды» присовокупил себе, взял в союзники Ольгерда и Олега, желая идти походом так же, как когда-то Батый: убить великого князя, его жену и иных князей, осквернить монастыри, разграбить церкви, «а которые города ихъ красные его царскому величеству довлѣють, тут сѣсть и зажечь безмятежно». — В песне гонец рисует такие же перспективы.

3. Великий князь, узнав о нахождении «поганных» татар, пришел «в недоумение», заскорбел, стал советоваться с братом и другими князьями и воеводами, как отправить «твердую сторожу» — разумных и храбрых оружников в татарское Поле, до самой Орды — добывать «языков» со всяким усердием, «дабы истинну услышати царева хотѣнія». — Добывание языка, «который ведает думу царскую», лежит в основе песни. У Кир. III, с. 39, вариант второй редакции, сохранен даже книжный термин «язык»: «Я съезжу далече во чисто поле, попроведаю орды великие и привезу языка поганого», — говорит Михайло.

4—6 в песне заняты рассказом о выступлении юного Михайла. В поздней редакции «Сказания» находится вставной эпизод о посылке к Мамаю Захарии Тютчева. Им широко воспользовалась песня. «И потомъ князь великій нача избирати отъ двора своего юных етеровъ и избра юношу довольно суца умомъ, имянемъ Захарію Тушеева (Тютчева) и давъ ему два толмача<...> посла къ царю Мамаю». — Юный Михайло, гиперболически представленный вовсе малолетком, своим остроумным ответом также определяет себя неглупым.

7—8. В «Сказании» великий князь, собрав полки, отправляется с братом и другими князьями в монастырь к «отцу своему», игумену Сергию, за благословением. Сергей удерживает его и за трапезой тайно сообщает о грядущей победе. Великий князь «Сказанием» определяется вообще как «смирennemудрый», во все критические минуты прибегающий к молитве и помощи «отцов своих» духовных. Поездка Михайла к «своему отцу» является буквально понятым соответствующим местом «Сказания». Песня сохранила мотив благословения и наставления «отца». «Богатырство» отца Данилы может быть поставлено в связь с тем, что Сергей в «Сказании» дает великому князю двух иноков-богатырей, Пересвета и Ослябу.

9. Великий князь со свитой, выехав на возвышенное место, обозревает русскую силу: «Богатырей русскихъ хоругви тихо трепещут, аки живи пашутца, щиты <...> и доспѣхи русскихъ сыновъ, аки вода вѣтромъ колыбашеся». — «Аки вода сильная колыбается» перед Михайлом, когда он смотрит на татар

«с еломени» — с высокого места. Здесь сходство даже текстуально.

10. «Советники» предлагают великому князю переправиться с войском через Дон для битвы: тогда никого не будет, кто бы вспять умыслил; если победим, все спасемся, умрем — общую смерть со славой примем. — Михайло, размышляющий о чести и славе в случае победы, близок к книжной мотивировке.

11. Когда пришло время скрытому в дубраве засадному полку ударить на татар, князь Владимир Андреевич, по молитве, отдал приказ наступления: «богатыри руския вы́хаша из дубравы зеленыя, аки соколы ударишася на многие жеравлиные стада». Михайло напускается, «как ясен сокол на стада галочки».

12—14 принадлежат всецело песне. Здесь разработан мотив богатырского сна, во время которого роются предательские волчьи ямы, губельные для героя. Мотив повторен в песне об Илье Муромце и Ермаке.

15—16 продолжают эпизод о Захарии Тютчеве. Мамай, пораженный полными достоинства и бесстрашными ответами юного посла, «за красоту и премудрость» предлагает перейти к нему на службу, обещая великие милости. Захария хитро отвечает: не подобает послу переходить на другую службу, не доправив посольства. Вернусь, сложу присягу, честно откажусь от службы, тогда приду к тебе, тогда и перед тобой окажусь правдивым. Царь отпустил его с отборным отрядом. Встретив своих у границы, Захария перебил татар, разорвал грамоту царскую и оставшегося в живых единого татарина отправил к Мамаю, поручая передать: рад я тебе, царь, служить «своею саблею острою над твоею шеєю толстою». Популярность этого эпизода доказывается тем, что он лег в основу сказки о Мамае безбожном, герой которой — Захария Тютрин. — Песня воспользовалась всей ситуацией и сохранила образный ответ героя татарскому царю.¹⁴

¹⁴ Любопытно, что понятие служебной чести, обязывающей доводить до конца присягу, повторено в донесении нунция Викентия Лаурео из Варшавы 21 октября 1577 г.: «Не упускаю случая сообщить хоть кое-какие известия о характере московского царя, о чем мне писал Фабриций Аяцца из Верчелли, рыцарь Мальтийского ордена, который состоя комендантом одной из крепостей в Ливонии, вследствие недостаточного числа солдат и вынуждаемый жителями этого города, не мог устоять и сдался. Царь весьма настойчиво требовал, чтоб он согласился поступить к нему на службу, обещая ему свободу, хорошее и подобное с ним обращение, но рыцарь извинялся, что *честь* не позволяет ему сделать этого, и что он прежде должен возвратиться к королю и *дать ему отчет в своих действиях*, ибо в противном случае его объявили бы изменником. Царь сказал ему: „Так вот, чтобы ты знал, что я христианский государь, даю тебе свободу“ и приказал проводить его к границам Литвы, но окружающую, а не прямой дорогой» (см.: *Вержбовский Ф.* Отношения России и Польши // *Журнал Министерства народного просвещения.* СПб., 1882. № 8. С. 208—242).

17—18. Во время побоища кровь лилась рекою, сливаясь в озера, посекаемые татары «клонились» словно лес. — Михайло, «клоня» полки татарские, бродит конем по колени в крови и глубже. «Кровавые озера» нашел объезжавший поле Илья Муромец.

19—20. Мамай, видя полное поражение, воскликнул: «Побегнем, ничто же бо намь добра чаяти, но себя упасем і головы своя унесемь». И побежал с четырьмя татарами. — В песне царь просит, чтобы «хоть сам-третья» отпустил его Михайло.

Третья часть к «Сказанию» отношения не имеет. В песню взяты, следовательно, те части повести, где говорится о приходе татар и победоносном бою с ними.

Зависимость композиции песни от книжной повести очевидна.

Вторая редакция изменяет содержание сравнительно с первой. Всего дальше она отстоит от нее в первой и третьей частях. Вторая часть ее, имеющая темой побоище Михайла с татарами, не только повторяет изложение, но и дополняет многие детали.

Если первая редакция кратко упомянула об «отце» Михайла, то вторая усиленно занялась этим персонажем. Все ее варианты начинаются особым рассказом о Даниле Игнатьевиче, за исключением Ннз. 45, где он все же вставлен между 48—74 стихами. Содержание вступления таково.

На пиру у князя (обычно — Владимира, но у Г.—192 Владимир дwoится с «Грозным царем Иваном Васильевичем»), когда богатыри порасхвастались, печален сидит старый Данило Игнатьевич (у Ннз. 44 — «Игнатий Данилович»). На обычный вопрос, отчего он пригорюнился, Данило начинает проситься в монастырь постричься: «Стар стал, не могу богатырствовать» («Служил я пятьдесят годов, убил пятьдесят царев, теперь мне девяносто лет», — поясняет Кир. III, с. 41). — Что же тогда скажут орды неверные, спрашивает великий князь, когда узнают, что на Руси богатыри в монахи идут? — Данило указывает на своего сына: он еще малолеток, но к тому времени, как враги начнут в поход собираться, подрастет, сумеет стать защитой. — Этот распростиранительный эпизод — результат позднейшего стремления растолковать ставшую непонятной поездку героя в монастырь «к отцу».

Роль отца, видимо, нравилась, и варианты на разные лады заставляли его действовать. У М. 12, Ннз. 42, 43 и Гр. 30 — Данило предостерегает сына от роковых подкопов и наставляет, как вести себя — подробности лишние, так как в дальнейшем будут повторены. Само пленение героя объясняется иногда тем, что сын был недостаточно почтителен к отцу: отказался от благословения (Гр. 385), пренебрег советами (Ннз. 45). У М. 12 отец спасает сына от подкопа, Михайло просит прощенья, что не внял его советам. В этом варианте и у Ннз. 45 вся честь побиения татар принадлежит, собственно, Данилу.

В вариантах Р. 104, Кир. III, с. 41, Ннз. 43, Тр. 30, 31, 32 и Гр. 343, 385 введен эпизод розысков убитого героя среди горы трупов: думая, что Михайло погиб, отец ищет его по полю; при этом сын не узнает отца, неузнавание приводит к столкновению отца с сыном, но без трагической развязки. Все это — результат поздних привнесений, причем розыск на поле приводит снова к «Сказанию» о Мамаевом побоище, где свита ищет раненого великого князя.

Эпизод с отцом — первый отличительный признак второй редакции. Следующим служит *выделение роли богатырского коня*. Несомненно, что падение Михайла в волчью яму на всем скаку и его пленение производило большой эффект у слушателей. В трагическом случае с героем играет немалую роль конь его, которому удастся выскочить. Уже вариант первой редакции С. 6 немного задерживает внимание, говоря, что напрасно расходившийся богатырь понукал своего верного товарища. Варианты второй редакции создают целый эпизод с конем на основании сказочного материала. Конь Михайла, подобно всем сказочным коням, был взят еще жеребенком, выкатан в росе, выпоен особым пойлом (Р. 104), у него было даже свое имя — «Голубанушко» (Ннз. 42). Подобно сказочному «коню выручалу», «Сивке-бурке», конь Михайла прозорлив и обладает даром речи. Когда герой спрашивает, почему конь опечалился, тот отвечает: велика сила татарская, не перескочить ему третьего подкопа (Г. 192). Иначе: когда герой напустился на татар, конь стал просить не бить его, дать оглядеться, дух перевести; ездок не слушается, ударяет и попадает в подкоп (Р. 104, Г. 192, Ннз. 43, Гр. 343, 385). Вариации идут дальше: у Тр. 31 конь сам сбрасывает Михайла в яму; у Кир. III, с. 39 спасшийся конь скачет в монастырь с вестью о пленении героя. Роль коня нравилась не меньше, чем роль Данила: в вариантах можно найти и другие подробности, изложенные наивно и угловато.

Эпизоды с отцом Михайла и с конем, заняв главное внимание передатчиков песен, повлияли на то, что центральная часть — поход и побоище — были сокращены. Все же варианты второй редакции в этих местах целиком поддерживают первую.

Третьей части первой редакции, где разрабатывается эпизод неучествования победителя, во второй редакции нет. Ее исходом служит прославление героя (кроме Ннз. 45, где Михайло умирает). Опущена, таким образом, основная идея произведения — иллюстрация несправедливого отношения суверена, опирающегося на клеветников, к ближайшему помощнику, «богатырю», одерживающему для него победу над врагами, опущено также изображение личности «великого князя» с отрицательной стороны. Вторая редакция сохранила лишь пластическое изображение битвы с татарами без всякого отношения к чему-либо и до-

полнила содержание усилением показных эффектов невысокой художественной ценности, ставших результатом или наивного домысла (Данило) или заимствования из сказок (конь). Ясно, что эта редакция — переработка предыдущей, сделанной в другой среде — в среде мелкобуржуазного посадского населения, с целью дать простое занимательное произведение с опорой на центральную личность князя.

Первая редакция, таким образом, становится ближайшей к основной песне. Замысел последней состоял в том, что герой, не без некоторого недоверия к нему со стороны «великого князя», отправляется на трудное военное дело и выходит из него победителем. По возвращении вместо награды его ждет опала, как след клеветы со стороны темного окружения властелина. Истина тем не менее открывается: опала снята, победителю сулят всяческие награды, но поздно. Неучествовавший герой не считает возможным оставаться слугой неверному и жесткому господину, склонному к наветам, и удаляется в монастырь. Этот уход Михаила из мира менее драматичен, чем Сухана, героя другой песни на ту же тему.

2. Песня о Сухане Домантьевиче

В старой записи «Сказание о походе русских богатырей на Царьград» (Ннз., с. 279), у Кирши, 153, и у Р. 184 среди русских богатырей упоминается «Сухан Домантьевич», но особого повествования о нем нет. Вариантов самой песни о Сухане — пять: Г. 63, Р. 148, Т.—М. 54, М. 11 и Гр. 332. Многое в них забыто или непонятно. Порча прежде всего коснулась имени: «Сухан». Очень распространенное в XVI—XVII в., имя это, отмеченное вариантами старой записи у Кирши (древнейшими), превратилось в Сухмана, Сухмантия, Сухматия; из отчества «Домантьевич» вышло: «Долмантьевич», «Одихмантьевич», «Замантьевич».

Старины делятся на две редакции. Вторая представлена единственным вариантом Т.—М. 54, записанным в Сибири, на Сузунском заводе.

Лучшим вариантом первой редакции можно считать Р. 148. В нем отчетливее сохранено деление песни на части; их — три. Первая начинается обычным пиром у великого князя Владимира, на котором герой сидит молчаливым. На вопрос великого князя, отчего он пригорюнился, или его обидели, Сухмантий Одихмантьевич вызывается привезти Владимиру живьем «лебедь белую».

Вторая часть начинается с описания выезда героя за «лебедью». Охота неудачна, нигде нет птицы. Сухмантий призадумался: нет добычи, нет и выслуги —

61. Как поехать мне ко славному ко городу ко Киеву,
Ко ласкову ко князю ко Владимиру.
Поехать мне, живу не бывать.

Богатырь едет к «Непре-реке». Видит, что течет она не постарому — «вода с песком помутилася». Непра рассказывает о находе несметной силы татарской, мостящей мосты для переправы:

81. Днем мостят, а ночью я повырою,
Из сил матушка Непра-река повыбилась!

Сухмантий вырывает дуб с корнем, напускается на силу и всех побивает; лишь трое татар укрылись в приречных ракидах. Они подстерегли возвращавшегося с побоища богатыря и пустили в него по стреле. Сухмантий выдернул стрелы, покрыл кровоточащие раны «маковыми листочками» и убил татар.

В третьей части Сухмантий возвращается в Киев, где Владимир ждет не дождется «белой лебеди». Богатырь объясняет, что ему было не до «лебедушки» — он победил идущих на Киев врагов. Вместо благодарности великий князь отдает приказ — засадить героя в глубокий погреб, а для проверки его показаний отправить Добрыню. Тот докладывает, что «правдой хвастал» богатырь и в доказательство привез окровавленную «дубиночку» Сухмантия. Князь спешит освободить победителя, обещает «миловать-жаловать» городами, селами, бессчетной золотой казной. Сухмантий с обидой отвечает, что жаловать надо вовремя, выдергивает из ран листочки, кровь льется ручьем, и герой умирает, приговаривая:

196. Потеки Сухман река
От моя от крови от горячия,
От горячия крови, от напрасныя!

Остальные варианты — худшей сохранности. Г. 63 забыл упомянуть о поранении богатыря и унятия крови листочками. Желая восполнить пропуск, сказатель, нескладно и некстати, заставил скрывшихся татар встретиться с Ильей Муромцем и вступить с ним в разговор. При этом весь этот вставочный эпизод (стихи 116—151) стал буквальным повторением встречи Ильи Муромца с Идолищем, т. е. взят из другого сюжета.

В остальном вариант этот не только поддерживает предыдущий, но дает разработку отрицательных черт великого князя. Последний так встречает Сухмана:

72. Ездил ты да трое сутокки.
Привез ты ко мне нынь лебедушку,
Обещался кою да живьем в руки,
А ни серого ни малого утеньша!

Опалу на героя в значительной степени вызывает оговор лиц, окружавших князя:

88. Ах ты, Владимир столен киевской!
Не над нами Сухан насмехается,
Над тобой Сухан нарыгается,
Над тобой ли нын как Владимир князь!

Из остальных вариантов следует отметить М. 11. Необычайно многословный, с лишними повторениями, со склонностью, так сказать, растолковать сюжет, он интересовался речью, с которой раненый Сухмантий обращается к своему коню:

160. Уж ты конь, ты все конь, моя лошадь добрая!
Ты не стой, не плачь у тела богатырского,
Ты поди-ко се, беги да куды хошь поди,
Во луга ступай, поди да во зеленые,
Ты питайсе-ко все травой шелковую,
Ходи пей-ко се ключеву ту съезжу воду.

Что касается второй редакции, то процесс образования ее совершенно аналогичен таковому песни о Михаиле Даниловиче. Вторая редакция разрабатывает лишь первый момент повествования, внешняя красочность которого легко удерживалась в памяти, и *опускает второй* — недоверие и опалу, вызвавшие обиду и смерть героя. Классовое происхождение второй редакции такое же, как и предыдущей: оно вызвано опусканием переработки в низшие слои населения, где песня стала служить в качестве просто занимательного и благонамеренного рассказа.

Разработка первой части второй редакции интересна. Рассказ начинается прямо с картины охоты. Суханьше Замантьеву случилось доехать «до быстра Днепра». Река разгулялась, как в половодье, несет лес и коней «со всей приправой молодецкою». Днепр сообщает о несметной силе «Мамаея безбожного», который идет на Киев, «на дом пресвятыя Богородицы». Сила такова:

23. Черному ворону в ночь силы не скаркати,
Серому волку в ночь не обрыскати,
Доброму молодцу в день не объехати.

Суханьша бьется «трое суток»:

33. Навалит трупов коню до стремени,
Горячей крови до подчереза,
В трупах конь не может поскакивати,
Горячей крови прорыскивати.

Сам герой ранен, получил много ударов и среди них три кровавых сердечных раны. Тогда он удалился с побоища

43. На то болото зыбучее,
Ко той кочке болотинной,
Клал седельшко черкасское
На ту кочку болотную,
Под облако поплавучее,
И клал свою буйну голову
На седельшко на черкасское.

В таком положении находит его «Владимир». Узнав Суханьшу, соскакивает с коня и ведет героя в Киев, где тот умирает.

Если постройка песни о Михаиле Даниловиче основана на материале «Сказания» о Мамаевом побоище, то и песнь о Сухане зависит от него же.

Татарская сила, идущая на «стольный город и дом пресвятой Богородицы», названа «силой Мамае безбожного». Эпитет и имя татарского царя напоминает сказку о Мамае безбожном, а причетъ (в варианте М. 11) раненого Сухана коню буквально повторяет сказочную: «Законался он своему коню: Побегай, мой добрый конь, в чистые поля, в широкие луга, ешь шелкову траву, пей свежую воду; не достанься мой добрый конь поганому Мамаю безбожному...».

Образ выступившей из берегов, как в половодье, реки, вода которой взмутилась от перехода огромной рати, соответствует формулам, находящимся в разных видах повестей о Мамаевом побоище, как в «Сказании», так и в «Поведании», написанном в подражание «Слову о полку Игореве»: — «Поле же Куликово прегыбающесея, вострепеташа лузи и болота, рѣки же и озера изъ мѣсть своихъ выступиша». «Тутошніа рѣки мутно пошли, вострепеташа лузи и болота, езера выступиша изъ мѣсть своихъ» (в разных списках «Поведания»). «Рѣки же выступаху изъ мѣсть своихъ, яко николи же быти толикимъ людемъ на мѣстѣ томъ». «Рѣка Непрядна аки весною разлися» («Сказание»). Образ помутневшей «Непры» принадлежит только песне о Сухане; формулы выходящих из берегов рек встречаются только в повестях о Мамаевом побоище. Это бросающееся в глаза совпадение дало возможность Б. М. Соколову помутившуюся и разлившуюся «Непру реку» сопоставить с рекой Непрядвой, на берегах которой и произошло памятное «Мамаево побоище» — Куликовская битва. Фонетически слово «Непра» развилось из названия «Непрядва».¹⁵

В кровопролитном бою Сухана с татарами трупы доходят до стремени, конь по брюхо в крови ходит, не может перескочить

¹⁵ Соколов Б. М. Непра-река в русском эпосе // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности имп. Академии наук (далее — ИОРЯС). СПб., 1912. Кн. 3. С. 198—214. На эту статью был написан С. Рожнецким «Ответ г. Б. Соколову» (ИОРЯС. 1914. Кн. 1. С. 345—349), не соглашающийся с выводами Б. М. Соколова (и моими). Но он более чем неубедителен.

горы трупов и реки крови (вторая редакция). В «Поведании» горы трупов приравнены к «сенным стогам», и кони «в крови по колени бродят». В «Сказании» «через трупы борзъ конь не можетъ скочити, а въ крови по колѣни бродяху».

В «Сказании» находится эпизод о раненом великом князе. Когда настало время начать битву, Дмитрий Донской облекся в простые доспехи и стал в ряды бойцов. Во время боя он был ранен «тремя татарами» и, изнемогая от ран, вышел из ряда сражающихся — «нужею склонился с побоища». По окончании битвы по полю рассыпались воины искать великого князя. Долго искали, наконец, удалось найти его вдали от побоища «подъ сѣченымъ деревомъ березою», раненого, но живого. Сухан был ранен также «тремя татарами» и «склонился» с побоища в «уединенное место», где и был найден изнемогающим от ран.

Во второй редакции Сухана нашел «князь Владимир» и приветствовал; Дмитрия Донского приказал искать и приветствовал с победой брат его, «князь Владимир Андреевич».

Наконец, Сухан умирает потому, что из него льется «река крови». В «Сказании»: «сильни полки съступишася, изъ нихъ же вытекають кровавые ручьи». «Льющимся кровемъ, аки рѣчнымъ быстринамъ на всѣ страны».

Во вступлении к первой редакции есть одна лишняя и неорганичная подробность, отсутствующая во второй: вызов Сухана привезти с охоты великому князю лебедь «живьем в руки». Сухан выехал, однако, не на обыкновенную охоту. «Поймать лебедь» на эпическом языке обозначает «найти жену, невесту». В старине о Даниле Ловчанине Илья Муромец укоряет Владимира, отнимающего жену от живого мужа, такими словами: «Изведешь ты ясного сокола, не пымать тебе белой лебеди». Сухан, стало быть, поехал за невестой; оттого Владимир так нетерпеливо ждет его и сердится, что тот приехал с пустыми руками. Облик Сухана-свата не имеет никакого отношения к разбираемой песне и зашел из песен о Дунае — специальном свате Владимира. Здесь — результат порчи песни сказателями, вероятно, под влиянием близкого совпадения исходов обеих песен: Дунай, как и Сухан, умирает, истекая кровью, с таким же приговором.

Старины о Сухане были предметом разбора.¹⁶ Оба исследователя, по создавшемуся трафарету, обращались за параллелями к средневековью и сближали Сухана с летописным богатырем XII в. Демьяном Куденевичем. Несмотря на ряд натяжек, производимых или осторожно (Халанский) или в высшей мере утвердительно (Якуб), никакого сходства ни в положениях, ни в мотивировке не получилось. Ближе к истине стоял мифолог

¹⁶ *Халанский М. Г.* Великорусские былины киевского цикла. Варшава, 1885. Гл. 5; *Якуб А. С.* К былине о Сухмане // Этнографическое обозрение. М., 1904. № 1. С. 43—66.

О. Ф. Миллер, который считал песню о Сухане «переработанной» в XVI в. настолько, что «Владимир» в ней — московский царь Иван Грозный со всеми его атрибутами, выразившимися в беспрекословном подчинении «верных слуг», одинаково раболепно исполняющих приказы о заключении в тюрьму и об освобождении, — черты холопства и опричнины. В способе награждения «пригородами и пригородками» О. Миллер усматривал начало поместной раздачи. «Грозный» князь Владимир, по его мнению, похож на исторического Грозного и своей подозрительностью: молчаливость Сухана на пиру он расценивает как злую на себя думу.¹⁷

Больше того: О. Ф. Миллеру все «положение» в старине о Сухане напомнило «ту пору, когда спаситель Руси от крымских татар, князь Михаил Иванович Воротынский, был изжарен на углях Иваном Грозным». Исследователь, однако, не развил эту вкратце выраженную мысль, так как, будучи наиболее крайним выразителем методов мифологической школы, он больше интересовался «основой» песни, чем ее «наслоениями».

В обеих разобранных песнях, действительно, распущен мотив опалы. В царствование Ивана Грозного таких случаев было более чем достаточно. Им дана общая оценка убежденным феодалом, крупным противником царя, князем Андреем Михайловичем Курбским. В своей «Истории» он пишет: «Побіени жъ отъ него стратилаты, або ротмистры мнози, *мужіе храбрые и искусные въ военныхъ вещахъ...*» (следуют имена). «Такожде и отъ рязанскія шляхты благородныхъ мужей, зацныхъ въ родѣхъ, мужественныхъ же и храбрыхъ и славными заслугами украшенныхъ, Данила Чулкова и *другихъ нѣкоторыхъ искусныхъ поляницъ* и воеводителей, вкратце же рещи — *погубниковъ басурманскихъ, а оборонителей крайнь христіанскихъ*, и ротмистра нарочитаго въ мужествѣ Феодора Булгакова с братіями ихъ и со другими многими иноплеменными всеродне погублено». Курбский подчеркнул жестокою неблагодарность царя в отношении своих, как выражается он эпическим языком, — «поляницъ», обороняющих украинны от татар, в татарском Поле.

Ближайшее отношение к песням о Михаиле и Сухане имеет передаваемый Курбским рассказ о князе Михайле Воротынском, которого вскользь коснулся О. Ф. Миллер. Перекопский царь со всей силой пошел на Русь, собираясь предать ее разорению. Грозный бежал в Новгород, где пировал на свадьбе у своего шурина Колтовского, а землю оборонять приказал князю Воротынскому. Крепкий и мужественный воевода начал великую битву «съ тѣмъ такъ сильнымъ звѣремъ бусурманскимъ». Бой длился несколько дней, кончился полнейшим разгромом

¹⁷ Миллер О. Ф. Илья Муромец... С. 619.

татар и пленением знатных вельмож. Добытые трофеи победитель отправил к тому «хоронякѣ и бѣгуну», «который храбрится лишь с теми, кто ему не противится». «Что же воздашь за сію ему службу?», спрашивает Курбский. Подыскав лжесвидетеля, царь, по его навету, предал героя лютому мучению, а потом повелел отвезти «въ темницу на Бѣлое озеро», но князь умер. И вот — «за оную пресвѣтлую побѣду надъ бусурманы, ее же произвелъ еси и поставилъ мужествомъ храбрости своея <...> сподобился еси мзду премногую получитьи, еже пострадалъ еси неповиннѣ отъ онаго кровопійцы».

Схема этого рассказа — приход великой татарской силы — обещание хана разорить землю — великая битва — полнейший разгром татар — наветы на победителя — отсылка в темницу — смерть — рассказа, показательно рисующего расправу царя с феодалом, могла дать материал для песенных композиций, намеренно затушевывавших подлинные взаимоотношения действующих лиц.

В своем разборе «Песни об отбитом наезде»¹⁸ я высказывал предположение, что о князе Михаиле Ивановиче Воротынском ходили песни. Отражение их я усматривал в некоторых вариантах старин о Кострюке, в песне, записанной для Ричарда Джеймса и в вариантах песни «Царь в Серпухове». В них говорится о событии 1572 г. — победе Воротынского над татарами. Джемсова песня стоит в близком отношении с книжной «Повестью о бое московских воевод с неверным ханом», где сказано, что со стороны татар пали в числе прочих сын и внук царя и «князья Ширинские». В песне о Михаиле царь показан идущим на Русь с «князьями Ширскими». В других песнях татарского цикла в свите царевой в числе убитых всегда упоминаются: сын, зять, племянник. Крымский царь джемсовой песни бежит не путем, не дорогой, «не по знамени не по черному». «Черное знамя» упоминается в песне о Михаиле: «Буде ты, чадо мое милое, едешь неволею, и ты добивайся до знамени черного, а буди ты, чадо мое, едешь волею, и ты добивайся до знамени последнего и ни на кого не надейся». Наконец, — совпадение имени: «Михайло» показывает сеть взаимоотношений ходивших про этого героя песен. Из-за «цензурных» условий песни про опального феодала распространяться с сохранением исторических подробностей, естественно не могли. Сохранились, и то в незначительном количестве вариантов, только такие композиции, где действительность излагалась в намеренном претворении, и такие, которые были переделаны в простое занимательное повествование, что проделано их вторыми редакциями.

¹⁸ Шамбинаго С. К. Песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев Посад, 1914. С. 74—97.

3. Песня про Мамаево побоище

«Мамаево (испорченное «Маево») побоище» — это заглавие двух вариантов этой песни: О. 26 и Гр. III, 44; 5 озаглавлены «Камское побоище» — М. 81, 94, 104; Гр. III, 90, 111; вариант Т.—М. 8 называется: Илья Муромец и Мамай, вариант Гр. 1, 75: «Илья Муромец освобождает Киев от Калина царя». Все эти записи — позднего времени. Наиболее ранняя — Кир. 1, с. 58. Заглавия у нее нет; содержание таково.

1. У великого князя Владимира собрались князья, бояре и богатыри «думу думать»: на Киев наступает с несметной силой царь Мамай. Одни предлагают — «возвести стену белокаменную, желтым песком засыпать» (т. е. выдержать осаду), Илья Муромец — послать гонца, попросить сроку на три месяца,

19. Чтобы силой нам поисправиться,
А могучим богатырям посьехатися.
Есть на поле на Куликове,
Есть у нас тридевять богатырей.

2. Великокняжеский гонец приезжает к Мамаю, передает просьбу. Мамай издевается: дай вам три года, и то не исправитесь (т. е. не соберете войска),

39. А силы у меня припасенныя —
Сколько в лесе лесу, на лесу листу...

еще — девять зятьев, под каждым войско. Однако дает отсрочку.

3. Владимир посылает Илью Муромца за богатырями на Куликово поле. Там находятся: «Алеша Попович, Самсон, Святогор, Дон Иванович, Иван Колыванович». Они зывают посла в шатер, поят вином, Илья засыпает. Тщетно ждет его великий князь, наконец посылает «молодого» Ермака Тимофеевича, племянника Ильи. Его также приглашают на угощение, но Ермак отказывается: зачем тогда приезжать было. Поворотив коня, уезжает обратно.

4. По дороге видит, что к Киеву не подступишься: окружила его «чужа сила». Пробует Ермак «сметить» ее с пригорка, но невозможно — видимо-невидимо. Напустился богатырь на силу, бился с ней двенадцать дней, а ее все как будто не убывает. Из сил выбился.

5. Тем временем подоспели тридцать богатырей с Ильей Муромцем. Отослав Ермака отдохнуть, Илья распределяет свою силу:

182. Которых слал от синя моря,
Которых слал от чиста поля,
А которых слал от Почап реки.

Богатыри побили всю силу татарскую, поехали на гору, где спал Ермак, и с победой вернулись в Киев. Владимир чествует их пиром.

6. Не ужились богатыри в Киеве: их ухваток народу не вытерпеть. Великий князь с честью отпустил их обратно в шатры.

7. Приезжает к ним, на Куликово поле, «бабища Мамаишна», исполин татарский:

227. Головище у бабы с дощанище,
А глазища-то с пивны корцы,

и вызывает богатырей на единоборство за то, что убили «ее царя Мамаю».

8. Против нее выступает Ермак, долго бились, одолела бабища. Ермаку совсем было бы плохо, если бы не совет Ильи: ухватить за груди и бить о землю. Одолел Ермак, начали пировать.

К этой старине подходит вариант Т.—М. 8, озаглавленный «Илья Муромец и Мамай». Он дает некоторые добавления и расширения к указанным частям схемы:

К 1. Разработана картина Мамаева похода —

4. Из-за той же сторонушки восточныя
Не темная туча поднималася:
С силой Мамай снаряжается
На тот же на крашен Киев град,
И хочет крашен Киев в полон взять.
И брал он себе силы много множество:
Сорок царей и сорок царевичей,
Сорок королей и сорок королевичей,
И за всяким визирем по сту тысячей,
Да брал своего зятя любимого,
Своего Василия прекрасного.
И брал за им силы — войска триста тысячей,
А за самим за собой войска счету не было...

Земля трясется от множества воинов, от пару кониноного не видать солнца и месяца.

К 2 прибавлено: до Мамаю дошли вести, что из Киева все богатыри разъехались. Не доходя до города, Мамай раскинул шатры, велел зятю составить ярлык и везти к Владимиру. Грозный посол предъявил посланье:

90. Не спущу из Киева ни старого ни малого,
А самого Владимира буду тянуть очи косицами,
А язык-то теменем, с живого кожу драть буду,
А княгинюшку Апраксию возьму за Василия прекрасного.

Подоспевший в Киев Илья видит, как «умывается слезами» великий князь.

К 3. Имен богатырей гораздо больше. Роль Ермака исключена в варианте. Илья предлагает богатырям постоять «за веру христианскую, храмы, монастыри». Богатыри головы выступить и просят князя послать «во чисто поле вина и хлеба»: приедем живы — позабудемся,

155. А не приедем из того побоища Мамаева,
Похорони наши тела мертвые
И помяни русских богатырей.

К 5. Илья думает, с какого конца бить начать. Он наказывает богатырям быть готовыми на третьи сутки, по знаку:

193. Как зазвонит палица боевая,
И зачивкает моя сабля острая,
И затрублю я во турий рог.

Илья пробивается до самого шатра Мамаева. Встреча его с Мамаем (стихи 202—260) повторяет встречу Ильи Муромца с Идолищем. У Мамая в стане находится похожий на Идолище богатырь «Рославней Рославнеевич». Этот «Рославней», как и «бабища Мамаишна», — какие-то вариации непонятого места, бывшего в основной песне.

Вариант этот имеет заключение, отсутствующее в предыдущем. «Два суздальца», остававшиеся в лагере для встречи богатырей победителей, не утерпели, выехали на побоище и похвалились: «Кабы была небесная сила, и ту бы побили». И сделалось «чудо великое»: встала побитая Мамаева сила впятеро больше. Чем больше бьют богатыри, тем прибывает сила. Взмолился Илья за прегрешения, и — повалились сила:

311. И начали копать мать сыру землю
И хоронить тела во сыру землю,
И протекала река кровью горячею...

Богатыри с побоища поехали «в монастыри — пещеры киевски», где «представились».

Вариант О. 26 озаглавлен «Маево побоище» (испорчено из «Мамаево побоище») — названием, взятым из заключительных стихов старины:

388. Тут тогда это стало покоище
Кабы Маево стало побоище.

Вариант снова сплошь проникнут влиянием песни об Илье Муромце и Идолище потому, что смутная роль «бабищи Мамаишны» и «Рославнея» возложена в нем на грозного посла татарского, который сначала называется «Тугарище-югарище

поганое» и описывается чертами Тугарина, а в дальнейшем носит имя «Идолище». За исключением этого лишнего вплетения вариант поддерживает предыдущие, кое-что выражая лучше, например уряжение полков Ильею Муромцем:

327. Уж вы ой еси руськи богатыри!
Вы иной едьте по праву руку,
Вы иной едьте по леву руку,
Сам я еду середкой, самой матицей.

«Суздальцев» заменили «Братья Долгополые». Хвастовство их выражено обстоятельнее: если бы кольцо в земле было, всю землю бы повернули, если бы на небо была лестница, пересекли бы силу небесную. — За эту похвальбу они «окаменели».

Термин «Мамаево побоище» поддерживает еще Гр. III, 44. Вариант этот, по-видимому, восходит к предыдущим, но сказатель (Поташев), 84-летний старик, дряхлый, многое забыл, и настолько в день пения был болен, «что прямо жаль было заставлять его петь», замечает собиратель. Отсюда — текст скомкан, не окончен (нет похвальбы).

Варианты, озаглавленные «Камское побоище», как записи позднейшие, отмечены всеми недостатками современного состояния эпоса: утратой подробностей основного содержания и ненужными распространениями за счет общеэпического запаса (песен и сказок). В них продолжается влияние старин об Илье и Идолище и заметен большой уклон к родственным песням об Илье Муромце и Калине.

Все они начинаются формулой о нахождении на Русь огромной силы (цари — короли — зять), охотно варьируют имена богатырей на «Куликовом поле». Предложение последних угостить Ильею и посланного за ними молодого Ермака (имя в большинстве случаев меняется, не раз встречается «молодой Михайло») вином и просьба богатырей принять их после битвы с угощением — эти варианты охотно разрабатывались сказателями, привлекавшими материал из старин о Василии Пьянице. Поэтому все варианты полны упоминаниями о пирах, попойках, сне после пьянства.

В варианте М. 84 лицом, въехавшим на высокое место, чтобы обозреть силу татарскую, назван «Пересмет». Он докладывает: велика сила, «как вешняя вода разливается, мать-земля колыбается» — пример продолжавшегося влияния песни о Михаиле Даниловиче. Гр. III, 90 начал было правильно этот эпизод, говоря, что богатыри поехали «на шеломя окатисто», но, оказывается, не за тем, чтобы смечать силу татарскую, но на «попойку великую», три дня гуляли.

За исключением варианта Кир. I, с. 58, остальные, как сказано, все — записи позднейшие. Отсюда общее впечатление от содержания создается малоустойчивым и пестрым. Даже наибо-

лее стройные по выполнению старины (напр., Гр. I, 75 — лучшей сказательницы Кривополеновой) не свободны от заимствования мотивов их других песен, хотя бы того же татарского цикла.

Особенной лоскутностью отличаются песни о Камском побоище, очень мало привносящие в содержание основной песни. Они показывают, каким сложным перекрестным влиянием подвергаются современные варианты ввиду наслонения на них подробностей, вытекающих из случайного параллелизма.

В описании прихода татар и победоносной борьбы с ними песня о Мамаевом побоище чрезвычайно близка к песням о Михаиле и Сухане. Так как для последних, в отношении постройки, была указана тесная связь со «Сказанием» о Мамаевом побоище, то с этим памятником должна быть сопоставлена и разбираемая песня, тем более, что термин «Мамай», «Мамаево побоище», «Куликово поле» для нее органичны.

Для сравнения я воспользуюсь списком «Сказания», принадлежащим собранию гр. Уварова,¹⁹ причем буду придерживаться изложенной выше схемы.

1. *Мамай едет с громадным войском на Русь.* Песенные варианты согласно останавливаются на указаниях, с кем едет царь, сколько под каждым силой, с каких сторон она идет. В повести: Мамай собрался «з девятию ордами и семюдесять князи, а идет двенадцетью дорогами».

2. *Посылает ярлык великому князю.* Песенное содержание ярлыка — грозно: Русь ожидает конечная гибель, судьба княжеской четы ужасна. Мамай в «Сказании» говорит вельможам, что он подвергнет страну разорению, «убию князя их і жену его и приведу всу Рус под свою руку». Так он пишет в ярлыке.

3. *Великий князь скорбит и отправляет гонцов смягчать татар.* Песенный гонец — юный. Текст повести: «Слышавъ же то, князь великій Дмитрей Ивановичъ, яко грядеть на него безбожнѣй царь Мамай съ многими ордами и съ всѣми силами, неуклонно яряся на христіанство<...> и ревнуя безглавному Батыю<...> велми опечалися о безбожныхъ нахожденіи». Неоднократно высылает великий князь «сторожей» в татарское Поле, «дабы истинну увѣдати царева хотѣнія». В первой и главной стороже отправил он «избранного своего юношу, доволна суца разумомъ и смыслом, имянемъ Захарію Тятишева и дасть ему два толмача<...> и злата много отпусти съ нимъ къ нечестивому царя Мамаю».

4. *Собираются войска и после молитвы выступают на Куликово поле.* Варианты, против обычной песенной практики, упорно перечисляют богатырей поименно: для вариантов эта подробность «типичная», как отметил акад. В. Ф. Миллер, на-

¹⁹ Государственный исторический музей (Москва), собр. А. И. Уварова, № 802. Скоропись XVII в.

считавший 22 имени богатырей, припомненных сказателями. В книжном тексте: «А самъ князь великій по всей Русской земли скорые гонцы разославъ с своими грамотами по всѣм градом: да вси готови будете на мою службу, на брань<...> И придоша к нему князи Бѣлозерская<...> храбри воины и удалы витязи и велми учрежено вѣинство их: князь Феодоръ Семеновичъ, князь Семень Михайловичъ, князь Андрѣй Кѣмскій, князь Глѣбъ Каргополоской, и Андомская князи, придоша ж Ярославская князи с своими силами: Андрѣй Ярославский, князь Романъ Прозоровский, князь Левъ Курбъскій, князь Дмитрей Ростовскій, инныя убо многие князи». Великий князь Дмитрий Иванович изображается постоянно прибегающим с молитвою к Богу; в песне не раз упоминается о молитве.

5. *Перед боем уряжаются полки.* В вариантах иногда точно указывается, кому ехать по правую, кому по левую руку, кто — посередине. Великий князь в «Сказании»: «праву руку уряди себѣ брата своего князя Владимира<...> а лѣвую руку себѣ сътвори князя Глѣба Брянскаго<...> передовой же полкъ Дмитрей Всеволож...».

6. *Бой с татарами.* Бой с татарами сначала ведет один богатырь, затем подоспевает дружина, заслышав шум его богатырских доспехов: звон палицы, чивканье сабли, рев турьего рога... В «Сказании» не менее поэтично: «Ту же, братие, стукъ стучить и аки гром гремить<...> поидеть силнаа рать<...> а гремять русские сынове своими злаченными доспѣхы». Войск много: поле Куликово «прегибается», реки из берегов выходят. Начало битвы в «Сказании» также начинается с единоборства: из татарского войска выехал исполин, подобный «древнему Голиаду», и стал вызывать поединщика. Откликнулся инок Сергиева монастыря Александр Пересвет.²⁰ Ударилсь копьями и оба пали. — Уваровский текст «Сказания» дает описание этого исполина, которого называет Телебеем: «Трею сажень высота его, а дву сажень ширина его, между плеч у него сажень мужа добраго, а глава его аки пивный котель, а между ушей у него стрела мерная, а между очи у него аки питиі чары, а конь под ним аки гора велия». Это описание *буквально* сходно с описанием грозного посла Мамаю в варианте О. 26 и показывает, что на этот раз на книжную повесть воздействовала старина. Здесь — пример обоюдных влияний, ибо органичный для «Сказания» великан Телебей нашел себе отражение в образах бабищи Мамаишны, Рославнея, Идолица, Тугарина, который, кстати сказать, всегда выступает с вышеприведенным описанием наружности. Образ нравился, но в песне ему не нашлось определенной роли.

²⁰ Уж не «пересмет» ли в варианте М. 81, если только не от глагола «пересметить»? Подробнее см. об этом: *Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности. Т. 2. М., 1910. С. 368—375.

7. Перед началом боя богатыри просят Владимира выставить угощение на случай, если вернутся живы с побоища, и похоронить, помянуть, если сложат головы. В одном из вариантов (Кривополеновой) Илья Муромец на просьбу к нему Владимира остаться в Киеве, пусть другие выступают, отвечает: «не вы слуга это богатырская». В «Сказании» говорится, что великий князь пожелал стать в ряды, как простой воин. «Мнози ж рускїе богатыри удръжавше его, възбраниша ему, глаголюще: Тебѣ подобаеть особь стояти и на нас смотрїти... Егда тя Господь упасеть милостїю своею, и ты разумѣши, кого чим даровати<...> Тебѣ ж подобаеть великому князю рабом своим, еліко кто заслужить своею главою, память сътворити<...> Аще тебе единого изгубим, тѣ отъ кого имамаы чаяти, кто по нас память сътворить».

8. В «Сказании», по окончании побоища, оставшиеся в живых стали собираться по звуку трубы. Много пало в битве, самого великого князя нашли под усеченной березой. Варианты подчеркивают, что многие были убиты, некоторых участников сначала не досчитывались, потом уже они появились.

В книжной повести отсутствует заключительная часть песни: похвальба и ее провиденциальное наказание. Это — достойное исключительно поэтической композиции. Из «Сказания» взята, как и прежде, пластическая часть: поход и битва. С ним песня о Мамаевом побоище находится в еще более тесном соприкосновении, чем две вышеразобранных. Для полноты обращу внимание на некоторые мелочи.

1. У Т.—М. 8 богатыри собираются в Киев:

134. Не ясны соколы солеталися,
Не славны добры молодцы соезжалися,
Ко тому ли Владимиру собиралися...

В «Сказании»: «уже бо тогда яко соколи от златых колодиць рвахуся, выѣхали князи Бѣлозерстїи...». В другом месте: «уже бр яко орли слѣталися со всей Русской земли, сѣхалися дивныя удалцы...».

2. Тот же вариант упоминает о текущих реках крови и о похоронах убитых. «Сказание» говорит, что русские стояли за Доном восемь дней, пока не разобрали тела, христианские похоронили, татарские отдали зверям, Дон река три дня текла кровью.

3. У Гр. I, 75 Илья Муромец советует Владимиру отправить дары татарам, в «Сказании» этот совет подает митрополит Киприан.

Наконец, в вариантах песни рассеяно множество книжных формул, совпадающих с формулами песни о Михаиле Даниловиче и восходящих к тому же «Сказанию».

Владимир за богатырями посылает на «Куликово поле». Туда же уезжают они, не ужившись в Киеве. В поэтическом представле-

нии, таким образом, Куликово поле стало рисоваться каким-то гнездом богатырства. Такое впечатление, несомненно, создавалось под влиянием книжных повествований о Куликовской битве.

Остается заключительная часть: похвальба некоторых членов богатырской дружины, результатом чего стал вторичный бой с восставшей силой. Бой кончается снова победоносно, но хвастовство не проходит безнаказанно: в вариантах О. 26, М. 94 и Гр. I, 75 хвастуны погибают; у Т.—М. 8 умирают все богатыри; у Гр. III, 90 — один Илья Муромец. В остальных трех вариантах гибели нет: у Гр. III, 44 потому, что передатчик забыл содержание, у Гр. III, 111 сказано, что богатыри не добились восставшей силы и уехали, у Кир. I, с. 58 этого конца нет, но намек на неубывание избиваемой силы чувствуется при описании боя Ермака: сколько ни бьет их богатырь, не уменьшаются татары, только помощь товарищей его выручает. Погибают богатыри по-разному: «окаменевают» (О. 26, Гр. III, 90), бросаются на копья (М. 94), «преставляются» в пещерах киевских (Т.—М. 8). Разногласица, но ясно, что с богатырями после боя что-то случилось.

Этот эпизод о похвальбе оказывается присоединенным еще к некоторым вариантам иных сюжетов.

1. Гр. III, 402, вариант сюжета о бое Ильи Муромца с Калином царем, который в нем назван Кудреванищем, плохо знающий содержание, в стихах 271—285 дает весьма слабую реминисценцию эпизода похвальбы: Илья, Добрыня и Алеша, в конце концов, победили восставшую силу и приехали в Киев.

2. Р. 74, Г. 121 и Т.—М. 10 — Илья Муромец и Калин царь записаны от одного сказателя, Щеголенка. Два первых, короткие старины, заканчивая повествование, изображают Илью Муромца расхваставшимся: «Прирубили бы мы силу всю небесную». Татары удваиваются, после того как их «рассекут на полы»: Илья «переселся», конь его окаменел. Во втором прибавлено:

21. И сделались мощи да святыми
Да со стара казака Ильи Муромца.

В третьем варианте эпизод отсутствует. Видимо, что сказатель, большой комбинатор, не был уверен, нужен ли этот эпизод для исхода данного сюжета.

3. В варианте того же сюжета Г. 138 — расхваставшиеся богатыри вызвали на бой «силу небесную» и во время боя друг друга «прирезали».²¹

²¹ О том, что Илья Муромец «окаменел» и поныне сохраняются его «мощи нетленные», говорят его варианты Р. 176, Г. 221 и Г. 226 песни «О трех поездках Ильи Муромца». Здесь, по замечанию В. Ф. Миллера, сказалась основная идея

Несомненно, исходы указанных вариантов не органичны для их сюжетов, основательно забыты и попали в них из песни о Мамаевом побоище. Вмешательство нездешней силы, являющееся как возмездие не в меру расхваставшимся, было прикреплено именно к песне о Мамаевом побоище. Предполагать, что существовала какая-то особая «Песня о гибели богатырей» — нельзя. Исследователи обыкновенно ссылаются на единственный вариант, записанный Л. А. Меем от сибирского казака, вариант весьма сомнительный и по содержанию и по записи.²² Начинается он с рассказа о последовательных единоборствах Добрыни и Алеши с татаринном. Добрыня убит, Алеша одолел, хочет прикончить противника. Тот взмолился: принесу мертвой и живой воды, воскреснет Добрыня. «Песня о гибели богатырей» начинается, собственно, со стиха 148: Илья видит, что через Сафатреку переправляется громадная сила. Крикнул он зычным голосом богатырям, те поспешили на зов и изрубили силу. Стали хвалиться: «Не намахались наши плечи, не уходились кони, не притупились мечи». Алеша восклицает: «Подавай нам силу нездешнюю, мы и с той справимся!». Явилось двое «воителей». Не узнали их богатыри. Алеша налетел, ударил, стало четверо, Добрыня — восьмеро. Сколько ни били, «сила все растет, на богатырей с боем идет». Три дня бились богатыри, испугались, побежали в каменные горы, в темные пещеры, как побежит кто к горе, так и окаменеет. Эта во многом литературно обработанная старина напоминает контаминированную Г. 168 — «Добрыня и Алеша», мало, кстати сказать, вразумительную. В ней Добрыня, отправившийся в поле, увидел черного ворона, хотел его застрелить, но тот провещил: ступай на гору, велел он Добрыне, посмотри на восточную сторону, какая несметная стоит там сила. Чурило, Илья, Добрыня и Алеша побили татар, не оставили на семена. Вдруг прошел слух, что убит Добрыня; Алеша начинает «подхаживать» к жене его. Следует рассказ о неудачной женить-

составителя песни, желавшего покончить авантюры богатыря «житием, т. е. подвигом благочестия, праведною кончиною и православием» (*Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности. Т. 3. М.; Л., 1924. С. 146). В данном случае дело идет о приспособлении мотива, взятого из сюжета о гибели богатырей.

²² Подозрительны «витязи» (вместо «богатыри»), «воители», сама постройка песни. О ней О. Ф. Миллер выразился так: «...присутствие тут предводителя новгородского круга (Василия Буслаева) свидетельствует об искусственном <...> строе этой небывальщины» (*Миллер О. Ф.* Илья Муромец... С. 789). Также акад. А. Н. Веселовский писал: «...не коснулась ли внешней стороны былин эстетически исправляющая рука?» (*Веселовский А. Н.* Южнорусские былины. [Т. 2]. СПб., 1884. С. 257). Во всяком случае и тут эпизод о похвальбе — исходный для всей старины. Похожее на Меевскую запись приводил на лекциях в своем пересказе проф. С. П. Шевырев со слов одного студента.

бе Алеши, прерывающийся неожиданным возвращением опять к воинскому сюжету:

124. Тут они как в поле воевали
И тут они сказали:
И со небесной мы бы силой супротивились,
А не то что с силой проклятой!
Тут на них Господь прогневался,
Спустил на них столоп огненный.
Они как столоп перерублят, то два станет,
Два станет все поединщика.

Тут богатыри взмолились, одумались: «Нам бы тое же слово да не так сказать!», т. е. выразились они слишком кощунственно. Карающая сила здесь выражена в виде «огненного столпа». Это, вероятно, исконный образ, постепенно реализовавшийся сначала в нездешних воителей, потом в побитую татарскую силу.

Весь эпизод о гибели богатырей не может быть назван устойчивым. Богатыри победили неверных, потом некоторые из них («двое братьев», «Алеша», «Илья») возгордились, вообразили, что они непобедимы. Тогда явилась карающая сила («нездешние воители», «побитые татары»), стала расти после каждого удара богатырского вдвое, вчетверо... Богатыри взмолились о неладном слове. В результате — они победили снова, но или вернулись все, кроме хвастунов, или «переселились», погибли, или «преставились» в киевских пещерах, все или один Илья, или побежали в горы и там окаменели, или друг друга прирезали. В основе лежит только один факт: богатыри на Руси исчезли.

Песни о том, «как перевелись богатыри на святой Руси», исследователи касались не раз и считали ее самостоятельной композицией. Последователи мифологической школы (особенно акад. Ф. И. Буслаев) усматривали в ней отражение мифа о превращении людей в камни. Н. Квашнин-Самарин, Л. Н. Майков и О. Ф. Миллер — отражение исторического события — битвы на Калке. Это положение развивали: Н. П. Дашкевич, акад. А. Н. Веселовский и В. Ф. Миллер. Первый усматривал в старинах о гибели богатырей позднейшую переделку древней песни о Калкском побоище и в доказательство приволил «параллели» из летописных известий об этом событии. Они сводились к тому, что 1) и там и в песне в бой вступает небольшая богатырская дружина, 2) одинаково выдаются как герои Алеша и Добрыня и 3) что гибель богатырской дружины рассматривается как результат Божьего гнева.

Второй исследователь [А. Н. Веселовский] предполагал, что беспримерное поражение русских при Калке дотоле неведомым, нездешним врагом вызвало покаянную песню, рассматривающую поражение как «суд божий» над православными людьми за грехи и гордыню. На Калке, названной некоторыми вариантами

«Сафат»-рекой, т. е. обратившейся в долину страшного суда — «Иосафатову», погибли лучшие силы земли Русской — тут перевелись богатыри.

Наконец, третий исследователь [В. Ф. Миллер] соединил старины о гибели богатырей с новейшими — «О Камском побоище» и усматривал в них многократно переделанную обработку древних сказаний о Калкском побоище. По его указанию, фонетически из «Калкское» вышло «Камское», так как первоначальный термин с течением времени стал непонятным. Отыменное прилагательное «камский» стало «простым эпитетом побоища, вроде: страшное, кровопролитное».

Никакого, однако, отражения Калкской битвы 1224 г. в песне не имеется.

1. Как самостоятельное целое эпизода о гибели богатырей не существует. Он органически соединен с вариантами, входящими к основной композиции, которую я называю «Песня о Мамаевом побоище». Заход эпизода в заключительную часть старин на другие сюжеты, как указано, случаен и для них неорганичен.

2. Варианты, озаглавленные «Мамаево» и «Камское» побоище, в общем, настолько сходны, что возводить их к разным композициям не приходится. Разнятся только эпитеты. Сходство их постройки с книжным «Сказанием» о Мамаевом побоище с очевидностью показывает, что уже если искать «исторических подлежащих», то надо обратиться к 1380, а не к 1224 г.

3. Песня о Мамаевом побоище, как и вообще песни татарского цикла, и не задавалась целью воспеть определенное историческое событие. Цель ее иная. Для ее выполнения она к повествованию, проведенному в панегирическом тоне и заимствованному из повести тоже триумфального характера, присоединила исход, говоривший о каком-то случае с богатырями.

4. Варианты не дают возможности утверждать, что похвальба окончилась гибелью всех русских богатырей и не указывает точно, какой именно. Н. П. Дашкевич справедливо заметил, что «окаменение» — эпический мотив наиболее распространенный. В старинах, по его мнению, замечается старание согласить предание о гибели богатырей вследствие окаменения с представлением о «святости» Ильи Муромца и кончине его в монастыре. Страница Г. 78 дает такое заключение последней поездке Ильи Муромца:

140. Приезжае он во славнои во Киев град
А ко тым ли он пещерам да ко киевским,
А прилетала невидима сила ангельска,
А взимали то его да со добра коня
И заносили во пещеры ты во киевски,
И тут же ведь старый опочив держал.

Ай потамест мы старому славы поем,
Старому казаку Ильи Муромцю.

Некоторые разобранные выше варианты не раз намекают, что в пещеры-монастыри ушел именно Илья, что там лежат его мощи. Все это можно поставить в связь (и ставилось О. Ф. Миллером) с почитанием в числе киевских печерских угодников «богатыря» Ильи Муромца. На первый план, таким образом, в песне выдвигается удаление в монастырь героя. Так, между прочим, думал Н. П. Дашкевич, говоривший, что «окаменение» получило христианское применение в смысле удаления в монастырь. Думается — наоборот: не «окаменение» получило применение в смысле удаления в монастырь, а само удаление символизировалось как окаменение. Так, по-видимому, понимал этот образ акад. А. Н. Веселовский, сказавший: «Старые герои удаляются на склоне дней, побежденные христианской идеей, в пещеры, в горы, т. е. в монастыри, — *богатыри уходят в монастыри*». Исследователю припомнился тут Михаил Данилович, который тоже удалился в монастырь, будучи обижен князем. Мотив остался жить в легенде о Михайлике и Золотых воротах, где герой тоже удаляется из мира.

Однако в данном случае мало ограничиваться одной ссылкой на «припоминание». Между уходом в монастырь неучествовавшего героя (в песне о Сухане — его гибели) и уходом богатырей в монастыри, где от них (по крайней мере, от Ильи Муромца) остаются мощи, — связь гораздо теснее.

Сначала приведу книжные параллели образу «нездешних воителей».

Чудесное видение воителей и столпа огненного во время боя — формулы многих воинских повестей. Ближайшая параллель находится в видении воина Фомы Кацибея в «Сказании» о Мамаевом побоище: «Облакъ от вѣстока великъ зѣло, изрядно пріа, аки нѣкакія плѣки, к западу идушь. От полуденныя ж страна пріидоша уноши, имуща на себе свѣтлыи багряница, лица их сіающа, аки солнце, въ обоихъ рукахъ у них острые мечи. И начаша их сѣщи и всѣх изсѣкоша, ни едінъ от них не избысть». «Двое воителей» не раз повторяются в «Повести» об Азовском сидении. Тут даже сохранилась деталь, одинаковая с песней: рассечение на-полы, только эта роль отдана небесной силе: «...из Азова города выѣзжають<...> два младыя мужика въ бѣлыхъ ризахъ с мечами сотными и побивають они у насъ нашу силу туретцкую всю и пластають людей наших на-полы во всей одежде».

Другой образ — «столп огненный» находится в летописной записи о явлении столпа огненного над гробом Феодосия (под 1110 г.). Летописец толкует «столп» как видение ангела — проводителя русских на иноплеменников: «...се же бьяше не огнь ни

столпъ, но видъ ангельскій: ангель бо сице является, ово столпомъ огнемомъ, ово же пламеномъ<...> Ангель бо приходит и покажетъ нѣчто мало видинья своего, ово бо огнемъ, ово столпомъ, ово инакимъ видѣнемъ, яко мощно зрѣти имъ...».

Следовательно, песня о Мамаевом побоище для выявления своего замысла и в данном случае пользовалась книжным материалом.

В чем же заключался замысел песни?

Небесная сила в боевых описаниях всегда приходит на помощь правой стороне, как выражено в Галицко-Волынской летописи — «яко не отъ помощи человекомъ побѣда, но отъ Бога». Большею частию, конечно, она приходит на помощь русским, выступающим против врагов, по мнению книжников, всегда во имя справедливости. Но в летописной заметке 1399 г. о битве Витовта с татарским царем Темир-Кутлуем, где литовцы были наголову разбиты, сказано: «и поможе Бог татаром». Создается впечатление, что поражение в бою образно понималось вообще как результат непосильной борьбы с противником, на стороне которого стоит «нездешняя сила». В этом направлении надо понимать и положение в песне, где эта «сила» побеждает русских богатырей.

Впрочем, как указано, большинство вариантов не говорит о реальном одолении русской силы, наказываются, собственно, хвастуны. Но, в конце концов, богатырская дружина все же исчезает, окаменевая в горах, пещерах. Под последними подразумеваются, разумеется, «киевские горы», пещеры Киево-Печерского монастыря, где до последнего времени на самом деле показывались «мощи Ильи Муромца». Поэтому для акад. А. Н. Веселовского и наметилась параллель между легендой о Михайлике, который, по одним вариантам, находится в монастырь в Царьграде: «перед ним стаканчик воды да просфора», по другим — удалившемся просто «за якісь гори», и — Михаилом Даниловичем, скрывшемся до конца дней своих в монастыре.

Таким образом, основная идея песни была приблизительно такой: русское богатырство, победоносно борющееся с исконным врагом, татарами, удалилось в монастыри или погибло (в лице некоторых представителей). Лучше сказать, основываясь на судьбе Михаила и Сухана, было удалено вследствие опалы. Если последние отражают отношения Ивана Грозного к Михаилу Воротыньскому, то песня о Мамаевом побоище касается общей разделки царя со своим окружением, т. е. отражает полную картину борьбы абсолютизма с феодалами, кончившейся победой первого.

Вина богатырей заключалась в том, что некоторые из них, упоенные победой, расхвастались своими воинскими успехами. Хвастуны погибли, остальные сошли со сцены. Здесь нашел себе

поэтическое выражение тот антагонизм, который со стороны «князей-бояр» формулирован в письмах Курбскому, со стороны абсолютной власти — в ответах ему царя. «Почто, царю! сильных во Израили побилъ еси? и воеводъ, отъ бога данныхъ ти, различнымъ смертемъ предаль еси?», — пишет Курбский. «Не прегордя ли царства разорили и подручныхъ во всемъ тобѣ сотворили мужествомъ храбрости ихъ, у нихъ же прежде въ работѣ быша праотцы наши?». — Здесь Курбский прямо намекает на татарскую силу, сокрушенную царскими «богатырями». Я сам, продолжает он, «предъ войскомъ твоимъ хождахъ и не исхождахъ и никоего же тебѣ безчестія приведохъ, но токмо побѣды пресвѣтлы помощію ангела Господня во славу твою поставляхъ, и никогда же полковъ твоихъ хребтомъ къ чюждимъ обратихъ, но паче одолѣнія преславныя на похвалу тобѣ сотворихъ».

Перечисление Курбским заслуг своих и боярских Грозный счел дерзким хвастовством. «Не пресвѣтлы ли побѣды съ божіею помощію на противные показаша? Се убо, гордостію дмяся, всуе хвалишися!». Царь далеко не разделяет убеждения феодалов, что они оказывали особую помощь государству. Грозный склонен, и то ограниченно, признать заслуги «князей-бояр» при взятии Казани, но под Астраханью, например, «ниже близъ вашей милости было, не точию дѣло» — вас под городом даже и не видали, а не только вы сражались. Если уж где искать богатырства, так в прошлом: предки ваши, пишет царь, ходили на войну, «никимъ же понуждаемы, но своими хотѣніи и бранной храбрости хотимы, а не яко же вы, еще понуждаемы на рать и о семь скорбяще...». На войну то не дозовешься, хороши богатыри! — таков смысл укоров. «И такіе храбрые тринадцать лѣтъ до нашего возраста не могоша отъ варваръ христіан защитити!».

Царь бросает жесткий упрек своим слугам: в том ли состоит ваша храбрость, если вы службу в войске считаете за опалу? «Сколько хожденія не бывало въ Казанскую землю, когда не съ понуждением, но съ хотѣніемъ ходисте?» — Иначе — так ли следовало покорять «прегордые царства», как вы, хвастуны, о себе говорите.

Разлад непримиримый: для Курбского богатыри-воеводы, сильные и храбрые, развеяны, удалены различными способами, для царя — все они хвастуны, лентяи, хороняки, люди, лишённые бранных качеств. Песня о Мамаевом побоище придерживалась первого взгляда. Отсюда — понятно ее классовое происхождение. Сложное идеологическое содержание не сделало ее распространенной: она не вызвала вторичной переработки, рассчитанной на популяризацию в посаде, и осталась существовать в неустойчивых вариантах, насколько память позволяла сохранять старую песню, содержание которой становилось мало понятным.

М. И. РОМАНОВ

РЕБЕНОК СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНИ В ФОЛЬКЛОРЕ И БЫТЕ

Публикация А. Н. Мартиновой

Ниже печатается статья замечательного собирателя, исследователя фольклора М. И. Романова.

Михаил Романович Романов (1886—1956) и его труды мало кому известны. Лишь в последние годы его личность и работы по краеведению, фольклору и этнографии стали привлекать внимание журналистов, краеведов, фольклористов.¹ Между тем М. И. Романов собрал огромный материал по фольклору, этнографии, диалектологии и истории его родного края — Вельского у. Вологодской губ. (ныне Черевковский р-н Архангельской обл.) — территории, расположенной по р. Устье, правому притоку р. Ваги. Собранный материал он пытался осмыслить и предпринимал неоднократные попытки издать какую-либо часть своих записей, но лишь одна его небольшая работа увидела свет.² Это история Устьянской и Дмитриевской вол. с XI по 20-е годы XVIII в., написанная на материалах архива Дмитриевского волостного земства. Все остальные его работы остаются неизданными. Из них самые интересные и ценные — «Словарь устьянских говоров» и «Фольклор Устья», хранящиеся в Рукописном отделе ИРЛИ.

Немного о фондообразователе. Жизнь М. И. Романова несколько необычна для скромного сельского учителя глухого захолустья.

Он родился 15 февраля 1886 г. в с. Дмитриевском Вельского у. Вологодской губ. В семье политического ссыльного И. М. Романова, осужденного за участие в народовольческом движении (по словам

¹ Кузнецов О. Д. Живое слово севера // Русская речь. 1976. № 5; Алферов М. Краевед М. И. Романов: Исторический очерк // Ленинский путь. 1989. 1 октября; Лукин А. Научный труд сельского учителя // Правда Севера. Вельск, 1777. 8 янв.; Мартинов А. Словарь Романова // Ленинское знамя. 1979. № 10, 17, 20.

² Романов М. И. История одного северного захолустья. Великий Устюг, 1925.

сына, в ссылке «занимавшегося торговлей до 1918 г.») и учительницы К. В. Романовой (в девичестве Жаворонковой), впрочем, в школе никогда не работавшей. В доме отца была огромная библиотека, которая осталась от деда Михаила Ивановича, священника Вельского у. Миша рано пристрастился к чтению под руководством отца, а с пяти лет стал учиться, переходя из одного школьного заведения в другое: из церковно-приходской школы в духовное училище, а затем Пежемское сельское училище. Вслед за тем он поступил в Тотемскую учительскую семинарию, откуда, однако, был исключен за участие в студенческих волнениях. Вернувшись в Дмитриевское, М. И. Романов некоторое время работал сельским учителем, но вскоре был уволен «из-за пренебрежения законом Божиим и полной отмены молитвы». В это же время он присоединяется к кружку, организованному его отцом, в который входило еще несколько молодых людей. О деятельности кружка мало что известно, но, по некоторым сведениям, члены кружка печатали прокламации, видимо, антиправительственного содержания, а однажды избили полицейского урядника, за что Михаилу Ивановичу грозил арест. Спас его лишь призыв в армию в 1906 г. Из армии он дезертировал и пробрался в Финляндию, но вскоре вернулся в часть и сдался. На этот раз его ожидала штрафная рота, но по состоянию здоровья его отпустили домой с тем, что наказание за дезертирство (8 месяцев тюрьмы) последует позднее. В 1909 г. он снова дома и снова приближается к кружку отца. В кружке семь человек, на сей раз одержимых идеей создания сельскохозяйственной коммуны. Поправив здоровье, М. И. Романов отправляется в тюрьму в Вельск, где находится 8 месяцев в 1910—1911 гг. Вернувшись домой из заключения, Михаил Иванович развивает бурную творческую деятельность: пишет фантастико-мистические поэмы, философский трактат «Теория миротворения» (рукопись нами не обнаружена, и ее содержание неизвестно), занимается изобретением ткацкого станка собственной конструкции, протеза кисти рук и др.

Трактат он отсылает в Московское общество содействия успехам опытных наук при Московском Техническом высшем Императорском училище и, по свидетельству его сына, им заинтересовались и пригласили в Москву, где он был принят на работу в одну из лабораторий училища и зачислен вольнослушателем. Но и Москву, и училище он оставляет и пускается в странствие по стране в поисках земли для коммуны, однако при том успевает сдать экзамен на сельского учителя до того, как его в 1915 г. мобилизуют в армию и отправляют на фронт. На фронте он попадает в плен, откуда три раза бежит, но неудачно. Лишь на четвертый раз побег удался, и Михаил Иванович в июле 1918 г. перебирается в Данию. Там попадает в лагерь интернированных пленных русских, откуда его путь лежит через Норвегию в Мурманск. Здесь его мобилизовали в белую армию, но, находясь в одной из ее частей, М. И. Романов принимает участие в перевороте власти в Мурманске на стороне красных. В одном из боев он был ранен, и в госпитале ему ампутировали ногу.

В 1920 г. он снова на родине и работает в Черевковском р-не. До 1936 г. он активно записывает произведения устного народного творчества, собирает материалы по быту земляков, привлекает к этой работе своих учеников, изучает историю и народные говоры родного края, готовя словарь. В это время он заочно учится в педагогическом инсти-

туте в Вологде и, закончив его, приобретает специальность учителя и переводчика немецкого и английского языков. Следует добавить к этому, что пребывание в Скандинавии способствовало изучению языков скандинавских и финноугорских. В 1936—1937 гг. он работает преподавателем сельскохозяйственного техникума в Вельске. Все эти годы он ищет возможность издать свои работы, знакомится с М. Горьким, который обещает ему поддержку. В 1937 г. Михаил Иванович опубликовал свои воспоминания³ о встрече с М. Горьким на его даче под Москвой. Он пишет также о том, что за месяц до смерти М. Горького он получил от него письмо, в котором писатель обещал написать предисловие к книге «Фольклор Устья» и помочь издать работу по истории Устья в серии «История деревни». Но Горький вскоре умирает, и надежды, связанные с ним, не сбылись.

В мае 1936 г. М. И. Романов обратился с письмом на имя А. М. Астаховой в Фольклорную комиссию Института антропологии и этнографии Академии наук СССР с предложением купить его фольклорные материалы. Месяц спустя он выслал свои материалы: записи заговоров, песен, причитаний, детского фольклора и др. в машинописном варианте на имя А. М. Астаховой. Тогда же одно из северных издательств (Севгиз) выражает готовность издать «Устьянский фольклор». В 1936 г. книги М. И. Романова не были опубликованы, а в 1937 г. он был арестован и осужден на 10 лет.

Домой он вернулся в 1947 г. и до 1953 г. работал преподавателем иностранных языков в сельских школах. Михаил Иванович не оставял надежды опубликовать свои работы и отправляет «Словарь Устьянских говоров» в Институт языкознания АН СССР академику С. П. Обнорскому. В фонде ИРЛИ сохранились три письма С. П. Обнорского М. И. Романову. В письме от 13 июня 1949 г. Обнорский сообщает, что возвращает словарь автору, поскольку опубликовать его невозможно, и он может быть полезен лишь как рукопись. В письмах от 9 августа и 4 октября этого же года он дополнительно сообщает, что «Предисловие» Романова к словарю должен прочитать историк и сделать свое заключение. К одному из писем был приложен отзыв на рукопись научного сотрудника института языкознания С. Высотского, отзыв отрицательный и довольно резкий. Отметив, что работа М. И. Романова содержит много интересных фактов для истории диалектологии русского языка, рецензент заключает, что все достоинства тонут в любительском изложении материала, в ненаучной, неточной, субъективной их трактовке. И поскольку «Словарь» публиковать в таком виде нельзя и переработать его никто не возьмется, а сам автор переработать рукопись не сможет по причине недостаточной подготовки в языковедении, С. Высотский рекомендует сдать рукопись в архив АН СССР.

Но существует и другое мнение о словаре М. И. Романова. В 1976 г. в журнале «Русская речь» (№ 5) опубликована статья О. Д. Кузнецовой «Живое слово Севера» о словаре М. И. Романова, один из экземпляров которого хранится в архиве Словарной картотеки Института рус-

³ Романов М. И. У Горького // Север. 1937. № 3. См. также: Летопись жизни и творчества Горького. М., 1960. С. 20.

ского языка РАН. Автор статьи считает, что составитель словаря обнаружил незаурядные лингвистические способности, и это проявилось в точности передачи местного произношения, в хорошем знании скандинавских (норвежского и шведского) и угро-финских языков. О. Д. Кузнецова отмечает, что в словаре устьянских говоров, содержащем более 4,5 тыс. слов, широко представлена самая разнообразная лексика: производственная (сельскохозяйственная, охотничья, местных промыслов), названия местного ландшафта, лексика, относящая к природе вообще, названия животных и растений, названия и прозвища людей по каким-либо качествам, бытовая лексика. В словарь включено много старинных слов, известных по памятникам древнерусской письменности и утраченных современным литературным языком. Особо автор статьи отмечает иллюстрированный материал словаря — запись живой диалектной речи, пословицы, присловия и др. В заключение О. Д. Кузнецова пишет, что богатство устьянского словника, фразеологические выражения, точные и ясные толкования значений слов делают словарь М. И. Романова подлинным памятником диалектной речи и ценным источником для изучения севернорусских говоров.

С 1947 г. М. И. Романов добывается пересмотра своего дела, но лишь 29 декабря 1955 г. Архангельский суд отменил решение тройки НКВД «из-за отсутствия состава преступления». В 1956 г. М. И. Романов скончался, похоронен на кладбище в д. Пезме.

В фольклорном хранилище Рукописного отдела ИРЛИ хранится коллекция М. И. Романова (РО ИРЛИ. Р. V. Колл. 66) — и это, видимо, большая часть его архива. История формирования коллекции такова. Как упоминалось выше, в июне 1936 г. М. И. Романов прислал в Фольклорную комиссию Института антропологии и этнографии АН СССР свои фольклорные материалы. В 1939 г. по постановлению Президиума Академии наук СССР фольклорная комиссия была переведена в Институт литературы с переименованием ее в Отдел фольклора народов СССР. В Институт литературы были переданы и архивные материалы, в том числе коллекция М. И. Романова.

В 1986 г. племянник Михаила Ивановича И. В. Попов передал на хранение в Пушкинский Дом две рукописи-оригиналы М. И. Романова «Устьянские народные говоры Архангельской области» и «Устьянский фольклор». Первая рукопись представляет собой словарь, содержащий более 4,5 тыс. слов с Предисловием автора, вторая — своеобразную монографию, состоящую из отдельных очерков по основным жанрам фольклора, записанных краеведом в Устьянском регионе: «Свадебный обряд», «Лирика», «Песни хороводные, плясовые, шуточные», «Частушки», «Ребенок северной деревни в фольклоре и быте» и др.

В 1998 г. Михаил Исаевич Мельчик передал в Пушкинский Дом копии этих документов, перепечатанных и переплетенных в виде книги. По нашим сведениям, два других экземпляра переплетенной монографии хранятся у И. В. Попова и М. И. Мельчика. Возможно, какая-то часть архива осталась у сына Михаила Ивановича Л. М. Романова, небольшая их часть находится в музее краеведения в Вельске.

В целом рукопись М. И. Романова «Устьянский фольклор» состоит из нескольких очерков. По сведениям, полученным от И. В. Попова,

очерков должно быть двенадцать, но седьмой, восьмой и двенадцатый в рукописи отсутствуют. Оглавление рукописи позволяет представить ее содержание.

О чер к п е р в ы й. Лики древних богов

- I. Боги стихий.
- II. Бытовые боги.
- III. Духи болезней и борьба с ними.
- IV. Заговорные слова, употребляемые для лечения и предупреждения болезней.
- V. Духи вод и лесов.
- VI. Бывальщины о леших, колдунах и др.

О чер к в т о р о й. Канонизированный фольклор Областные культы Севера и древние торговые пути

- I. Канонизация фольклора.
- II. Областные культы времен феодализма.
- III. Первичные культы.
- IV. Киево-новгородский культ Перуна.
- V. Ростовский Волос и боги Тмутаракани.
- VI. Культ Георгия на Ваге и Двине.
- VII. Охотничьи и пастушьи заговорные слова.
- VIII. Единство происхождения культов Устюга, Устья и Вятки.
- IX. Скандинавское происхождение культа Прокопья.

О чер к т р е т ь и й.

Начало отсутствует.

- IV. Сказание об антихристе и кончине мира.
- V. Фольклорные отражения истории церкви на Севере.
- VI. Фольклор, отражающий упадок и отрицание религии.

О чер к ч е т в е р т ы й. Плач рабыни

- I. Варяги на Руси. Работорговля.
- II. Сказки, песни и заговорные слова, содержащие те или иные следы эпохи работорговли.
- III. Продажа в рабство, по причитаниям невесты.

О чер к п я т ы й. Свадебный обряд

- I. Сватанье.
- II. Уговорка и девичник.
- III. Утренние и вечерние причитания невесты.
- IV. Песни о женской доле.
- V. Причитания невесты по различным частным случаям.
- VI. Последняя баня невесты.
- VII. «Поезд».
- VIII. «Вышибание» невесты.
- IX. «Вывод» невесты.
- X. Передача «красоты» и обряд с сеном.
- XI. Последний девичник.
- XII. Прощание невесты.
- XIII. Свадьба в доме жениха и «хлебины».
- XIV. Заключение.

О черк ш е с т о й. Ребенок северной деревни в фольклоре и быте

(Очерк публикуется в данном сборнике)

О черк д е в я т ы й. Лирика

- I. Любовь мужская.
- II. Любовь женская.
- III. Разлука.
- IV. Измена.
- V. Брак.
- VI. Песни и другие лирические темы.

О черк д е с я т ы й. Песни хороводные, плясовые, шуточные

- I. Хороводные песни.
- II. Плясовые песни.
- III. Шуточные песни.

О черк о д и н н а д ц а т ы й. Частушки

- I. Семья, колхоз.
- II. Товарищеская среда, комсомол.
- III. Наряды, подарки.
- IV. Вечерки, игрища.
- V. Первая любовь.
- VI. Любовь легкомысленная и любовь серьезная.
- VII. Любовь покорная и любовь гордая.
- VIII. Брак.
- IX. Любовь и брак в колхозной деревне.
- X. Старая рекрутчина и Красная Армия.
- XI. Охотничество, лесозаготовки, пятилетка.

Работа М. И. Романова — не только записанные им и его учениками материалы. Хотя сам он не считал себя лингвистом и фольклористом, а краеведом, он пытался осмыслить собранные материалы, причем при их исследовании он испытывал большое влияние «палеонтологической» теории Н. Я. Марра.

Представленный в настоящем издании очерк М. И. Романова по детской этнографии и фольклору имеет несомненную научную ценность. Материалы собраны в 1920—1930 гг. на небольшой территории, некогда заселенной новгородцами и в силу своего географического положения (в окружении больших лесов и болот при почти полном отсутствии дорог) отрезанной от остальной части России. Поэтому в 1920—1930-е годы здесь сохранилось еще много памятников старины. И существенно, что собиратель — местный житель, много лет изучавший историю региона, местные наречия, фольклор.

В связи с постоянно возрастающим интересом исследователей к детскому фольклору и быту публикация очерка М. И. Романова актуальна и своевременна.

Выражаю сердечную благодарность за помощь в подготовке публикации Л. М. Романову, И. В. Леонову, М. И. Мельчику, А. Келареву, Ю. И. Марченко, Н. Н. Рогозиной.

До великого сдвига 1917 г., а во многих случаях и до 1929 г., — когда началась коренная ломка старой экономики, а с ней и старого быта, — быт был строгим господином над человеком северной деревни. Выработанный далекими веками, переплетенный устаревшими воззрениями и идеологией, он везде выдвигал свои формы и свои нормы. Это был неписанный кодекс правил и законов, форм и обычаев, воззрений и верований. Кодекс этот освобождал деревенского жителя от излишнего раздумья. Все было дано и выработано далекими поколениями. Оставалось только катить жизнь по пробитому руслу. Но в то же время он был оковами мысли, китайской стеной, отгораживающей человека от реального мира, от возможности осмыслить этот мир. Поэтому, с одной стороны, с разбитым бытом уходят в прошлое кое-какие привлекательные для человека северной деревни черточки и воспоминания, но, с другой, с разбитым бытом уходит черная туча предрассудков, суеверий и тяжелых обычаев, угнетавших, а то и уродовавших не только мысль и воззрения человека, а нередко и его тело.

Быт в большинстве случаев сопровождался фольклором. Фольклор был его неписанным священным писанием. Фольклор воспринимался не как плод фантазии, а как нечто реальное, когда-то бывшее и в некоторых случаях могущее и в настоящее время быть активным орудием в жизни (заговорные слова). Быт и фольклор окутывали северного человека его рождения до смерти.

Здесь мы делаем попытку разобраться в быте и фольклоре, окружавших ребенка устьянской деревни, начиная с его утробной жизни и до школы. В школе начиналась уже современность даже и до 1917 г. До школы ребенок был погружен в далекие века, не уходившие дальше XVI столетия. В школе он сразу касался, хотя и очень поверхностно, XIX—XX вв.

Весь материал собран в пределах Дмитриевского сельсовета, главным образом в деревнях Кырканде и Мехренге.

I

«ПОНО́СЫ» И «ПРИНО́СЫ»

Беременность в Дмитриевском сельсовете называется «пони́сами». Она не освобождала женщину от работы. Обычная ее трудовая нагрузка не уменьшалась ни на йоту даже за несколько дней до родов. Принималась только единственная предосторожность, предосторожность от «порчи», от «уроков», от «сглазу» и тому подобных магических болезнетворных факторов, гнездящихся в первобытном мышлении. Женщина вообще считалась более «урочливой», чем мужчина, а беременная — тем более. Это был для нее самый «урочливый» период в жизни.

Для ограждения от «порчи» женщина носила в это время навязанную вокруг тела какую-либо рваную тряпку со множеством узлов или обрывок старого невода или мережи. Последнее считалось более действенным, так как ограждающей силой обладали узлы, а узлов на неводе или мереже было больше. Магическая ограждающая сила узлов проступала не в этом только случае. Для закрепления заклинания часто завязывались узелки на особой веревочке или ниточке.

В период беременности «порча» могла проникнуть снизу, через детородное отверстие, поэтому обрывок мережи или узловатая тряпка спускалась как можно ниже. Для той же оградительной цели завязывались узелками, с наговариванием оградительных заклинаний, также пояс, завязки фартука, лямки сарафана, гайтан¹ креста и вообще все, что только можно завязать узелком. После родов «порча» могла попасть через рот. Для заграждения этого пути женщина первое время после родов долго ходила, закусив завязанный узлом кончик головного платка.

Но этого мало. Необходимы были и более активные оградительные действия. Таковыми были окуривания и жаркие парные бани, сопровождаемые шептанием оградительных слов. Для этих манипуляций время от времени приглашались деревенские знахарки, главный доход которым давали именно женщины, беременные, родящие и недавно родившие. В бане нужно было мыться или, по крайней мере, окачиваться после мытья «живой водой», т. е. водой, взятой или из гремучего ключа или с речного перебору, или из-под снега, где вода все время журчит. Некоторые знахарки готовили и искусственную «живую» воду.

В предыдущих очерках этой книги приводилось уже немало оградительных заклинаний.² Все они могли применяться при мытье в бане. Были и специальные. Во многих из них магической силой обладало само «слово», без обращения к какому-либо духу или божеству. Но во многих сквозит — часто встречавшееся нам в первых очерках — женское божество, называемое то «красной девицей», то «Марьей—Мариной—Маремьяной», то «Пресвятой Богородицей». В специальных же заговорных словах, приспособленных к беременности и родам, эта богиня чаще всего называется «бабушкой Соломонидушкой, Христовой повиваленкой». Часто выступают тотемические перевоплощения этой богини: птица Мымра (олицетворяющая женский детородный орган), щука, белогривая кобыла, белая береза, режа всего, лебедь.

В банных заговорах часто обращаются к чудодейственной силе воды, без всяких других персонажей. Например:

Господи, благослови!
Чиста, свята водичка,
Мехреньга-матушка,
Смой всяку грязь

И всякую хворобу.
Откуль пришло,
Туда и поди:
С людей — поди на людей,
С ветра — на ветер,
С листьа — поди на лист,
С травы — на траву,
С земли — так на землю,
С воды — так на воду,
Из бани — так в баню.
От кого пришло, на того и поди.
Чье сало, тот и мажься,
Чья грязь, тот и марайся.

Иногда вода связывается с каким-либо тотемом той же богини, например, с лебедем:

На той чистой святой воде
Плавают гоголи да лебеди.

Иногда на арену выступает «огненная река»:

Под восточной стороной
Стоит огненная река
От земли до неба,
От востока до запада.
Ограждает та огненная река
Рабу Божию ...

После бани старательно восстанавливались все развязанные пред баней узлы и, по возможности, завязывались новые. При завязывании каждого узелка говорилось специальное коротенькое заклинание:

Бабушка Соломонидушка,
Христова повиваленка,
Пособи мне, рабе Божией...
Узелочки вязать,
Всякой немочи, недужности
Путь заказать.

При опоясывании бедер узловатой тряпкой или мережей говорилось:

Надеваю я, раба Божья,
Бронию крепкую, булатную,
Бронию огненную,
От всякой немочи, недужности,
От порчи, от сглаза,
От уроков, от озевов,³
От всякого злого лихого человека.

Хорошо, если женщина благополучно проходит с ребенком до самих родов. В случае какой-либо болезни выдвигался целый арсенал заговорных слов, целые застенки самых диких «врачебных» средств, вплоть до питья собственной мочи и подвешивания за ноги.

Рождение ребенка, или «приносы», редко сопровождалось медицинской помощью. Более действенным считали приглашение не акушерки, а знахарки. Даже и теперь устьянские женщины далеко не всегда приглашают на роды представителей медицины. Влияют на это и объективные условия — все еще малое количество акушерских пунктов.

По древнему обычаю, сохранявшемуся местами до 1917 г., женщина не должна была рожать в избе. Для родов она уходила в хлев или в баню. В XX в. многие отдавали дань старому обычаю уже только тем, что в самый момент родов уползали к порогу и там рожали. Но в середине XIX в. этот обычай настолько был абсолютен, что даже зимние холода не служили извиняющим предлогом для отступления от него. Одна старуха из богатого крестьянского дома рассказывала мне, как она в трескучие зимние морозы мучилась два дня в холодном хлеву, пока родила. Результатом этого была тяжелая хроническая женская болезнь. У ее свекра имелось вдоволь жилых помещений: две «избы», две «горницы» и одна «скотнюха». Но во всех этих помещениях имелись «боги», а перед лицом «богов» роды считались кощунством, «мерзостью женской».

Роды должны были происходить тайно. Даже муж родильницы, если это возможно, не должен был знать о них. Роды считались чрезвычайно «урочливым» моментом и всякая «дума» постороннего человека, всякий «взор», всякий «озев» (выкрик) могли причинить роженице тяжкие муки и болезни. О родах знали обычно только свекровь и бабушка-знахарка. Некоторые женщины обходились и без этих свидетелей, совершая роды в абсолютной тайне и в совершенном одиночестве, среди бессловесного скота, где-нибудь под яслями.

Родившая сама, обязательно зубами перекусывала пуповину, приговаривая:

Господи, благослови!
Бабушка Соломонидушка,
Христова повиваленка,
Приди, пособи!

Перекусивши пуповину, она говорила:

Сама маги родила,
Сама пуповину закусила,
Нутряную, мясную,
Жилияную, костяную.

Бабушка Соломонидушка,
Христова повиваленка
В головах стояла,
Христа призывала.

На время родов сбрасывались всякие пояса, узловатые тряпки и обрывки мережи. Не потому, что они мешали физически, а потому, что им приписывалась магическая задерживающая сила, не только против проникновения «порчи» внутрь женщины, но и против выхода из нее плода. Делался разрыв даже по краю подола нижней рубашки и обязательно зубами и руками, не прибегая к помощи металлических орудий. Особенно большая задерживающая сила приписывалась подолу, если он окаймлялся узорчатой оторочкой. Рисунок оторочки состоял обычно из разного рода скрещивающихся линий и узлообразных переплетений. Этим и объясняется его оградительная сила. Магической задерживающей силой обладал также «охлупень» — желоб, покрывающий гребень крыши и снабженный на своем переднем конце резной лошадиной головой. Чтобы уничтожить его задерживающую силу, муж родильницы сдвигал охлупень немного в сторону.

Нужно заметить, что женщины старой деревни отличались способностью удивительно легко рожать. Поэтому даже бабушка-знахарка приглашалась только в трудных случаях. Главным орудием знахарок и в этих случаях были «слова», обращенные большей частью к бабушке Соломонидушке, вроде следующих.

№ 1

Бабушка Соломонидушка,
Христова повиваленка,
Приди ко мне на великую помощь,
Приди ко мне на праведны дела,
Принеси твои золотые ключи,
Отвори твои мясные ворота.
Пособи родить рабе Божьей...
Одну душеньку спаси,
Другую на свет пусти.

№ 2

Я, раба Божья ...
Спасу Христу помолюсь,
Богородице поклонюсь,
Духом святым прикроюсь,
Аминями зааминюсь,
Бабушке Соломонидушке,
Христовой повиваленке,

Паду в правую ногу.
Бабушка Соломонидушка,
Христова повиваленка
Сидит на золоте стуле,
Держит камфарное⁴ блюдо.
На том камфарном блюде
Три золоты ключи.
Бабушка Соломонидушка,
Христова повиваленка,
Возьми ключи золотые,
Отвори все замки костяные,
Костяные и мясные,
Мясные и жилияные.
Дай, господи, отрока-парничка,
Либо отрочицу-девушку.
Господи, душеньку спаси,
Другую на свет пусти,
На мир, на свет,
На святую Русь,
На Божью милость.

№ 3

Иногда роженица должна была сама сбегать за «живой» водой на ключ или на речной перебор. Когда роженица пила эту воду, знахарка наговаривала:

Катись, водичка ключевая,
Живая, громовая.
Сколь скоро вода катится,
Столь скоро ребенок родится.
Господи, помилуй,
Царица небесная!
Господи, пропусти
Сына земельного⁵
Либо девушку земельную,
Из ворот в ворота,
С мосту на мост,
Из замков в замки,
На Божий свет,
Под ясны звезды,
Под светлый месяц,
Под красное солнце,
К зеленым лесам,
Ко широким полям,
К синему морю.
В синем море-океане,
У острова у Буяна,
Плавает щука-белуга,
Чешуя серебряная.
Сколь светла да баска
Эта щука-белуга,

Столь бы басок был
И этот ребенок.
Большим будет —
В солдаты пойдет.
Царь его увидит,
К себе призовет.
Будет счастлив и красив,
Здоров и могучен.
Господи, помилуй,
Еси на небеси,
Поскорее принеси.

№ 4

В случае большого кровотечения говорилось:

На море, на океане,
На острове на Буяне,
Стоит гробница.
В той гробнице
Лежит мертвая девица.
Встань, мертвая девица,
Возьми иглу золотую,
Вдень нитку шелковую,
Зашей рану свежую,
Затяни рану кровавую.
Госпожа Богородица,
Уйми кровь благую.

Родивши ребенка, мать несла его в избу. Здесь его не сразу укладывали в колыбель, а проводили через обряд посвящения домашним духам, чтобы сделать членом семьи и покрывали венником. Первым долгом укладывали его около порога и покрывали венником. Этим он посвящался, видимо, духами-охранителями порога. «Большуха» снимала с него веник с заговором:

Как этот веник
Не шумит, не гамит,⁶
Так бы и ты,
Млад младенец,
Не шумел, не гамел,
Ничем не болел,
Рос бы, поднимался
Татьке на замену,
Мамке на помощь.
Век по веку,
Отныне до веку.

После этого ребенка несли на шесток печи и здесь обмывали, приблизительно с такими же заговорными словами, как и у поро-

га. Первоначально это было, по-видимому, посвящением духам очага.

Только после этого ребенок считался членом семьи, укутывался или пеленался и укладывался в зыбку. Только после этого можно было его матери лечь на приготовленную для нее постель.

II ПЕРВАЯ БАНЯ РЕБЕНКА

Тяжелое поприще жизни деревенского ребенка начиналось с очень серьезного испытания. Вскоре после рождения, иногда в тот же день, его несли в баню. Обмывала его здесь та же старуха-знахарка, которая присутствовала при родах. Часто в баню нешла и мыла сама мать, а старуха только творила над ним свои заклинания. Баню затапливали так же жарко, как и для взрослых. Мыли ребенка в самом пару и слегка хлестали веником. Мыли до тех пор, пока ребенок не потеряет сознание и не перестанет кричать. По мнению старух, после такого мытья он должен спокойно спать.

Перед отправкой в баню читался заговор:

Встану я благословясь,
Пойду перекрестясь
Из избы дверьми,
Со двора воротами,
С малым младенцем,
С парничком Ванюшкой
В чистое поле,
Под восточную сторону,
К синему морю-океану.
У синего моря-океана
Стоит белодубовая баня,
Лавочки дубовые,
Полочки кленовые,
Каменка хрустальная,
Дровца в ней конговые,⁷
Водичка ключевая,
Банюшка парная,
Парная и неугарная.
В том синем море-океане
Живет рыба-щука,
Лоб лощеный,
Булатные зубы,
Железные щеки,
Чешуя серебряная.
Она жрет и пожирает
С малого младенца,
С парничка Ванюши,

Всякие уроки и призоры,⁸
Притчи⁹ и приговоры,¹⁰
Здрог¹¹ и переполохи,¹²
Чтобы спал он спокойно,
Крепко да угомонно,
Спал бы по ночам,
А рос бы по часам.

Во время мытья читали:

Как свята река,
Мехреньга матушка,
Бежит с запада на сток,¹³
С вершины до комели.¹⁴
Она подмывает, подъедает
Круты бережечки,
Желты песочки,
Серы камешечки,
Сносит и сорок¹⁵ и ломок.¹⁶
Так бы эта
Свята чиста водица,
Мехреньга матушка,
Смывала бы с раба Божия
Младенца Ивана
Притчи и прикосы,
Призоры и озевы,
Грыжи и родимцы.¹⁷
Скатитесь, свалитесь
В этой парной банюшке
С младенца Ивана
Отцовски думы,
Матерински думы,
Сглазы и порчи
От чернеца, от черницы,
От колдуна, от колдуницы,
От бабы-блядуньи,
От девки-пустоволоски,¹⁸
От бабы-косматки,
От пьяной пьяницы,
От поганой поганицы,
От троезуба, от двоезуба,
Как на локотке
Водица не держится,
Так на Ванюшке
Никакая скорбь не держись.
Будьте эти слова
Острее булатного ножа,
Острее щучьего зуба.
Слова мои — замок,
А ключ в море.
Когда ключ найдется,
Тогда слова разомкнутся.

После мытья, при одевании и пеленании, говорилось:

Господи, благослови.
Вымылся, выпарился
Сердечное дитяtko
На сон, на рост,
На добрую милость.
Спи по ночам,
Рости по часам,
Будь спокоен,
Будь угомонен,
Чист, обиходен,
Татеньке с маменькой
Спать не мешай.
Каменка, каменка,
Как ты спишь, не гамишь,
Так бы и Ванюшка
Спал, не гамел,
По ночам не ревел.
Каменка, каменка,
Отдай свой сон-угомон,
Возьми бессоницу,
Бессоницу-беспокоицу
От раба Божья Ванюшки.
Благослови, Христос!
Вымылся, выпарился
Сердечное дитяtko.
Цветное платье на плечи!
Добрые мысли на разум!
Здоровье да покой
Возьми с собой.
Худерьбу за баней оставь.
Будьте мои слова ... и т. д.

Главной целью всех этих заговорных слов было сделать ребенка спокойным, нетребовательным, не мешающим взрослым своим плачем ни днем, ни ночью. Для приведения ребенка в спокойное состояние подобные бани повторялись очень часто. В первую ночь принесенный домой в бесчувственном состоянии ребенок иногда действительно спал спокойно. Этим обстоятельством долго поддерживалась репутация парной бани как универсального средства при всех болезнях ребенка. Слабые не выдерживали пытки и умирали. Сильные выживали.

По мнению старух, успокоительным фактором в бане были не самое мытье ребенка и его запаривание до полусмерти, а заговорные слова. Баня топилась только потому, что заговорные слова лучше «льнули», когда человек находился в распаренном состоянии. То есть воззрение на баню и здесь было то же самое, что и при мытье в бане невесты, жениха, молодых супругов, при возвращении с долгого пути, при отправке в дорогу и т. д. Во всех

этих случаях баня была только хорошим «проводником» для магической силы заговорного слова.

Невольно возникает мысль, что баня вошла в человеческую жизнь совсем не как санитарная мера, а как ритуальный магический обряд. Это подтверждают магометанские омовения песком и христианские «крестины», где омовение в воде ни в какой мере не рассматривается, как мера санитарная, а, безусловно, как магическая обрядность, ограждающая от «нечистых сил». К этому же порядку магических манипуляций относится прысканье водой изо рта через горячий уголь, так часто практиковавшееся когда-то в устьянской деревне.

III КРЕСТИНЫ

Церковная обрядность крестин, хотя и почиталась обязательной, но стояла особняком от других форм обрядности, окружавших ребенка. От нее веяло большой дозой официальности, казенщины. Крестины в редких случаях совершались на дому. В большинстве случаев, отец или мать ребенка несли его на погост и там совершали обряд крестин. Священник получал соответствующее вознаграждение, записывал родившегося в метрические книги, и этим дело кончалось. Крестины на дому производились только в богатых домах, где причт надеялся на хорошее вознаграждение и угощение. Только в богатых домах приглашались по этому случаю гости.

Бесцерковные браки появились в устьянских деревнях сразу после Октябрьской революции, а крещение детей держалось до 1930 г. Такая живучесть крестин объясняется боязнью, что некрещеного ребенка может похитить «нечистая сила», а после смерти некрещеный человек будет бродить «между раем да мукой». Он может превратиться даже в лешего. Первые случаи отказа от крестин относятся к 1924 г. По поводу этих случаев создавались досужими старухами фантастичнейшие легенды. Эти легенды, — несмотря на то что крещение ребят уже отошло в область преданий, — ходят еще и теперь, наряду с другими «бывальщинами», входящими в местный фольклор. Приведу две таких «бывальщины».

№ 1 Случай с Павлой

Павла-та, — да и все они, вся семья — от церкви-то отказалась. А как ребенка-та принесла, так и нехорошо было попа-та звать. Ну, и не созвали. Диковинно было всей деревне, — как

это, некрещеный ребенок в дому? А они только похохатывают да шпакурят¹⁹ над старухами. Да недолго шпакурили. Дождались! Мужик-то уехал куда-то. Они вдвоем с сестрой остались. Ну вот, ночью, только надошла глухая ночь, только уснули все на деревне, вдруг — шум, гам, колокольцы поют! Наехало к ним на улицу кого-то видимо-невидимо. Выглянули они на улицу. А ночь была месячная, светлая. Видят — люди наехали росту ограмотного, кони до сараю, а дуги выше крыш сверкают.

Поняли они, что дело-то неладно — лешаки наехали. Достали иконы из подполья, поставили на божницу, да и давай богу молиться! Все стены и окна и двери закрестили.

А с улицы им кричат:

— Отдайте нам ребеночка! Наш ребеночек, — некрещеный!

По подоконью лешаки бегают, в окна стучают, в двери лмятся.

Всю ночь они перед иконами простояли и ребеночка под иконы положили. Едва отмолились. По три ночи вот так было. Пришлось окрестить ребеночка.*

Эта легенда появилась впервые километров за 20 от той деревни, где обреталась ее героиня — Павла. Единственным невымышленным фактом было то, что ребенок родился и окрещен не был. Нужно сказать, что некрещеным он и помер. Всего страннее то, что когда эта легенда перекочевала в павлину деревню, то старухи деревенские восприняли ее как факт, прекрасно зная, что ребенок оставался некрещеным до смерти. Такое состояние верящей себе лживости у деревенских создателей «бывальщин» — явление частое.

№ 2

Случай на Низу

На Низу** где-то пошла баба одного коммуниста в другую деревню, к матери. А идти-то лесом. А шла она с ребеночком. А ребеночек-то некрещеный. Из дому-то пошла не рано. Дорогой-то и призапоздала. Вот ие и начало водить.*** Ей кажется, что дорога хорошая. Она идет да идет. Тут стало ей казаться, што долго что-то осека²⁰ нет своей деревни. Остановилась, оглянулась — оно, ни дороги, ни тропки никакой нет, а стоит она в глухом лесу, в согре.²¹ Она и бает:

— Охти мне! Господи, куды я попала-та?

* Рассказывали в д. Кырканда.

** Низ — среднее и нижнее течение р. Устьи.

*** «Водит» нечистая сила. «Водило» — блуждал, блуждала. — Охти мне! Господи, куды я попала-та?

Тут как захохочет кто-то, да заговорит:

— Ха-ха-ха! Тут вишь и Господа вспомнила!

Посмотрела она в ту сторону, а на сосне теленок сидит да и хохочет и хохочет, только по всему по лесу раздается. Она бежать! Бежала, бежала. Смотрит — деревня какая-та. Кругом лес, полей нет, а дома хорошие. Само светло стало, как днем. Вдруг, из домов-то и завыскакивали лешаки. Похожи на людей, а только большие и черные. Бежат лешаки к ней и кричат:

— А, принесла к нам нашего-то парня.

— Давай, давай, давай!

Встали наокруг да и кричат: — Давай, давай, давай!

Видит баба, что дело неладно. Села на землю, очертила вокруг себя круг с воскресной молитвой, да наложила гойтан от креста на шею ребенка, да и сидит. У самые-то не крест-от был, вишь. Сидит, да воскресну творит.

Долго ли, коротко ли сидела. Опять все пропало. Вдруг видит — корова идет мимо. Подойдет да поест, да опять идет. Баба и думает:

— Видно, деревня близко. Давай, пойду за коровой.

Пошла за коровой. Идет да молитвы творит. А корова поест, да дальше идет. А ночь светлая, месячная. Шли, шли. Смотрит — огород, а за огородом поле. В поле хлеба шибко хорошие, только перезрели шибко. Колосья так к земле и клонятся.

— Что за чудо, — думает баба, — пошла, — так только селяи еще, а тут уж хлеб созрел? — А корова подошла к воротам в поле и стоит. Баба отворила ворота. Корова в поле зашла, да по дороге и идет. Баба за ней. Пришли в деревню. Материна деревня-та. Только, у коих домов окна выбиты, у коих заколочены. Ворота все нараспашь. Улицы травой заросли. Видит, что никого живого нет в деревне. А посередине деревни лежит груда человеческих костей.

Упала баба на колени. Зачала молиться, зареклась, что ребеночка окрестит. Только зареклась, вдруг все пропало. Стоит она на коленях у материна дома, у крыльца. На деревне все спят. Вот, достукалась она. Отворила ей мать ворота, она зашла, да все и рассказала. Наутро мать встала, да скорее до попа, да и окрестили ребеночка».

В последнем «случае» фантазия не была стеснена близостью и определенностью места и лиц, а поэтому разыгралась вовсю. Фольклор этого рода возникал в верхушечных слоях деревни. Характерно, что после раскулачивания такие «бывальщины» и «случаи» стали встречаться реже. Следует, пожалуй, отметить, что под термином «случай» появился несколько особый вид фольклора, значительно отмежевывающийся от «бывальщины». Именем «сказка» определяется фантастический рассказ без вре-

мени и пространства. Под термином «бывальщина» ходят чудесные или странные рассказы из довоенного времени. «Случай» целиком относится к периоду войны и революции. В нем особенно животрепещущи моменты современной классовой борьбы.

До 60-х годов XIX в. в очень захолустных лесных деревушках крестины совершались с разрешения священника, какой-либо старухой или стариком, знающим соответствующие молитвы. Таковы были, например, починки по реке Ерге (теперь Устюжского района). Летом туда не было возможности попасть даже верхом. С трудом проходили пешие. Священник, в свои редкие наезды, только довершал крещение, произведенное без него, — миропомазанием (а похороны — общей молитвой над умершими и похороненными).

На этой почве развилась и существовала особая форма фольклора — крестильные заговорные слова. Сейчас эта форма фольклора совершенно позабыта даже и на Ерге. Я воспроизвожу его по словам одной старухи из д. Кырканда, жившей до замужества в батрачках на Ерге. По ее мнению, обряды, совершавшиеся старухами, были еще лучше поповских. «Што поп, — говорила она, — принеси ему воды хоть из болота, так он все равно крестит. Он насчет воды ничего не понимает. Ему бы отзвонить языком да отмахать кадиллом, да и ладно. А старуха-то велит принести самолучшей «живой» воды. Вот, принесут ей воду, затеплит она перед иконами свечки, да и прочитает над купелью заговорное слово. Это еще до крестин сделает. Скажет:

Жива свята водичка,
Ерга-магушка,
Как ты бежишь, шумишь,
Позваниваешь, поговариваешь,
Не знаешь ни тоски, ни печали,
Ни горя, ни невзгоды,
Так и раб Божий
Младенец...
Рос бы да радовался бы,
Матери во утешенье,
Отцу на помощь,
Не знал бы ни тоски, ни печали,
Ни горя, ни невзгоды.

И все поповские молитвы она скажет не хуже попа да и еще много прибавит. Дошлая была старуха, настоящая знатуха. Всего-то я не помню, что она говорила. Вот, как в купель погружала, так говорила:

Крещается раб Божий
Младенец...
Во имя Отца и Сына
И Святого Духа.

Мать Пресвятая Богородица
В головах стоит.
Бабушка Соломонидушка
За рученьки держит.
Ангел Господен
У дверей сторожит,
Тугой лук держит
Со стрелонькой громовую.
Уж ты, мать Пресвятая Богородица,
Надели раба Божия
Младенца. . .
Счастьем и удачей
Во всей его жизни,
Во всех его делах.
Уж ты, бабушка Соломонидушка,
Христова повиваленка,
Рости его, да укладывай его,
У зыбочки сиди,
Да во все стороны гляди.
А ты, андел Господен,
Отстырливай и отбивай от него
Уроки и призоры,
Люцкие переговоры,
Всякие недуги и немочи,
Помехи и грыжи,
Вздоги и переполохи,
От ясных очей,
От могучих плечей,
От черной печени,
От крови горячие
И ныне, и присно,
И вовеки веков. Аминь.

Вот уж это крещенье так крещенье было! А от нынешних попов поди и пользы мало. Только, чтобы леший не уволок».

В сказках крестины отразились темой приглашения в кумовья какой-либо сверхъестественной личности. На эту тему из устьянского фольклора можно привести сказку о куме-смерти.

Смерть-кума (сказка)

Жили мужик да баба. Они жили бедно. Вот, баба принесла парничка. Старик пошел искать божатку. Шел, шел, да и встретил старушку.

— Одержи у нас парничка.

— Одержу.

Старик приходит домой и бает бабе:

— Вот, баба, нашел куму.

Когда она одержала, мужик стал спрашивать.

— Ты чья, да откуда?

Она отвечает:

— Я — смерть, ты топере живешь бедно, так вот, богатей. Я буду ходить, людей морить, а ты ходи лечить. Ты меня будешь видеть, а другие не будут. Когда я буду сидеть в головах, то лечить не примайся, а когда в ногах, лечи.

Она рассказала ему, как наделать лекарства, из каких трав, и ушла.

Жили-поживали. У купца захворал сын. Вот, этот мужик и поехал лечить. Приехал, заходит в избу и смотрит — где сидит смерть? Увидел, что смерть сидит в ногах, и бает:

— Я вылечу. Что дадите?

— Ничего не жаль, только вылечи.

Мужик дал парню попить из одной шкатулочки. Смерть ушла. Через несколько дней сын у купца стал здоров. Заплатили сто рублей.

Вот, у другого купца захворала жена. Купец и поехал по лекарю. Его уж широко весть пронесла. Приезжает и говорит:

— Пошепчи-ко мне. Жена не может, так может оздоровеет.

— Нет, я не шепчу. Мне надо посмотреть, как болит.

Вот, купец повез его домой. Приезжают. Старик взглянул на бабу — и бает:

— Давайте двести рублей, так и вылечу.

— Што хошь бери, а только вылечи.

Вот, он дал ей попить, купчиха и оздоровела.

У лекаря был брат. Он жил богато. В один праздник брат и говорит своей жене:

— Я лягу на кровать, а ты сбегай к брату. Надо узнать вправду ль он знает лечить.

Вот, баба захватила туюсок с водой побежала. Прибежала к лекарю и говорит.

— Ох, мужик-то занемог! На-ко пошепчи чего, да иди к нам, посмотри.

— Я шептать не знаю. Мне надо посмотреть.

Зашел мужик в избу. Видит, смерть сидит в головах. Он и бает:

— Нет, не вылечить.

Брат вскочил с кровати и хлесь лекаря кулаком. Тот на пол упал. А и брат с сердца-то тут же упал, да и умер.

Вот, жили-пожили. Долго уж времени прошло. Старик да старуха вовсе разбогатели. Приходит тут смерть и бает:

— Ну, куманек, стар ты. Умирать тебе пора. А старику умирать неохота.

— Ой, ты, кума, дай ты мне прожить хоть три годика.

— Ну, поживи.

Ушла смерть, живет мужик год, живет другой и третий, все богатеет да богатеет. Кончился срок. Приходит смерть.

— Ну, куманек, пора умирать. Ты стар стал.

— Ой, кума, дай пожить, ну, хоть годик еще.

— Ну, живи еще год, а тут не проси больше. Приду и уморю. Вот, мужик начал гроб строить. Состроил на пружинах. Как ляжет да качнется, так гроб и перевернется передним концом назад. Дождается старик смерти, сам бахвалит:

— Я теперь смерть перехитрю.

Вот, смерть приходит.

— Ну, куманек, умирай!

— Ладно, кумушка, я готов. Только был ведь у нас уговор, что с головы морить.

— Был.

— И меня с головы уморишь?

— Ладно, с головы.

— Сделаем еще уговор. Токо уморишь этот раз, так ладно, а не уморишь, так больше не приходи.

— Ладно, ладно, — похохатывает смерть, — ты ложись только, а уморить-то я сразу уморю.

Лег старик в гроб. Смерть села к нему в головы. Мужик качнулся, гроб перевернулся другим концом. Смерть опять перешла к голове. Мужик опять качнулся. Гроб опять перевернулся. Смерти опять пришлось переходить. Ходила, ходила смерть, кружилась, кружилась, осердилась.

— Ох ты, еретик, — говорит, — досуг ли мне тут с тобой лгаться! Той порой надо бы уж сорок человек уморить. Нассю я на теба-та. Сам умрешь, еретик!

Смерть ушла. Старик рад. Бахвалит всем:

— Ну, топере я навеку не умру.

А смерть уморила всех, кого опоздала морить, да и думает:

— Как бы мне кума уморить?

Думала, думала — придумала. Написала на бумажке:

— Кто эту бумажку прочитает, тут же умрет.

Приклеила эту бумажку к стариковым воротам. А старик вставал рано. Встал он утром, вышел на улицу и прочитал бумажку. Только успел проговорить:

— Ох, кума перехитрила меня!

Тут же упал и умер. А смерть бумажку сорвала и убежала. Пришли домашние на улицу. Смотрят — дедко мертвый лежит.*

* Акишин Михаил. Д. Закреж.

Частушки почти не отозвались ни на самые крестины, ни на их отмирание. Только в стенгазете местной школы-семилетки встречались частушки, вроде:

Поп с кадилом, долгогривый,
Не макал меня в купель.
Ни к чему теперь считается
Такая канитель.

Не крестили нас, не мазали,
Немазаны живем.
В комсомоле жить научимся,
Да в партию пойдем.

Теперь даже самое слово «крестины» мало понятно устьянской деревне.

IV ЗАГОВОРЫ И МЕРЫ ПРОТИВ РЕВЛИВОСТИ И БОЛЕЗНЕЙ РЕБЕНКА

Скверные санитарные условия деревенских изб вызывали часто болезни и, как их следствие, беспокойное состояние детей. Между тем, основное требование, предъявляемое единоличным бытом к ребенку колыбельного возраста, это быть «спокойным и угонным». Спать, спать и спать, вот чего желали бы для него все окружающие. В бодрственном состоянии он представлял обузу для всех. Его усиленно укачивали. Затыкали ему рот грязной тряпкой с жвачкой. В крайнем случае, опять и опять прибегали к упариванию до потери сознания в бане и к заговорным словам, отгоняющим от ребенка беспокоящие его злобные силы. Для отогнания этих сил на зыбке вырезалось изображение креста и других магических фигур, вроде лошади или всадника (то-тем бабушки Соломонидушки).

Главным врагом детей, по представлению деревенских старух, была тихая проказливая полуночица. Поэтому большинство заговоров, долженствующих успокоительно действовать на ребенка, относятся к заговорам от полуночицы. Их ходило очень много. Здесь приводятся только кое-какие варианты.

ЗАГОВОРЫ ОТ ПОЛУНОЧИЦЫ

№ 1

Говорится в бане.

Полуночица, денная, ночная,
Минутная, полуминутная,

Часовая, получасовая,
Не тронь и не шевели
Раба Божья младенца...
Пяток не щекоти.
Не тешься, не потешайся
Над младенцем ...
Тешься-потешайся
В парной бане
На частой камнице,
Над серым камнем.
Поди с парком
Дымовым окном,
С дымом кудрявым
В дымно окно,
В темны леса,
В зыбучи болота,
В пустые наволоки,²²
Где люди не ходят,
Петухи не поют.
Как у серого камня
Нет ни щипоты, ни ломоты,²³
Ни болезни, ни опухоли.
Так бы у младенца ...
Не было ни щипоты, ни ломоты,
Ни болезни, ни опухоли.
Ключ в воду,
Замок в рот. Аминь*

В этом заговоре стерлись грани между отдельными духами отдельных частей суток. Все они отнесены к одному роду полуночницы, действующими в различные моменты суток.

№ 2

Ночная полуночница,
Не шуми, не гами,
Не тешься, не потешайся
Над Божьим ребенком,
Над Павлушком.
Тешься, потешайся
В темном лесу
Над белой березкой,
Над шелковым прутьем,
Над зелеными листочками,
Там, где люди не ходят,
Собаки не лают,
Петухи не поют.
Там тебе место,
Там тебе жило.²⁴
И ныне и присно
И вовеки веков. Аминь.

* Записал учитель А. Ф. Челпанов в д. Лихачево.

№ 3

Заговор начинают говорить у зыбки, опрыскивая ребенка водой через горячий уголь.

Ночная полуночица,
Утренняя, полуутренняя,
Денная, полуденная.
Часовая, получасовая,
Сойди с младенца,
Раба Божья . . .
Поги в темные леса,
В зыбучи болота,
Где-ка люди не ходят,
Собаки не лают,
Петухи не поют.
Там тебе честь и жира.²⁵
Там тебе покой и угомон.²⁶
Там тебе место и местичко.

Кончается заговор возлиянием воды сквозь дверную скобу со словами:

Бабушка Соломонидушка,
Христова повиваленка,
Возьми свои ключи золотые,
Затвори двери избянные,
Затвори светлые окна
И печную задвижку.
Не пуцай в нашу горницу
Ночной полуночицы,
Утренней, полуутренней,
Денной, полуденной,
Часовой, получасовой,
Замок на двери,
Ключ в воду,
Отныне до веку
Аминь повеку.*

ЗАГОВОРЫ ОТ ДЕТСКИХ БОЛЕЗНЕЙ

№ 1

Заговор от «банного наброду» и «перечесу»

«Перечесом» называется чесотка, «банным набродом» — все остальные накомжные болезни.

Встану я, благословясь,
Пойду, перекрестясь

* Записал Степан Паршин в д. Мехреньга.

Из избы дверьми ... и т. д.
В чистом поле
Стоит парная баня,
В той парной бане
Стоит золотой стул.
На золоте стуле
Сидит сама
Пресвятая Богородица.
Она моет, промывает
Младенца Пáвлушка
От банного наброду,
От ночного перечесу,
От ветрянного наносу,
От людского переговору,
От отцовской думы
От материнской думы...*

№ 2

Заговор от всяких детских болезней

Встану я, перекрестясь,
Начну, благословясь.
Выйду под восток,
Под восточну сторону.
Под восточной стороной
Стоит свято сине море-окиян.
На том на море-океане
Стоит Божья церковь.
Во святой Божьей церкви
Стоит золот стул.
На том золоте стуле
Сидит сама Пресвятая Богородица,
Направо Пятница-Парасковья,
Налево бабушка Соломонушка.
Она держит камфарово блюдо,
На камфаровом блюде
Золоты ключи.
Отпирают они
Святые студенцы
Со живою ключевой водой.
Прыскает она той святой водой
На раба Божья, младенца ...
Выгоняет из него уроки,
Здрог, переполохи,
Дорожные уроки
Из буйной головы,
Из ясных очей,
Из могучих плечей,

* Записал учитель А. О. Волков в д. Михалево.

Из черной печени,
Из крови горячая,
Из жил из твоих,
Из каждой жилки,
Из каждой кости,
Изо всех жил,
Изо всех костей...*

№ 3 В бане

Здрог, переполохи,
Мимоходы, родимцы,
Не тешьтесь, не потешьтесь
Над рабом Божиим,
Над младенцем Васенькой.
Белого тела не вередите,
Подошв не щекотите,
Ночью не кливите**
Тешьтесь-потешайтесь
В чистом поле.
Там стоит белая береза,
Шелковые прутья,
Бумажные листья.
Там вам и место,
И местечко.***

№ 4 Заговор с тотемом бабушки Соломонидушки — кобылой

Встану я, благословясь,
Пойду, перекрестясь ... и т. д.
В чистом поле
Стоит белая береза.
Под белой березой
Стоит белогривая кобыла.
Она топчет, притаптывает,
Сушит, подсушивает
Банный наброд,
Ночной перечес,
Людской переговор,
Отцовскую думу,
Материнскую думу...****

* Записал учитель А. О. Волков в д. Михалево.

** *Кливить*— вызвать плач.

*** Записал М. Акишин, д. Мехреньга.

**** Записал учитель А. О. Волков в д. Михалево.

№ 5

В тяжелых болезненных случаях, когда родители желают какого-либо исхода, — или выздоровления ребенка, или его смерти, — обращаются к земле. Ребенка проносят над ямой, выкопанной в земле, и приговаривают:

Земля-матушка,
Как твой раб —
Так себе бери.
Как мой раб —
Так мне отдай.

№ 6

Вместо ямы часто перетаскивают через межу, говоря:

Как эта межа
Лежит в чистом поле,
Режет его и разрезает,
Делит его и разделяет,
Так же и ты,
Матушка сыра земля,
Положи межу
На болезнь раба божия
Младенца ...
Как твой раб —
Так себе бери.
Как мой раб —
Так мне отдай.*

№ 7

Запекание и засекание болезни

Если ребенок родился болезненным, то его «допекают» в печке и рубят его болезнь («худерьбу») топором. Мать пеленает ребенка, кладет его на лопату и пихает в печь.

Помогающая ей старуха спрашивает:

— Што пекешь?

Мать отвечает:

— Худерьбу.

— Пеки к запеки.

— Пеку и запеку.

Вынув ребенка из печи, кладут его на пол и прикрывают корытом. Мать рубит по корыту топором.

* Записи учеников Мехренской школы.

- Што секешь? — спрашивает знахарка.
- Худерьбу.
- Секи и засеки.
- Секу и засеку.*

№ 8

Укрепляющий заговор

Дай, Господи,
Дорогому дитятку,
Младенцу Павлушку,
Умок, разумок,
В роток говорок,
Моготу да силу
В каждую жилу.
Ножки-ходюльки,
По полу ходите,
Павлушка носите.**

ДЕТСКИЕ ЗАГОВОРЫ

Даже сами ребятишки употребляли некоторые заговоры.

№ 1

Заговор над болячкой

Заговор говорит не больной, а кто-либо из его товарищей, обчерчивая больное место камешком дресвы.

Как этот сыпуч камень
На песочик рассыпается,
Так же бы и железа
У раба Божья Павла
Рассыпалась бы
И пропала бы.
Век по веку
Не стало бы до веку.
— Черти и зачерти! — просит больной.
— Черчу и зачерчу! — уверяет заклинатель.

* Записали ученики Мехренской школы.

** Записали ученики Дмитровской школы.

№ 2

Заговор от бородавки

Бородавку обвязывают ниткой и говорят:

Обвязываю бородавку
Ниточкой в удавку.
Когда ниточка изгниет,
Тогда бородавочинка сойдет.

Нитку бросают в такое место, где она может скоро сгнить.

№ 3

Заговор над небольшим порезом

Тянут над ранкой нитку за оба конца, с приговором:

Шла баба по нитке,
Нитка урвалась,
Кровь унялась.

№ 4

Шуточный заговор

К туесу — крышка,
Под крышкой вода.
Плюнь три раза!
Выпучи глаза.
Хуже не будет,
Лучше не будет,
Так же опять.

№ 5

Когда ребенок потягивается, приговаривают тоже нечто вроде заговора:

Потягушеньки!
Порастушеньки!
Сон да рост,
Да молчаньице!
Вдоль расти,
Поперек толстей,
Мое дитяtko
Желанное!*

* Детские заговорные слова взяты из записей учеников Мехренской школы, 1928 г.

V КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

Колыбельные песни произошли от заговорных слов, долженствовавших наводить на ребенка сонливость. Близость некоторых из них к заговорным словам еще довольно ясна.

№ 1

Сон шел по нитке,
Дрема по паутинке.
Нитка урвалась,
Паутинка прорвалась.
Сон да дрема
Пали Ване на глаза.
Спи, Ваня, покрепче,
Покрепче спи,
Других не буди.

№ 2

Баю-баюшки-баю!
Спи, как у Бога в раю.
Сон идет по лавочке,
Дрема по лучкам,
По веревочкам.
Ты иди-кося, дрема,
Прямо Ване на глаза.

№ 3

Байки-побайки,
После парной баньки,
После пару, после жару,
После тепля воды,
Спи, дитя, покрепче,
Покрепче спи
И других не буди.

№ 4

Лю-лю-лю, лю-лю-лю,
Спать Иванушку велю.
Спать укладываю,
Приговариваю.
Спи-ко, дитяtko, поспи,
Да побольше порости.
Больше вырастешь,
В лес по ягодки пойдешь,
Много ягод принесешь.

№ 5

Спи-ко, Ванюшка, сынок,
Спи, просужей²⁷ парничок,
С Троицею,
С Богородицею,
Со Егорьем на коне,
Што на правой стороне,
Со Миколой в головах,
Да с Ильей во ногах.
Богородица, приди
Ване глазки уcati.
Покатились колеса,
Под деваты небеса,
Прямо к дремушке-старушке
В косолапую избушку,
Дрема, их не выпускай.
Спи-ко, Ваня, засыпай.

В двух первых призываются духи сна и дремы. В последней некоторое представление — чем была «дрема» древних культов. Это была старушка, живущая в избушке на курьих ножках. Дальше я приведу колыбельные песни с тотемами сна и дремы — с котом и голубем (гуленьки).

№ 6

Серые коты
По заморью шли.
Они сна много несли:
Полтора пестеря
Прямо Ване на глаза.

№ 7

Люльки-люльки-люленьки,
Налетели гуленьки,
Встали прямо к люленьке.
Стали гульки ворковать,
Ванюшку укладывать:
Спи-ко, Ванюшка, покрепче,
Будет мамушке полегче.
Нету бабушки родной,
Нету няньки нанятой.
Баю-баю баю-бай,
Мамке робить не мешай.

В некоторых случаях древнеязыческие персонажи заменились христианскими: Христом, Богородицей, ангелами и т. д.

№ 8

Баю-баюшки-баю,
Я ведь Ванюшку люблю.
А реветь не перестанешь,
Колотушек надаю.
Стукну в голову пестом.
Спи-ко, Ваня, со Христом,
С Богородицей.

№ 9

Ой, качи-качи-качи,
В головах колачи,
В ножках прянички,
В ручках яблочки.
Нету местичка простого,
Спи-ко, дитятко Христово,
Со ангелами,
Со архангелами.

Существом, мешающим ребенку спать, в колыбельных песнях является «бука». Это, видимо, детское название той же полуночницы.

№ 10

Баю-баюшки-баю.
Я-та Ванюшку люблю.
Ну-ко, бука,
Полно стукать.
Полно, Ваню не буди.
Наш-то Ванюшка спит,
Пробудить его не смить.
Полно, бука, не мешай,
Поди, бука, под сарай,
Под сараем кирпичи,
Буке некуда легчи.

№ 11

Бай-бай-баю-бай,
Поди, бука, не мешай.
Поди, бука, на повить.²⁸
Там кошку дерут,
Тебе лапку дадут.

Вместо буки выступает иногда «волчонок» или «попугай».

№ 12

Лю-лю-бай, лю-лю-бай,
Не ложись, дитя, на край.
Придет серый волченоч,
Тебя ухватит за бочок,
И потащит во лесок
За ракиновый кусток.

№ 13

Бай-бай-бай-бай.
Под окошком попугай,
Кричит: «Ванюшку подай!».
Мы Ванюшку не дадим,
Попугая застрелим.

Некоторые песни нового происхождения генетической связи с заговорами не имеют. Они юмористического или утешающего характера. В иных выражаются надежды матери на будущую помощь от сына или дочери, или, по крайней мере, надежда на то, что ребенок будет угощать мать «ягодками».

№ 14

Спи, дитя, до поры,
Не вздымай головы.
Когда будет пора,
Мы разбудим тебя.
Уж ты выспишься,
Не затрыщишься,²⁹
Станешь робить и ходить,
Станешь ягодки носить,
Станешь мамушку кормить.

№ 15

Тужки-потужки,
Поехали старушки,
Старушки запердили,
Ваню разбудили.

№ 16

Лю-лю-лю, лю-лю-лю,
Молочком накормлю.
Вот сидели дед да баба,
Ели кашу с молоком.
Осердился дед на бабу,
Дал по пузе кулаком.

Из двух последних видно, что вместо колыбельных поются другие детские песни.

№ 17

Байки-побайки,
Матере китайки,
Отцу комачу,
Сестре луковицу,
Брату кафтан,
Нани³⁰ бьет по пятам.
Пестунье поцепка
Серебрянная.
В три кольца сплетена,
На базаре куплена.

№ 18

Тешу я, тешу,
Ванюшку потешу.
Ване зыбочку повешу —
Ручки точеные,
Позолоченые.
Спи, мой сын,
Золотой кувшин,
Спи, моя дочка,
Серебряна цепочка.

№ 19

Лю-лю-лю, лю-лю-лю,
Колотушек надаю,
Колотушек двадцать пять,
Спи-ко, дитяtko, опять.

Встречаются колыбельные песни с пожеланием смерти ребенку.

№ 20

Спи, поспи,
На погост поспий.
Ване выдолбим колодку
И колечико в середку
Серебряное.

№ 21

Хоть сегодня умирай.
Завтра в колодку,
Крестик на середку.*

* Колыбельные песни записаны учениками Мехренской школы. Некоторые мной, со слов няньки Ксеньи Ипатовой, д. Горицы.

VI РЕБЕНОК МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Жизнь ребенка-дошкольника делится на два периода. Первый тянется от колыбельного периода до четырех лет; второй — от четырех и до поступления в школу. В течение первого периода ребенок считается нуждающимся в присмотре. Во втором он освобожден от всякой опеки няnek и бабок. В течение первого периода мальчик и девочка совсем не отличались друг от друга, как в одеянии, так и в отношении к ним взрослых. Те и другие носили длинные рубахи, головного убора или совсем не было, или его заменял платок. Для мальчиков этого периода характерен термин «бесштанник», в форме песенки-дразнилки:

Бесштанник,
Материн сметанник.

Младший возраст еще неспособен к сложным играм. Чаще всего он несет в игре роль утешаемого. Активную роль принимал на себя в этих играх не ребенок, а взрослый. Они сопровождались припевками и прибаутками. Некоторые из них, как и колыбельные песни, сохранили следы происхождения от заговорных слов. Есть и такие, которые употребляются то в качестве заговорных слов, то как прибаутки, например:

№ 1

Потягунюшки,
Порастунюшки.
Сон да рост,
Да молчаньице.
Вдоль расти,
Поперек толстей.
В ноженьки — ходок,
В ручки — хваток,
В ротик — говорок,
В головушку — разумок.

РАЗВЛЕЧЕНИЯ РЕБЕНКА НА КОЛЕНЯХ У ВЗРОСЛОГО

№ 2

Подбрасывают на коленях, изображая езду на лошади, приговаривая:

Тужки-потужки,
Поехали старушки ... и т. д.
Чинушки-починушки,

Поехал наш Ванюшка
К бабушке по шанежки,
По репны пирожки,
По пряженочки.³¹
Сходим на болото,
Высекем рябину
На Ванину спину.

№ 3

Машут руками в воздухе, а потом гладят ими по голове:

Утки, утки, утки
Летели, летели,
На головушку сели.
Плавают, плавают.
Посидели, посидели,
Опять полетели.

№ 4

Щекочут сначала ладонь, потом переходят по руке под
мышки.

Сорока-ворона
Кашу варила,
Гостей дожидала.
Пальчик-мальчик
Весь мир облетал,
Гостей собирал.
Тому дала на ложке,
Тому на поварешке,
Тому на мутовке,
Тому на угарке,³²
А пальчику-мальчику
Весь горшок.
Он по воду ходил,
Он кашку варил,
Теляток поил,
Тут студено,
Тут кипяток, кипяток, кипяток.

№ 5

Хлопают ладонями ребенка:

Ладушки, ладушки,
— Где были?
— У бабушки.
— Что ели?

— Кашку.
— Что пили?
— Бражку.
Кашка маслененька,
Бражка сладенька,
Бабушка добренька.
Попили, поели,
Назад полетели.

№ 6

Кладут кисти рук нескольких ребят в одну грудку, выдергивают поочередно, приговаривая:

Чья копна
На моей копне?
Убирай долой,
Повези домой.

№ 7

Стучат во что-либо, чтобы ребенок не видел.

Кок, кок, кок,
Дома ли поп?
Есть ли шти?
Ночевать пусти.

№ 8

Тормошат за разные части тела со словами:

Не ходи один в лесок,
В лесе серенький волчок,
Там медведушка живет.
Они Ваню заедят:
Волки за холки,
Лисицы за косицы,
Зайцы за пальцы.
Всего растащат.

ДЕТСКИЕ ПЕСНИ

Эти песни поются не детьми, а для утешения и часто служат той же цели, что и колыбельные.

№ 1

Лели, лели-лели-лели.
У которой сопли доле?
У которой зеленее?
Та и девка едренее.

№ 2

Бом-бом-бом-бом-бом.
Загорелся кошкин дом.
Кошка выскочила,
Глазки выпучила.
Бежит курица с ведром,
Заливает кошкин дом.

№ 3

Пятница, суббота —
Тараканова работа.
Таракан дрова рубил,
Клопик баню топил,
Вошка парилась;
С перепару вошь упала,
Об ушат боком попала,
Изуродовалась.
Доктор едет на коне,
Балалаечка в руке,
Балалаечка упала,
Вошка лопнула, пропала.

№ 4

Кикирики, петушок,
Золотой гребешок,
На полочке сидел,
Трой лапты сплел,
Коточик³³ потерял,
Денежку нашел,
Молодичку завел.
Молодичка добра,
Наварила киселя.
Старик хлебнул,
За реку дриснул
На калинов мост,
На железный гвоздь.
Старуха хлебнула,
Та и ноги протянула.

VII РЕБЕНОК СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

ДЕТСКИЕ ЗАГОВОРНЫЕ СЛОВА

Ребятишки этого возраста уже прибежали к заговорным словам. Большое значение охоты для усянской лесной деревни отразилось и здесь. У ребят тоже были свои охотничьи заговоры.

№ 1

Заговор при ловле клестов

Святой Божий Лука,
Частая борода,
Залучи клестов
На мои пружки,³⁴
На прибавушки.³⁵

Охота на клестов — специально детская охота. В остальных родах охоты они пользовались заговорами взрослых.

№ 2

Заговор при ловле рыбы

Уда тонка,
Леска крепка,
Крючок золотой,
Глиздок³⁶ молодой.
Ерш Ершович,
Подъязок Петрович,
Молодка верховодка,
На крюк имайтесь,
С крючка не срывайтесь,
И ныне и присно
Вовеки, аминь.

№ 3

Заговор при мешании сметаны

Сметанка, мешайся.
Мутовка, не ломайся.
Сметанка вкруг,
Маслице в клуб.
Маслице ребятам,
Подпахтанье³⁷ теляткам,
Поденье в колобки,
Всем ребятам на зубки.

№ 4

Заговоры над репой

I

Репка, расти,
Больше вырасти,
Хвостик вытяни,
Брюшко выпучи.

II

Репка, расти
В мышинный хвост,
В тараканий глаз.

№ 5

Заговор от червей при посадке капусты

Червочки, червочки,
Вам камешочки,
А нам корешочки.

№ 6

Заговор над улиткой

Улита, улита,
Высунь рога,
Дам пирога.

№ 7

Заговор при вытрясывании воды из ушей после купанья

Мышка, мышка,
Вылей водку,
Дам колодку.*

Сюда же относятся некоторые заговоры от некоторых заболеваний, приведенные раньше, а также обращения к дождю, солнцу, радуге, использованные в первом очерке.

КОНАНЬЯ

Описание детских игр не входит в задачу настоящей работы. Но необходимо сделать обзор употребляемых при этом приговорок, так называемых конаний. Конанья (в других местах называются «считалками») представляют из себя одну из форм жеребьевки. Жеребьевка считалась раньше «судом Божиим» и употреблялась даже на суде. Конанья заключают в себе элементы древних заклинаний, целью которых было вызвать справедливое указание богов на виновного. Так что и в этом роде фольклора мы встречаем разновидность переродившихся заговорных слов. Перерождение их не везде находится на одной и той же стадии. В местностях захолустных, как Устья, они ближе к древним заклинаниям. В местностях открытых, как например, Черевково — большое торговое село на р. Двине, — они уже больше деформировались и пропитались современностью. Ниже

* По записям учеников Кыркандской и Мехренской школ.

я привожу некоторые конанья в двух вариантах, устьяновском и черевковском.

Из репертуара конаний в первую очередь следует выдвинуть те, в которых упоминается горение.

№ 1

Устьянский вариант

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло!
Выглянь-ко на небо
— Птички летят,
Колокольчики звенят.

Черевковский вариант

Небо, небо ясно,
Чтобы не погасло!
Взглянь-ко на небо
— Птички летят,
Колокольчики звенят.

№ 2

Первинчики, другинчики,
Убили голубинчика
На желобе, на болоте,
На Божье Русе,
На поповой полосе.
Пишет дьякон
Черным углем.
Прело, горело
По заморью летело.
За морем церковь,
В церкви Никола,
Анна Быкова.
На корочке стрёк.³⁸
Поди вон, королек.

Ченчики, бучинчики,
Летали голубинчики,
По Божьей росе,
По поповой полосе,
По чужой стороне.
Там чашки,
Там ложки,
Медок, сахарок,
Поди вон, королек.

№ 3

Прело, горело,
По заморью летело,
По кусту, по насту,
По лебеди-лебедки,
По репке в горсть.
Пономарь за хвост.
Ниже уха кохова,
Пономарь Илья.
Кухта-мухта,
Троица-роица,
Палка-полянка,
Сучок-соколок,
Шолков поясок.
Поди вон, королек.
Шишин-мышин,
Куда вышел,
Вон пошел.

В Черевкове не встречается

Первое из этих конаний употребляется также в качестве припевок при игре в «горелки». С этими же словами обращается в одной сказке Баба-Яга к мальчику, которого собирается зарезать. Все эти конанья имеют также связь с игрой в «курилки», где играющие передавали друг другу горящую лучину. Проигравшим считался тот, у кого лучина догорит или погаснет. Корни этих игр («горелки» и «курилки»), а следовательно, и конаний, идут во тьму далеких жутких культов с человеческими жертвоприношениями и людоедскими «тайнствами».

Устьянский вариант конанья (№ 2) до сих пор последовательно изображает преступление и суд. Преступление — «убили голубинчика» где-то «на Божьей Русе». По этому поводу собирается суд и «дьякон пишет» его протокол. Под словом «дьякон» нужно понимать «дьяк». Средством «суда Божия» служило нечто горящее, что «прело, горело» и передавалось из рук в руки между подозреваемыми. Даже «Микола» и «Анна Быкова», находящиеся в церкви «за морем», намекают все на тех же персонажей заговорных слов, которых мы так часто встречали на протяжении этой работы, т. е. на Волоса и богиню-девицу Черноморья. В Черевковских конаньях все это уже бесследно исчезло.

Во вторую очередь нужно поставить конанья с элементами счета.

Устьянское

№ 4

Первый, другой — парни в угол.
Три, четыре — прицепили.
Пять, шесть — бей шерсть.
Семь, восемь — сено возят.
Девять, десять — деньги весят.
Одиннадцать, двенадцать — на улице бранятся,
В избе говорят,
Кафтаны кроят,
Кому клин, кому стан,
Кому весь кафтан.

Черевковские

№ 5

Раз, два, три, четыре,
Пять, шесть, семь,
Восемь, девять, десять.
Царь тебя хотел повесить.
Ветер дунул. Ты упал.

№ 6

Раз, два, три, четыре.
Пять, шесть, семь,
Восемь, девять, десять.
Из-за солнца вышел месяц,
Из-за месяца луна.
Мальчик девочке слуга.
Ты, слуга, подай карету,
А я сяду и поеду.
Я поеду в Ленинград,
Покупать себе наряд.
Куплю кофточку, пинжак,
Кто наденет, тот дурак.

В устьяновском конаньи отразилась малая культурность Устьи. В черевковских чувствуются и политические веяния и буржуазная сущность прежнего с. Черевковка.

Эта же разница проходит и во всех остальных конаньях. В устьянских часто слышатся отзвуки старых времен, в черевковских — влияние города, торговли и школы.

Устьянские

№ 7

Ерга не ерга,
Баран не баран.
Серая овца
На повите спала,
Тройников принесла.

№ 8

Шаричек катился вокруг огорода,
Кто его поднимет, тот воевода.
Слышал, вышел, вон пошел,
На угоре дом нашел.

№ 9

Аты-баты, шли солдаты,
Аты-баты, на базар.
Аты-баты, что купили?
Аты-баты, самовар.

№ 10*

Ехала карета,
Изломалось колесо.
Много ли надо
На шип гвоздей?
Отвечай поскорей.

№ 11

Ехал барин потрубарин,
Таракана заступил.
Он за это преступленье
Три копейки заплатил.

№ 12**

Кони новы. Чем подковы?
Катом, литом, подпалитом.
Мати, бука, печь.
Неженатый молодец,
Курица-парунья,
Петух-топтун.
Палка-Паранька, вон пошла!

№ 13

Шатар, батар, губер, патар.
Шапка плясовая, вся неписанная.
У Еремы деньга есть.
Я не знаю, как подлезть.
Я подлезу, украду
И Ереме не скажу.

№ 14

Куба, куба, кубака,
Наша яма глубока.
— Где моя подружка?
— У попа в избушке.
— Что работает?
— Мячиком играет,
Попа утешает.
Поп на столе,
Попадья под столом.
Курица — на улицу.
Петух — на село.

* Имеется и в Черевкове.

** Имеется и в Черевкове.

Не видать ничего.
Курица-кладунья,
Петух-топтун,
Соловей-свистун.
Палка-паранька, вон пошла!

Черевковские

№ 15

Шел баран
По крутым горам,
Сорвал травку,
Положил на лавку,
Кто ее возьмет,
Тот вон пойдет.

№ 16

Тани-бани, что под вами,
Под железными столбами?
Стульчик-юльчик, сам король
Шапку нанял и пошел.

№ 17

Шла собака через мост,
Четыре лапы, один хвост.

№ 18

Лезу, лезу на вершину,
Вижу Питера машину.
Не сама машина ходит,
Машинист машину водит.

№ 19*

Шла старушка мимо рынку,
Спотыкнулась на корзинку.
В этой маленькой корзинке
Есть помада и духи,
Ленты, кружева, ботинки,
Все, что надо для души.

* Проникли не так давно и на Устью.

№ 20

Еник-беник с колеса,
Сколько стоит колбаса?
— Три копейки с половиной,
— Отвечала Катерина.
— Что ты, баба-дура, врешь!
Посмотри: товар хорош.

№ 21

Сбил, сколотил —
Вот колесо!
Сел да поехал —
Ах, хорошо!
Оглянулся назад,
Одни спицы лежат.

№ 22

Стакан, лимон,
Вышел вон.

ДИАЛОГИ

Особую форму детского фольклора представляют диалоги, вопросы и ответы, иногда ставящие менее опытного мальчугана впросак. Наиболее архаичный тип этого вида фольклора дан в № 1.

№ 1

Устьянский вариант

— Векошка-горожаночка,
Где ты была?
— Коней пасла.
— Где твои кони?
— Миколка увел.
— Где твой Миколка?
— В клетку попал.
— Где твоя клетка?
— Водой снесло.
— Где твоя вода?
— Быки выпили.
— Где твои быки?
— За гору ушли.
— Где твоя гора?

Черевковский вариант

— Уточка-горожаночка,
Где ты была?
— В городе.
— Что там делала?
— Овец пасла.
— Что выпасла?
— Коня в седле,
В золотой узде.
— Где эта узда?
— Николка в клетку увел.
— Где эта клетка?
— Водой унесло.
— Где эта вода?
— Быки выпили.

— Черви выточили.
— Где твои черви?
— Гуси выклевали.
— Где твои гуси?
— В вересник ушли.
— Где твой вересник?
— Девки выломали.
— Где твои девки?
— По замужью ушли.
— Где твоё мужье?
— В солдаты ушло.

— Где эти быки?
— В лес ушли.
— Где этот лес?
— Мужики вырубил.
— Где эти мужики?
— Все умерли.
Был ветерок,
Унес пепелок.

В этом диалоге первобытное сознание выразило свое впечатление от непрерывной текучести и изменчивости явлений бытия.

№ 2

Устьянский вариант

Я сидел на пню,
Хлебал репню.
Пришел дядюшка-татарин,
Меня по уху ударил.
Я схватил его за грудь
И повел его на суд.
— Суд, судья,
Рассуди наши дела.
— Как было дело?
— Я сидел на пню... и т. д.

Черевковский вариант

— Как было дело?
— Дело было вечером,
Делать было нечего.
Я сидел на окошке,
Соп³⁹ картошку,
Вдруг — свисток,
Я бежать.
Меня держать.
— Как было дело? и т. д.

№ 3

Сначала берут обещание какого-либо неопытного мальчугана повторять каждое последнее слово. Рассказчик рассказывает что-либо вроде:

— Шел ты лесом.
— Лесом.
— Встретил тебя леший.
— Леший.
— Он схватил тебя и унес.
— Унес.
— Прямо под звоз.⁴⁰
— Под звоз.
— Там он срать сел.
— Сел.
— А ты у него говна съел.
— Съел.

Такого рода «подводелок» ходит множество вариантов. Если слушатель откажется повторить последнее слово, его начнут дразнить:

Дыга-дыга-дыгалай,
Поди, с сучками полай!

ДРАЗНИЛКИ

Дразнилками называют коротенькие припевки с прозвищами отдельных ребят и даже целых деревень. Дразнилками осмеиваются также некоторые пороки, например, трусость, моченье на постель, уродство и т. д. Приведу очень немногие из них.

№ 1

Ссюль-прохвост,
Не ходи на погост.
На песочке полежи,
Да штаночки посуши.

№ 2

Шадра-бадра*
Кованый нос,
Кобылий хвост,
Не ходи на погост:
Тебя кони залягают
И коровы забодут.

№ 3

Стегана дыра
На базаре была,
Пирог пекла.
По копейке пирог,
Никто слопать не мог.

№ 4

Кука, кука, басалай,
Полезай на сарай.
Там кошку дерут,
Тебе лапку дадут.

* Испорченное оспой лицо.

№ 5

Анна-галанна,
Жопа деревянна,
Нос крючком,
Брюхо ящичком.

№ 6

Миша-шиша,
Дай карету,
Срать поеду,
Отвезу.

№ 7

Степа-лопа
Свинью слопал,
Пятьдесят поросят,
Только ножки висят.

И многие другие.

ПРИГОВОРКИ И ПЕСЕНКИ

№ 1

Царь да царица
Сели на вицу.
Вица подломилась,
Царица свалилась.
Царь заплакал,
В штаны накакал.

№ 2

Царь Картаус
Наккал в картуз,
Вынес на мороз,
Сделался купорос.
Вынес в подвал,
Сделался скандал.

№ 3

Царь Додон в поход собрался,
Под ним был конь игрен.⁴¹
Дорогой он усрался
И срал он целый день.
Семнадцать генералов
Штаны его несли,

Да семьдесят капралов
Говно из них трясли.

№ 4

Цынцы-брынцы, балалайка,
Цынцы-брынцы, заиграй-ка.
Тень-тень-потетень,
Ветер стонет целый день.
Туна туна туна-на,
Ходит по морю волна.

№ 5

Птица-синица
За море летела,
Перо уронила.
Беру перо в руки,
Пишу письмо от скуки.
Перышко скрипит,
Мое сердчко кипит.

¹ *Гайтан* — шнурок, тесьма, на котором носят нательный крест.

² Публикуемый очерк — шестой в рукописной монографии М. И. Романова; см. предисловие к публикации, с. 79.

³ *Урок* — вредоносное слово, порча, мифологическое существо, персонифицирующее вредоносное слово. *Озёв, озев, озеп, озёр* — оговор, болезнь от оговора, от сглаза.

⁴ *Камфарное* блюдо — блюдо из камфарного дерева (*Laugus Camphora*).

⁵ *Земельный* — относящийся к земле, землям; *зд.* в значении владения, сельского хозяйства, т. е. сельский человек.

⁶ *Гамить, гаметь* — *гомонить, гаманить* — кричать, говорить громко.

⁷ *Конговый* — от *конга* — *конда*, боровая сосна, *кондовый* — крепкий.

⁸ *Призор* — сглаз, порча от дурного глаза, болезнь.

⁹ *Притча, притка* — *зд.* порча, сглаз, болезнь, смерть.

¹⁰ *Приговоры* — *зд.* то же, что притча.

¹¹ *Зорóги* — от *вздрагивать*; беспокойство, болезнь от испуга, существо, персонифицирующее болезнь от испуга.

¹² *Переполох* — тревога, страх, беспокойство, болезнь от испуга. Живое существо, испугавшее человека.

¹³ *Сток* — восток.

¹⁴ *Кóмель* — нижний конец бревна, пера, волоса; *зд.* низ течения реки.

¹⁵ *Сорóк* — от *сор*; грязь.

¹⁶ *Ломóк* — от *лом*; валежник, сучья.

¹⁷ *Родíмец* — детская болезнь.

¹⁸ *Дёвка-пустоволóска, девка-простоволóска* — сверхъестественное, мифическое существо.

¹⁹ *Шпáкурить* — насмешничать, насмехаться.

²⁰ *Осэ́ка, осэ́к* — изгородь из кустов и деревьев, наваленных друг на друга и кое-где надпертых кольями.

²¹ *Сóбра* — зд. мелколесье.

²² *Наво́лок* — луг, заносимый во время разлива наносом, низменный берег.

²³ *Щипо́та, ломо́та* — болезнь, боль в суставах, костях, связках.

²⁴ *Жи́ло, жильё* — жилище, место, где живут.

²⁵ *Жи́ра* — *жи́рова* — богатая жизнь.

²⁶ *Угомóн* — зд. спокойствие, тишина, сон, мифическое существо, олицетворяющее спокойствие.

²⁷ *Просу́жей, просу́жий* — рассудительный, разумный, толковый, смысленный.

²⁸ *Пови́ть, пове́ть* — крыша над скотным двором, также настил над скотным двором, где хранили сено, крытый теплый двор.

²⁹ *Затры́циться* — вероятно, от *дрыгать*; лягать, дрожать.

³⁰ *Нани́* — так что; что даже.

³¹ *Пря́женец, пря́жник, пря́женок* — зд. тонкие пирожки или лепешки, жареные на растительном или сливочном масле.

³² *Уга́рок* — огарок лучины или свечи.

³³ *Коточи́к, кочеды́к, кочады́к, косты́г, кодочи́к* — шило для плетения лаптей.

³⁴ *Пружо́к, пружё́к* — силок для ловли птиц.

³⁵ *Прибаву́шка* — вероятно, от *бавушка*; бава, бавка — игрушка, забава.

³⁶ *Глиздо́к, гли́зд* — дождевой червь.

³⁷ *Подпа́хтанье* — вероятно, то же, что *пахтанье*; сыворотка при сбивании масла из сметаны.

³⁸ *Стрёк* — слепень или овод.

³⁹ *Соп* — от *сопать*; жрать, жадно есть.

⁴⁰ *Звоз, взвоз* — настил со двора в верхний сарай или сенник для въезда лошадей с возом.

⁴¹ *Игрéн, игрэнь, игрэний* — конская масть: рыжий с гривой и хвостом более светлого цвета.

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРМСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

(ПИСЬМА Е. Н. КОСВИНЦЕВА К П. С. БОГОСЛОВСКОМУ)

Публикация Т. Г. Ивановой

В истории отечественного краеведения немало имен и лиц, о которых известно очень мало. Один из таких скромных краеведов — Е. Н. Косвинцев, внесший определенный вклад в изучение Пермского региона. В обширном личном фонде видного уральского фольклориста и литературоведа П. С. Богословского¹ находятся 9 писем Е. Н. Косвинцева к П. С. Богословскому (РО ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 3. № 116; сохранилась явно лишь часть эпистолярии), представленные как предмет нашей публикации. Они проливают свет на некоторые страницы пермского краеведения.

Биография Е. Н. Косвинцева восстанавливается по материалам публикуемых писем, по немногим печатным источникам, которые нам удалось обнаружить, по сведениям личного характера, данным им в «Материалах для литературно-биографического словаря Пермского края» (РО ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 5. № 15; сохранились лишь отрывки этого труда), а также по заметке П. М. Сивкова «Памяти Е. Н. Косвинцева» (РО ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 3. № 184) (см. также: Оп. 5. № 134 — фотография Е. Н. Косвинцева). В одном из пермских сборников мы нашли небольшую статью о Е. Н. Косвинцеве, построенную на немногочисленных материалах его личного архива, хранящегося в Государственном Архиве Пермской области.² Документы свидетельствуют, что Е. Н. Косвинцев как пермский краевед оставил след в области археологии, фольклористики, истории литературы и в музейном деле.

Евлампий Николаевич Косвинцев родился 9 (21) октября 1877 г. в городе Кунгур в семье портного. В юности он был учеником в сапожной мастерской, затем рабочим на кожевенном заводе (Кунгур до революции был центром кожевенного производства в Пермском крае). Очень рано в Е. Н. Косвинцеве проснулся интерес к истории и культуре

родного края. В 1897 г. природная любознательность Е. Н. Косвинцева привела его к археологическим древностям Кунгура. Самостоятельно он совершил, как тогда говорили, экскурсию в д. Броды на р. Шаква, где, как ему стало известно, крестьянин Самойла Лушников периодически выпаживал на своем поле различные старинные предметы. Е. Н. Косвинцев получил от Лушникова некоторые из этих предметов и обнаружил на косогорье могильник. Тогда же Е. Н. Косвинцев сообщил о своих находках председателю Пермской ученой архивной комиссии Н. Н. Новокрещенных. Вместе произвели они первоначальные раскопки у д. Броды. В дальнейшем Н. Н. Новокрещенных и А. А. Спицын, известный археолог, продолжили археологические изыскания в данном месте. Бродский могильник действительно стал заметным явлением в уральской археологии. Открытие Бродского могильника Е. Н. Косвинцев, по-видимому, не без оснований приписывал себе. Однако Н. Н. Новокрещенных в своих публикациях замалчивал роль юного кунгуряка в этом деле, что вызвало у Е. Н. Косвинцева глубокую обиду, которую он не мог забыть и через много лет.³ В дальнейшем он охладел к археологии и более к ней не возвращался.

Любовь к родному краю вполне логично позволила Е. Н. Косвинцеву заняться еще одной стороной русской культуры, входящей в сферу интересов краеведения, — устной народной поэзией. В 1897 г. он записал в Кунгуре три былины. Попад через два года в Москву, юный собиратель фольклора познакомился со студентом Московского университета А. В. Марковым (1877—1917), будущим видным фольклористом, открывателем песенно-эпической традиции на Зимнем берегу Белого моря (см.: *Марков А. В.* Беломорские былины. М., 1901), и передал ему свои былинные материалы. А. В. Марков сразу же опубликовал их в «Этнографическом обозрении».

Записи Е. Н. Косвинцева (три былинных текста, каждый из которых не закончен: «Буян-богатырь», «Чурило Пленкович», «Дюк Степанович»), привсей их внешней скромности, имеют для былиноведения неосценимое значение. Это один из неоспоримых фактов, свидетельствующих о том, что в XIX в. в Пермской губернии еще существовала живая былинная традиция. Значение этих материалов было высоко оценено уже А. В. Марковым, который писал в своей статье: «В заключение мы должны выразить благодарность Е. Н. Косвинцеву за сохранение для науки угасающих остатков русской былевой поэзии и высказать желание, чтобы он, когда явится возможность, постарался пополнить свои материалы для изучения былинной традиции в Пермской губернии».⁴

А. В. Марков, безусловно, понимал, что записи Е. Н. Косвинцева — это весомый аргумент в пользу локализации знаменитого Сборника Кириши Данилова в рамках Уральского региона. Неслучайно летом 1909 г., уже опытным собирателем, он отправился в Пермский край специально для записи былин. Правда, не найдя их здесь, через две недели собиратель круто поменял маршрут и выехал на Белое море.⁵ К сожалению, Е. Н. Косвинцев также более не возвращался к былинам. Помимо названной публикации А. В. Маркова — Е. Н. Косвинцева, наука располагает лишь двумя пермскими текстами, записанными в начале 1920-х годов В. Н. Серебренниковым.⁶ История научного соби-

рания былевого эпоса в Пермском крае, таким образом, оказывается чрезвычайно краткой. Тем больше оснований имеется для того, чтобы высоко оценить вклад Е. Н. Косвинцева в пермское былинноведение.

Надо сказать, что Е. Н. Косвинцев, выросший в маленьком провинциальном городке, сам был носителем песенной фольклорной традиции. Об этом свидетельствует дополнение от редакции журнала «Этнографическое обозрение» к статье Ф. Нефедова, публиковавшего костромские песенные тексты о Степане Разине. В дополнении к этой статье редакция печатает песню о Разине, записанную от Е. Н. Косвинцева.⁷ Вхождение в среду «Этнографического обозрения», без сомнения, давало Е. Н. Косвинцеву шанс стать видным деятелем науки об устной народной культуре. Напомним, что в эти же годы сарапулец Н. Е. Ончуков, так же как и Е. Н. Косвинцев, не имевший ни высшего, ни гимназического образования, приезжает в Петербург, сближается с Русским географическим обществом и вскоре становится одним из самых деятельных его сотрудников. Впоследствии открытие близкой традиции на р. Печоре и издание сборника севернорусских сказок выдвинуло Н. Е. Ончукова в ряды выдающихся собирателей русской народной поэзии.⁸

Однако фольклористом Е. Н. Косвинцев не стал, как не стал он и археологом. Общественный темперамент склонял юного кунгуряка в область журналистики. Еще в 1896 г., как следует из биографической справки, опубликованной П. С. Богословским в «Пермском краеведческом сборнике», Е. Н. Косвинцев начинает сотрудничать с газетой «Екатеринбургская неделя».⁹ По указателям за первое и второе полугодие 1896 г. названной газеты имени Е. Н. Косвинцева среди авторов мы не нашли. Однако возможно, что его перу принадлежат неподписанные корреспонденции из г. Кунгур.¹⁰

П. М. Сивков, екатеринбургский журналист, в упомянутых выше воспоминаниях «Памяти Е. Н. Косвинцева» свидетельствует, что в августе 1897 г. Е. Н. Косвинцев переезжает в Екатеринбург: «...ему было тогда 19 лет, обо мне он знал как о сотруднике „Недели“, „Урала“¹¹ и др. <угих> газет, и теперь приехал из Кунгура, привез с собой две статьи, которые принес мне на просмотр. Я пробежал его статьи <...> Я тотчас же набросал записку редактору „Урала“ П. И. Певину <...> рекомендовал ему земляка и обращал внимание редактора на живо и интересно написанные статьи. С этим моим письмом в тот же день Е. Н. отправился в редакцию к Певину, а уже через несколько дней его статьи появились в „Урале“¹²» (РО ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 3. № 184. Л. 3—3 об.).

Е. Н. Косвинцев стал, по словам П. М. Сивкова, «усердным» сотрудником «Урала» и поселился в Екатеринбурге. Через некоторое время он перебрался в Пермь и начал сотрудничать в местных газетах. Но тут у него случилась неприятная история с одной публикацией. П. М. Сивков вспоминает, что Е. Н. Косвинцев напечатал под своей фамилией рассказ, который, как потом оказалось, принадлежал беллетристу К. М. Станюковичу¹³: «Началась невообразимая грызня; уральские и пермские газеты напали на бедного Косвинцева, напрасно он старался оправдаться, что сам сделался жертвой невольной ошибки: рукопись, старую, затасканную, он купил где-то на барахолке, заинтере-

ресовался ею и вот, приделав к ней заглавие и конец, напечатал. Ему не верили и продолжали травить. Е. Н. поехал в Москву, где жил тогда Станюкович, явился к нему, объяснил начистоту, как было дело с злополучным рассказом. Но из Москвы он уже не вернулся в Пермь, а остался работать, кажется в „Русском слове“»¹⁴ (там же. Л. 4).

Так в 1899 г. Е. Н. Косвинцев оказался в Москве. Переезд в Москву, один из политических центров России, порождает в молодом человеке желание посвятить себя сфере, близкой к общественным вопросам жизни. В самоопределении Е. Н. Косвинцева — научные интересы или общественные — не последнюю роль сыграл его земляк Михаил Андреевич Ильин (известный впоследствии писатель Михаил Осоргин, участвовавший в революционном движении партии эсеров, бывший эмигрантом при царской власти, не принявший большевистского переворота и оказавшийся после 1917 г. во второй политической эмиграции).¹⁵ В биографических справках о писателях-пермяках, присланных в 1926 г. П. С. Богословскому, Е. Н. Косвинцев вспоминал одну из своих встреч с М. А. Ильиным в библиотеке Румянцевского музея: «Узнав, что я читаю какой-то фолиант по археологии, он, смеясь, посоветовал мне: — Брось это старье и займись лучше изучением Карла Маркса. — А что посоветуешь читать? — Ну, конечно, „Капитал“, а затем вот Бельтова прочти, — и М. А. показал мне книгу Бельтова „Монистический взгляд на историю“.¹⁶ Я послушался доброго совета и уже на следующий день сидел за чтением первого тома „Капитала“ К. Маркса» (РО ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 5. № 15. Л. 9).

Студент юридического факультета Московского университета М. А. Ильин к «марксистствующему г. Косвинцеву» отнесся, как следует из того же архивного источника, иронически. По этому поводу он прошелся, как указывает Е. Н. Косвинцев, в одной из своих корреспонденций, регулярно печатавшихся на страницах «Пермских губернских ведомостей» (там же. Л. 9).¹⁷ Тем не менее политическая сторона жизни увлекла Е. Н. Косвинцева. Поэтому вместо науки он выбирает журналистику.

Е. Н. Косвинцев, как следует из названной выше биографической справки П. С. Богословского, составленной, без сомнения, по материалам, присланным им самим, сотрудничал во многих уральских газетах: «Урал» (Екатеринбург; газета существовала в 1897—1908), «Рудокоп» (Екатеринбург, 1897—1904), «Уральская жизнь» (Екатеринбург, 1899—1917), «Пермские губернские ведомости» (Пермь, 1838—1917). В Москве он пишет для «Русского слова» (1894—1917, издание И. Д. Сытина), «Русских ведомостей» (1863—1917), «Раннего утра» (1907—1917), «Новостей» (1908—1909). Сотрудничал Е. Н. Косвинцев и с петербургскими газетами: «Страна» (1906—1907), «Биржевые ведомости» (1880—1917), «Неделя» (издание В. П. Гайдебурова, 1868—1901), «Сын отчества» (1862—1900, 1904—1905). Свидетельствует Е. Н. Косвинцев и о своих связях с поволжскими газетами (нижегородский «Волгарь» и ярославский «Северный край»), а также с «Владимирской газетой».

По свидетельству П. М. Сивкова, в 1907 г. Е. Н. Косвинцев вернулся в Екатеринбург, где собирался издавать литературный журнал «Утесы». Издание не состоялось. В 1910 г. Е. Н. Косвинцев уже

в Пскове, работает в газете «Псковская жизнь». Со 2 февраля он был редактором-издателем этой газеты, о чем извещало следующее объявление: «С настоящего номера наша газета будет выходить под редакторством Е. Н. Косвинцева. Направление газеты и состав сотрудников остаются прежние».¹⁸ «Направление», которое поддерживал кунгуряк, судя по всему, было оппозиционным по отношению к властям. Редактором «Псковской жизни» он пробыл до 30 октября 1910 г.

Нам удалось выяснить, что с марта 1912 г. Е. Н. Косвинцев жил в Харьковской губ. в уездном городе Сумы, куда он был приглашен в качестве заведующего редакцией газеты «Сумской вестник», фактическим редактором которой был А. И. Бычков. Однако отношения с редакцией, допустившей ряд нечистоплотных поступков, у Е. Н. Косвинцева не сложились. В начале 1914 г. он вынужден был оставить работу в «Сумском вестнике».¹⁹ Тогда же он, в противовес данной газете, задумал свое издание — «Сумская жизнь». Эта газета издавалась с 23 апреля. Е. Н. Косвинцев мыслил свою газету как отвечающую исключительно местным запросам. В программной статье «Сумской жизни» говорилось: «... мы далеко отступаем от обычного шаблона, выбрасывая из газеты отделы, состоящие из перепечаток <...> Каждая лишняя оригинальная строчка, особенно если она относится к местным делам, лишь усилит в читателе интерес к газете».²⁰ Газета Е. Н. Косвинцева активно участвовала в проходивших в Сумах выборах в Городскую Думу. Одной из главных тем в ней стало противостояние с «Сумским вестником». Начавшаяся Первая мировая война заставила газету переориентироваться на европейские и общероссийские новости, однако очень скоро, 21 декабря 1914 г. «Сумская жизнь» прекратила свое существование (вышло всего 44 номера газеты).

Октябрьскую революцию, в отличие от своего земляка М. Ильина (Осоргина), Е. Н. Косвинцев принял, по-видимому, безоговорочно. В период Гражданской войны он работал, как следует все из той же биографической справки П. С. Богословского, в советских газетах («Знамя революции») (казанская газета, основанная в 1917 г. и впоследствии преобразованная в главную газету Татарии «Советская Татария»), «Бедняк» (вероятно, также казанская газета 1918—1919 гг.), «Беднота» (возможно, это была газета г. Дмитровск Орловской губернии, издававшаяся в 1919—1922 гг.), «Искра» (кунгурская газета, основанная в 1921 г.), и наконец, в «Известиях Пермского губисполкома» (основана в 1918 г., впоследствии преобразована в главную газету Перми «Звезда»). Одно время Е. Н. Косвинцев заведовал отделом социального обеспечения в своем родном городе Кунгур. Есть сведения о том, что в 1922 г. в Кунгуре был издан сборник его стихотворений²¹ (в Российской национальной библиотеке книга отсутствует).

С 1923 г. и вплоть до своей смерти 25 июня 1930 г. (свидетельство П. М. Сивкова) он являлся хроникером главной газеты советской России «Правда» и жил, как следует из его писем к П. С. Богословскому, во втором Доме советов (бывшая гостиница «Метрополь»).

Словарь И. Ф. Масанова фиксирует 11 псевдонимов, которыми пользовался Е. Н. Косвинцев: Б. Годунов, В. Григорьев, Е. Двинский, Депид, Е. К., Е. Калитин, Кимров, Кунг, Пимен Уральский, Е-цев, Е. Чудский.²²

В газетах Е. Н. Косвинцев выступал не только как журналист, но и как карикатурист. Первая его карикатура, как отмечалось в биографической справке П. С. Богословского, появилась в московском юмористическом журнале «Развлечение» за 1900 г. и изображала кунгурский кустарный склад в виде калеки на костылях. Нам удалось разыскать эту карикатуру, помещенную в журнале анонимно. Под заглавием «Кунгур (Пермско-ой> губ.» изображен кустарный склад на подогнувшихся ножках, рядом с ним стоят гласный-кожевник, замахивающийся на склад, гласный-крестьянин, мужик-кулак и кустари в виде овец. Карикатура имеет текстовое пояснение:

«Гласный-кожевник (замахиваясь): А! Так ты хотел нас в бараний рог согнуть?! Вот тебе!

Склад (умирая): И ты, Брут!

Гласный-крестьянин (он же и земский плательщик): Наконец-то порешили! Туда и дорога обжоре. За пять-то лет слопал наших денежек 15 тышш (ухмыляется в бороду).

Кулак (к кустарям): Сюда, овечушки, опять вас стричь буду, ножицы у меня новые, острые, превосходные!».²³

Сюжет первой карикатуры Е. Н. Косвинцева, как видим, полностью вытекает из кунгурских общественных интересов.

В революцию 1905—1907 гг. карикатуры Е. Н. Косвинцева стали носить политический характер и печатались в журнале «Искры» (приложение к «Русскому слову»), «Новостях дня», «Раннем утре», «Московской газете» и др. В биографической справке П. С. Богословского говорится: «Всего с 1905 по 1917 г. Е. Н. напечатал до 150 карикатур, в которых увековечил Витте, Дурново, Столыпина, Победоносцева, Пуришкевича, Гучкова и многих представителей тогдашних политических партий. Карикатуры печатал за полной подписью и монограммами Е. К., К, Ре».²⁴

Просмотр журнала «Искры» убеждает, что в 1906 г. Е. Н. Косвинцев был одним из ведущих карикатуристов этого иллюстрированного издания. Его карикатуры политического характера (за полным именем или за псевдонимами Е. К., Е. Кос., Е. Косв.) появлялись почти в каждом номере. Основные сюжеты развивались вокруг Государственной Думы и членов правительства: «Длинная, но не бесконечная „партия“» (№ 7. С. 19), «Гр. Витте в раздумье» (№ 7. С. 22), «Отголоски съезда „Союза 17 октября“» (№ 9. С. 52), «Около аграрного вопроса» (№ 10. С. 71), «Наши бюрократы. Витте. Дурново. Акимов» (№ 16. С. 166), «Столыпин» (№ 22. С. 359), «Победоносцев на пути в Крым» (№ 24. С. 292) и т. д. В 1907 г. Е. Н. Косвинцев продолжает столь же активно сотрудничать с «Искрами»: «Новогодние мечты и проекты» (№ 2. С. 11), «Гучков» (№ 3. С. 19), «Переговоры левых с петербургскими кадетами о предвыборном блоке» (№ 5. С. 35), «В Государственной Думе» (№ 17. С. 134) и т. д.

Благодаря этим карикатурам имя Е. Н. Косвинцева осталось в истории русского графического искусства. Один из его рисунков воспроизведен в альбоме «Революция 1905—1907 годов и изобразительное искусство»; там же дается краткая биографическая справка: «Косвинцев Евлампий Николаевич (1877—1930) — журналист и художник. Рисунки помещал в журналах „Развлечение“ (с 1902), „Иск-

ры“ (1905—1906), в газетах „Русь“ и „Дух времени“ (приложение к журналу „Живая мысль“) и др.».²⁵

Как журналист Е. Н. Косвинцев хорошо знал пишущую братию родного Пермского края, что помогло ему впоследствии внести свой скромный вклад в сохранение для истории некоторых сведений о литературных процессах в Перми. Переписка между П. С. Богословским и Е. Н. Косвинцевым началась в 1926 г. по инициативе последнего. Первое письмо Е. Н. Косвинцева было написано как раз тогда, когда П. С. Богословский только что опубликовал небольшую статью «Пермский край в историко-литературном отношении»,²⁶ где собрал предварительные сведения о писателях, так или иначе связанных с Пермью. На рабочем столе у него лежали материалы для следующей работы того же характера (по сути дела, материалы для словаря писателей Пермского края). Неожиданное письмо Е. Н. Косвинцева, старого журналиста, без сомнения, побудило П. С. Богословского обратиться к тому за сведениями по интересующей его теме (местонахождение писем П. С. Богословского нам неизвестно). Е. Н. Косвинцев охотно откликнулся, и П. С. Богословский использовал его материал в своей публикации, о чем свидетельствует следующее замечание: «Особенно же я признателен Е. Н. Косвинцеву (ныне московский сотрудник газ. „Правда“), передавшему в мое распоряжение собранные им ценные материалы по истории уральской печати, частично использованные мною в предлагаемом ниже списке».²⁷ Судя по помете «К.», Е. Н. Косвинцев дал П. С. Богословскому сведения о П. Я. Блиновском, А. Е. Богдановском, Н. Д. Беккаревиче, П. П. Баскине, А. Д. Давыдове, А. Еловикове, Н. Иванове и многих других лицах, оставивших свой след в пермской литературе, журналистике, краеведении.

Живя в 1920-е годы в Москве, Е. Н. Косвинцев продолжал с большим интересом следить за культурной жизнью Перми. Поэтому он охотно, как следует из его писем к П. С. Богословскому, взял на себя заботу о распространении в столичных магазинах «Пермского краеведческого сборника», издаваемого под редакцией П. С. Богословского Кружком по изучению Северного края. Он же стал инициатором некоторых публикаций в Сборнике. Так, он побудил старейшего пермского литератора Павла Михайловича Сивкова написать воспоминания о своей работе в газете «Екатеринбургская неделя». Воспоминания эти были напечатаны П. С. Богословским в четвертом выпуске Сборника.²⁸ Не без участия Е. Н. Косвинцева, по-видимому, были опубликованы и воспоминания А. Т. Михайлова о Д. Н. Мамине-Сибирике.²⁹ Таким образом, именно благодаря Е. Н. Косвинцеву наука сохранила скупые сведения о многих пермяках.

Наконец, последняя краеведческая сфера, в которой Е. Н. Косвинцев оставил свой след, — музейное дело. Как видно из первого письма, в молодости он содействовал созданию местного Кунгурского музея. И именно музейные, а ни какие другие, интересы заставили Е. Н. Косвинцева обратиться к П. С. Богословскому в 1926 г. за помощью и советом. Дело в том, что всю жизнь Е. Н. Косвинцев собирал коллекцию народных лубочных картинок. Этот вид фольклорного изобразительного искусства Е. Н. Косвинцева, как следует из писем,

поразил его еще в детстве. Научный же интерес к лубочным картинкам у него возник, возможно, не без влияния одной из статей, прочитанных им в «Трудах Пермской ученой архивной комиссии». ³⁰ В 1920-е годы косвинцевская коллекция лубка составляла 200 листов. Заботясь о ее сохранности, собиратель задумал передать собранные им народные картинки в один из уральских музеев, о чем просил содействия П. С. Богословского. Как следует из пятого письма от 6 февраля 1927 г., свою коллекцию он передал в Пермский художественный музей. В настоящее время собрание лубка в местной художественной галерее составляет 148 листов. ³¹

Е. Н. Косвинцев принял также участие в формировании Историко-литературного и театрального музея при Пермском университете, созданного в конце 1928 г. П. С. Богословским. ³² Сюда он передал часть из своей коллекции гравюр с портретами деятелей театра и музыки (см. письмо 8 от 9 марта 1929 г.). К сожалению, эти материалы, по-видимому, погибли при разгроме музея в 1932 г., когда П. С. Богословский был изгнан из Пермского университета.

Те скудные сведения, которые нам удалось собрать о Е. Н. Косвинцеве, свидетельствуют, что до конца жизни он остался предан своему родному Пермскому краю. Имя его не должно исчезнуть из аналогов пермского краеведения.

¹ См. о нем подробнее: *Иванова Т. Г.* П. С. Богословский и его фонд в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 3—35.

² *Анисимова Т. Я.* Е. Н. Косвинцев: Материалы о жизни и деятельности // Страницы прошлого: Избр. Материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 1995. С. 52—55.

³ Помимо первого из публикуемых писем, см. также: *Косвинцев Е. Н.* К истории кунгурской археологии // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 181.

⁴ *Марков А. В.* Былины, записанные в Пермской губернии // Этнографическое обозрение. 1899. № 4. С. 89—94.

⁵ Подробнее об этой экспедиции см.: *Иванова Т. Г.* Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках. СПб., 1993. С. 43.

⁶ См.: *Серебренников В. Н.* Из Оханского фольклора // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924. Вып. 1. С. 62—63. Перепечатано: Меткое слово: Песни. Сказки. Дореволюционный фольклор Прикамья / Собр. В. Н. Серебренников; Сост. и вступ. статья Т. И. Вершинина. Пермь, 1964. С. 143—146 (начала былины «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» и, по-видимому, сюжета «Добрыня и Змей»).

⁷ *Нефедов Ф.* Былина о Стеньке Разине, разбойнике, богатыре и чарошее // Этнографическое обозрение. 1899. № 4. С. 108.

⁸ О Н. Е. Ончукове подробнее см.: *Иванова Т. Г.* Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках. СПб., 1993. С. 168—186.

⁹ *Богословский П. С.* Из материалов по истории литературы и печати в Пермском крае (краткое предварительное сообщение) // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 101.

¹⁰ См.: Кунгур (Пожар) // Екатеринбургская неделя. 1896. 6 окт. № 39. С. 896; Кунгур (Обрушившийся купол. Убийство) // Екатеринбургская неделя. 1896. 13 окт. № 40. С. 925.

¹¹ Имеется в виду политическая и литературная газета «Екатеринбургская неделя». Издавалась с 1879 по 1896 г., после чего стала издаваться газета «Урал» (1897—1908).

¹² В августовских и сентябрьских номерах газеты «Урал» за 1897 г. статей за подписью Е. Н. Косвинцева не обнаружено, однако неподписанные корреспонденции из Кунгура печатались в каждом втором номере.

¹³ Станюкович Константин Михайлович (1843—1903) — прозаик. Печатался с 1860-х годов. Ярko заявил себя как писатель-маринист («Морские рассказы»).

¹⁴ За 1899 г. в «Пермских губернских ведомостях» был опубликован только один рассказ Е. Н. Косвинцева (за подписью Ев. Чудский) — «Перелетные птицы» (Пермские губернские ведомости. 1899. 10 янв. № 7).

¹⁵ См.: *Марченко Т. В.* Осоргин Михаил Андреевич // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918—1940. Писатели Русского Зарубежья. М., 1997. С. 297—300.

¹⁶ Имеется в виду книга Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Карееву и комп.» (СПб., 1895), опубликованная под псевдонимом Н. Бельтов.

¹⁷ Действительно, в «Пермских губернских ведомостях» за 1899 г., в рубрике «По России» имеется ряд корреспонденций, помеченных «от нашего московского корреспондента» и подписанных М. Ильин и инициалами М. И. Автор сообщал из Москвы о праздновании Татьянина дня московскими студентами, о юбилейных Пушкинских торжествах и т. д. Корреспонденции, где говорится о «марксистствующем г. Косвинцеве», пока обнаружить не удалось.

¹⁸ От редакции // Псковская жизнь. 1910. 2 февр. № 254.

¹⁹ *Косвинцев Е. Н.* На суд общества // Сумская жизнь. 1914. 27 апр. № 2.

²⁰ Наши задачи // Сумская жизнь. 1914. 23 апр. № 1.

²¹ См.: *Николаев С. Ф.* Кунгур. Пермь, 1958. С. 91 (Сер. «Города Пермской области»).

²² *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1960. Т. 4. С. 248.

²³ Развлечение. 1900. № 21. С. 12.

²⁴ *Богословский П. С.* Из материалов по истории литературы и печати в Пермском крае. С. 101.

²⁵ Революция 1905—1907 годов и изобразительное искусство: Серия альбомов / Под общ. науч. ред. В. В. Шлеева. М., 1978. Вып. 2. С. 111. Упоминание о том, что с журналом «Развлечение» Е. Н. Косвинцев стал сотрудничать лишь в 1902 г., как мы указывали выше, ошибочно.

²⁶ *Богословский П. С.* Пермский край в историко-литературном отношении (Некоторые материалы) // Экономика. 1925. № 2/3 (33/34). С. 54—59.

²⁷ *Богословский П. С.* Из материалов по истории литературы и печати в Пермском крае... С. 95.

²⁸ См.: *Сивков П. М.* Газетное дело на Урале тридцать лет назад (вместо автобиографии) // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1928. Вып. 4. С. 218—235.

²⁹ *Михайлов А. Т.* Д. Н. Мамин-Сибиряк (Из воспоминаний) // Там же. С. 235—238.

³⁰ См.: *Капустин М. И.* Лубочная картинка начала XIX столетия «Разговоры между профессором и крестьянином» // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1901. Вып. 4. С. 153—157.

³¹ См.: Пермская государственная художественная галерея: Краткий справочник. Пермь, 1967. С. 17—18.

³² Подробнее о музее см.: *Иванова Т. Г.* П. С. Богословский и его фонд в Рукописном отделе Пушкинского Дома. С. 10—14.

Вторая половина февраля 1926 г.

Товарищ Богословский!

Еще 3—4 года тому назад, в бытность мою в Кунгуре, я хотел завести с Вами переписку по вопросам изучения Пермского края и лишь теперь мне, наконец, удалось выполнить это намерение.

Будучи природным кунгуряком, я уже 16-летним подростком начал интересоваться местной стариной и жадно впитывал в себя все, что удавалось мне, иногда в случайных разговорах, разузнать от местных жителей, в том числе крестьян. Появление в свет первого выпуска «Трудов Пермской ученой архивной комиссии»¹ открыло мне целый новый мир. Хотя я был в эту эпоху (1894—1897 гг.) сапожным подмастерьем, работал в кунгурских мастерских и занят был по 10—12 часов на работе, все же летом мне удавалось урывать время, особенно праздничные дни, на экскурсии в окрестностях Кунгура. Вам, конечно, известно его местоположение. Он находится в узле четырех рек — Сылвы и ее притоков Шаквы, Ирени и Бабки. Реки эти в так называемую чудскую эпоху были, вероятно, главными артериями для передвижения тогдашнего населения. Отсюда обилие остатков становищ по берегам этих рек. Видимо, и в эпоху, предшествующую колонизации Кунгурского края, окрестности Кунгура были центром оседлой жизни инородцев. Таким образом, моя любознательность получила широкое удовлетворение. Своим открытием я по какому-то инстинкту начал делиться с Н. Н. Новокрещенных.² Именно 30 лет будет летом текущего года, как я представил ему в дар музею Пермской комиссии УОЛЕ³ свои первые археологические коллекции, как найденные мною лично, так и приобретенные у местных крестьян.

Не хочу скрывать от Вас, что мое знакомство с почтенным Н. Н. оставило во мне глубокую горечь разочарования. Все мои открытия и приношения он или сделал анонимными, или присвоил себе.⁴ Это впоследствии весьма охладило мой пыл к археологии, и даже поддержка таких почтенных работников в области археологии, как О. Е. Клер⁵ и Д. Н. Анучин,⁶ уже не могли вернуть мне прежнего пыла и энтузиазма.

Припоминаю, что когда в 1897 году мы с Н. Н. Новокрещенных приехали в Кунгур, он ночевал в доме моего дяди, у которого жил и я. Ночью Н. Н. сильно кусали клопы, и он проснулся злой. За чаем он завел разговор с моей матерью, простой неграмотной женщиной, и начал ее упрекать, почему она позволила мне бросить сапожное ремесло. А я как раз ремесло и не бросал, а лишь временно был безработным. Весь тон речи Н. Н. был далеко не поощрителен для меня и для моих археологических увлечений,

и я до сего времени не могу разгадать такого непонятного и недружелюбного отношения ко мне со стороны Н. Н., который и сам, кажется, вышел из среды заводских рабочих.

Конечно, наука ничуть не потеряла оттого, что я сделался не археологом, а журналистом. Я только хочу приоткрыть вам частичку завесы, за которой скрывается обратная сторона всякого общественного дела.

Однако неудачи, подобные описанным, все же не вышибли из меня страсти к собирательству, которое я сосредоточил исключительно на графике (лубок, гравюра, литография). Сейчас в моем собрании имеется до 200 листов народных лубочных картинок, в том числе несколько из них XVIII в. Эту часть своего собрания я намерен принести в дар одному из местных научных учреждений Уральской области, где я получил те познания, которые вывели меня из пыльной и грязной мастерской на широкую дорогу журнализма и общественности. Этой дорогой я иду уже ровно 30 лет! К таким учреждениям я отношу бывшую Пермскую комиссию УОЛЕ, коллекции и библиотека которой дали мне многое. Уральское общество любителей естествознания — это вторая организация, помогшая мне пополнить и развернуть свои знания и удовлетворить свою любознательность. А. А. Дмитриев⁷ в Перми, Онисим Егорович Клер в Екатеринбурге — это мои друзья и наставники. Оба они не смущались моим пролетарским происхождением и тянули меня кверху. Самые светлые воспоминания храню об них обоих. Клер так благоволил ко мне, что представил меня как начинающего археолога-любителя своему французскому гостю барону де Бай.⁸

Третье учреждение, созданию которого я косвенно содействовал, — это Кунгурский научный музей, археологическая часть которого собрана покойным М. Ф. Летуновым.⁹ Этот Летунов — владимирский офеня, в период 1892—1895 гг. явился в Кнугур с коробочком копеечных книжек издания Сытина и «Посредник», начал торговать ими с рундучка, а кончил владельцем книжного магазина и типографии. Я своими рассказами заинтересовал его местной археологией, и он с жаром начал собирать местную старину. Конечно, родной мой город должен бы быть первым претендентом на получение коллекции. Но она будет лежать там мертвым балластом. Некому там и показывать его. Другое дело Пермский и Свердловский музеи. В отношении их я вопрос ставлю так. Коллекцию должен получить тот из них, в котором уже есть отдел графики, но слаб или отсутствует подотдел народных картинок.

Я и прошу вас, товарищ Богословский, как обстоит в этом отношении дело в Пермском музее. Попутно прилагаю при сем копию своей статьи «Археологические изыскания прежде и теперь», посланную мною в пермскую «Звезду». Я хорошо знаю,

что отделы краеведения в местных газетах являются пасынками и товарищи редакторы неохотно печатают статьи на такие узкоспециальные темы, как археология. В предвидении этого я и посылаю Вам означенную копию. Если статья не появится в «Звезде», поместите ее в «Экономике»,¹⁰ чем премного меня обяжете. Затем еще просьба. Если вы имеете связь с Кунгурским научным музеем, то узнайте, использовал он или нет данный ему мною в 1920 г. материал — «Описание Кунгурского Черетежа боярского сына Семена Ремезова».¹¹ У меня имелось три копии этого описания. Одну из них еще в 1905 г. я передал Д. М. Бобылеву¹² для Пермской архивной Комиссии, а две — в Кунгурский научный музей. Одна из этих последних копий — конца XVIII в., и списана с древнего оригинала с такой точностью, что в ней имеются даже тамги,¹³ приложенные к описанию представителями татарских и остяцких улусов, присутствовавших в качестве свидетелей при составлении Кунгурского Черетежа. Копии эти были куплены мной в 1900 г. в Перми в связке старых архивных дел Красноуфимского нижнего суда. Одно дело — о земле, на которую претендовали мещеряки и русские, их припущенники, — и заключало в себе «Опись Кунгурского Черетежа».

Я бы желал, чтобы при Вашем содействии документ этот получил то, чего он заслуживает. Описание, кроме географических сведений, содержит в себе ряд интереснейших бытовых условий.

Извиняюсь, что письмо очень длинно, я раз начал писать, то решил использовать этот случай до конца.

Крепко жму Вашу руку и жду ответа.

Е. Косвинцев.

Москва.

Свердловская площадь,

2-ой Дом Советов,

1-ый подъезд, кв. 13.

Евлампию Николаевичу Косвинцеву.

Датируется по помете П. С. Богословского, сделанной на письме: «Пол<учено> 2. III. 26. Отв<ечено> 7. III».

¹ Пермская ученая архивная комиссия начала свою деятельность 5 июля 1888 г. Первым ее председателем был избран известный пермский краевед В. Н. Шишонко, а товарищем председателя — А. А. Дмитриев, ставший впоследствии главным редактором издаваемых Пермской ученой архивной комиссией «Трудов». В первом выпуске «Трудов Пермской ученой архивной комиссии» (Пермь, 1892. Вып. 1) Е. Н. Косвинцева могла заинтересовать статья Ф. Теплоухова «Вещественные памятники каменного и бронзового периодов в западной части Пермской губернии». Ряд статей археологического характера был опубликован и в третьем выпуске «Трудов» (1896). Во втором выпуске (1893) юный кунгуряк, несомненно, обратил внимание на статью Е. Д. Золотова «Материалы для первоначальной истории г. Кунгура и его уезда».

² *Новокрещенных Николай Никифорович* (1842—1902) — горный инженер-технолог, главноуправляющий заводами княгини Абамелек-Лазаревой. С 1889 г. жил в Перми, где проявил себя как общественный деятель. С 1893 г. Н. Н. Новокрещенных состоял председателем Пермской ученой архивной комиссии. Провел масштабные археологические раскопки Гляденовского костыща около с. Нижние Муллы, материалы которых были им переданы в Пермский научно-промышленный музей. Автор ряда статей по археологии (см.: *Новокрещенных Н. Н.* Гляденовское костыще Пермской губернии на р. Каме, Пермского уезда // *Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии*. Пермь, 1914. Т. 11. С. 19—97). См. о Н. Н. Новокрещенных: *Малченко В. С.* Н. Н. Новокрещенных: Некролог // *Труды Пермской ученой архивной комиссии*. Пермь, 1902. Вып. 5. С. 123—126; *Верхоланцев В. С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь, 1913. С. 177—179.

³ Уральское общество любителей естествознания — заметное явление в истории дореволюционного и советского краеведения 1920-х годов. Общество просуществовало с 1870 по 1928 г. и внесло весомый вклад в развитие уральского естествознания, этнографии, истории, фольклористики. Общество издавало свой периодический орган — «Записки». См.: *Макаров П. П.* Указатель к томам 1—40 «Записок Уральского общества любителей естествознания» в Екатеринбурге (Свердловске) с 1871 года по 1928 год. Свердловск, 1930. Музей Пермской комиссии Уральского общества любителей естествознания был открыт 25 января 1894 г. Впоследствии это культурное учреждение переросло в 1901 г. в Пермский научно-промышленный музей, а в 1922 г. от него отпочковался Художественный музей (Художественная галерея). См.: *Верхоланцев В. С.* Летопись города Перми с 1890 по 1912 г. // *Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии*. Пермь, 1913. Т. 10. С. 96; *Город Пермь: Сб. очерков по истории, культуре и экономике города*. Пермь, 1926. С. 181—201.

⁴ Обида Е. Н. Косвинцева на Н. Н. Новокрещенных, умолчавшего о его роли в открытии Бродовского могильника, вызвана, по-видимому, статьей последнего, в которой тот, действительно не называет имя юного кунгуряка: «В июле 1897 г. были доставлены <...> вещи из д. Брод по р. Шакве выше Кунгура, причем было заявлено, что вещи выпахивают в поле, недалеко от которого есть курган и городище. При этом подробно описано, где находилась и чему принадлежала каждая вещь — поясу, цепи или чему другому, и что за последние десять лет хозяин усадьбы выпалал до десяти скелетов, на которых вещей было мало и только на последнем много...» (*Новокрещенных Н. Н.* Археологические исследования в западной части Пермской губернии (Дневник раскопок и разведок) // *Труды Пермской ученой архивной комиссии*. Пермь, 1901. Вып. 4. С. 110). Совместная разведывательная экспедиция Н. Н. Новокрещенных и Е. Н. Косвинцева, о которой последний упоминает в данном письме, состоялась 6—8 июля 1897 г. и оказалась малорезультативной. Но впоследствии раскопки были продолжены летом 1898 и 1899 гг. самим Н. Н. Новокрещенных и А. А. Спицыным. Экспедиция 1899 г. была в высшей степени удачной — обнаружено 2850 предметов (Там же. С. 126, 138).

⁵ *Клер Онисим Егорович* (1845—1920) — видный уральский краевед, ботаник, метеоролог. Уроженец французской Швейцарии, он очень рано оказался в России сначала в качестве гувернера, затем преподавателя французского языка. С 1867 г. жил в Екатеринбурге и служил учителем гимназии. В 1870 г. основал Уральское общество любителей естествознания. О. Е. Клер был фактическим редактором «Записок Уральского общества любителей естествознания». Внес он определенный вклад и в уральскую археологию. См. о нем подробнее: *Удинцев С. А.* О. Е. Клер (предварительный биографический очерк) // *Записки Уральского общества любителей естествознания*. Свердловск, 1924. Т. 39. С. III—IX.

⁶ *Анучин Дмитрий Николаевич* (1843—1923) — антрополог, этнограф, археолог, географ; академик (с 1896 г.). В сферу его научных интересов входило

ли и археология и этнография Приуральяского края. См. список его работ: *Анучин Д. Н.* Географические работы. М., 1954. С. 413—468.

⁷ *Дмитриев Александр Алексеевич* (1854—1902) — пермский учитель гимназии, историк Пермского края, активный сотрудник Пермской ученой архивной комиссии. См. о нем: *Малченко В. С., Новиков Н. Н.* Памяти А. А. Дмитриева: Некролог // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Пермь, 1903. Вып. 6. С. 177—187 (со списком работ); *Верхоланцев В. С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее (Краткий историко-статистический очерк). Пермь, 1913. С. 171—172.

⁸ Барон де Бай, французский археолог, бывал в России, и в частности в Пермском крае, в 1895 и в 1896 гг. О поездке 1895 г. см.: *Бай де И. А.* От Волги до Иртыша: Публичная лекция, читанная в Парижском Географическом обществе 10 апреля и повторенная им в Екатеринбурге 4 июля 1896 года // Зап. Уральск. об-ва любителей естествознания. Екатеринбург, 1897. Т. 17, вып. 2. С. 305—328. Здесь де Бай очень тепло отозвался о приеме, оказанном ему УОЛЕ. В июле 1896 г. барон де Бай стал опять гостем Уральского общества любителей естествознания. См.: Екатеринбургская неделя. 1896. 21 июля. № 28. С. 590—592 (раздел «Хроника» — сообщение об ужине, данном в честь французского гостя); Археологические экскурсии барона де Бай // Екатеринбургская неделя. 1896. 4 авг. № 30. С. 637—638.

⁹ В Кунгурском музее хранится рукопись воспоминаний Николая Петровича Смолина, до революции заведывавшего Кунгурским отделением книжного земского склада. Н. П. Смолин весьма иронически характеризует деятельность Максима Федотовича Летунова: «Говоря о книжной торговле, я не могу не вспомнить, как по приезде в Кунгур, был нимало удивлен тем, что в городе оказалась небольшая лавочка, в которой местный торгош бойко торговал всем, чем угодно, в том числе и с позволения сказать, литературой. Фамилия этого торгоша — Летунов. Он был малограмотный деревенский мужичок из кулацкой среды. Торговлю в городе он завел исключительно только ради наживы, ради барышей. Никаких просветительных целей он, конечно, не ставил своей торговлей. Торговал он главным образом таким „ходовым“ товаром, как молитвенники, сонники, оракулы, песенники и т. п. макулатурой».

При всей вероятной справедливости в характеристике книг, которыми торговал М. Ф. Летунов, нельзя не заметить явную идеологическую заданность данного фрагмента воспоминаний. Другие документы свидетельствуют, что М. Ф. Летунов, не имевший образования, в течение своей жизни сумел приобрести к ценностям просвещения и сделал немало добрых дел для Кунгура. Например, рекламные объявления в «Журнале Кунгурского общества пчеловодов» сообщают, что в магазине М. Ф. Летунова продавались учебники, карты, глобусы и другие учебные пособия. Через его магазин кунгуряки могли выписать такие технические новинки, как граммофоны и фонографы. М. Ф. Летунов внес свой вклад и в создание Музея в Кунгуре. Кунгурский краеведческий музей, как сообщила нам его директор Ф. С. Братилова, был основан в 1909 г., когда Городская управа постановила учредить музей в ознаменование 70-летия библиотеки им. К. Т. Хлебникова. Ф. С. Братилова подтвердила, что М. Ф. Летунов действительно пожертвовал в Музей большую коллекцию монет и серебряное блюдо эпохи сасанидов, найденное в 1900 г. близ Кунгура (см. воспроизведение блюда: *Г. Из ценностей Кунгурского музея // Кунгурско-Красноуфимский край. 1925. № 11—12. С. 27*). За этот дар в 1910 г. Городская дума постановила назначить М. Ф. Летунова почетным попечителем Музея пожизненно.

¹⁰ «Экономика» — ежемесячный журнал Верхне-Камского и Пермского окрисполкома (1923—1926). В журнале данная работа Е. Н. Косвинцева напечатана не была. Сведениями о публикации статьи в газете «Звезда» не располагаем.

¹¹ Вероятно, имеются в виду копии с одной из карт из «Служебной чертежной книги» (1702—1730) знаменитого русского картографа, географа и

историка Сибири Семена Ульяновича Ремезова (1642 — после 1720): или карта «Чертеж города Кунгура и его посадов», или «Чертеж земли Кунгурского города». См.: *Гольденберг Л. А.* С. У. Ремезов — сибирский картограф и географ (1642 — после 1720). М., 1965. С. 249. О копиях с карт С. У. Ремезова Е. Н. Косвинцев говорит также в одной из своих поздних краеведческих статей (см.: *Косвинцев Е. Н.* Новые исторические документы о кунгурском крае // *Материалы по изучению Камского Приуралья* / Изд. Перм. о-ва краеведения и Перм. гос. обл. музея. Пермь, 1930. Вып. 2. С. 45).

¹² *Бобылев Дмитрий Михайлович* — пермский общественный деятель, член Пермской ученой архивной комиссии (в списках зарегистрирован с 1902 г.). Публиковался в «Трудах» комиссии. После революции имя его неоднократно встречается в информационных сообщениях о деятельности различных пермских организаций краеведческого характера. П. С. Богословский дал ему следующую характеристику в своих материалах по литературным явлениям Пермского края: «Бобылев Д. М. один из старейших деятелей пермской периодической печати, известный уральский экономист, бывший редактор „Пермской Земской Недели“, автор многих трудов по хозяйству Урала, писал также по общественным вопросам. Ему многим обязана молодежь, работавшая в 1890-х гг. в местной прессе. Ныне редактор <...> пермского журнала „Экономика“» (*Богословский П. С.* Из материалов по истории литературы и печати в Пермском крае (краткое предварительное сообщение) // *Пермский краеведческий сборник*. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 109).

¹³ Тамга — первоначально у монгольских народов особый знак, тавро, которым отмечалось право собственности на скот; впоследствии — печать.

2

15 апреля 1926 г.

Глубокоуважаемый Павел Степанович!

Присылаю Вам окончание своего «Словаря». Был задет за живое уведомлением об избрании меня членом университетского Кружка по изучению Северного края.¹ Спасибо! Спасибо за внимание. На днях я посылаю ответ непосредственно Кружку, с приложением нескольких старых книг для его библиотеки, относящихся к Пермскому краю и пермякам. Я обращаю Ваше внимание на одну из этих книг — № 6 журнала «Русский библиофил» за 1905 г., в котором напечатана интереснейшая статья о пермском уроженце И. И. Варакине² — поэте-самородке. Об этом Варакине в старой краеведческой литературе нет ни одного слова. Затем я посылаю № «Москвитянина», в котором есть воспоминания поэта и баснописца Дмитриева (И. И.).³ Значительная часть этих воспоминаний уделена нашему поэту-пермяку А. Ф. Мерзлякову.⁴ В маленькой книжечке журнала «Сын Отечества» за 1822 г. Вы найдете интересное сообщение из Перми, посвященное пермскому Гаазу — доктору Гралю.⁵

Отсылка книг задержалась тем обстоятельством, что я не могу получить от товарища принадлежащую мне уника «Путешествие в Чердынь и Соликамск» В. Берха,⁶ которую

тоже предназначил в дар библиотеке Кружка по изучению Северного Края. Но дня через три эта книга вернется ко мне и я ее пошлю путешествовать в нашу Биармию. Надеюсь и впредь собирать подобные книги, что в Москве куда легче делать, чем у вас в Перми. Затем я хочу возвратиться на минуту к Вашей брошюре о литературных явлениях.⁷ К числу писателей, посетивших Пермь, надо отнести еще следующих лиц:

1) Россиева Павла Амплиевича,⁸ известного писателя-бытовика, автора многих путевых очерков, печатавшихся в «Историческом» вестнике» и выходивших отдельно книгами. Он был в Перми в июне или июле 1905 г., когда там в здании бывшей городской управы, вверху, где в старые времена был клуб — помещались или библиотека (читальный зал), или художественная выставка. В этом месте я встретился с П. А. и показал ему Пермь лицом. Россиев проехался вверх по Каме, был в Соликамске и Чердыни и очень восхищался всем виденным.

2) Летом же 1905 г. в Пермь приезжал писатель из народа, один из «подмаксимовиков» (то есть учеников, подражателей М. Горького) Михаил Тихоплесец.⁹ Он проехался по горнозаводской линии и по Каме отплыл на Волгу. Свои путевые впечатления он печатал в московских дешевых журналах того времени.

3) В период 1901—1902 г. в Пермскую губернию приезжал артист оркестра Большого Московского театра Тезавровский¹⁰ с целью собрать народные песни, как тексты, так и напевы.

4) Не могу указать точную дату поездки по Пермской губ. (Кама—Колва, Пермь—Чердынь и далее) писателя Бориса Никонова.¹¹ Его живые и весьма интересные путевые очерки печатались в литературных приложениях к «Ниве». С этим Никоновым у меня произошел казус, очень похожий на мою «историю» со Станюковичем.¹² Я послал в гайдебуровскую «Неделю» рассказ «Лесной» с просьбой напечатать его в «Книжках Недели».¹³ В рассказе я описывал быт пермяков, их суеверия. «Неделя» вскоре прекратила свое существование и <я> считал мой рассказ пропавшим. Каково же было мое изумление, когда спустя год-полтора я, читая № петербургской газеты «Россия» (издание Г. П. Сазонова с участием Дорошевича¹⁴ и Амфитеатрова¹⁵), нашел в нем рассказ Б. Никонова «Лесной царь Митрофан Митрофанович»,¹⁶ а в этом рассказе узнал своего «Лесного». Не только остов рассказа, но почти все детали были мои. Но рассказ прошел через редакторские руки опытного литератора, был отшлифован и приглажен. Я тогда и восхищался и немножко судачил на Б. Никонова, несомненно, имевшего связь с «Неделей» и использовавшего мою рукопись как «беспризорную», но шуму конечно не поднял. И хорошо сделал, так как при желании Никонова он мог бы легко выгородить себя, тем более что у меня не сохранилось копии с рассказа.

Вашу открытку получил. Как сам отец, сочувствую Вашему семейному горю.¹⁷ Это неизбежный спутник нашей жизни. Спасибо Д. М. Бобылеву, что он не забыл меня. Храню о нем самые прекрасные воспоминания. Прошу Вас, Павел Степанович, держать меня в курсе краеведческой жизни, и в частности, о входящей краеведческой литературе. «Экономику» я читаю аккуратно. Очень и очень жаль, что такой полезный и содержательный журнал имеет такую скромную внешность, тогда как разная макулатура и узковедомственная литература печатается кое-где чуть не на слоновой бумаге.¹⁸ Жаль, что в краеведческом отделе «Экономики» отсутствует иллюстрационный материал. Я, конечно, понимаю такие иллюстрации, как литография (в Перми в старые годы были хорошие печи по этой части) или хорошая цинкография, а не те черные лепешки, которые иногда попадают в журналах под видом иллюстраций.

По обыкновению мое письмо вышло длинным. Сказывается профессия журналиста — все размазывать и разводить водичей.

Крепко жму руку и жду ответа.

Е. Косвинцев.

Р. С. Из «Экономики» я узнал, что Вы, Д. М. Бобылев и др.<угие> товарищи были на последнем Всесоюз<ном> краеведческом съезде.¹⁹ Работа съезда происходила как раз в том доме, где я проживаю (б<ывший> Метрополь), и я страшно жалел, что будучи отвлечен в то время другими съездами, не мог заглянуть на краеведческий съезд, где встретил бы вас, пермяков. Е. К.

* Лет восемь назад на Московском Ваганьковском кладбище я отыскал могилу А. Ф. Мерзлякова с хорошо сохранившимся памятником (еще бы! чугунная пирамидка). Авось удастся — сфотографирую. Е. К.

¹ Кружок по изучению Северного края был создан при Пермском университете сразу же после основания этого учебного заведения (1916 г.) и просуществовал (в преобразованном виде — Этнографическое общество) до начала 1930-х годов. Кружок был заметным явлением в российском краеведении 1920-х годов; деятельность его широко освещалась на страницах периодической печати. Главные научные труды Кружка — четыре выпуска «Пермского краеведческого сборника» (Пермь, 1924. Вып. 1; Пермь, 1926. Вып. 2; Пермь, 1927. Вып. 3; Пермь, 1928. Вып. 4). Подробнее см.: *Иванова Т. Г.* П. С. Богословский и его фонд в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 10.

² *Варакин Иван Иванович* (1759 или 1760 — не ранее конца 1817) — крепостной князей А. М. и С. М. Голицыных; управлял их вотчинами и заводами на Урале. Печатал стихи за подписями «И. В.», «И. Вркн.» в журнале «Улей» (1811—1812). Всю жизнь добивался освобождения из крепостной зависимости, но, кажется, безрезультатно. См.: *Замков Н.* Иван Иванович Варакин, поэт-крепостной конца XVIII и начала XIX века // Русский библиофил. 1915. № 6. С. 53—61.

³ *Дмитриев Иван Иванович* (1760—1837) — поэт, баснописец, государственный деятель. В письме, по-видимому, речь идет о следующей публикации из журнала «Москвитянин»: *Иванчин-Писарев Н.* Поэту говорить о смерти поэта // Москвитянин. 1847. Ч. 4, № 7. С. 49—50 (публикация отрывков из писем И. И. Дмитриева с упоминанием смерти Д. Веневитинова, В. В. Измайлова, А. Ф. Мерзлякова).

⁴ *Мерзляков Алексей Федорович* (1778—1830) — поэт, литературный критик; уроженец Пермской губернии.

⁵ *Граль Федор Христофорович* (1770—1835) — врач, работавший в Пермской губ. с 1791 г. С 1801 г. вплоть до своей смерти служил инспектором врачебной управы в г. Перми. Пользовался в городе глубоким уважением. См.: *Верхоланцев В. С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь, 1913. С. 166—167.

⁶ См.: *Берх В.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821.

⁷ Речь идет о готовившейся в то время статье П. С. Богословского «Из материалов по истории литературы и печати в Пермском крае (краткое предварительное сообщение)».

⁸ В Генеральном алфавитном каталоге Российской национальной библиотеки зафиксировано 20 отдельных изданий книг Павла Амплиевича Россиева. П. С. Богословский в своей статье «Из материалов по истории литературы и печати в Пермском крае» использовал материал Е. Н. Косвинцева (со ссылкой на него) о всех лицах, упомянутых в данном письме, то есть о П. А. Россиеве, Михаиле Тихоплесе, И. С. Тезавровском, Б. П. Никонове.

⁹ *Логинов Михаил Андреевич* (псевд. Тихоплесец; 1871—1912) — прозаик, поэт-самоучка. См.: *Вартанова И. В.* Логинов Михаил Андреевич // Русские писатели. 1800—1917: Биограф. словарь. М., 1994. Т. 3. С. 380—381.

¹⁰ *Тезавровский Иван Сергеевич* (1871—1941) — член Музыкально-этнографической комиссии (с 1901 г.), артист оркестра Большого театра в Москве. См. о нем: *Бернандт Г. Б., Ямпольский И. М.* Кто писал о музыке. Биобиблиографический словарь музыкальных критиков и лиц, писавших о музыке в дореволюционной России и СССР. М., 1979. С. 3, 122. См. также в фонде П. С. Богословского его материалы (РО ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 6. № 20 — автобиография; Оп. 5. № 76 — письмо к неустановленному лицу Анатолию Александровичу).

¹¹ *Никонов Борис Павлович* (1873—1950) — прозаик.

¹² См. предисловие к нашей публикации.

¹³ «Неделя» — политическая и литературная газета. Издавалась с 1866 г. в Петербурге. С 1870 г. одним из ее издателей стал П. А. Гайдебуров; с 1887 г. — он издатель-редактор. «Книжки Недели» — ежемесячный журнал. Издавался с 1885 г.

¹⁴ *Дорошевич Влас Михайлович* (1865—1922) — журналист, публицист, театальный и художественный критик, прозаик. С весны 1899 г. являлся ведущим сотрудником петербургской либеральной газеты «Россия».

¹⁵ *Амфитеатров Александр Валентинович* (1862—1938) — прозаик, публицист, фельетонист, литературный и театальный критик, драматург, автор сатирических стихов. В апреле 1899 г., оставив суворинскую газету «Новое время», вместе с В. М. Дорошевичем выпустил первый номер газеты «Россия». 13 января 1902 г. опубликовал фельетон «Господа Обмановы», в котором высмеивались члены династии Романовых, что повлекло за собой закрытие газеты и ссылку Амфитеатрова.

¹⁶ См.: *Никонов Б.* Лесной царь Митрофан Митрофанович (Из народных преданий Севера) // Россия. 1901. 14 (27) июля. № 795. Рассказ представляет собой ироническое повествование о вере пермских крестьян в лесного царя (лешего) Митрофана Митрофановича и в колдунов, которые могут противостоять злокозням лешего.

¹⁷ Возможно, здесь идет речь о смерти одного из детей П. С. Богословского.

¹⁸ Слоновая бумага — бумага хорошего качества.

¹⁹ Об участии пермяков в краеведческих конференциях Е. Н. Косвинцев мог узнать из следующей публикации: *Богословский П. С. О деятельности Кружка по изучению Северного края при Пермском университете в 1924—25 гг. // Экономика. 1925. № 2/3 (33/34). С. 70.* Д. М. Бобылев участвовал в работе Пермской областной краеведческой конференции (Пермь, октябрь 1924); П. С. Богословский — в областной конференции и Всесоюзной конференции по краеведению (Москва, декабрь 1924 г.).

3

9 ноября 1926 г.

Добрейший Павел Степанович!

Очень извиняюсь за свое долгое молчание, вызванное рядом уважительных причин. Об них я не буду распространяться много и остановлюсь лишь на одной. Используя летом свой месячный отпуск для поездки в Крым, я побывал там в Херсонесе, Судаке, Бахчисарае, Балаклаве и вот у меня новый объект для изучения и любознательности. Но как не величественны древности Тавриды, они все же не заслонили много внимания и к моей угрюмой и далекой Биармии. Между этими двумя крайними полюсами и блуждает теперь моя краеведческая душа.

После этого вступления перехожу к делу. Большое Вам спасибо за присылку 2-го выпуска «Краеведческого сборника».¹ Книга во всех отношениях прекрасная. По ней можно судить, как развивается и крепнет краеведческая работа в Перми. Внешность книги, принимая во внимание пермские условия и имеющиеся технические возможности — вполне удовлетворительна. Жаль, что нет в ней иллюстрационного материала, так оживляющего всякую книгу.* И еще маленький недочет хозяйственного характера. В «Сборнике» я не нашел адресов московских и ленинградских книжных магазинов, где бы можно было купить книгу. Охотники на нее уже есть в Москве.

Замечательно в меру использован Вами присланный мною материал об уральских братьях-писателях!² И опять не могу Вас не поблагодарить. Без вашего участия материал этот долго не увидал бы света. Полученный мною экземпляр я передал одному из товарищей для написания рецензии.

Уведомляю Вас, Пав<ел> Ст<епанович>, что только сегодня я упаковал, а завтра сдаю на почту посылку с книгами для библиотеки краеведческого Кружка при П<ермском> г<осударственном> у<ниверситете>. Но лучше поздно, чем никогда!

Список книг несколько изменен против того, который я присылал Вам летом. Обращаю Ваше внимание на книгу С. В. Ешевского.³ 60 лет отделяют нас от него, как от лица, причастного к пермскому краеведению, — а он как живой беседует с нами со страниц своей книги. Несколько книг относится к археологу Уварову А. С.⁴ Надеюсь, что не будете пенять на меня за это. Уваров как археолог — это человек, по которому можно держать линию. Не надо стесняться и его графским титулом, так как он сам игнорировал его и предпочитал подписывать многие свои работы скромной буквой «У».

Есть у меня перед Пермью еще одно невыполненное обещание — прислать Пермскому музею краеведения свое собрание лубочных картинок. Но и тут есть уважительная причина. Редкое воскресенье на Смоленском рынке не попадает какой-либо новый интересный лист, который я и прикладываю к старым, откладывая с недели на неделю поставить точку над этим делом. Я все еще не теряю надежды заполучить для своего собрания картинку «Ермак Тимофеевич Покоритель Сибири». Эту картинку, еще будучи 5-6-летним мальчиком, я видел в крестьянских избах села Березовки Кунгурского уезда. Она меня тогда поразила.⁵ Вот и ищу ее.

Вашу просьбу — прислать фотографию с могилы А. Ф. Мерзлякова — также крепко держу на памяти и весной постараюсь выполнить. Теперь перехожу к моим просьбам к Вам, Пав<ел> Ст<епанович>. Держите меня в курсе пермской краеведческой работы и впредь. Сообщайте заблаговременно, если это возможно, о дальнейших перспективах по выпуску в свет краеведческой литературы. У меня имеются кой-какие материалы, как будто подходящие для Ваших «Краеведческих сборников». Одну работу я сейчас заканчиваю — это небольшой «Словарь» художников-станковистов, граверов, литографов, уроженцев б<ывшей> Пермской губернии и художников, в произведениях которых нашли отражение быт и природа нашего края.⁶ Постараюсь снабдить текст несколькими иллюстрациями, без обременения однако, редакционно-издательского кошелька от расходов на клише. Затем у меня есть — уже закончен — очень коротенький очерк «Собирательство прежде и теперь»,⁷ в котором привожу ряд фактов из прошлого пермского краеведчества. Готовлю еще для вашего Кружка небольшой реферат о художнике-кунгуряке И. В. Симакове, скончавшемся год тому назад. Недавно ЛЕНГИЗ выпустило небольшую монографию, посвященную творчеству И. В. Симакова как книжного иллюстратора.⁸ Я касаюсь в своем реферате его школьной учебы в Кунгурском городском 4-х классном училище, где был его однопартником. Монографию о Симакове, если ее нет в продаже в Перми, я пришлю для библиотеки Кружка вместе с рефератом.

В заключение вопрос личного характера: не служил Ваш батюшка в 90-х годах в Верхотурье и Кунгуре?⁹

Вот и все пока. Жду от Вас ответного письма.

С товарищеским приветом

Е. Косвинцев.

Москва.

9.XI.26 г.

Адрес прежний.

* Изображение маститой А. А. Кирпичниковой¹⁰ (так! — Т. II.) — не на высоте графического искусства. Е. К.

¹ Речь идет о втором выпуске «Пермского краеведческого сборника» (Пермь, 1926).

² См. наше предисловие к публикации писем.

³ *Ешевский Степан Васильевич* (1829—1865) — историк. Внес определенный вклад в изучение Пермского края. См., например, его работу «Заметка о пермских древностях (Из письма к издателю „Пермского сборника“»)» (Пермский сборник. Пермь, 1859. Т. I. Отд. I. С. 132—142; отд. оттиск. Пермь, 1859). Говоря о книге С. В. Ешевого, Е. Н. Косвинцев, возможно, имел в виду трехтомное издание его сочинений (см.: *Ешевский С. В.* Сочинения. М., 1870. Ч. 1—3), где была напечатана и статья «Русская колонизация Северо-Восточного края», имеющая также отношение к пермскому краеведению.

⁴ *Уваров Алексей Сергеевич*, граф (1825—1884) — археолог, один из основателей Русского археологического общества, Московского археологического общества, Исторического музея в Москве; организатор археологических съездов.

⁵ Лубочная картинка «Ермак Тимофеевич Покоритель Сибири» была очень популярна и неоднократно переиздавалась разными издателями. В пятилетнем возрасте Е. Н. Косвинцев мог, вероятно, в Кунгурском крае видеть одно из изданий конца 1870-х — начала 1880-х годов. См., например: Ермак Тимофеевич Покоритель Сибири. М.: Литогр. П. Н. Шаропова, 1877; То же. М.: Литогр. П. А. Глушкова, 1878; То же. Голышевка: Литогр. И. Голышева, 1883.

⁶ В «Пермском краеведческом сборнике» словарь напечатан не был. О публикации материалов данного словаря в других изданиях сведений не имеем.

⁷ Сведений о публикации не имеем.

⁸ *Симаков Иван Васильевич* (1877—1925) — живописец и график. И. В. Симаков родился в Кунгуре в 1877 г., окончил Пермское реальное училище, в 1903 г. поступил в Академию Художеств, которую закончил в 1912 г. После революции работал в Ленинградском государственном издательстве. Иллюстрировал книги с произведениями Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого и др. См. о нем сборник статей его друзей Э. Голлербаха, В. Сварога, М. Соломонова: И. В. Симаков: Сборник статей. Л., 1926.

⁹ Отец П. С. Богословского, Степан Михайлович Богословский, был священником. В 1890-е годы он служил в приходе с. Веретия близ Березниковского завода Соликамского у. Пермский губ., где и родился П. С. Богословский.

¹⁰ *Кирпичникова Анна Александровна* (1838—1927) — прозаик. Дочь крепостного управителя горных заводов Лазаревых. С 1865 г. жила в Перми. Печаталась в некрасовском журнале «Современник». Основные темы ее произведений — уральские горные заводы, самовластие помещиков и управляющих, вражда между рабочими и властью имущими. В середине 1920-х годов П. С. Богословский воскресил ее имя из забвения, устроил в Пермском университете ее чествование, выхлопотал для нее персональную пенсию. В пись-

ме идет речь о двух портретах А. А. Кирпищиковой, помещенных в статью П. С. Богословского «Сотрудница „Современника“ и „Отечественных записок“», пермская писательница А. А. Кирпищикова (По случаю шестидесятилетия ее литературной деятельности)» (Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 75).

4

25 ноября 1926 г.

Москва
25. XI. 26 г.

Глубокоуважаемый Павел Степанович!

Ваше письмо и посылку с книгами получил. Сообщите незамедлительно об условиях, на которых я могу сдать книги в магазины, т. е. сколько <...> можно скинуть комиссионных и сколько за продажу за наличные. Попутно я договорюсь с торговым сектором Госиздата и относительно реализации и через него будущих изданий КИСК.¹ Конечно, на большой тираж сбыта в Москве рассчитывать сейчас нельзя, но все же я постараюсь выяснить — на что здесь можно рассчитывать, дабы вы могли иметь это в виду впредь.

Затем прошу Вас, Павел Степанович, где проживает сейчас чердынец Н. И. Алин? Им весьма интересуется наш земляк А. Т. Михайлов, проживающий сейчас в Самарканде (ул. Карла Маркса, д.13). Он хочет, видимо, дать дружескую нахлобучку Николаю Ивановичу за биографические сведения. Как пишет мне А.Т., он родился не в Чердыни, а в одном из заводов около Екатеринбурга, и не в 1862/3 г., а определенно в 1864 г. Я уже ответил Михайлову, что если Чердынь оспаривает у Екатеринбурга право иметь своим уроженцем А. Т., то это обычная участь великих людей. В старину о ком-то семь родов спорили. Что касается года рождения, то А.Т. просто хочет молодиться. В общем-то он очень доволен заметкой о нем. Интересуется Вами.²

Итак, жду скорого ответа на мои деловые запросы.

Ваш Е. Косвинцев.

P. S. Если у Вас имеется лишний оттиск «Из материалов по истории литературы» — вышлите. Сообщите также, проживает ли в Кунгуре В. Н. Серебренников³ и как адресоваться к нему. Наконец, последняя просьба — сообщите, где т. Сыропятов,⁴ заведовавший в 1920 г. Пермским музеем, когда я путешествовал по Кунгурским городищам, и где т. Светлова,⁵ также исследовавшая кунг<урскую> старину.

¹ Кружок по изучению Северного края при Пермском университете.

² Речь идет о биографической справке о А. П. Михайлове из работы П. С. Богословского «Из материалов по истории литературы и печати в Пермском крае», где говорится следующее: «Михайлов Аполлон Тимофеевич. Уроженец Чердынского у. Родился в 1862/1863 г. Бывший учитель Чердынского у., сажился на землю на Юге. После 1905 г. жил в Екатеринбурге и участвовал в революционной работе и революционных изданиях того времени. Привлекался к суду по 129 ст. В середине 90-х гг. издал первый народный календарь, раньше Горбунова-Посадова. После Октябрьской революции был редактором „Чердынской газеты“» (Богословский П. С. Из материалов по истории литературы и печати в Пермском крае (краткое предварительное сообщение) // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 102). В своей публикации П. С. Богословский ссылается на А. и К., т. е. на Н. И. Алину и Е. Н. Косвинцева. Николай Иванович Алин, вероятно, один из представителей богатой чердынской купеческой семьи Алиных. Алины оказали большое содействие в фольклорно-археографической экспедиции Пермского университета 1917 г., в которой принимал участие и П. С. Богословский. См.: *Иванова Т. Г.* П. С. Богословский и его фонд в Рукописном отделе Пушкинского Дома. С. 26.

³ *Серебренников Валентин Николаевич* (1881—1943) — пермский фольклорист, краевед. С 1924 г. В. Н. Серебренников работал статистиком в Кунгуре, активно участвовал в создании в 1925 г. местного общества краеведения. См. о нем: *Бурдин Б. П.* Про Пехтемку, Искорку и Марфиду Юнделевну: Фольклорист В. Н. Серебренников // *Подвижники культуры Серебренниковы*. Пермь, 1991. С. 93—165.

⁴ *Александр Константинович Сыропятов* — первый советский директор Пермского научно-промышленного музея. При нем существенно расширился художественный отдел музея, переросший затем в Пермский художественный музей (ныне — Пермская художественная галерея; открыта 7 ноября 1922 г.). Именно он поощрил интерес юного тогда Н. Н. Серебренникова (впоследствии директора Пермской художественной галереи) к пермской старине, помог тому организовать ряд экспедиций, приведших к открытию пермской деревянной скульптуры, — словом, всячески направлял работу начинающего ученого. См.: *Пермская государственная художественная галерея: Краткий справочник*. Пермь, 1967. С. 3—4; *Бурдина А. Г., Поликарпова Г. А.* Дело всей жизни: Искусствовед Н. Н. Серебренников (1900—1966). Пермь, 1970. С. 15—19; *Город Пермь: Сборник очерков по истории, культуре и экономике города*. Пермь, 1926. С. 190—191.

⁵ Светлова — лицо неустановленное.

5

6 февраля 1927 г.

Добрейший Павел Степанович!

Мне еще удалось найти в Москве организацию, отнесшуюся с большим интересом к издательской деятельности КИС.¹ Это — Книгосоюз — единственная здесь книготорговая организация, у которой можно приобрести краеведческую литературу всех широт и долгот СССР. Магазин «Книгосоюза» имеет тесную связь с Центральным краеведческим бюро² и его важ-

нейшими сотрудниками — Б. М. Соколовым³ и др. Этот магазин охотно готов брать на комиссию издания КИС и просит выслать по 10 экз<емпляров> 1-го и 2-го выпусков «Пермского краеведческого сборника». Правда, они требуют как будто большую комиссию — 30 %. Не напишете ли Вы им, чтобы они ограничились 20 %, максимум 25 %? Требуемые книги можете при-слать на мое имя, а я передам их Книгосоюзу. Расчет за книги по мере их реализации. Книгосоюз просит, чтобы в будущих изданиях КИС выставлялся на обложке адрес его московского ма-газина, в котором можно приобретать эти издания. Адрес этого магазина: Москва, Моховая, 20, «Книгосоюз». Это против уни-верситета, на самом бойком месте, по которому передвигается ученая и учащаяся Москва. Получаемые «Книгосоюзом» перм-ские издания будут анонсироваться в специальных краеведче-ских и общих каталогах.

«Пермск<им> краевед<ческим> сборн<иком>» очень заин-тересовался проф. Н. К. Пиксанов, с которым я на днях имел бе-седу. Я отдал ему свой экземпляр «Сборника», и он обещал на-писать на него рецензию для журнала «Печать и революция».⁴ Вести о «Сборнике» дошли даже до Крыма. Из Ялты я полу-чил письмо от старейшего (исключая А. А. К<ирпищикову>) уральского литератора Пав<ла> Мих<айловича> Сивкова, с просьбой выслать ему 1 экз<емпляр> «Сборника». При этом П. М. пишет, что у него наберется интересный материал по истории пермско-уральской литературы и журналистики. Дей-ствительно, П. М., имея 40-летний стаж литератора и журналис-та, может рассказать многое. Он был секретарем редакций «Екатеринбургской недели» и первой на Урале ежедневной га-зеты «Урал».

Но П. М. надо раскатать, подбодрить. Одним из таких средств могло бы явиться Ваше письмо к нему с предложением пополнить опубликованные уже в печати сведения о литератур-ных явлениях. Не откажите ему черкнуть, я же со своей сторо-ны вышлю П. М. «Сборник». Пользу письменного воздействия я испытал на себе лично. Не получи я от Вас письма и оттиска Вашей статьи о литературных явлениях, я, вероятно, еще долго не собрался бы составить свой газетно-журнальный «синодик». Адрес Павла Мих<айловича> Сивкова: Ялта, Севастопольская ул., д. № 4.⁵

Неделю тому назад я отправил посылкой Пермскому обл<астному> краевед<ческому> музею сто десять листов на-родных лубочных картинок. Могу сказать, что гора свалилась с плеч, ведь я собирался сделать это еще более года назад, но га-зетные и прочие дела не давали возможности осуществить мое заветное желание — хоть чем-либо отблагодарить Пермской му-зей, которому я много-много обязан.⁶

Одновременно с настоящим письмом высылаю, или вернее, досылаю почтовым переводом 3 рубля за «Сборник». Жду вестей от Вас.

Е. Косвинцев.

Москва. 6.II.27 г.
Адрес — прежний.

¹ Неправильное сокращение названия Кружка по изучению Северного края.

² Имеется в виду Центральное бюро краеведения.

³ *Соколов Борис Матвеевич* (1889—1930) — выдающийся фольклорист, имевший отношение к деятельности Центрального бюро краеведения. См. о нем: *Иванова Т. Г.* Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках. СПб., 1993. С. 60—85.

⁴ *Пиксанов Николай Кирьякович* (1878—1969) — литературовед, член-корр. АН СССР (с 1931 г.). Судя по персональной библиографии работ Н. К. Пиксанова, рецензия на «Пермский краеведческий сборник» им написана не была. См.: Николай Кирьякович Пиксанов / Вступ. статья А. И. Ревякина; Библиография составлена Р. И. Кузьменко. М., 1968 (Материалы к библиографии ученых СССР. Сер. лит. и яз.; Вып. 8).

⁵ Характеристика П. М. Сивкова дана в работе П. С. Богословского «Из материалов по истории литературы и печати в Пермском крае» (со ссылкой на Е. Н. Косвинцева; с. 104). П. М. Сивков, еще будучи учеником Кунгурского городского училища, начал писать для газеты «Екатеринбургская неделя», в которой он впоследствии работал секретарем. Проявил он себя и как автор рассказов из быта кунгурских сапожников, чем обратил на себя неблагоприятное внимание царских властей. П. С. Богословский, воспользовавшись советом Е. Н. Косвинцева, связался с П. М. Сивковым и побудил его написать мемуары, которые и были опубликованы в вып. 4 «Пермского краеведческого сборника». См. прим. 5 к письму 7.

⁶ См. наше предисловие к публикации.

6

28 февраля 1927 г.

Добрейший Павел Степанович!

Сообщите мне, получены ли Вами мои денежные переводы, один на 10 руб., другой — на 3 руб.; выручено за «Краеведческий сборник». Беспокоюсь я, потому что адрес на переводах был не вполне правилен: Сибирская ул., университет...

Затем сообщите, как обстоит дело с персональной пенсией нашей писательнице А. А. Кирпичниковой (так! — *Т. И.*). Не нужна ли тут помощь Вам из центра, где будет разрешаться этот вопрос.

Дело в том, что не так давно персональную пенсию получила вдова писателя-юмориста Лейкина. А Лейкин был не только юмористом, но и крупным петербургским домовладельцем, глас-

ным Петербуржской городской думы¹ и т. д. и т. д. Можно ли допустить, чтобы вдова писателя-купца благодушествовала, а писательница-труженица доживала свои дни, если не в полной нищете, то, во всяком случае, в трудных материальных условиях. Здесь найдутся товарищи, которые помогут исправить такую несправедливость.

Почему не высылаете на комиссию (Книгосоюзу и Центр-союзу) «Сборник»? Когда намечен выпуск 3-го тома «Сборника»? Выходит ли в свет «Экономика»?²

Я недавно связался (письменно) с А. В. Шмидтом³ и получил уже от него два интересных письма. Получил пермскую новинку — сборник «Пермь».⁴ Боюсь, не вышли ли казуса с упоминанием в сборнике Лежавой-Мюратом,⁵ который разгуливает по Москве, как ни в чем ни бывало.

Жду ответа.

Ваш Е. Косвинцев.

28.II.27.

Адрес прежний.

¹ *Лейкин Николай Александрович* (1841—1906) — писатель, журналист. Родился в купеческой семье. Печататься начал в 1860 г. Сотрудничал в журналах «Библиотека для чтения», «Современник», «Отечественные записки», «Искра». В 1882—1905 гг. — редактор-издатель юмористического журнала «Осколки», в который привлек А. П. Чехова. Основной жанр Н. А. Лейкина — комические сценки. Н. А. Лейкин действительно в 1881—1884 и 1889—1906 гг. был гласным Петербургской городской думы, почетным мировым судьей Петербургского у. См.: *Катаев В. Б.* Лейкин Николай Александрович // Русские писатели. 1800—1817: Биограф. словарь. М., 1994. Т. 3. С. 308—310.

² Журнал «Экономика» прекратил существование в 1926 г.

³ *Шмидт Алексей Викторович* (1895—1935) — видный археолог. В 1919—1923 гг. вскоре после окончания Петроградского университета был преподавателем Пермского университета, что обусловило формирование его научных интересов — археология Прикамско-Уральского края. В 1923—1929 гг. А. В. Шмидт являлся научным сотрудником Музея антропологии и этнографии АН СССР и совершил девять археологических экспедиций в Пермский край, проведя ряд результативных раскопок могильников и городищ. См. о нем подробнее: *Равдоникас В. И.* Памяти А. В. Шмидта // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 9/10. С. 126—128; *Худаков М. Г.* Вклад А. В. Шмидта в археологию Прикамья и Приуралья // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 9/10. С. 129—143; *Кричевский Е. Ю.* Памяти А. В. Шмидта // Сов. этнография. 1935. № 3. С. 125—127.

⁴ Имеется в виду следующее издание: Город Пермь: Сб. очерков по истории, культуре и экономике города. Пермь, 1926.

⁵ Здесь Е. Н. Косвинцев намекает на следующий пассаж из книги, описывающий работу в редакции газеты «Пермский край» в дореволюционный период тайного агента Охранного отделения: «Во время войны „Пермский край“ (под названием „Пермская жизнь“) приобрел уже более или менее устойчивое положение, но в редакции „Пермской жизни“ Охранное отделение имело своего тайного агента Лежаву. Архивы Охранного отделения в 1917 г. раскрыли

работу этого провокатора и он был арестован, но каким-то образом скоро освобожден и уехал в Москву, где и работал благополучно все последние годы в Резинотресте под фамилией Мюрат» (см.: Город Пермь. С. 247).

7

5 февраля 1929 г.

Добрейший Павел Степанович!

Вашу открытку и посылку с книгами получил. Скупы Вы стали на письма! Для меня же, оторванного от родной Перь-Еми,¹ каждая весть — приятное событие.

Книги реализовал, за исключением 1-го экземпляра, среди друзей и знакомых и после 15-го вышлю деньги.

Вы спрашиваете моего мнения о IV выпуске?² Буду откровенен. По внешности он — шаг назад, что Вы без меня знаете. Это неприятно. Даже захудалые городки, вроде Ржева, Галича, издают свои краеведческие сборники в более солид<ном> виде. Ведь внешность играет большую роль в распространении книги! Жаль также, что, выпуская книгу в конце 1928 г. Вы не поставили на титульном листе 1929 г., как это принято.

Перехожу к содержанию книги. Вашу работу об усах³ я едва осилил в два приема. Быть может, виной тому не столько громоздкое содержание, сколько мое болезненное состояние и неизбежная в таких случаях привередливость. Отдельные места в «Усах» очень интересны. Киршей Даниловым очень интересовался покойный мой друг А. В. Марков, автор «Беломорских былин». Он еще в 1900 г. сообщал мне о своем намерении побывать на Урале и поискать следов Кирши Данилова. Перевод из Москвы на Кавказ (в Тифлис), затем мобилизация в русско-японскую войну и ранняя смерть помешали Алексею Владимировичу выполнить его намерение.⁴

С великим удовольствием прочел я воспоминания своего земляка и товарища по перу П. М. Сивкова.⁵ Очень рад, что Вы использовали его.

Крайне жаль, что в сборник не попал доклад проф. А. Грена «Авеста у вотяков».⁶ Такая вещь могла бы заинтересовать не только нас, краеведов, но и иностранных ученых специалистов, занятых так называемой «угро-финской проблемой», дающей все большую и большую трещину.

У меня тоже есть готовая уже работа о доисторическом прошлом удмуртов, в которых я определенно вижу выходцев с переднего Востока (так и проф. Грен утверждает). Председатель Общества изучения Водск<ого> (так! — *Т. И.*) края т. Стрельцов просит у меня эту статью для своего «Сборника».⁷ Но он так вар-

варски обходится с авторами, так их обезличивает, ставя на первое место перед чужими статьями свою фамилию как редактора и «обработчика», что я боюсь подверг<нуться> такой же участи.

Если бы Вы смогли часть содержания V-го выпуска посвятить нацменам, то я прислал бы и статью и об удмурдах, и о так называемых сылвинских осяках, упоминаемых в Житии Трифона Вятского⁸ и в писцовых книгах Кайсарова.⁹

Я установил документально, что осяков, родственных обским осякам, на Сылве не было, а обитали башкиры и киргизы. Последние называли башкир истэки, оштэки. О киргизах упоминают некоторые географические названия; самое интересное из них — Киргиз-хан (село Киргишан) б<ывшего> Красноуф<ского> уезда.¹⁰

Жду подробного от Вас письма. Прошу не сердиться за высказанную выше критику. Ведь в конечном итоге — IV выпуск приятное явление: новый кирпич для краеведческой стройки!

Ваш Е. Косвинцев.

Москва. 5.II.29.

¹ В памятниках древнерусской письменности территория нынешнего Пермского края писалась как Пермь Великая, Перемь, Пермия. В лингвистике существует несколько вариантов этимологизации слова Пермь: от *parma* (гора, возвышенность, поросшая лесом); от *paarma* (окраина); от испорченного Биармия (Beogmas) — полумифическая страна, упоминаемая в скандинавских сагах и идентифицируемая некоторыми историками как побережье Белого моря и Пермский край. См.: Пермская губерния // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1898. Т. 23, кн. 45. С. 334.

² Речь идет о «Пермском краеведческом сборнике» (Пермь, 1928. Вып. 4).

³ См.: *Богословский П. С.* Песня об Усах из Сборника Кириши Данилова и камская вольница: Опыт анализа и локализации текста // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1928. Вып. 4. С. 1—116. Е. Н. Косвинцев явно несправедлив в своей оценке данной работы П. С. Богословского. Статья до сих пор сохраняет научное значение и как пример скрупулезного анализа одной из песен эпического характера с разбойничьей темой, и как исследование, содержащее серьезные аргументы в пользу локализации Сборника Кириши Данилова в Уральском регионе.

⁴ Об *Алексее Владимировиче Маркове* (1877—1917) подробнее см. в предисловии к публикации и в литературе, указанной там. Е. Н. Косвинцев не совсем точно излагает некоторые факты биографии А. В. Маркова. А. В. Марков в 1900 г. закончил историко-филологический факультет Московского университета; затем в течение нескольких лет он преподавал в московских учебных заведениях, совершая регулярные летние фольклорные экспедиции на Русский Север, в том числе и в 1909 г. в Пермский край. Лишь в 1911 г. он получил приглашение занять место преподавателя на Высших женских курсах г. Тифлиса. Неизвестным для нас было лишь свидетельство Е. Н. Косвинцева о том, что А. В. Марков был мобилизован на русско-японскую войну.

⁵ См.: *Сивков П. М.* Газетное дело на Урале тридцать лет назад (вместо автобиографии) // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1928. Вып. 4.

С. 218—235. Мемуары П. М. Сивкова посвящены его работе в 1895—1897 гг. в еженедельной газете «Екатеринбургская неделя» и в ежедневной, также екатеринбургской, газете «Урал».

⁶ Об исследовании А. Н. Грена «Авеста у вотяков» Е. Н. Косвинцев узнал из заметки «Несколько данных о состоянии и деятельности Кружка по изучению Северного края при Пермском университете за 1927—1928 гг.», опубликованной в 4-м выпуске «Пермского краеведческого сборника» (с. 276). См. также рукопись доклада А. Н. Грена — РО ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 5. № 9). *Грен Алей Николаевич* — кавказовед, специалист по истории религии, языка и истории черкесов. Уроженец Екатеринбургa (1862 —?). Преподавал в Пермском университете. В конце 1920-х годов был профессором Кубанского педагогического института (Краснодар). См. о нем: Наука и научные работники СССР. Л., 1928. Ч. 6: Научные работники СССР без Москвы и Ленинграда. С. 94. № 450.

⁷ Научное общество по изучению Вотского края было создано в 1925 г. в Ижевске и имело целью изучение культуры вотяков (удмурдтов). Председателем Общества был С. Т. Перевошиков, секретарем — Н. А. Антонов. См.: Краеведные учреждения СССР. Список обществ и кружков по изучению местного края, музеев и других краеведных организаций. Л., 1927. С. 54. Общество издавало свои «Труды» (Ижевск, 1926—1928. Вып. 1—5), редактором которых был Федор Васильевич Стрельцов (1877 —?), врач-терапевт, уроженец Воткинского завода Вятской губ. См.: Наука и научные работники СССР. С. 407. № 905.

⁸ Житие Трифона Вятского см.: *Струминский В. Я.* Житие преподобного отца нашего Трифона Вятского чудотворца // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Пермь, 1905. Т. 9. С. 37—80.

⁹ Писцовые книги Михаила Кайсарова 1623/1624 гг., касающиеся Великопермской вотчины Строгановых, опубликованы. См.: *Дмитриев А. А.* Пермская старина. Пермь, 1892. Вып. 4, прил.

¹⁰ Мысль об отсутствии остяков в Пермском крае развита в одной из работ Е. Н. Косвинцева. См.: *Косвинцев Е. Н.* Новые исторические документы о Кунгурском крае // Материалы по изучению Камского Приуралья. Пермь, 1930. Вып. 2. С. 44—45.

8

9 марта 1929 г.

Добрейший Павел Степанович!

Приветствуя Вас за инициативу создания при ПГУ историко-литературного и театрального музея,¹ я с тем большей радостью отзываюсь на ваш призыв принять участие в организации этого нового культурно-просветительского очага. Я уже отобрал из своего графического собрания свыше 100 листов гравюр и литографий, изображающих литераторов, композиторов, артистов драмы, оперы и балета. Прошу принять от меня этот скромный дар как результат моего почти 30-летнего коллекционирования.² В числе портретов Вы увидите и Пушкина, и его антагониста Фаддея Булгарина, среди композиторов — редкие литографии Глинки, Вилламова,³ бр<атьев> Рубинштейн, когда они были

еще «вундеркиндами» (уника!), в числе актрис — почти всех «див» первой половины — начала 2-ой полов<ины> XIX в., начиная с Асенковой.⁴

Я особенно рад, что мое собрание попадет в такой музей, в котором явится возможность не только ознакомиться с выдающимися деятелями литературы и театра, но и изучать эпоху, в которую они жили и творили.

Письмо мое запаздывает потому что я с 15 февраля по 6 марта был болен в тяжелой форме калитом (есть на горе человечества такая болезнь), а с 8 марта пользуюсь очередным месячным отпуском для поправления здоровья. Этот ранний отпуск опять не позволяет мне прокатиться летом по Каме, до Перми, и повидаться с друзьями и товарищами по краеведческой работе. Не позднее 15-го высылаю — посылкой — гравюры и литографии и деньги, вырученные за книгу («П<ермский> К<раеведческий> С<борник>», 4-ый вып<уск>). На этой неделе буду у Лядова в Главнауке⁵ — передам Вашу бумагу.

Крепко жму Вашу энергичную руку.

Е. Косвинцев.

Москва

9.III.1929 г.

Адрес старый.

¹ Историко-литературный и театральный музей при Пермском университете был создан по инициативе П. С. Богословского в конце 1928 г. и существовал под его руководством до 1932 г. Подробнее см.: *Иванова Т. Г.* П. С. Богословский и его фонд в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 10—14.

² В Каталоге Историко-литературного и театрального музея (Литературно-театрального музея) (РО ИРЛИ. Ф. 690. Оп. 6. № 71) гравюры и литографии Е. Н. Косвинцева зарегистрированы под № 940—1019.

³ Скорее всего, речь идет о Вилламове Григории Ивановиче (1773—1842), главноуправляющем IV отделением собственной его императорского величества канцелярии, авторе книги «Хронологическое начертание деяний блаженной памяти государыни императрицы Марии Федоровны в пользу состоявшихся под высочайшим ее покровительством заведений» (СПб., 1836). Литографический его портрет действительно существует. См.: *Адарюков В. Я., Обольянинов Н. А.* Словарь русских литографированных портретов. М., 1916. Т. 1. С. 168—169.

⁴ *Асенкова Варвара Николаевна* (1817—1941) — талантливая драматическая актриса. Дебютировала в 1835 г. на сцене Александринского театра. Блестящая исполнительница ролей в водевилях. Умерла от чахотки.

⁵ Вероятно, речь идет о каком-то деловом документе, который П. С. Богословский просил передать в Главнауку.

3 марта 1930 г.

Добрейший Павел Степанович!

Руководимый Вами КИС несомненно посылает своего делегата на IV-ю краевед<ческую> конференцию.¹ Поручите ему взглянуть ко мне. Я передам ему кое-что для библиотеки Кружка, а также находящиеся у меня 8 руб. денег, вырученные за продажу IV выпуска «Краевед<ческого> Сборн<ика>». Кроме того, этот же товарищ пусть захватит с собой в Москву экземпляр 10 названного «Сборника» для передачи на комиссию в книжн<ый> магазин работников просвещения на Моховой. Об этом просил меня заведующий магазином т. Фрейман. Я познакомлю с ним тов<арища>-делегата.

Кстати, о Краеведческой конференции. Я хотел бы присутствовать на ней, но не в качестве гостя. Если ваш Кружок имеет право на посылку 2-х делегатов, то не предоставите ли один мандат мне?

Затем, о «Сборниках» Кружка. Когда намечен выход V-го тома?² Не найдется ли в нем места для моего материала? Темы у меня интересные. Одна статья «Будда или Изида?» посвящена пресловутой Золотой Бабе³ нашего Севера, о которой трактует Н. Н. Серебряников в своей книге⁴ и А. В. Луначарский — в статье «Пермские боги».⁵ Я с ними полемизирую и привожу любопытные данные о предках деревянных богов. Для этой статьи я могу изготовить за свой счет пару клише, что оживит текст.

Жду от Вас ответа.

Ваш Е. Косвинцев.

Москва.

3.III.30.

Адрес мой новый:

Москва. Арбат. Большой Власьевский пер., д.14, кв.1.

Е. Н. К.

¹ Четвертая Всероссийская конференция по краеведению проходила 22—24 марта 1930 г. в Москве. См.: Резолюции XVIII пленума ЦБК, IV конференции и Совещаний при конференции: 1) школьного, 2) студенческого, 3) библиографического. М., 1930; Социалистическое строительство и краеведение: Доклады П. Г. Смидовича и Г. М. Крижановского по краеведению 22 марта 1930 г. М., 1930.

² Пятый выпуск «Пермского краеведческого сборника» не был напечатан.

³ Золотая Баба — женское божество пермяков, дославянского населения Пермского края, неоднократно упоминаемое в русских памятниках средневековой письменности.

⁴ Речь идет о Николае Николаевиче Серебрянникове (1900—1966), в 1920-е годы организовавшем несколько экспедиций по Пермскому краю, благодаря чему им была собрана великолепная коллекция деревянной скульптуры («пермские боги»), находящаяся сейчас в Пермской художественной галерее. В письме Е. Н. Косвинцева упоминается книга Н. Н. Серебрянникова «Пермская деревянная скульптура: Материалы предварительного изучения и опись с картой и 60 иллюстрациями» (Пермь, 1928). Скорее всего, в своей статье «Будда или Изиды?» (сведений о публикации не имеем) Е. Н. Косвинцев собирался полемизировать со следующим пассажем Н. Н. Серебрянникова: «Новое же наиболее почитаемое изваяние — Сидящий Спаситель — заменил, по-видимому, особо чтимую прежде сидящую Золотую Бабу финно-угорских народов, которая, надо думать, по своей сидящей позе имеет что-то общее с сидящим Буддой восточных народов, с которыми финно-угорские народы имели некоторое родство и по крови, и еще более — по взаимодействию культур» (Там же. С. 35). О Н. Н. Серебрянникове см.: *Будрина А. Г., Поликарпова Г. А.* 1) Дело всей жизни. Искусствовед Н. Н. Серебрянников (1900—1966). Пермь, 1970; 2) Дело всей жизни: Искусствовед Н. Н. Серебрянников // Подвижки культуры Серебрянниковы. Пермь, 1991. С. 166—247.

⁵ А. В. Луначарский написал статью «Пермские боги» (Советское искусство. 1928. № 5) после посещения в рамках культурно-агитационной поездки Пермской художественной галереи. Е. Н. Косвинцев собирался полемизировать с тем положением статьи, где говорится о генетических связях Золотой Бабы с Буддой: «Многое заставляет предположить, что „золотая баба“ — это докатившееся до пермяков через степи изображение сидящего Будды. Спокойный, в веках отдыхающий бог, в котором для высокоразвитой буддийской религиозности отражалась философская идея нирваны, а для простого человека, задавленного трудом и страданием, — идея успокоения, принят был и первобытным пермяком с чувством глубокого удовлетворения» (см.: *Луначарский А. В.* Пермские боги // Луначарский А. В. Об искусстве: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 236).

Вероятно, Е. Н. Косвинцев в своей статье «Будда или Изиды?» проводил типологическую параллель между Золотой Бабой и Изидой, египетской богиней плодородия. Надо признать, что это направление в осмыслении образа Золотой Бабы более перспективно, чем сопоставление ее с Буддой.

Ф. А. РУБЦОВ

**МАТЕРИАЛЫ К СБОРНИКУ
«ПЕСНИ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ»**

Публикация Ю. И. Марченко

Феодосий Антонович Рубцов (1904—1986) был личностью, хорошо известной среди музыкантов и фольклористов, пользовался большим и заслуженным авторитетом. Еще менее пятнадцати лет тому назад это имя принадлежало к числу тех немногих, которые не нуждались в каких-либо дополнительных представлениях. Совершенно очевидно, что российское этномузыкознание обязано ученому многими научными направлениями, возникавшими и формировавшимися с опорой на его идеи, на его методические предложения, на его научные труды. Поводов для обсуждения работ ученого такого масштаба всегда будет достаточно, и данная публикация представляет читателю один из последних его трудов, отражающий работу Ф. А. Рубцова над сборником «Песни Смоленской области».

При всей широте музыкальных интересов и многообразии профессиональной деятельности Ф. А. Рубцова — композитора, ученого-фольклориста и педагога — одна сфера научных разысканий, связанная с попытками детального изучения смоленской народнопесенной культуры, имела для него особое значение. Все, кто был знаком с Ф. А. Рубцовым как с фольклористом и внимательно читал его работы, не могли не обратить внимания на то, что именно смоленская песенность оказывалась у него главным источником наиболее принципиальных примеров, неким исключительным фондом, по которому проверялись не только все его идеи, но и результаты исследований многих коллег. О смоленской песенности Ф. А. Рубцов мог рассуждать едва ли не бесконечно, и порой казалось, что от этой культуры он получал какие-то импульсы, в результате которых на свет, в конце концов, появлялись и «Интонационные связи...»,¹ и «Основы ладового строения...»,

¹ Рубцов Ф. А. Интонационные связи в песенном творчестве славянских народов. Л., 1962.

и «Соотношение поэтического и музыкального содержания...»,² и многое другое, включая некоторые работы, осторожно «подсказанные» Ф. А. Рубцовым своим отнюдь не малочисленным ученикам.³

Рожденный 17 (30) декабря 1904 г. в с. Олыша Оршанского у. Могилевской губ., Ф. А. Рубцов имел все основания для того, чтобы относить себя к смолянам (позже село вошло в состав Руднянского района Смоленской обл.), тем более, что основы музыкального образования и первоначальные фольклористические навыки он получил в Смоленске.⁴ Тогда же, вероятно, зародилась и его любовь к песенности родного края, которая позже оформилась в идею собирания, детального изучения и издания смоленских песенных образцов в таком объеме, который мог бы представить эту культуру если не во всей ее полноте, то, во всяком случае, во всех наиболее ярких и характерных формах и жанрах.

Первой попыткой реализации этой идеи можно считать завершённый в 1948 г. сборник «Русские народные песни Смоленской области», который, однако, «провалился» на обсуждении в Институте русской литературы и был издан лишь после кончины его составителя.⁵

После такого удара Ф. А. Рубцов вновь смог возвратиться к своей идее лишь много лет спустя. Будучи ведущим фольклористом Ленинградской консерватории, он смог организовать несколько экспедиций в Смоленскую область, предполагая по их результатам составить новое издание.

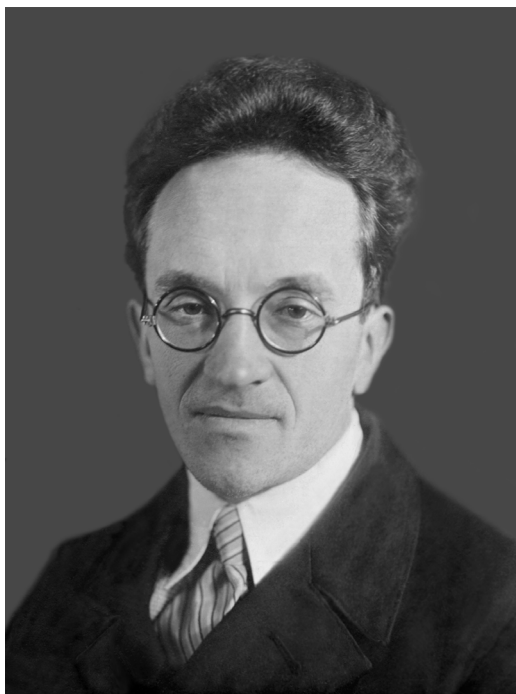
К сожалению, после кончины Ф. А. Рубцова, материалы по работе над Смоленским сборником, оказались разделенными. В Фонограмм-архив попали лишь те из них, что публикуются в настоящем издании, с дополнениями — студенческими расшифровками некоторых песенных образцов (всего в архиве Ф. А. Рубцова обнаружено около сотни

² Эти и некоторые другие работы см. в сборнике: *Рубцов Ф. А. Статьи по музыкальному фольклору*. Л.; М., 1973.

³ Очень точно об этом в свое время сказала Н. Л. Котикова: «Самостоятельность взглядов и принципиальность, — точно так же, как скромность, — характерные черты облика Ф. А. Рубцова-ученого. Разбрасываемые им щедрой рукой идеи-зерна широко „прорастают“ в работах его учеников, хотя порой имя его в лучшем случае остается в тени» (*Котикова Н. Л. Ф. А. Рубцов // Рубцов Ф. А. Статьи по музыкальному фольклору... С. 7*).

⁴ Подробнее см.: *Гусев В. Е. Ф. А. Рубцов и песни Смоленщины // Русские народные песни Смоленской области: В записях 1930—1940-х годов / Сост., расшифровка, коммент. Ф. А. Рубцова*. Л., 1991. С. 3—9. Очень точно охарактеризовала Ф. А. Рубцова З. Я. Можейко. Он, по ее мнению, «без особого преувеличения может быть назван русско-белорусским этномузыкологом как в отношении его экспедиционной работы, так и в сфере его научных интересов». И более того, «Смоленщина (село Олыша) — родина Феодосия Антоновича и его „фольклорная территория“ <...> является русско-белорусской (а вернее было бы сказать — белорусско-русской)» (*Можейко З. Я. Белорусский музыкальный фольклор в исследованиях Ф. Рубцова, К. Квитки, В. Беляева // Белорусская этномузыкология: Очерки истории (XIX—XX вв.)*. Минск, 1977. С. 110).

⁵ Подробнее см.: *Гусев В. Е. Ф. А. Рубцов и песни Смоленщины*. С. 6—8. Некоторые образцы из этого сборника вошли в состав небольшого издания «Олышанские песни» (Л.; М., 1971). На тесную связь этих работ с белорусской фольклорной традицией указывает З. В. Можейко (см.: *Можейко З. Я. Белорусский музыкальный фольклор... С. 111*).

студенческих расшифровок смоленских песен). Многие расшифровки проверены и отредактированы самим Ф. А. Рубцовым.⁶ В настоящий момент эти материалы не позволяют восстановить самого корпуса сборника, над которым ученый работал несколько лет. Однако среди них обнаружилось (частично — в машинописи, частично — в рукописи) «Предисловие» и большой фрагмент статьи «Народные песни Смоленщины», написанные специально для этого труда.

Корпус сборника все-таки был сформирован, иначе трудно представить себе «Предисловие» в том почти законченном виде, в каком оно находится в архивных материалах. Сложнее со статьей. Она буквально «обрывается» на середине раздела, посвященного лирическим песням. Далее следуют страницы, написанные почерком М. Л. Мазо, одной из учениц Ф. А. Рубцова, с тезисным изложением сведений о хороводных, игровых, шуточных песнях, об инструментальных наигрышах, после чего следует небольшой раздел «Мелодика и форма смоленских песен». Прилагается несколько нотных примеров, большей частью заимствованных из сборника 1948 г.

М. Л. Мазо трижды посещала Фонограммархив после кончины Ф. А. Рубцова, работала с его материалами и подтвердила, что на определенном этапе работы, когда у Ф. А. Рубцова действительно словно

⁶ Большую помощь в проверке студенческих расшифровок оказал Ф. А. Рубцову В. Гаврилин.

«опустились руки», она попыталась как-то помочь ученому. Так в рукописи появились страницы, записанные ею со слов и под диктовку Ф. А. Рубцова. М. Л. Мазо сообщила, что все ее записи обсуждались с Ф. А. Рубцовым, а новые дополнения и замечания Рубцова затем вносились в текст. Таким же образом были проработаны комментарии, которые содержали интересные замечания Ф. А. Рубцова по конкретным песням и новаторские идеи теоретического характера, в частности об однофразных напевах как одной из древних форм русской песенности.

М. Л. Мазо сложила основной корпус текста, она же первая высказала мысль о целесообразности публикации материалов.

После проведения некоторых работ технического характера в окончательный вариант были введены необходимые музыкально-поэтические образцы (их публикация в полном объеме из-за отсутствия корпуса сборника совершенно необходима). В остальном же строго соблюдался принцип наименьшего вмешательства в авторский текст. Конечно же, читатель не найдет в этих материалах никакого «другого» Ф. А. Рубцова, кроме того, который известен по ранее опубликованным работам, но обнаружит и некоторые детали и штрихи, выраженные в иных его публикациях менее определенно. Особенно хочется обратить внимание на последовательность ученого в выражении идеи областного (регионального) изучения музыкального фольклора с весьма деликатной попыткой применения ареального метода при изучении песенной традиции,⁷ на его осторожность в выводах как этноисторического, так и этнокультурного характера.

ПЕСНИ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как это ни странно, как ни удивительно, но песни Смоленщины, представляющие собой один из интереснейших и важных пластов русской народнопесенной культуры, не нашли до настоящего времени достаточно полного отражения в музыкаль-

⁷ Было бы полезно сопоставить выводы Ф. А. Рубцова с материалами крупных собраний, вышедших в свет после его кончины. См.: 1) Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 1: Календарные обряды и песни / Ред. коллегия: О. А. Пашина (отв. редактор), Л. М. Винарчик, Е. А. Дорохова, М. А. Енгованова, И. А. Никитина. М., 2003; Т. 2: Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи / Ред. коллегия: О. А. Пашина, М. А. Енговатова (отв. редактор), Л. М. Винарчик, Е. А. Дорохова, И. А. Никитина. М., 2003; Т. 3: Сезонно приуроченные лирические песни / Ред. коллегия: М. А. Енговатова, И. А. Никитина (отв. редактор), Л. М. Белогурова (Винарчик), Е. А. Дорохова, О. А. Пашина. М., 2005; 2) *Мажэйка З. Я., Варфаламеева Т. Б.* Песні Беларускага Падняпроўя. Мінск, 1999; 3) Традиційная мастацкая культура беларусаў. Т. 1: Магілёўскае Падняпроўе / Аўтарскі калектыў: Т. Б. Варфаламеева, В. І. Басько, М. А. Козенка, І. І. Крук, Т. І. Кухаронак, В. І. Лабачэўская, М. Ф. Раманюк, У. М. Сысоў, В. С. Цітоў. Навуковае кіраўніцтва і складанне: Т. Б. Варфаламеева. Мінск, 2001.

ных публикациях. Не могли они, следовательно, получить и характеристику присущих им особенностей в музыковедческой литературе, посвященной вопросам фольклора.

Вместе с тем о песнях Смоленщины упоминают часто. Во всяком случае, ни одна работа о творчестве М. И. Глинки не обходится без указания на эти песни как важный источник, питавший музыкальный язык великого композитора.

Чем же можно объяснить незадачливую судьбу смоленских песен, о которых говорят, которые вроде как и высоко ценят, но которые, — не располагая необходимыми публикациями, — по сути дела знают весьма плохо? Причин, видимо, много. Поначалу эти причины ясны, поскольку они обусловлены самой направленностью тех первых шагов, которые были предприняты в области собирания народных песен. В дальнейшем же причины становятся трудно объяснимыми, так как их заслоняет ряд случайностей.

Как известно, песенные сборники восемнадцатого и первой половины девятнадцатого века включали преимущественно те народные песни, которые бытовали в городской среде любителей пения и уже были популярны или могли стать таковыми. В первую очередь эти сборники отражали практику бытового музицирования Петербурга и Москвы. Исконные песни Смоленщины если и встречались составителям сборников, то, видимо, не привлекали их внимания, поскольку не были столь интересны для вокализации, как протяжные песни центральной и северной России, или столь открыто эмоциональны, как, например, песни Украины.

В дальнейшем, когда запись народных песен стала предметом не только «потребительских», но и научных интересов, взоры собирателей обращались либо, — в силу обстоятельств, — на близлежащие места их жительства (М. А. Стахович, Н. Е. Пальчиков), либо на центральные области России, в частности, на Волгу (К. П. Вильбоа, М. А. Балакирев, Ю. Н. Мельгунов, В. П. Прокунин), либо на северные области, где, по мнению фольклористов, русские народные песни сохранялись в наиболее чистом виде, не тронутые «тлетворным» влиянием города (экспедиции ИРГО). Смоленщина же неизменно обходилась стороной.¹

Первые записи смоленских песен с их напевами были сделаны Н. А. Римским-Корсаковым.

Н. А. Римский-Корсаков «увлекался поэтической стороной культа поклонения солнцу и искал его остатков и отзвуков в мелодиях и текстах песен». Смоленские песни случайно встрети-

¹ Возможно, что причиной этого стало распространенное убеждение в близости и даже тождестве смоленских и белорусских песен.

лись на пути его исканий и привлекли его внимание. Пятнадцать песен Н. А. Римский-Корсаков записал и опубликовал в своем известном сборнике «Сто русских народных песен».²

Вот эти пятнадцать песен, услышанные Н. А. Римским-Корсаковым не в народном исполнении, а в передаче А. Н. и В. А. Энгельгардт, явились первой и, по сути дела, единственной публикацией смоленских песен, осуществленной в дооктябрьский период.

К смоленским песням как таковым собиратели обратились лишь в конце XIX в. В частности, известный этнограф Смоленщины В. Н. Добровольский в течение 1882—1889 гг. записал и опубликовал в своем капитальном труде множество песенных текстов.

Что же касается музыкальных записей смоленских песен, последние хотя и проводились довольно широко, но в силу ряда обстоятельств, во многом случайных, так и не увидели света.

Е. И. Канн-Новикова в связи со своей работой о М. И. Глинке особо занималась историей собирания смоленских народных песен. Третья глава этой работы включает разделы: «Записи смоленских народных песен. — Утраченные собрания. — Фонограммы напевов», а также «Собрание смоленских и ельнинских напевов, записанных потомком Глинки — Н. Д. Бером».³

Не пытаясь заново изучать материалы, которыми пользовалась Е. И. Канн-Новикова, приведу несколько цитат из ее книги. «В истории русской фольклористики, — пишет Е. И. Канн-Новикова, — известно имя смоленской собирательницы песен Хмара-Борщевской, деятельность которой протекала в начале нынешнего столетия <...>

Самая рукопись Хмара-Борщевской была долгое время собственностью московской Музыкально-этнографической комиссии; в связи с реорганизацией комиссии сборник был передан, но куда — неизвестно; в настоящее время это собрание исчезло из поля зрения исследователей».⁴

Такая же участь постигла и шестьдесят напевов, записанных в 1908 г. А. Л. Масловым, посетившим Новоспасское. По словам Е. И. Канн-Новиковой, «эти собранные на родине Глинки образцы смоленской песенности не были своевременно напечатаны и канули в Лету».⁵

Фонографические записи смоленских песен делала ученица Е. Э. Линева А. И. Третьякова. По свидетельству Е. И. Канн-

² *Римский-Корсаков Н. А.* Летопись моей музыкальной жизни: 5-е изд. М., 1935. С. 142.

³ *Канн-Новикова Е. И.* М. И. Глинка: Новые материалы и документы. Вып. 1. М.; Л., 1950. С. 42—49.

⁴ Там же. С. 42—43.

⁵ Там же. С. 43.

Новиковой, эти записи (количество их не указано) хранятся в Кабинете народной музыки Московской консерватории.

Далее Е. И. Канн-Новикова пишет: «Уже в наше время посредством фонографа было записано М. Е. Пятницким в Москве несколько старинных смоленских песен у рабочих — уроженцев Смоленщины. Эти записи в нерасшифрованном виде хранятся в Ленинградском Фонограммархиве».⁶

Особый интерес представляют записи смоленских песен, сделанные Н. Д. Бером, внучатым племянником М. И. Глинки.

В предисловии В. Н. Добровольского к четвертой части его Этнографического сборника сказано: «Н. Бер стал ездить со мною по деревням, и ему удалось записать более 500 песенных мелодий к собранным мною текстам».⁷

«Судьба этих записей Н. Д. Бера, — пишет Е. И. Канн-Новикова, — многие годы оставалась неизвестной <...> Лишь в 1946 году автору этих строк удалось обнаружить около двухсот музыкальных записей Н. Д. Бера в фондах Государственного литературного музея <...> Остальные триста напевов погибли в начале 1900-х годов, во время пожара в Ельнинском имении Бера в Починке (бывшее имение М. И. Глинки, доставшееся по наследству семейству Беров)».⁸

Итак, судьба музыкальных записей смоленских песен, что видно из приведенных сведений, — складывалась весьма незадачливо.

С тех пор, как Е. И. Канн-Новикова работала над первым выпуском своего исследования о М. И. Глинке, прошло не менее двадцати лет. Что же изменилось за это время в области собирания и обнародования смоленских народных песен? — В области музыкальных публикаций, к сожалению, весьма немногое.

В сборнике «Русские народные песни», составленном из материалов Центрального государственного архива кино-, фото-, фонодокументов и опубликованных Музгизом, помещено пять записей смоленских песен, сделанных М. Е. Пятницким в 1919—1920 гг. (из них три песни Ельнинского и две Красинского уезда).⁹ Эти пять песен, конечно же, — одна капля, взятая из моря смоленской песенности.

Наиболее значительным является сборник В. И. Харькова «Русские народные песни Смоленской области», опубликованный Музфондом СССР.¹⁰ Этот сборник содержит 48 музыкальных записей, сделанных в Починковском и Смоленском районах,

⁶ Там же. С. 44.

⁷ Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. СПб., 1903. Ч. 4. С. XIII.

⁸ Канн-Новикова Е. И. М. И. Глинка. С. 45.

⁹ Русские народные песни. М.; Л., 1950. № 71—75.

¹⁰ Харьков В. И. Русские народные песни Смоленской области. М., 1956.

а также предисловие и комментарии исследовательского характера.

Сборник В. И. Харькова остается на сегодняшний день солидной, хотя, конечно, далеко не полной публикацией смоленских песен. Но — увы! — этот сборник был выпущен в свет в количестве четырехсот экземпляров и мало кому известен.

Что же касается дальнейшего собрания смоленских песен, места хранения записей, а также подготовки их к печати, то здесь, — не претендуя на исчерпывающую полноту сведений, — можно сказать следующее.

В приведенной ранее цитате из книги Е. И. Канн-Новиковой говорилось о фонографических записях М. Е. Пятницкого, которые «в нерасшифрованном виде хранятся в Ленинградском Фонограммархиве». Действительно, в Фонограммархиве хранится восемь фоноваликов, которые числятся как записи неизвестного собирателя и содержат несомненно смоленские песни, хотя ни место, ни время записи на них не указаны. По-видимому, это и есть упоминаемые Е. И. Канн-Новиковой записи М. Е. Пятницкого.

Еще в 1948 г. шестнадцать песен, записанных на эти фоновалики, были расшифрованы мною и включены в сборник «Русские народные песни Смоленской области», составленный на основе личных записей, а также записей, произведенных в Фонограммархиве в 1949 г. от двух женщин, уроженок, одна — Сахновского, другая — Понизовского районов. Сборник, включающий 145 песен и обширные комментарии к ним, в свое время не был опубликован и хранится в Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР.¹¹

В Кабинете народной музыки Московской консерватории, судя по данным, опубликованным в брошюре, посвященной работе Кабинета, хранятся 702 музыкальные записи Смоленской области. Эти записи были произведены за период с 1940 по 1964 г. и частично в экспедициях (276), частично в самом Кабинете от певцов — уроженцев Смоленщины (426).¹² Кабинетом подготовлен к печати и в ближайшее время должен выйти в свет сборник: «Г. Б. Павлова. Народные песни Смоленской области, напетые А. И. Глинкиной».¹³

Свыше трех тысяч музыкальных записей смоленских песен хранится в Лаборатории народного творчества Ленинградской

¹¹ Этот сборник был издан как мемориальный уже после кончины Ф. А. Рубцова. См.: Русские народные песни Смоленской области: В записях 1930—1940-х годов / Сост., расшифровка, коммент. Ф. А. Рубцова. Л., 1991 (прим. — Ю. М.)

¹² Кабинет народной музыки. М., 1966. С. 81.

¹³ Павлова Г. Б. Народные песни Смоленской области, напетые А. И. Глинкиной. М., 1969.

консерватории. На основании этих записей и составлен сборник «Песни Смоленской области», о котором в дальнейшем пойдет речь.¹⁴

Для записи народных песен Смоленской области Ленинградской консерваторией было организовано три экспедиции, в которых под руководством заведующей Лабораторией народного творчества С. Я. Требелевой приняло участие в общей сложности тридцать четыре студента.

В 1964 г. песни записывались в Велижском, Демидовском и Слободском районах; в 1965 г. — в районах Ершичском, Монастырщинском и Шумячском; в 1966 г. — в Духовщинском, Сычевском и Холм-Жирковском.

В конечном результате экспедиции Ленинградской консерватории обследовали девять районов, лежащих вдоль северной и западной границ Смоленской области, примыкающей на севере к областям Калининской и Псковской (ранее — Великолукской), а на западе — к Витебской и Могилевской областям Белорусской ССР. Выбор указанных районов был обусловлен тем, что состоявшиеся ранее экспедиции Московской консерватории и Союза композиторов посещали в большинстве случаев центральные и восточные районы области.

Всего экспедициями Ленинградской консерватории было записано 3112 песен, в том числе около двух десятков инструментальных наигрышей.

Цель публикуемого сборника заключается не только в том, чтобы показать наиболее интересные и художественно ценные песни из числа экспедиционных записей, но и в том, чтобы дать возможно более полное представление о смоленской народнопесенной культуре.

В связи с этим перед составителем сборника возникают две трудные задачи.

Практика показывает, что записанные в экспедиции песни лишь в небольшой своей части оказываются мало интересными и не заслуживающими публикации. Поэтому составить сборник народных песен из сравнительно небольшого количества за-

¹⁴ Перечисленные данные рисуют более или менее полную картину истории собирания народных песен Смоленщины. В этих данных не уточнены лишь сведения о записях смоленских песен, хранящихся в фонотеке Фольклорной комиссии ССК РСФСР. По-видимому, их количество не превышает двух—трех сотен.

Надо полагать, что в самом Смоленске на сегодняшний день собрано изрядное количество песен. Когда в 1952 г. я ездил в Смоленск со специальной целью — ознакомиться с музыкальными записями областных песен, я не обнаружил таковых ни в одном из городских архивов. Теперь же, когда в Смоленске третий год работает воспитанница Ленинградской консерватории С. В. Пьянкова, можно думать, что она успела собрать немалую коллекцию интересных записей.

писей, устраняя неудачные или хорошо известные песни, всегда проще. Но отобрать двести песен из трех тысяч, — при наличии ряда сходных по содержанию и, примерно равноценных по качеству, — мудрёная задача. Где мерило ценности, в чем критерий отбора?

Стараясь быть по возможности объективным в своей оценке, я отдавал предпочтение, во-первых, песням, типичным для соответствующего жанра, и, во-вторых, таким, в которых не только их мелодика, но и поэтический текст представляли бы собой законченное целое.

Еще труднее отбирать песни, учитывая задачу сборника отразить важнейшие особенности областной песенной традиции.

Хотя три тысячи песен, на основе которых составлен данный сборник, численно представляют весьма внушительное количество, они вряд ли способны отражать областную песенную традицию всесторонне, поскольку записаны лишь в девяти районах. В Смоленской же области, по данным 1955 г., — тридцать восемь районов.¹⁵ А каждый район любой области имеет зачастую несколько особую песенность. В связи с этим полная картина областной народнопесенной культуры может быть охарактеризована только с учетом местных песенных «разночтений».

Однако в указанных песнях девяти районов некоторые поэтические, жанровые и музыкальные особенности проступают настолько отчетливо и повторяются так часто, что позволяют считать таковые характерными для смоленской песенной культуры в целом. Сравнение же этих песен с имеющимися публикациями и даже беглое знакомство с записями, хранящимися в Фонограммархиве ИРЛИ, Кабинете народной музыки Московской консерватории, а также Фольклорной комиссии ССК РСФСР, показывает, что данные особенности являются если и не исчерпывающими, то, во всяком случае, характерными чертами смоленской песенности. В результате складывается ощущение особого народнопесенного стиля Смоленщины.

И действительно, смоленские песни, при мало-мальски достаточном знакомстве с ними, легко узнаются среди песен других областных традиций. Но одно дело — «чувствовать» песню и относить ее «по чутью» к тому или иному областному стилю, другое — обосновать характерные особенности этого стиля.

Попытка уяснить особенности, присущие смоленской песенности, сделана в специальной статье, сопутствующей предисловию. Здесь же следует добавить лишь то, что стремление придерживаться указанного стиля определило второй принцип, ко-

¹⁵ Вполне возможно, что при неоднократном изменении административных границ Смоленской области, имевших место после 1955 г., количество районов на сегодняшний день изменилось. Однако это не меняет существа вопроса.

торым руководствовался составитель при отборе песен для публикации.

Это не значит, что в сборник не включены «общерусские» песни, выпадающие из основного стиля Смоленщины, но бытующие на ее территории. Лучшие из таких песен помимо своих художественных достоинств интересны и тем, что указывают на связи смоленской земли с другими областями России. Если данные песни оказывались хорошо распетыми, а не представляли собой известные, можно сказать — трафаретные варианты, они занимали в сборнике свое «жанровое» место.

Так, например, раздел лирики открывается классической песней «Горы Воробьевские». На страницах сборника можно встретить и другие известные песни, не являющиеся исконно смоленскими. Однако широко популярные песни «Экой Ваня», «Веселая беседушка», «Снежки белые пушистые», «Прощай жизнь-радость моя» и подобные им, поскольку они записаны в многократно публиковавшихся вариантах, в сборнике не помещены. Их нет смысла печатать.

Следует оговорить, что при отборе песен составитель вовсе не стремился более или менее равномерно отразить традиции различных обследованных районов. Среди песен, близких по назначению или содержанию, предпочтение, естественно, отдавалось тем, которые были интереснее и полнее, вне зависимости от места записи. В связи с этим некоторые районы оказались представленными в сборнике широко, некоторые — слабо, а некоторые и весьма скудно, что не удивительно, так как не всюду встречаются равно одаренные исполнители, хранящие в своей памяти богатый репертуар.

Сборник состоит из четырех основных разделов и небольшого дополнения.

В первом разделе помещены календарные песни, расположенные по годовому кругу, начиная от зимнего солнцеворота.

Во втором — свадебные песни и причитания.

Третий, наиболее крупный раздел, посвящен лирическим песням, условно разбитым на следующие группы: а) песни воинские, рекрутские, исторические и солдатские, б) песни семейно-бытовой тематики, в) песни в характере баллад.

Четвертый раздел включает игровые и хороводные песни.

В дополнении помещено пять инструментальных наигрышей.

В сборнике отсутствуют частушки, что может показаться и весьма странным, и даже предосудительным, поскольку на сегодняшний день частушки — пожалуй, наиболее действенный жанр крестьянской песенности, способный откликаться на все явления жизни. Но что же делать, если среди песен, записанных в девяти районах Смоленской области, частушек весьма мало, а главное, они стандартны и не представляют сколько-либо значи-

тельного интереса. Помещать же в сборник такие частушки «порядка ради», — лишь бы представить этот жанр, — составитель не счел целесообразным.

То, что среди трех тысяч смоленских песен не оказалось заслуживающих внимания частушек, можно объяснить и ограниченностью районов записи (быть может, в других районах области частушек много и они хороши?), и чистой случайностью (разминулись, мол, на своем пути студенческие экспедиции с умельцами-частушечниками). Все может быть. Трудно утверждать что-либо в данном случае.

И все же, думается, что Смоленщина — не тот «частушечный край», как иные области русской земли, где частушки не только широко распространены, но яркие и своеобразны как по содержанию, так и по музыкальным средствам выразительности.

Навряд ли можно считать случайностью, что В. И. Харьков в своем сборнике не поместил ни одной частушки и в предисловии к сборнику ни слова не сказал о таковых. Навряд ли можно считать случайностью и то, что студенты Ленинградской консерватории, участники трех экспедиций, в статье «Песни родины Глинки», опубликованной ими в журнале «Советская музыка», обстоятельно говорят и о календарных, и о свадебных, и о лирических песнях, но вовсе не упоминают о частушках, равно как и о гармонистах.¹⁶ К слову сказать, и гармонных наигрышей почти нет в экспедиционных записях.

В сборник не включены и песни-романсы, весьма популярные в современной колхозной деревне и широко представленные в экспедиционных записях. Воздерживаясь от их публикации, составитель руководствовался особыми мотивами.

Крестьянские песни-романсы, столь нелюбимые пуританами от фольклора, — более поздний и, по существу своему, весьма значимый слой народнопесенной лирики. Порожденные стихийным стремлением к раскрепощению личной жизни, скованной ранее жестокими рамками бытового уклада, они были не слишком разборчивы в использовании поэтических образов и слов, заимствуя последние из ближайших источников, которыми — увы! — служили мещанская лексика и дешевые песенники. Но всю сущность содержания, весь пафос лирического высказывания в этих песнях-романсах воплощали напевы, творчески «по-крестьянски» претворяя мелодические обороты, воспринятые от городской музыки.

Думается, что и на сегодняшний день крестьянские песни-романсы не завершили своего развития, изменяя его путь под влиянием песен советских композиторов.

¹⁶ Лапин В. А., Белоненко А. С. Песни родины Глинки // Советская музыка. 1968. № 4. С. 112—116.

Песни-романсы заслуживают особой, межобластной публикации, снабженной серьезной научно-исследовательской статьей, статьей — в первую очередь — музыковедческой, поскольку именно напевы, а не тексты раскрывают их жизненный смысл и подлинное содержание. Помещать же в сборнике, отражающем исконную народнопесенную традицию три-четыре песни-романса, это значит ничего не сказать, а лишь вызвать у читателей либо недоумение, либо незаслуженно отрицательный отклик.

Итак, данный сборник посвящен старой, традиционной песенности Смоленской области.

У читателей может появиться вопрос: насколько жива эта песенность? Кто и где поет в современности такие песни?

Аналогичный вопрос от лица читателей задавал и В. И. Харьков, публикуя в 1956 г. свой сборник. Отвечая на этот вопрос, В. И. Харьков писал, что старые песни «хоть и не повсюду и не в одинаковой мере массово и интенсивно, но живут по традиции, как родное и любимое художественное наследие <...> Среди молодежи села большинство девушек и юношей знают старинные песни, правда, не так хорошо, как люди среднего и старшего возраста, более опытные в певческом смысле. Во всяком случае, эти песни у них „на слуху“, с возрастом старинные песни входят в их активный певческий репертуар».¹⁷

То, что пишет В. И. Харьков, абсолютно верно. Его слова могут служить ответом и на вопрос, риторически заданный в предисловии к данному сборнику. Особо привлекает замечание, что «с возрастом старинные песни входят в их (т. е. молодежи. — *Ф. Р.*) активный певческий репертуар».

Да, старинные песни поют обычно только пожилые люди. Но об этом говорилось уже сто лет тому назад. Говорилось и в двадцатые, тридцатые и сороковые годы нашего столетия. Говорится и сейчас. И, логически рассуждая, создается презабавное впечатление того, что уже сто лет живет некое поколение пожилых людей, которое — и только оно — знает и поет старинные песни.

Может возникнуть и такой вопрос: целесообразно ли в наше время заниматься старой песенностью? — Да, целесообразно и даже необходимо. Нужно только не удаляться от современности к песенным истокам, а приближать эти истоки, способные многое объяснить, к современности.

Нельзя забывать того, что каждая областная песенная традиция (имею в виду не столько административное, сколько этнографическое понятие области) представляет собой как бы творчество одного великого мастера, имя которому — народ. И как русскую профессиональную музыку мы познаем, изучая творчество отдельных композиторов, точно так же русскую народ-

¹⁷ Харьков В. И. Русские народные песни Смоленской области. С. 12—13.

нопесенную культуру мы сможем осознать, лишь исследуя ее по областным стилям и затем уже составляя представление о едином и целом. Смоленщина же — интереснейший и важнейший раздел данной культуры.

Сборник снабжен статьей и краткими комментариями, в большинстве своем ограничивающимися так называемыми «папортными данными» песен и лишь в отдельных случаях указывающими на места их распространения или особенности содержания.

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ СМОЛЕНЩИНЫ

Имеющиеся в печати сведения о народнопесенной культуре Смоленщины и немногочисленны и разрозненны. В дореволюционной этнографической и филологической литературе смоленские песни если и упоминались, то обычно как белорусские. Даже Смоленская губерния именовалась нередко белорусской, а основное население этой губернии — смоленскими белорусами.

Можно привести цитату из работы И. Орловского «Краткая география Смоленской губернии», работы, быть может, и не столь авторитетной в научном смысле, но, как-никак, изданной Смоленским губернским статистическим комитетом и, следовательно, отражающей взгляды своего времени. В этой работе И. Орловский пишет, что «преобладающим по количеству племенем в губернии являются белорусы (около 1 200 000 человек), поэтому Смоленскую губернию можно назвать белорусскою».¹

Несколько ниже, в разделе «Население», говоря об укладе народного быта и существующих обрядах, И. Орловский приводит тексты ряда песен, опять же трактуя последние как белорусские.²

К сожалению, я не могу сослаться на современные историко-этнографические работы, в которых говорилось бы о племенных и национальных корнях населения Смоленщины, поскольку я попросту не знаком с такими работами, хотя они конечно существуют. Во всяком случае, после того как 1 января 1919 г. была образована Белорусская Советская Социалистическая Республка, а Смоленская область закреплена за Российской Федерацией, всякие суждения о «смоленских белорусах» сами собой отпали.

¹ Орловский И. Краткая география Смоленской губернии / Издание Смоленского губернского статистического комитета. Смоленск, 1907. С. 44. Следует добавить, что общее количество населения Смоленской губернии по данным, опубликованным в работе И. Орловского составляло 1 862 162 человека. По данным 1955 г. население области 2 690 800 человек.

² Там же. С. 55—59.

В краткой статье, сопутствующей предисловию к сборнику народных песен, не место заниматься таким сложным и специальным вопросом, как этногенез населения Смоленской области. Вместе с тем этногенез населения определяет истоки его песенности. Вопрос же о родстве смоленских песен русскому или белорусскому народному творчеству нельзя обойти молчанием, поскольку в музыковедческом обиходе к этим песням до сих пор наблюдается какое-то двойственное отношение. Так, например, если речь идет о народнопесенных истоках творчества М. И. Глинки, то на знакомую ему с детских лет смоленскую песенность всегда ссылаются как на чисто русскую. В то же время, говоря об отдельных песнях Смоленщины, последние весьма часто определяют как белорусские. И действительно, некоторые смоленские песни бытуют в Белоруссии как истинно местные. Можно сказать и наоборот: нередко белорусские песни считаются на Смоленщине своими.

Думается, что русскую сущность смоленской песенности и одновременно наличие в ней близких связей с Белоруссией нетрудно понять, если совершить небольшой экскурс в историю и окинуть непредвзятым взглядом открывающуюся картину.

В Ипатьевской летописи сказано: «Кривичи, иже седают на верх Волги, и на верх Двины, и на верх Днепра, их же град есть Смоленск; туде бо седают кривичи».³ Но кривичи имели и другой важный центр — Полоцк — «И Полотъске кривичи», как отмечает летопись, а Полоцк — это уже современная Белоруссия.

Карты расселения племен и народов восточной Европы в IX—X вв., как ни приблизительно указаны на них границы, дают ясное представление о том, что кривичи, занимая в большинстве области будущей России, заметно вклинивались и на территорию, принадлежащую теперь Белоруссии.⁴

Кривичи являлись большим восточнославянским племенем и делились не только на смоленских и полоцких, но и на тверских и суздальских. Значительная часть кривичей вместе с ятвягами и новгородскими словенами составили основу великорусского народа.

В XII в. образовались самостоятельные феодальные княжества Полоцкое, Турово-Пинское, Витебское и др., которые в XIV в. были захвачены Литвой, а в 1569 г. оказались в составе Речи Посполитой. Процесс образования белорусской народности

³ Цит. по кн.: *Андреев Н. В.* О чем рассказывают курганы. Смоленск, 1951. С. 9.

⁴ История культуры древней Руси. Домонгольский период. Т. 1: Материальная культура / Под ред. Н. Н. Воронина, М. К. Каргера, М. А. Тихоновой; Под общ. ред. Б. Д. Грекова и М. И. Артамонова. М.; Л., 1948. С. 8 (карта).

происходил в XIV—XVI вв. Смоленск же в 1514 г. вошел в состав Русского централизованного государства.

По сути дела Смоленщина, бывшая, видимо, основой племени кривичей, не раз переходя из рук в руки, неизменно оказывалась периферией по отношению к центрам княжеств и государств, борющихся за обладание смоленскими землями. А всякая периферия наиболее устойчиво сохраняет свои исконные обычаи, язык и, едва ли не в первую очередь, песни.

В книге «В мире слов» Б. В. Казанский пишет: «Известно, что окраины, а тем более области, отделенные от материка страны, обычно сохраняют старые черты быта, культуры, в то время как центральные области переходят к новым. Об этом единодушно свидетельствуют этнография, фольклор, история и археология. И то же явление наблюдается и в языке».⁵

Если представить себе земли, заселенные некогда кривичами в виде полосы, идущей с запада на восток с центром в Смоленске, и вспомнить при этом, что западная часть этих земель многократно подвергалась оккупации со стороны Литвы и Польши, а восточная естественным путем вращалась в формирующееся Московское княжество, то сделается понятной степень и характер взаимосвязи белорусских, смоленских и «общерусских» песен.

Кривичи несомненно имели свою, в основе общеславянскую культуру. Эта культура явилась тем фундаментом, на котором в процессе исторического развития и преобразования кривического племени в народности, а позже — нации, складывались дальнейшие «надстройки».

Территория современной Белоруссии находилась в оккупации длительное время. Но, как известно, оккупированные народы, не имея возможности развивать свою исконную культуру, всячески оберегают ее от иноземных влияний. Замечено, что песни — одно из наиболее устойчивых проявлений народной культуры.

Восточные кривичи, как уже было сказано, естественным путем вошли в Московскую Русь, ассимилируясь с другими славянскими, а частично, видимо, и угро-финскими племенами. Такой процесс развития затрагивал и видоизменял самые основы ранней культуры, в связи с чем «кривический фундамент» на востоке оказался во многом смещенным и перестроенным. Смоленщина же всегда была окраиной и для Речи Посполитой, и для Московского княжества, почему и сохранила в своей песенности многие старославянские черты в целом и, видимо, некоторые местно-кривические особенности в частности.

Отсюда — значительная близость между смоленскими и белорусскими песнями, особо осязаемая в песенных жанрах наиболее древних по истокам (календарных, свадебных) и наи-

⁵ Казанский Б. В. В мире слов. Л., 1958. С. 193.

более заметно проявляющаяся в смежных со Смоленщиной Могилевской и Витебской областях, но ослабевающая по мере удаления к западу, где начинает сказываться некоторая связь с Польшей.

Отсюда — заметные различия между песнями Смоленщины и областью предмосковья, заселенной некогда кривичами, а тем более — песнями северных и восточных областей России, причем различие это отчетливо сказывается в самых ранних песенных жанрах.

Приведенная историческая справка сама по себе не дает ничего нового. Изложенные в ней сведения общеизвестны. Однако вдумываясь в эти сведения и сопоставляя исторические факты, можно внести некоторую ясность в туманные представления о степени родства между смоленской народнопесенной культурой и песнями смежных областей.

Выше я уже говорил о том, что этногенез населения определяет истоки его песенности. Музыкальная фольклористика не может развиваться как наука, не опираясь на этнографию. Не зря А. Н. Серов, со свойственной ему прозорливостью, в известной статье «Русская народная песня как предмет науки»,⁶ одним из компонентов, составляющих эту науку, посчитал этнографию. Но — увы! — музыкальная фольклористика еще не представляет собой столь многогранную науку, хотя отдельные, разрозненные попытки связывать наблюдения над музыкальным строем народных песен причинно-следственной цепью с данными этнографии уже встречаются.

В дореволюционной музыковедческой литературе никаких суждений о народнопесенной культуре Смоленщины найти нельзя. Да и в нашу эпоху высказывания об истоках и характерных особенностях смоленских песен до крайности малочисленны и либо предельно общи и поверхностны, либо представляют собой краткие замечания, относящиеся к публикуемым или собранным материалам.

Сейчас, по сути дела, я могу сослаться лишь на четыре источника подобных высказываний: на работу Е. И. Канн-Новиковой,⁷ на предисловие и комментарии В. И. Харькова к сборнику «Русские народные песни Смоленской области»,⁸ на статью студентов Ленинградской консерватории, участников экспедиций в Смоленскую область, опубликованную под названием «Песни родины Глинки» в четвертом номере журнала «Советская музыка»

⁶ Серов А. Н. Русская народная песня как предмет науки // Музыкальный сезон. 1870—1871. № 6; № 13. С. 88—108.

⁷ Канн-Новикова Е. И. М. И. Глинка: Новые материалы и документы. Вып. 1. М.; Л., 1950.

⁸ Харьков В. И. Русские народные песни Смоленской области / Под общ. ред. С. В. Аксюка и В. М. Беляева. М., 1956.

за 1968 г., и на предисловие к сборнику Г. Б. Павловой «Народные песни Смоленской области, напетые А. И. Глинкиной».⁹

Сужая круг до четырех указанных источников, я имею в виду высказывания о смоленской народной песенности как таковой, опуская аналитические замечания, касающиеся отдельных смоленских песен, которые наверняка можно обнаружить в некоторых музыкально-теоретических работах.

Не с целью критики и осуждения, а единственно для того, чтобы показать, насколько туманны представления музыковедов о смоленской народнопесенной культуре, позволю себе привести цитату из ранее упоминавшейся работы Е. И. Канн-Новиковой, в которой она высказывает общее суждение о смоленской песенности, приводя и замечание Б. В. Асафьева.

Е. И. Канн-Новикова пишет: «На основании многообразно представленных в собрании Н. Д. Бера образцов можно и должно подчеркнуть: смоленская, в частности ельнинская, песня несет в себе основные высокоразвитые черты и особенности коренной русской песни. Как справедливо заметил Б. В. Асафьев, в условиях порубежной Смоленщины „переплетаются сложнейшие интонационно-песенные культуры“.¹⁰ Но именно здесь русская песня, творчески претворив и переплавив эти влияния, приобрела новую художественную силу в своем жизнеутверждении. Словно бы вековая борьба Смоленщины за государственную и национальную самобытность определила эту творческую действенность народного искусства Смоленщины. Нисколько не мешает этому наличие белорусских речений в песенных текстах. Тем примечательнее, что музыкальная структура русских песен проявила здесь на Смоленщине крепкую устойчивость».¹¹

Думается, что нет смысла обращать внимание читателя на то, насколько беспредметно приведенное суждение. Оно представляет собой красивые слова, которые по сути ничего не объясняют и за которыми не возникает никаких, мало-мальски отчетливых представлений о сущности смоленской песенности. Е. И. Канн-Новикова пишет, что смоленские песни несут в себе «основные высокоразвитые черты и особенности русской песни» и что «музыкальная структура русских песен проявила здесь на Смоленщине крепкую устойчивость». Но что представляют собой эти высокоразвитые черты — непонятно. Они нигде и никем не уточнены. Если же иметь в виду как одну из вершин русского народного мелоса протяжную песню, то последняя для Смоленщины как раз и не характерна. Что касается

⁹ Павлова Г. Б. Народные песни Смоленской области, напетые А. И. Глинкиной. М., 1969.

¹⁰ Асафьев Б. В. Глинка. М., 1947. С. 144 (сноска Е. И. Канн-Новиковой).

¹¹ Канн-Новикова Е. И. М. И. Глинка. С. 49.

музыкальной структуры русских песен, то, во-первых, следует признать, что таковая — как специфически русская — никем еще не определена и, во-вторых, что как раз по структуре своей смоленские песни значительно отличаются от прочих «русских».

И приведенные слова Б. В. Асафьева, вырванные из контекста, где они имеют подчиненную роль, представляются суждением не обоснованным, а высказанным как-то «наотмашь».

О какой переплавке сложнейших культур может идти речь? Польская культура? — Но она оставила более или менее заметный осадок лишь в западных областях Белоруссии. Литовская? — Но литовская народная песенность сама впитала ряд славянизмов. Великоорусская? — Но песни этой культуры (условно назову их «общерусскими») если усваивались на Смоленщине, то жили и живут там, не нарушая исконный песенный стиль, живут как особый, поверх лежащий слой, и подчас — наоборот — видоизменяются под воздействием устойчивой местной традиции музыкального интонирования.

Думается, что следствия, вытекающие из «порубежного» положения Смоленщины Б. В. Асафьев истолковал, опираясь не столько на музыкально-образный язык бытующих смоленских песен, сколько на отвлеченно-умозрительные заключения.

Путь развития и становления любой областной песенной традиции (имею в виду не столько административное, сколько этнографическое понятие области) всегда — сложный путь, на котором встречаются и влияния смежных песенных культур, и естественно возникающие заимствования, и случайно занесенные напевы и сюжеты. Но как раз смоленская песенность в основе своей развивалась органично, не отрываясь от своих раннеславянских, кривических корней.

Кстати сказать, в дореволюционной этнографической литературе не раз высказывалось мнение, что белорусы (включая Смоленщину) «представляют собой более чистый славянский тип, чем великорусы и малоросы, так как белорусы всегда жили уединенно, не смешивались с инородцами и не подвергались завоеванию со стороны неславянских племен».¹²

Не берусь ни поддерживать, ни опровергать такое мнение. Скажу от себя лишь то, что попытки устанавливать интонационные связи в песенном творчестве славянских народов наиболее заметными нитями связывают, например, болгар или словаков прежде всего со Смоленщиной и Белоруссией, кое в чем — с Украиной. Что касается песен других русских областей,

¹² Орловский И. Краткая география Смоленской губернии... С. 45. Аналогичные высказывания см.: Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В. П. Семенова. М., 1905. Т. 9. С. 137.

то здесь славянские связи хотя и ощущаются, но воспринимаются уже как «вторичные» и подчас трудно уловимые.

Любая областная песенная традиция представляет собой как бы творчество одного композитора, имя которого — народ. Каждый из этих «композиторов» велик, ибо обобщает многовековой опыт народа, населяющего данную область. Мне думается, что народнопесенное творчество смолян представляет собой одно из важных и своеобразных звеньев той красочной цепи, которой связана единая, но многоликая песенность России.

Помимо цитированной выше работы Е. И. Канн-Новиковой, я упоминал как источники, содержащие высказывания о смоленской песенности, предисловие и комментарии В. И. Харькова к сборнику «Русские народные песни Смоленской области», студенческую статью «Песни родины Глинки», а также предисловие к сборнику Г. Б. Павловой. В этих источниках — хотя и скупое, по частностям — высказываются отдельные верные замечания, основанные на непосредственном наблюдении местной народнопесенной практики. На эти высказывания и наблюдения я буду неоднократно ссылаться в дальнейшем, излагая свои соображения об особенностях смоленской песенной культуры, основанные в первую очередь на анализе песен, публикуемых в данном сборнике, а также других известных мне материалов и личных записей.

ОСНОВНЫЕ ЖАНРЫ СМОЛЕНСКИХ ПЕСЕН

В современной отечественной фольклористике намечается взгляд на традиционную крестьянскую песенность как на определенную «систему жанров». С таким взглядом можно согласиться.¹³ Но приняв указанную точку зрения, необходимо отметить, что в различных областных песенных традициях эта система проявляется не одинаково. Во-первых, далеко не везде песенные жанры бывают представлены в полном составе и во всех разновидностях.

Во-вторых, в отдельных песенных традициях некоторые жанры получают особо заметное распространение, накладывая отпечаток на всю местную народнопесенную культуру.

Значительную роль на Смоленщине играют **календарные песни**. Не случайно в только что опубликованном сборнике Г. Б. Павловой «Народные песни Смоленской области, напетые

¹³ Такой взгляд высказывается в среде фольклористов-филологов. Деление народных песен на жанры у музыковедов и филологов во многом различны. Однако эти различия не касаются обсуждаемого здесь существа вопроса.

А. И. Глинкиной» из 86 песен 53 отнесены к календарным. Такое обилие «календаря» встречается далеко не везде.

В исполнительской практике календарные песни сохранились неравномерно. В одном районе или селении помнят одни, в другом — иные песни. Но если суммировать записи календарных песен, произведенные в девяти районах Смоленской области студентами Ленинградской консерватории, то окажется, что отдельные, разрозненные песни составят замкнутый годовой круг. Всего же, по подсчетам, сделанным студентами, ими были записаны 694 календарные песни.

Значение смоленских календарных песен не исчерпывается их количеством и тем, что по сравнению с другими областными традициями они дают наиболее полную картину годового земледельческого круга. Обращает на себя внимание то, что календарные напевы Смоленщины в большинстве своем представлены устойчивыми мелодическими формулами, позволяющими определять песни независимо от их поэтических текстов. Некоторые напевы-формулы столь отчетливы и типичны, что способны служить вехами, следуя которым можно намечать своеобразные «изоглоссы»¹⁴ распространения одной из ветвей древнеславянской, по-видимому — кривической песенной культуры.

Календарная традиция явилась настолько прочным фундаментом смоленской песенности, что на основе этой традиции в Смоленской области сложилась привычка и более поздние, в частности некоторые лирические песни исполнять в определенное время года. В связи с этим на Смоленщине нередко встречаются песни, именуемые филипповскими, николевскими, весенними, осенними и т. п., хотя ни напевы, ни тексты их не имеют связи с календарем. Такие песни несомненно складывались в русле иных жанров, но в дальнейшем были приурочены к календарю. Поводы для такого приурочения, видимо, бывали разные. Можно полагать, что чаще всего поводом служили отдельные поэтические образы, связанные с картинами природы или полевыми работами.

Близки ли смоленские календарные песни белорусским? Да, близки, но не во всем. Во-первых, смоленские песни имеют некоторые свои разновидности, о которых будет сказано ниже, во-вторых, смыкаются отдельными звеньями «календарной цепи» с иными песенными традициями, удаленными от современной Белоруссии.

В сборнике, которому предпосылается данная статья, календарные песни разделены на собственно календарные и песни периода полевых работ.

¹⁴ Изоглосса — линия на диалектологической карте, указывающая границы территориального распространения того или иного языкового явления.

Из собственно календарных в сборнике помещены святочные и масленичные песни, веснянки и волочебные песни, а также песни майские, троицкие, купальские и петровские.

Святочные песни Смоленской области представляют собой довольно пеструю картину. Их трудно свести к определенным типам, поскольку на Смоленщине, видимо, уже с давних пор, со святками связаны многие игровые песни, не порожденные древнеславянским праздником зимнего солнцеворота, но приуроченные к этому времени как периоду игр и развлечений молодежи.

В. И. Харьков в предисловии к упоминавшемуся ранее сборнику «Русские народные песни Смоленской области» пишет: «Святковские песни пелись в зимние святки, в избах и на гулянках молодежи. Большею частью это были песни плясового характера, с жестами, мимикой, движением, подобно весенним и летним хороводам других областей» (с. 3).

Очевидно и в самом деле традиция колядования на Смоленщине уже давно ослабела. Так или иначе, но в сборнике В. И. Харькова, равно как и в сборнике песен, записанных от А. И. Глинкиной, не помещено ни одной подлинно колядной песни.

Но все же в Смоленской области колядки встречаются. Во всяком случае, экспедициями Ленинградской консерватории колядные песни были записаны и в Ершичском, и в Монастырщинском, и в Духовщинском, и в Сычевском районах. А много ранее, еще в двадцатых годах, колядки были записаны мною и в Руднянском районе Смоленской области.

Мало того, отдельные напевы смоленских колядок, в том числе публикуемые в данном сборнике, можно расценивать как особо характерные и типичные.

Светлый, «мажорный» тон этих напевов, их двудольный размер и упругий ритм, а также припев, звучащий как ритуальное восклицание, — все это как нельзя более отвечает представлению о тех язычески-праздничных шествиях, которыми, по-видимому, отмечались дни зимнего солнцеворота и которые сопровождались пением колядок. Обращает на себя внимание и то, что припевы смоленских колядок основаны на интонации нисходящего мажорного пентакорда как «праздничной» интонации, встречающейся у разных славянских народов с единым семантическим значением.¹⁵

¹⁵ О праздничной интонации и случаях ее использования см.: Рубцов Ф. А. Интонационные связи в песенном творчестве славянских народов: Опыт исследования. Л., 1962. С. 40—45.

1

[♩ = 100]

Де — воч — ки — ка — ляд — ки, ду — шеч — ки — ка — ляд — ки!

Да кидайте гребени за грядки, да кидайте гребени за грядки!

Девочки-калядки,
 Душечки-калядки!
 Да кидайте гребени за грядки,
 Да кидайте гребени за грядки!
 Девочки-калядки,
 Душечки-калядки!
 Да пеките блины да ладки,
 Да пеките блины да ладки!¹⁶

В известных мне музыкальных публикациях белорусских, русских и украинских песен я не находил колядок, тождественных смоленским.

Для белорусской колядной традиции более свойственно так называемое «ряжение козой», сопровождаемое ритуально-игровыми песнями трехдольного размера с упорно повторяющейся ритмической фигурой:

2

Го — го — го, ка — за, го — го — го, шэ — ра,

дзе — рож — кі дзе — ла? — На соль пра — е — ла.

¹⁶ Песня записана на слух Ф. А. Рубцовым в 1920 г. от Х. С. Василенковой в с. Олыша Руднянского р-на Смоленской обл. Подробнее о музыкальной форме смоленских колядок см.: Русские народные песни Смоленской области. В записях 1930—1940-х годов. С. 107—108.

Го-го-го, каза,
Го-го-го, шэра,
Дзе рожкі дзела?
— На соль праела.

Го-го-го, каза,
Го-го-го, шэра,
А ў том жыце
Перапёлачка.

Го-го-го, каза,
Го-го-го, шэра,
Лезь, каза, на печ,
Пакажы чапец.

Го-го-го, каза,
Го-го-го, шэра,
Вывела дзеці,
Міла глядзеці.

Го-го-го, каза,
Го-го-го, шэра,
Лезь, каза, на кут,
Пакажы хамут.

Го-го-го, каза,
Го-го-го, шэра,
Дзе каза ходзіць,
Там жыта родзіць.

Го-го-го, каза,
Го-го-го, шэра,
Лезь, каза, на пол,
Пакажы хахол.

Го-го-го, каза,
Го-го-го, шэра,
Дзе каза рогам,
Там жыта стогам.

Го-го-го, каза,
Го-го-го, шэра,
На печы авёс
Вялікі парос.

Го-го-го, каза,
Го-го-го, шэра,
Дзе каза нагой,
Там жыта капой.

Го-го-го, каза,
Го-го-го, шэра,
На палу жыта
Нагамі збіта.

Го-го-го, каза,
Го-го-го, шэра,
А дзе каза хвостом,
Там жыта кустом.¹⁷

¹⁷ Песня записана на фонограф М. Я. Гринблатом в 1938 г. от Юсты Каленик и Марии Волчок в д. Заполье Руденского р-на Минской обл. Нотировка Ф. А. Рубцова. Приводится по изданию: Беларуская народная творчасць: Зімовыя песні. Калядкі і шчадроўкі / Укладанне, сістэматызацыя тэкстаў, уступны артыкул і каментарый А. І. Гурскага. Укладанне, сістэматызацыя, характарыстыка і рэдагаванне напеваў З. Я. Мажэйкі. Рэдактар тома М. Я. Грынблат. Мінск, 1975. Напев № 124. С. 570; Тэкст № 565. С. 397—398.

Быть может, потому и большинство колядных напевов Белоруссии сохраняет трехдольный размер.¹⁸

В смежной со Смоленщиной Псковской области в южной ее полосе колядки встречаются редко, а в северо—западной части предстают уже в более «степенной» форме «виноградий».¹⁹

На юге, в Брянской области, колядки в большинстве своем трехдольного размера и ничем не напоминают смоленских.²⁰

К востоку от Смоленщины начинается область «овсений» («таусений») или близких им по форме песен «каляда-маляда», чаще с короткими — по сути своей — однофразными напевами.

3

$\text{♩} = 116$

Та - у - сень! Не ле - тай - ко ты, со - ко - лик, вы.со.ко.

Та - у - сень! Не при - ма_хи_вай кру - чи - нуш.ки.

Таусень!
Не летай-ко ты, соколик, высоко.
Таусень!
Не примахивай кручинушки.²¹

Что же касается украинских колядок и щедровок, то среди них можно увидеть сходные со смоленскими по структуре, но не по основополагающим интонациям.

¹⁸ Так, например, в сборнике Г. Р. Ширмы (Беларускія народныя песні ў Чатырох томах / Зап. Р. Р. Шырмы. Т. 3. Мінск, 1962) из восемнадцати колядных напевов двенадцать трехдольны.

¹⁹ Ф. А. Рубцов не приводит каких-либо ссылок, выдвигая положение как само собою разумеющееся. Для подтверждения его наблюдений см.: Песни Псковской земли. Вып. 1: Календарно-обрядовые песни (По материалам фольклорных экспедиций Ленинградской консерватории) / Сост. А. М. Мехнецов. Л., 1989. № 4—9. — Ю. М.

²⁰ См.: Свитова К. Г. Народные песни Брянской области. М., 1966. № 55—62, 64—67.

²¹ Песня записана во Владимирской области. Нотировка С. И. Пушкиной. Другие сведения отсутствуют. — Ю. М.

Я вовсе не хочу сказать, что смоленские колядки представляют собой особо оригинальное и чисто местное явление. По всей вероятности, аналогичные колядки были, а возможно, существуют и по сей день где-либо на Витебщине или в других местностях. К сожалению, музыкальные формы празднично-поздравительных песен до сих пор не обобщены и не изучены. Вместе с тем исследование их могло бы пролить свет на ряд вопросов как музыкального, так и этнографического плана. Так или иначе, смоленские колядки представляют собой типичные и яркие образцы святочных поздравительных песен, которые, по-видимому, имели в свое время достаточно широкое распространение.

Из традиционно святочных песен, помимо колядок, в Смоленской области встречаются **подблюдные песни** (по местному выражению — «гадальные»). Напевы их различны и не дают основания для каких-либо обобщений.²²

Масленичные песни Смоленщины вызывают особый интерес тем, что в них, среди различных песен, явно приуроченных к дням масленицы в более позднее время, отчетливо выделяется одна характерная и, видимо, исконно масленичная песенная формула.

Впервые масленичная песня данной формулы была опубликована в известном сборнике Н. А. Римского-Корсакова «Сто русских народных песен».²³

4

Allegretto scherzando

А мы мас - ле - ни - цу до - жи - да - ем,
до - жи - да - ем, ду - ше, до - жи - да - ем.

Через десять лет аналогичный масленичный напев, записанный в Бельском уезде с несколькими текстами, был опубликован в «Материалах» П. В. Шейна.²⁴

²² Один из напевов смоленской «подблюдной» песни см.: Павлова Г. Б. Народные песни Смоленской области, напевы А. И. Глинкиной. № 18.

²³ Римский-Корсаков Н. А. Сто русских народных песен для голоса в сопровождении фортепиано. Соч. 24 / Под общ. ред. М. Иорданского. М.; Л., 1951. № 46. Песня записана от Анны Николаевны Энгельгардт и относится к Дорогобужскому у. Смоленской губ. (напев приводится без фортепианного сопровождения).

²⁴ Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном: Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. Т. 1, ч. 1 // Изв. Отделения рус-

Ах ты, го-ре мо-е, го-ре-вань-е,
го-ре-вань-е, ду-ша, го-ре-вань-е.

После этого лишь в 1967 г. в сборнике И. И. Земцовского «Торопецкие песни» появилось шесть масленичных напевов и десять текстов той же традиции, которую — несколько условно — можно назвать смоленской.²⁵

Помимо указанных музыкальных публикаций масленичные песни данной стиховой и мелодической структуры знакомы фольклористам практикам в значительно большем количестве.

Лично я встретился с такими масленичными песнями в Ильинском районе Смоленской обл. в период своих экспедиционных поездок 1938 г.²⁶ А за время с конца 1950-х по 1967 г. Н. Л. Котикова многократно записывала масленичные песни в ряде местностей, относившихся по административному делению своего времени к разным областям, но — по сути своей — прилежавшим к округу Великих Лук. Несомненно, масленичные песни имеются в записях, хранящихся в фондах Московской консерватории.

Однако, в музыкознании, — в связи с крайне ограниченным количеством публикаций, из которых первую и последнюю разделяют девяносто лет, — как бы канонизировали запись Н. А. Римского-Корсакова, считая помещенную в его сборнике песню своеобразным «эталонном» русской масленицы, и воспринимая содержание этой песни в свете той трактовки, которая была дана ей в опере «Снегурочка». Такая канонизация и такая трактовка указанной песни не соответствуют данным фольклористики.

Во-первых, песню, опубликованную Н. А. Римским-Корсаковым, как и все масленичные песни этого типа, действительно можно считать «эталонном» древней, но не общерусской, а местной, областной традиции.

Как ни зыбки очертания границ традиции, подсказываемые записями песен, они все же позволяют, хотя и приблизительно, наметить ее контуры.

ского языка и словесности Академии наук. Т. 41. СПб., 1887. Приложение, № 6 (запись в Бельском у. Смоленской губ.).

²⁵ Торопецкие песни: Песни родины М. Мусоргского (К 900-летию города Торопца) / Запись, сост. и коммент. И. И. Земцовского. Л., 1967. № 3—12.

²⁶ В настоящее время с. Ильино относится к Калининской обл.

Судя по музыкальным записям, северную границу распространения масленичных песен смоленского типа можно определить, условно говоря, линией, соединяющей Опочку, Холм и Пено; западную — линией, ведущей от Опочки к Ершичам; восточную — от Пено на Холм-Жирковский. Южная граница теряется где-то при соприкосновении с Калужской и Брянской областями.

Я не располагаю необходимыми сведениями о фольклоре Калужской обл. и потому не могу сказать о нем ничего определенного. Думаю, все же, что в Калужской области «календарь» не играет заметной роли, и специфически масленичных песен там нет. Во всяком случае, в сборниках Ю. Н. Мельгунова, записывавшего песни частично и в Калужской губ.,²⁷ равно как и в небольшом сборнике «Русские народные песни Калужской области», опубликованном в 1954 г.,²⁸ собственно календарные песни не встречаются.

Что же касается брянских песен, то последние в достаточной мере отражены в сборнике К. Г. Свитовой.²⁹ На основании материалов, опубликованных в данном сборнике, можно с уверенностью говорить, что на Брянщине сохранились традиционно масленичные песни, кое в чем родственные смоленским, но все же представляющие собой несколько особый, местный склад и характер.

В основных музыкальных публикациях белорусских песен масленичные песни не встречаются. Во всяком случае их нет ни в первом томе академического издания «Песни белорусского народа» (1940), ни в сборнике Н. Чуркина «Белорусские народные песни» (1949), ни в сборнике Г. И. Цитовича «Песни белорусского народа» (1959), ни в солидном издании «Антология белорусской народной песни» (1968).³⁰ Вместе с тем в перечисленных публикациях календарные песни представлены с достаточной полнотой. Видимо в Белоруссии, где масленица несомненно отмечалась, либо она не сопровождалась песнями устойчивой традиции, либо таковые давно забылись, что маловероятно.

В публикации «Белорусские песни, собранные П. В. Шейном»³¹ помещено несколько масленичных текстов весьма близ-

²⁷ Мельгунов Ю. Н. Русские песни, непосредственно с голосов народа записанные и с объяснениями изданные Ю. Н. Мельгуновым. Вып. 1. М., 1979; Вып. 2. СПб., 1885.

²⁸ Харьков В. И. Русские народные песни Калужской области / Запись В. Харькова; под ред. Н. Бачинской. М., 1954.

²⁹ См.: Свитова К. Г. Народные песни Брянской области. № 68—71 (см. также: № 73—75).

³⁰ Все наименования публикаций приводятся мною на русском языке.

³¹ Белорусские песни, собранные П. В. Шейном // Зап. Имп. Русского географического общества по Отделению этнографии. Т. 5. СПб., 1873. С. 281—850.

ких смоленским как по стиховой структуре, так и по образному содержанию. На основании этой близости можно с уверенностью полагать, что и напевы, на которые исполнялись данные тексты, были родственны смоленским.

Примечательно, что тексты масленичных песен, опубликованные П. В. Шейном, были записаны в местечках Усвяты и Чашники Витебской губ. По современному административному делению Усвяты относятся к Псковской обл. и входят в тот круг распространения масленичных напевов смоленского типа, контуры которого намечены выше. Чашники лежат значительно западнее и представляют собой типичную Витебщину. Сходство же витебских и смоленских масленичных песен может служить одним из подтверждений мнения М. Я. Гринבלата о существовании особой, восточной ветви смоленско-витебских кривичей.³²

Так или иначе, но ограниченность распространения смоленских масленичных песен совершенно очевидна.

Раскрыть образно-смысловое содержание масленичных напевов крайне трудно и даже, пожалуй, невозможно. Причина этому кроется в своеобразной многосоставности содержания масленичных песен и тех противоречиях, которые наличествуют между интонационной основой и характером исполнения напевов, с одной стороны, и содержанием текстов — то обрядовых, то девичьи-лирических, то озорных до фривольности, с другой.

Истоки масленичных напевов ясны. В основе их мелодики лежат попевки квартового трихорда, или — минорная терция с субквартой, то есть попевки, обычные для весенне-летнего периода.

6

♩ = 48

На ша ма сле ни ца до ро га я,
до ро га я, лю ли, до ро га я.

³² Гринблат М. Я. Белорусы: Очерки происхождения и этнической истории. Минск, 1968. С. 132.

Что-й не мно - жеч - ко по - сто - я - ла,
по - сто - я - ла, лю - ли, по - сто - я - ла.

Наша масленица дорогая,
Дорогая, люли, дорогая.
Что-й немножечко постояла,
Постояла, люли, постояла.
Мы ж думали — масленица семь неделек,
Семь неделек, люли, семь неделек.
Ажно масленица семь денёчков,
Семь денёчков, люли, семь денёчков.
Мы думали пост постити,
Пост постити, люли, пост постити.
Ко обеденке ходити,
Ай, ходити, люли, ай, ходити.
Ко попу грехи носити,
Ай, носити, люли, ай, носити.
Мы ж про все грехи расскажем,
Ай, расскажем, люли, ай, расскажем.
Про один грешок не скажем,
Ай, не скажем, люли, ай, не скажем.³³

7

♩ = 52

На_ша ма_сле.н(ы).ца ды ка_тли_ва,
ды ка_тли_ва, ду_ше, ды ка_тли_ва.

³³ ФА ИРЛИ. ФВ 4530.01. Песня записана Ф. А. Рубцовым в 1938 г. от Н. С. Забеллы в с. Ильино Ильинского р-на Смоленской обл. Нотировка Ф. А. Рубцова. См. также: Русские народные песни Смоленской области. В записях 1930—1940-х годов. № 4 (комментарий — с. 108).

На_ши де - вуш - ки, ой, гуль - ни - вы,
 ой, гуль_ни - вы, ду - ше, ды гуль_ни - вы.

Наша маслен(ы)ца ды катлива,
 Ды катлива, душе, ды катлива.
 Наши девушки, ой, гульнивы,
 Ой, гульнивы, душе, ды гульнивы.
 Они святочки прогуляли,
 Прогуляли, душе, прогуляли.
 А масленицу пропадали,
 Пропадали, душе, пропадали.
 А на горочку выходили,
 Выходили, душе, выходили.
 Сыром горочку убивали,
 Убивали, душе, убивали.
 Маслом горочку заливали,
 Заливали, душе, заливали.³⁴

Напевы, основанные на трихорде — как в записи Н. А. Римского-Корсакова — более характерны для центральных районов Смоленщины, а на терции с субквартой — для северной полосы, примыкающей к Великим Лукам.

Для глаза музыканта, видящего перед собой записи масленичных напевов, последние могут быть восприняты как мягкие, лирические. В народной песенной практике, однако, они не такие.

Звукозаписи календарных песен, в частности масленичных, особенно если их поют в одиночку, очень редко могут передать должный характер звучания. При записи исполнители обычно лишь припоминают песню, донося ее слова и мелодику, но теряя ощущение необходимой для «календаря» обстановки. Поэтому петь «всерьез» они не могут.

Мне довелось слышать масленичные песни хотя и не в свое время, но в бытовой обстановке, когда несколько женщин, пересмеиваясь и переговариваясь, стали вспоминать по моей прось-

³⁴ Песня записана экспедицией Ленинградской консерватории 16 июля 1964 г. от Евдокии Устиновны Трубенковой (1903 г. рожд.) и Анны Фёдоровны Трубенковой (1922 г. рожд.) в д. Курилы Демидовского р-на Смоленской обл. Нотировка С. Пьянковой.

бе масленичные обычаи и песни. Воссоздав, видимо, требуемую обстановку воображением, они стали серьезными и дружно «на крик» запели. Запели напряженно, сурово, с оттенком драматизма. Ясно, что так и надо было петь, а почему — не берусь судить. К слову сказать, хотя песня звучала почти грозно, текст ее был дурашливым и представлял собой насмешку над парнями.

Приведу в виде примера масленичную песню, записанную мною в Ильинском районе и характерную для всей северной окраины Смоленщины, простирающейся до Великих Лук.

8

♩ = 68 - 72

Эх вы, де - вуш - ки - по - друж - ки,

по - друж - ки, лю - ли, по - друж - ки. Вы -

- хо - ди - те - ка к нам на го - руш - ку,

на го - руш - ку, лю - ли, на го - руш - ку.

Как у нас на го - ре лён по - се - ян,

лён по - се - ян, лю - ли, лён по - се - ян.

Эх вы, девушки-подружки,
 Подружки, люли, подружки.
 Выходите-ка к нам на горушку,
 На горушку, люли, на горушку.
 Как у нас на горе лён посеян,
 Лён посеян, люли, лён посеян.
 Как у нашем лену травы нету,
 Травы нету, люли, травы нету.
 Где есть трава — репеёчек,
 Репеёчек, люли, репеёчек.
 Наш Мельянушка — жеребочек,
 Жеребочек, люли, жеребочек.
 На воду идет — гогочет,
 Ай, гогочет, люли, ай, гогочет.
 А с воды идет — овса хочет,
 Овса хочет, люли, овса хочет.
 Привяжем его к изгороде,
 К изгороде, люли, к изгороде.
 Положим ему пук соломы,
 Ай, соломы ему, ай, соломы.
 Соломочки аржаницы,
 Аржаницы, люли, аржаницы.
 Трёх годов агнилицы,³⁵
 Агнилицы, люли, агнилицы.³⁶

Веснянки в Смоленской обл. распространены широко. Они встречаются с разными напевами и различными текстами.

Делить веснянки на призывные («заклички», «загукания») и лирические на основе их поэтического содержания неправомерно. Функцию веснянок — призывную или лирическую — определяет их напев.

Надо понимать, что исконно обрядовые «призывно-просительные» напевы веснянок, складывающиеся некогда в смысловом единстве слов и музыкального их интонирования, в процессе многовекового бытования неизбежно заполнялись и словами, передающими ощущения, переживания и чаяния девушек, которым по традиции полагалось «закликать» весну. Однако при этом веснянки не утрачивали своего исконного назначения. В результате образовывалась своеобразная дуплановость музыкального и поэтического содержания, столь неохотно признаваемая фольклористами, предпочитающими всюду усматривать образное единство текста и напева.

Иное дело — песни, лирические не только по содержанию текста, но и по складу напева, которые в силу разных причин,

³⁵ Агнилицы — агнцы.

³⁶ ФА ИРЛИ. ФВ 4537.01. Песня записана Ф. А. Рубцовым в 1938 г. от Т. П. Романовой и группы колхозниц в д. Барбарово Ильинского р-на Смоленской обл. Нотировка Ф. А. Рубцова. См. также: Русские народные песни Смоленской области. В записях 1930—1940-х годов. № 6 (комментарий — с. 109).

чаще — образных ассоциаций, приурочивались к весне. Так, в ряде областей встречается песня «Веселитесь, подружки, к нам весна скоро придет», которую называют весенней и поют, видимо, весной, но которая, по сути своей, не имеет никакого отношения к подлинному «календарю».

В сборнике, которому предпосылается данная статья, помещены только веснянки с характерно-календарной мелодикой.

По напевам смоленские веснянки можно разделить на три основных типа: напевы, основанные на квартовом трихорде (например, ре-фа-соль) и завершающиеся преимущественно не на основном, а на терцовом тоне этого трихорда; напевы квинтового диапазона, завершающиеся опять же не на «акустической» тонике, т. е. не на основании квинты, а на терцовом ее тоне; напевы, интонируемые в основном на терции, но начинающиеся субквартой.

Для смоленских веснянок наиболее характерны напевы первого типа, т. е. трихордовые. Они явно преобладают в материалах, собранных экспедициями Ленинградской консерватории, равно как и в упоминавшемся ранее сборнике В. И. Харькова. Точно такие же напевы веснянок были записаны мною в Руднянском р-не Смоленской обл.

Трихордовая попевка с окончанием на терцовом тоне настолько прочно вошла в народнопесенную традицию Смоленщины как интонация весеннего призыва, что и в тех случаях, когда весняночный напев обогащается проходящими и вспомогательными тонами, образующими диатонический квинтовый звукоряд, изначальная попевка определяет ладовую структуру мелодии. Примером может служить смоленская веснянка, записанная в Ленинграде от уроженки Сахновского района С. А. Носиковой.

9

♩ = 108

Ой, весна красна, тёплая летечко,

ай, люли-люли, тёплая летечко!

Ай, весна красна, за чем к нам пришла,

ай, лю - ли - лю - ли, за - чем к нам при - шла?

За - чем к нам при - шла, что нам при - нес - ла,

ай, лю - ли - лю - ли, что нам при - нес - ла?

Ой, весна красна, тёплое летечко,
 Ай, люли—люли, тёплое летечко!
 Ай, весна красна, зачем к нам пришла,
 Ай, люли—люли, зачем к нам пришла?
 Зачем к нам пришла, что нам принесла,
 Ай, люли—люли, что нам принесла?
 — О, девкам — по венцу, ребятам — по яйцу,
 Ай, люли—люли, ребятам — по яйцу.
 Коровам — сена клоч, собакам — вилам' в бок,
 Ай, люли—люли, собакам — вилам' в бок.³⁷

К слову сказать, именно эти трихордовые напевы, завершающиеся терцовым тоном, представляются мне как нельзя более отвечающими смыслу и характеру весенних закличек, которые — по традиции — чаще всего «зачинали» петь 25 марта, а местами даже в конце февраля.

Понять и определить музыкальное содержание народных песен всегда очень трудно. Трудно уже в силу того, что это содержание многообразно.

Мне думается, что для понимания образной сущности народнопесенной мелодики необходимо прежде всего учитывать два ее компонента: назначение, т. е. бытовую функцию песни, и эмоциональную окраску ее напева. Я верю в то, что музыкальное содержание народных песен, с большим или меньшим приближением к истине, можно уяснить, руководствуясь именно этим принципом.

Назначение веснянок заключается в призыве весны. Но, — как я писал ранее в статье «Смысловое значение кадансов в календарных напевах», — «назначение веснянок навряд ли является „призывным“ в привычном смысле этого слова. В сущности,

³⁷ ФА ИРЛИ. ДЛ 157.02. Песня записана А. Г. Кудышкиной в 1949 г. в Ленинграде от С. А. Носиковой, уроженки Сахновского р-на Смоленской обл. Нотировка Ф. А. Рубцова. См. также: Русские народные песни Смоленской области. В записях 1930—1940-х годов. № 7 (комментарий — с. 109).

весну не зовут — приди! Ей не повелевают. Ее просят. И, уточняя смысловое значение интонации, воплощенной в основополагающую весняночную попевку, мы считаем наиболее правильным определять ее как „призывно-просительную“». ³⁸

Попевки, которые лежат в основе мелодики данных веснянок, можно представить так:

Вслушиваясь в указанные попевки, трудно отказаться от предложенного выше определения их смысла. ³⁹

Круг распространения веснянок с трихордовыми напевами, — насколько я могу судить по известным мне публикациям и рукописным материалам, — ограничен Смоленской областью и прилегающими районами Могилевщины и, возможно, Витебщины. Во всяком случае, в основных, наиболее капитальных публикациях белорусских песен, таких, например, как сборники Н. Чуркина, Г. Р. Ширмы, антология, составленная Г. И. Цитовичем, подобных веснянок нет.

Трихордовые напевы веснянок, преимущественно завершающиеся терцовым тоном, изобилуют лишь в сборнике М. Горещкого и А. Егорова, отражающем народнопесенную культуру Мстиславльского района. ⁴⁰ В указанном сборнике веснянок

³⁸ Рубцов Ф. А. Смысловое значение кадансов в календарных напевах // Вопросы теории и эстетики музыки. Вып. 1. Л., 1962. С. 137 (перепечатано: Рубцов Ф. А. Статьи по музыкальному фольклору. Л.; М., 1973. С. 93—94).

³⁹ Что же касается эмоциональной окраски, присущей мелодике, основанной на таких попевках, то последняя представляется мне как нельзя более отвечающей восприятию природы ранней весной. В природе ни зима ни лето. Солнце еще не жарко, да и небо часто затуманено. Днем — таяние снега и журчащие ручейки, а вечером — хрустящие под ногами льдинки. Своеобразный колорит мелодики, зависящий от малой терции, опевающей снизу опорный тон, являющийся и конечным устоем, придает ей особую прозрачность и хрупкость.

Конечно же данное мною определение эмоционального содержания смоленских весняночных напевов субъективно. Но — увы! — нет таких объективных средств определения, которые можно было бы применять, уясняя эмоциональную сущность народнопесенной мелодики.

Мне думается, что эмоциональная окраска большинства календарных напевов связана с тем мироощущением, которое складывается под воздействием окружающей природы. Г. Б. Павлова в предисловии к упомянувавшемуся ранее сборнику смоленских песен пишет: «Музыкальное отображение природы лежит в основе песен, напетых А. И. Глинкиной, крестьянкой, всю свою жизнь прожившей в общении с природой, подчинявшей ритм своего труда, повседневных забот и интересов ритму сельскохозяйственного календаря». Вот с этим согласиться нельзя. «Отображение природы» не имело, не имеет и не может иметь места в народных песнях.

⁴⁰ Гарэцкі М., Ягораў А. Народныя песні з мелодыямі. Менск, 1928.

много и они столь однородны, что на их основе В. М. Беляев в книге «Белорусская народная музыка» установил «типичный весняночный каданс на терции», что для белорусских песен не совсем верно, ибо такие весняночные напевы встречаются только в некоторых районах Белоруссии, примыкающих к Смоленщине.⁴¹

Аналогичные смоленским есть веснянки и в записях М. Ю. Зубова, произведенных в Могилевской губ.⁴² Некоторую интонационную близость смоленским веснянкам можно увидеть и в Брянской обл., но эта близость весьма условна.⁴³

Обращает на себя особое внимание то, что севернее Смоленщины, в районах, прилегающих к Великим Лукам, где так широко распространены масленичные песни, столь близкие смоленским, призывных веснянок нет и в помине. Навряд ли это связано с забвением ранее существовавшего обычая песнями звать весну. Вернее всего, что на северной границе современной Смоленской обл. исторически сложился некий «этнографический барьер», препятствовавший в свое время установлению некоторых общих традиций. В связи с этим «изоглоссы» весняночных напевов заметно отличаются от масленичных.

Я задержался на разговоре о трихордовых весняночных напевах, особо оттеняя присущее им завершение терцовым тоном лишь потому, что данные напевы считаю особо типичными для Смоленщины. Приведу еще четыре примера.

10

♩ = 88

Вес _ на крас,на, вес_на крас,на, что при,нес _ ла?

- Ста _ рым ба_бам, ста,рым ба_бам - по гор_бо _ чку.

Ма _ лым де,тям, ма_лым дет,кам - по ки_е _ чку.

⁴¹ Беляев В. М. Белорусская народная музыка. Л., 1941. С. 17.

⁴² Записи М. Ю. Зубова, относящиеся к 1906 г., хранящиеся в рукописных фондах Сектора фольклора Института русской литературы (в настоящее время — РО ИРЛИ, р. V. — Ю. М.).

⁴³ Свитова К. Г. Народные песни Брянской области. № 1—4, 6, 9—11.

Весна красна,
 Весна красна, что принесла?
 — Старым бабам,
 Старым бабам — по горбочку.
 Малым детям,
 Малым деткам — по киечку.
 Молодушкам,
 Молодушкам — по ребёнку.⁴⁴

11

♩ = 132

Вес_на крас_на, тёп_ло_е ле_теч_ко,
 лю_ли - лю_ли, тёп_ло_е ле_теч_ко!

Вес_на крас_на, что ж ты нам вы_не_сла,
 лю_ли - лю_ли, что ж ты нам вы_не_сла?

-Ма_лым де_точ_кам - по я_е_чеч_ку,
 лю_ли - лю_ли, по я_е_чеч_ку.

Крас_ным де_вуш_кам - по же_ни_шо_ч(е)_ку,

⁴⁴ Песня записана экспедицией Ленинградской консерватории 3 июля 1965 г. от Елены Ермолаевны Скачковой (1903 г. рожд.) в д. Полулихи Монастырщинского р-на Смоленской обл. Сведения об авторе нотировки отсутствуют.

лю _ ли - лю _ ли, по же _ ни _ шо - ч(е) _ ку.

Весна красна, тёплое летечко,
 Люли-люли, тёплое летечко!
 Весна красна, что ж ты нам вынесла,
 Люли-люли, что ж ты нам вынесла?
 — Малым деточкам — по яечечку,
 Люли-люли, по яечечку.
 Красным девушкам — по женишоч(е)ку,
 Люли-люли, по женишоч(е)ку.⁴⁵

12

$\text{♩} = 216$

По мо _ рю у _ точ _ ки пла _ ва _ ли,

пла _ ва _ ли, ду _ ша, пла _ ва _ ли (у).

От _ кель не взял _ ся се _ ле _ зень,

се _ ле _ зень, ду _ ша, се _ ле _ зень (у).

По морю утки плавали,
 Плавали, душа, плавали (у).
 Откель не взялся селезень,
 Селезень, душа, селезень (у).
 Одну утку к себе взял,
 К себе взял, душа, к себе взял (у).
 На улице девки гуляли,
 Гуляли, душа, гуляли (у).

⁴⁵ Песня записана экспедицией Ленинградской консерватории 3 июля 1965 г. от А. О. Морозовой (1900 г. рожд.) в д. Иванов Стан Щумячского р-на Смоленской обл. Нотировка Ю. Бойко.

Откель взялся Володька,
 Володька, душа, Володька (у).
 Я всех девочек разогнал,
 Разогнал, душа, разогнал (у).
 Одну Валечку к себе взял,
 К себе взял, душа, к себе взял (у).⁴⁶

♩ = 84

А не вей ве - тер, грей солн - це,
 грей солн - це, грей солн - це.
 Про_су_ши шел - ку на вул - ку,
 на вул - ку, на вул - ку.

13

А не вей ветер, грей солнце,
 Грей солнце, грей солнце.
 Просуши шелку на вулку,
 На вулку, на вулку.
 А ў мене свекора — не батька,
 Не батька, не батька.
 И свекровушка — не матка,
 Не матка, не матка.
 Не пустит на вулку раненько,
 Раненько, раненько.
 Пустят на вулку поздненько,
 Поздненько, поздненько.
 Когда девочки двору йдут,
 Двору йдут, двору йдут.
 Молодушки, ну, пошли,
 Ну, пошли, ну, пошли.
 А я, молода, попрошу,
 Попрошу, попрошу.

⁴⁶ Песня записана экспедицией Ленинградской консерватории в июле 1965 г. в д. Тихиль (район не указан) Смоленской обл. Сведения об исполнителях отсутствуют. Нотировка А. Белоненко.

Гармониста понайму,
Понайму, понайму.
А я свою молодую вспомяну,
Вспомяну, вспомяну.⁴⁷

У читателей может возникнуть ряд вопросов. — А разве не встречаются весняночные напевы, завершающиеся нижним тоном трихорда? А разве только веснянки интонируются в рамках квартового трихорда?

Конечно нет. Однако трихордовые напевы веснянок, завершающиеся на основном тоне, показывают лишь то, что в данных веснянках преобладает лирическое начало и что они, утратив свою изначальную «призывную» функцию, являются приуроченной к весне формой лирического высказывания.

Что же касается других различных песен, интонируемых на основе квартового трихорда, например, масленичных, лирических, местами — свадебных, то общность звукоряда, — а трихорд является лишь таковым, — вовсе не указывает на тождество их музыкального содержания. Последнее определяется не звукорядом, а характером основополагающих попевок и местоположением конечного, завершающего тона.⁴⁸

Напевы смоленских веснянок, условно отнесенные мною ко второму и третьему типу, навряд ли можно признать специфически весенними, то есть сложившимися как интонационная форма весенних призывов. Веснянки с квинтовым напевом в большинстве своем представляются мне типично лирическими песнями, приуроченными ко времени весенних закликаний, в связи с чем их обычный «акустический» каданс заменен призывно звучащим терцовым тоном.

⁴⁷ Песня записана экспедицией Ленинградской консерватории 2 июля 1965 г. от Ирины Лаврентьевны Кумачевой (1902 г. рожд.) в д. Досугово Монастырщинского р-на Смоленской обл. Сведения об авторе нотировки отсутствуют.

⁴⁸ В статье «Календарные песни как цикл», помещенной в восьмом выпуске сборника «Вопросы теории и эстетики музыки» (*Земцовский И. И. Календарные песни как цикл // Вопросы теории и эстетики музыки. Вып. 8. Л., 1968. С. 99—110*), автор частично полемизирует со мной, приводя напевы, взятые из различных источников и как бы противоречащие моему суждению о мелодических типах, присущих некоторым разделам «календаря», в частности о «трихордовых» веснянках, завершающихся терцовым тоном. Должен заметить, что в анализе народной песенности, особенно ранних ее слоев, нет ничего проще, чем найти «исключения» из предлагаемого «правила». И все же напевы типичные, т. е. многократно повторяющиеся в какой-либо жанровой разновидности, остаются типичными, тогда как аналогичные напевы, единично встречающиеся в иных жанрах, становятся частными случаями, не опровергающими общего типа. Использование напевов, характерных для той или иной жанровой группы в других жанрах в каждом случае требует специального рассмотрения и, кстати сказать, может быть вызвано различными ассоциативными связями.

♩ = 80

Вы лу - ги мо - и, вы зя - лё - на - и,
 вы лу - ги мо - и, вы зя - лё - на - и.
 Как на тых лу - гах(ы), на зя - лё - не.н(и)ках,
 как на тых лу - гах(ы), на зя - лё - не.н(и)ках.

Вы луги мои, вы зялёнай,
 Вы луги мои, вы зялёнай.
 Как на тых лугах(ы), на зялёнен(и)ках,
 Как на тых лугах(ы), на зялёнен(и)ках.
 Там растёт трава, трава шелковая,
 Там растёт трава, трава шелковая.
 Там цветять цвяты, цвяты розовые,
 Там цветять цвяты, цвяты розовые.
 Как из тых цвятов опадала роса,
 Как из тых цвятов опадала роса.
 Опадала роса, протекала река,
 Опадала роса, протекала река.
 Коло бережку ишел молодой юнош,
 Коло бережку ишел молодой юнош.
 Ён ишел, ишел, ў речки спрашивал,
 Ён ишел, ишел, ў речки спрашивал.
 — Ты куда тякешь, речка быстрая,
 Ты куда тякешь, речка быстрая?
 — Я тяку, тяку ў дальнюю ряку,
 Я тяку, тяку в дальнюю ряку.
 Молодой юнош, ты куда идешь,
 Молодой юнош, ты куда идешь?
 — Я иду, иду к отцу с матерью,
 Я иду, иду к отцу с матерью.⁴⁹

⁴⁹ Песня публикуется по изданию: Из собрания Фонограммархива Пушкинского Дома: Песни Смоленского Поднепровья / Сост. С. В. Фролов. М., 1985. М20 46433 009, № 3. Песня записана от Ольги Владимировны Трушиной (1919 г. рожд.) в с. Кардымово Кардымовского р-на Смоленской обл. Певица была знакома Ф. А. Рубцову с 1980 г., на ее репертуар и на манеру пе-

Терцовые же напевы с субквартой настолько широко распространены в различных песнях весеннее-летнего цикла, что установить их первоначальный смысл крайне трудно.⁵⁰

Волочebные песни как весенние празднично-поздравительные были, по-видимому, широко распространены на Смоленщине. Во всяком случае, и на сегодняшний день они сохранились в памяти исполнителей, проживающих в различных районах области. То, что в упоминавшихся ранее сборниках смоленских песен, составленных В. И. Харьковым и Г. Б. Павловой, волочebных песен нет, можно объяснить либо случайностью, либо несколько пренебрежительным отношением составителей к данным песням, как приуроченным к дням Пасхальной недели и часто завершавшимся припевом «Христос воскрес Сын Божий!».

По поводу времени возникновения волочebных песен, их сущности и назначения в современной литературе привлекают внимание две диаметрально противоположные точки зрения.

В. Я. Пропп в книге «Русские аграрные праздники» по поводу волочebных песен пишет: «Объяснение этого обычая представляет известные трудности. С. В. Максимов отказывался понимать его значение, называя его „странным“ <...> Два обстоятельства могут помочь в объяснении этого обычая. Во-первых, он известен только белорусам, на что указывает Е. Ф. Карский: „Это исключительная принадлежность белорусов <...> Волочebных песен нет даже у малорусов: из других славян есть подобие у сербов“ (Карский Е. Ф. Белорусы. Т. 3. Очерки словесности белорусского племени. Ч. 1. М., 1916. С. 147). Это, таким образом, местное явление, не вытекающее из аграрных основ, общих всем земледельческим народам. Во-вторых, волочebные песни пелись только на Пасху. Пасха — праздник чисто церковный, не имеющий основ в древнем народном календаре, как это имеет место с колядками, связанными с солнцеворотом и Новым годом. Пасха не сопровождалась исконно народными обрядами, но вместе с тем у православных она считалась самым большим праздником и в своем значении превосходила Рождество. Отсюда можно сделать вывод, что у белорусов колядование с Рождества было перенесено на Пасху. Это передвинутый обряд, вторичное, местное белорусское образование».⁵¹

ния он неоднократно ссылался как в устных беседах, так и на занятиях со студентами. — Ю. М.

⁵⁰ Подробнее см.: Рубцов Ф. А. Основы ладового строения русских народных песен // Рубцов Ф. А. Статьи по музыкальному фольклору. Л., М., 1973. С. 29—30 (тетраход в сексте в основном виде), 33 (нотные примеры № 15 (смоленская «семицкая» песня), 16 (смоленская жнивная «ржаная» песня), 17 (смоленская толочанская «дожиночная» песня).

⁵¹ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963. С. 52—53.

М. Я. Гринблат в корне не соглашается с В. Я. Проппом и, можно сказать, страстно полемизирует с ним.

По мнению М. Я. Гринבלата, «Пасха („Вялікдзень“ или „Вялічка“) являлась древним дохристианским празднованием, посвященным приходу „великих дней“, разворачивания полевых работ и усиления деятельности солнца. Обряды отдавали почести солнцу и духам урожайности земли. После распространения христианства прежнее название „Вялікдзень“ сохранилось как общеславянское название церковного праздника Воскресения Христова (Пасхи), а функция и свойства земледельческих духов перешли к христианским святым. Наиболее интересным в этом празднике был еще дохристианский обычай хождения волочечников, имевший много схожего с колядованием».

Возражая В. Я. Проппу, М. Я. Гринблат далее пишет: «Даже самое беглое знакомство с белорусскими волочечными песнями убеждает в их аграрной основе. В некоторых текстах явно видны связи волочечных песен с подсечным земледелием <...> Волочечный обряд и есть тот исконно народный обряд, который совершался перед началом сельскохозяйственных работ на ляде, в поле. Отсюда в волочечных песнях столько места отводится крестьянскому труду <...>

Обрядность коляд со своим циклом песен, широко разработанная у белорусов и никуда не „передвинутая“, существовала сама по себе, а волочечный обряд с песнями и со своими отличительными чертами существовал самостоятельно.

Волочечный обряд и песни, очень древние по своему происхождению и аграрной основе, безусловно, принадлежали к общему восточнославянскому наследию. Однако в силу исторических причин в процессе формирования и развития белорусской народности волочечный обряд и волочечные песни сложились и укрепились как общее и специфическое явление в культуре и быте Белоруссии, главным образом крестьянства.⁵²

Я согласен со взглядами и суждениями М. Я. Гринבלата и дохристианское происхождение волочечных песен представляется мне несомненным. Во всяком случае, анализ весьма разнообразного поэтического содержания, равно как и мелодики волочечных песен, не дает никаких оснований связывать их сущность с церковным праздником Пасхи. Часто встречающийся в волочечных песнях припев — «Христос воскрес Сын Божий!» — привнесен позже, к тому же он не единичен. Различных «волочечных» припевов записано не менее десятка. Можно предположить, что наиболее ранним, воплощающим смысл древнего земледельческого праздника был припев — «Весна красна на весь свет!».

⁵² Гринблат М. Я. Белорусы: Очерки происхождения и этнической истории. С. 262—264.

М. Я. Гринблат говорит о волочевых песнях как специфически белорусских уже в силу того, что его исследование посвящено белорусам. Однако, мне думается, что волочевые песни нельзя считать, как писал некогда Е. Ф. Карский, исключительной «принадлежностью Белоруссии». Круг распространения этих песен значительно шире.

Помимо современной Белоруссии, волочевые песни бытовали не только на Смоленщине, но и на территории бывшей Великолукской обл. По свидетельству ленинградской собирательницы Н. Л. Котиковой, эти песни до сих пор помнят в районах Себежа, Опочки, Бежанец, Новосокольников, Великих Лук, Куньи, Торопца. В 1937 г. я записывал волочевые песни в районе Ильина.⁵³ Таким образом, «изоглоссы» волочевых песен значительно шире, нежели границы распространения упоминавшихся ранее масленичных и призывных весенних.

Некоторое недоумение, сказывающееся в суждениях В. Я. Проппа о волочевых песнях, и ошибочность его выводов объясняется, по-видимому, тем, что В. Я. Пропп не был знаком с более поздними записями и публикациями, а судил об этих песнях на основе старых дореволюционных материалов. Правда, и публикаций волочевых песен, особенно в русских сборниках, было ничтожно мало. Первой музыкальной публикацией была волочевая песня «Да лалынь, да лалынь по яиченьку», помещенная в известном сборнике Н. А. Римского-Корсакова.⁵⁴

15

Vivace

Да ла - лынь, да ла - лынь! По я - и чень - ку! Хри -

— стос вос - крес, Сы_на Божь - я! Сы_на Божь - я!

⁵³ В. И. Даль в своем Словаре (Толковый словарь живого великорусского языка Вл. Даля: 2-е изд., испр. и значительно умноженное по рукописи автора / Изд. книгопродавца-топографа М. О. Вольфа. СПб., М., 1880—1882. Т. I—IV; переиздано: М., 1978—1980) определяет слово «Волочевое» — как «особая подать, бывшая в Западной Руси», а слово «Волочевник» — как «певчий песенник, зап<адный> лалынщик, поющий с прочими под окнами по понедельн<ик> Светлого Воскрес<енья> лалын <...> ватага волочевников ходит с гудком и волынкою» (Т. I. С. 236). Не правильнее ли, — скажу от себя, — относить волочевые песни к традиции, сложившейся некогда в Западной Руси, чем ограничивать эту традицию только Белоруссией?

⁵⁴ *Римский-Корсаков Н. А. Сто русских народных песен для голоса в сопровождении фортепиано... № 47. Песня относится к Вяземскому у. Смоленской губ. — с. Городище (напев приводится без фортепианного сопровождения).*

Ты до - ма ль, не до - ма, хо - зя - и - нуш - ко? Хри - стос вос - крес, Сы_на Божь_я! Сы_на Божь_я! Для окончания Он не... Сы_на Божь_я!

Последующие же публикации в сборниках русских народных песен появились лишь в недавние годы.⁵⁵

Еще в 1941 г. В. М. Беляев в исследовании «Белорусская народная музыка» писал, что «определить специфику мелодического типа колядок, щедровок и волочечных песен пока трудно из-за небольшого количества записей их».⁵⁶

Определить специфику колядок и щедровок не так легко в связи с их многообразием. Что же касается волочечных песен, то на основании значительного количества белорусских публикаций, появившихся позже, в этих песнях можно наблюдать два основных типа напевов, которые условно могут быть названы как четырехдольный и шестидольный. Четырехдольные напевы всегда мажорные, сочные и яркие, по характеру близки праздничному шествию.

16

♩ = 88

Хрис_тос вос_крес, Сын Бо_жий!
Кто_му дво_ру при_пы_та_ли_ся, Хрис_тос вос_крес, Сын Бо_жий!

⁵⁵ Более поздние публикации волочечных песен в русских сборниках см.: Котикова Н. Л. Народные песни Псковской области. М., 1966. № 253; Торопецкие песни: Песни родины М. Мусоргского / Запись, сост. и коммент. И. И. Земцовского (к 900-летию города Торопца). Л., 1967. № 13—15; Себежские песни, напевы Надеждой Филипповной Кортенко / Сост., запись и нотация Т. Г. Знаменской. Л.; М., 1970. № 30.

⁵⁶ Беляев В. М. Белорусская народная музыка. С. 17.

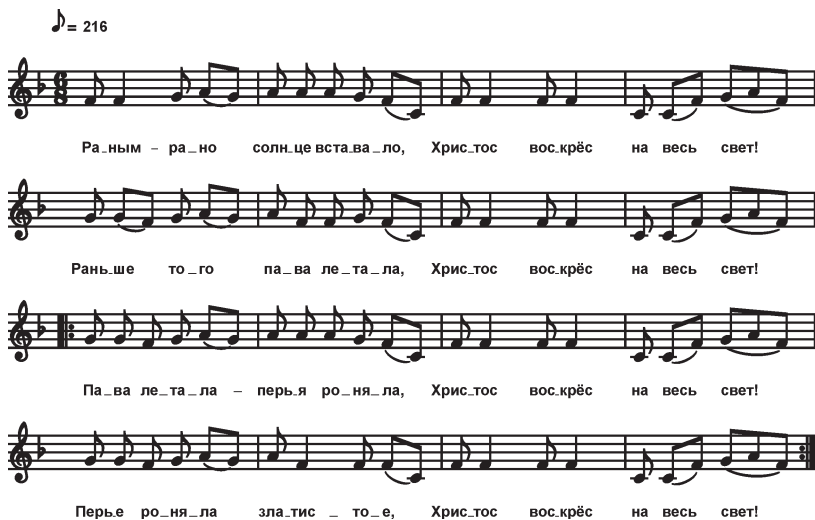
К хо _ зяй_ско _ му, бо_га_тыр_ско _ му, Хрис_тос вос_крес, Сын Бо _ жий!

Христос воскрес, Сын Божий!
К тому двору припыталися,
Христос воскрес, Сын Божий!
К хозяйскому, богатырскому,
Христос воскрес, Сын Божий!
Его жена за водой пошла,
Христос воскрес, Сын Божий!
За водой пошла на Дунай-реку,
Христос воскрес, Сын Божий!
Размахнула широченько,
Христос воскрес, Сын Божий!
Почерпнула глубоченько,
Христос воскрес, Сын Божий!
Поставила на скамейку,
Христос воскрес, Сын Божий!
Пошла она мужа будить,
Христос воскрес, Сын Божий!
— Ай ты, мужа, не спи дужа,
Христос воскрес, Сын Божий!
Будем-ка мы думу думать,
Христос воскрес, Сын Божий!
Думу думать — церкву строить,
Христос воскрес, Сын Божий!
Церковь строить — собор новый,
Христос воскрес, Сын Божий!
А в соборе на престоле,
Христос воскрес, Сын Божий!
Пречиста Мать слезно плачет,
Христос воскрес, Сын Божий!
Юрья-Егорья унимает,
Христос воскрес, Сын Божий!
— Не плачь, не плачь, Пречистая Мать,
Христос воскрес, Сын Божий!
— Ай, как же Мне не плакати,
Христос воскрес, Сын Божий!
Мойго Сына распинают,
Христос воскрес, Сын Божий!
Гвоздем руки пробивают,
Христос воскрес, Сын Божий!
А ударили во все звоны,
Христос воскрес, Сын Божий!
Во все звоны-колоколы,
Христос воскрес, Сын Божий!
Сыра земля вздрогнулася,
Христос воскрес, Сын Божий!
Увсе люди здоровалися,
Христос воскрес, Сын Божий!

С красным яйцом целовались,
Христос воскрес, Сын Божий!⁵⁷

Шестидольные напевы напоминают чем-то игровые мелодии, связанные с движениями ряженых.

17

$\text{♩} = 216$

Ра_ным - ра_но солн_це вста_ва_ло, Хрис_тос вос_крёс на весь свет!

Ран_ше то_го па_ва ле_та_ла, Хрис_тос вос_крёс на весь свет!

Па_ва ле_та_ла - пер_ья ро_ня_ла, Хрис_тос вос_крёс на весь свет!

Пер_ье ро_ня_ла зла_тис - то_е, Хрис_тос вос_крёс на весь свет!

Раным-рано солнце вставало,
Христос воскрес на весь свет!
Раньше того пава летала,
Христос воскрес на весь свет!
Пава летала — перье роняла,
Христос воскрес на весь свет!
Перье роняла златистое,
Христос воскрес на весь свет!
Красная девушка перье собирала,
Христос воскрес на весь свет!
Перье собирала — в рукав вклала,
Христос воскрес на весь свет!
С рукава брала — венок вила,
Христос воскрес на весь свет!
Венок свивши, на головку клала,
Христос воскрес на весь свет!

⁵⁷ ФА ИРЛИ. ФВ 5751.02. Песня записана А. Г. Кудышкиной в 1949 г. на ст. Горская Приморской ж. д. от Н. О. Лебедевой, уроженки Понизовского р-на Смоленской обл. Нотировка Ф. А. Рубцова. См. также: Русские народные песни Смоленской области. В записях 1930—1940-х годов. № 16 (комментарий — с. 110).

На головку клала — к обеденке шла,
Христос воскрес на весь свет!
К обеденке шла Богу молиться,
Христос воскрес на весь свет!
Откуль узялись буйные ветры,
Христос воскрес на весь свет!
Буйные ветры, дробные дожди,
Христос воскрес на весь свет!
Схватили венки с буйной головы,
Христос воскрес на весь свет!
Снесли венки на сине море,
Христос воскрес на весь свет!⁵⁸

Тот или иной тип напева трудно увязать с определенными поэтическими образами. Думается все же, что шестидольные напевы чаще встречаются в тех волочечных песнях, в которых говорится не о земледельческом труде, а выражаются различные бытовые пожелания, чаще всего сулящие скорую свадьбу.

В Смоленской обл. встречаются оба указанных типа. Наиболее полной публикацией можно считать собрание Г. Р. Ширмы, где в томе 3 помещено более 30 волочечных песен разных типов.⁵⁹

Майские песни представляют собой, по-видимому, чисто местную смоленскую традицию, возможно, распространяющуюся на прилегающие районы Могилевской и Витебской областей. По свидетельству В. И. Харькова, майские песни приурочивались ко времени колошения ржи, их начинали петь сначала за околицей у края ржаного поля, потом с их пением обходили ржаные поля, а затем в этот же день «завивали березку». «Содержание цикла майских песен <...> неоднородно, но центральный образ этих песен — „жито густое“ и „колосистая пшеница“».⁶⁰

По мнению Г. Б. Павловой, «в майских песнях, с припевом „ой маю, маю, зеленого гаю“ звучат мотивы любви, дружбы, надежды на счастливое будущее в семейной жизни (гадание на венках, кумление)».⁶¹

⁵⁸ ФА ИРЛИ. ФВ 4537.02. Песня записана Ф. А. Рубцовым в 1938 г. от группы колхозниц в д. Барбарово Ильинского р-на Смоленской обл. Нотировка Ф. А. Рубцова. См. также: Русские народные песни Смоленской области. В записях 1930—1940-х годов. № 19 (комментарий — с. 110—111).

⁵⁹ Конечно, ни публикации, ни даже прослушивание звукозаписей волочечных песен не могут дать настоящего представления о характере их звучания и, следовательно, о подлинной их сущности. В период моей поездки по Ильинскому району мне удалось один раз услышать волочечную песню, исполнение которой, по-видимому, приближалось к тому, как она должна была некогда звучать. Это случилось, когда группа женщин, провожая меня от деревни до деревни, пела старую волочечную песню в сопровождении скрипки.

⁶⁰ Харьков В. И. Русские народные песни Смоленской области. С. 3.

⁶¹ Павлова Г. Б. Народные песни Смоленской области, напеты А. И. Глинкиной. С. 5.

И то, и другое представляется мне не совсем верным. В. И. Харьков стремится, по-видимому, и в майских песнях найти элементы заклęcia на урожай. Г. Б. Павлова отмечает в них прежде всего лирическую сторону и как бы увязывает их с позднейшими днями Троицы. Каждый собиратель и исследователь часто видит в песнях то, что он хочет увидеть. С моей точки зрения майские песни, не будучи обрядовыми, а представляя собой лишь промежуточное звено в цепи весенне-летних земледельческих праздников, в «подтексте» своего содержания проводят параллель между расцветом природы и человеческой жизнью.

Один из текстов, неоднократно встречающийся в записях и публикациях, особо характерный. В этом тексте в плане психологического параллелизма говорится о созревшей пшенице и молодой девушке. Пшеница созывает жней («не могу стояти, колоса держати»), девушка просит родителей скорее выдать ее замуж («не могу ходити, красоту носити»).

18

$\text{♩} = 144$

А в по_ле по_ше_нич_ка в пе_ре_стой сто_я_ла, ой,
 лё_(а)_ли_лё_ли, в пе_ре_стой сто_я_ла.
 В пе_ре_стой сто_я_ла, ко_ло_сом ма_ха_ла, ой,
 лё_(а)_ли_лё_ли, ко_ло_сом ма_ха_ла.
 Ко_ло_сом ма_ха_ла, го_ло_со_м(а) кри_ча_ла, ой,
 лё_(а)_ли_лё_ли, го_ло_сом кри_ча_ла...

А в поле пошеничка в перестой стояла,
 Ой, лё(а)ли-лѐли, в перестой стояла.
 В перестой стояла, колосом махала,
 Ой, лё(а)ли-лѐли, колосом махала.
 Колосом махала, голосом(а) кричала,
 Ой, лё(а)ли-лѐли, голосом кричала:
 — Девки-молодухи, жните пошеницу,
 Ой, лё(а)ли-лѐли, жните пошеницу!
 Либо сами жните, либо скот пустите,
 Ой, лё(а)ли-лѐли, либо скот пустите.
 Не могу стояти, колоса держати,
 Ой, лё(а)ли-лѐли, колоса держати.
 Пошеничный колос соломинку ломит,
 Ой, лё(а)ли-лѐли, соломинку ломит.
 Соломинку ломит, низко к земле клонит,
 Ой, лё(а)ли-лѐли, низко к земле клонит.
 Красная Настюшка по двору ходила,
 Ой, лё(а)ли-лѐли, по двору ходила.
 По двору ходила, с баькой говорила,
 Ой, лё(а)ли-лѐли, с баькой говорила.
 — Родимый мой баька, родимая матка,
 Ой, лё(а)ли-лѐли, родимая матка!
 Или в люди отдайте, или в двор примайте,
 Ой, лё(а)ли-лѐли, или в двор примайте.
 Не могу ходити, красоты носити,
 Ой, лё(а)ли-лѐли, красоты носити.
 Золотые серьги уши оборвали,
 Ой, лё(а)ли-лѐли, уши оборвали.
 Стеклянные бусы шею обломили,
 Ой, лё(а)ли-лѐли, шею обломили.⁶²

Наряду с подобными поэтическими образами в майских песнях встречаются и тексты-дразнилки, всегда сопутствовавшие общению девушек с парнями. Подобные тексты на сегодняшний день, насколько мне известно, нигде не опубликованы, но записаны мною в Руднянском р-не Смоленской обл.

Так или иначе, но майские песни — это своеобразное преддверие близкого «семика» и в своих напевах особо часто используют квинтовый трихорд или терцовый лад с субкварттой, который в данном случае представляется мне расширенным трихордом.

⁶² ФА ИРЛИ. ДЛ 163.02. Песня записана А. Г. Кудышкиной в 1949 г. в Ленинграде от С. А. Носиковой, уроженки Сахновского р-на Смоленской обл. Нотировка Ф. А. Рубцова. См. также: Русские народные песни Смоленской области. В записях 1930—1940-х годов. № 23 (комментарий — с. 112).

♩ = 176 – 192

А кто ж у нас хо - дит - по До-ну гу - ля - ет?
 Ма - ю - ма - ю, ма-ю зе - ле - но!..

А кто ж у нас ходит — по Дону гуляет?
 Маю-маю, маю зелено!..
 Иванька наш ходит — по Дону гуляет.
 Маю-маю, маю зелено!..⁶³

По своему звукоряду майские песни совпадают со многими троицкими, духовскими, а подчас и купальскими. Однако их строфика отличается от последних. Как правило, поэтическая строфа майских песен состоит из четырех строк, из которых третья — это припев, а четвертая повторяет вторую. Иногда характерный припев «Маю-маю...» заменяется словами «Лёли-лёли...»

Существуют некоторые особенности и в использовании указанных звукорядов. В майских напевах особо заметными бывают многократные и как бы «призывные» сопоставления тонов незаполненной кварты. В целом же напевы имеют весьма своеобразный, но трудно передаваемый словами характер. Их особый колорит несомненно связан с восприятием окружающей природы и цветущей ржи. Ведь песни эти пелись вечерами.

Песни, относящиеся к **семицкой неделе**, потеряли на Смоленщине четкую разграниченность. Независимо от их различной тематики, исполнители чаще всего называют их **духовскими** или **троицкими**. Поэтическое содержание этих песен разнообразно. Помимо чисто лирической тематики, в их текстах встречаются и мотивы завивания венка, и упоминания о кумлении. В некоторых случаях упоминаются и русалки. Вместе с тем трудно и даже, пожалуй, невозможно установить более или менее определенные связи между поэтическим содержанием песен и их основными интонациями.

⁶³ ФА ИРЛИ. ФВ 3057.01. Песня записана неизвестным собирателем в Смоленской губернии. Дата записи, населенный пункт и исполнитель не указаны. Нотировка Ф. А. Рубцова. См. также: Русские народные песни Смоленской области. В записях 1930—1940-х годов. № 21 (комментарий — с. 111).

♩ = 56 - 60

Ты, ва _ си _ ля мой, ва _ си _ ля мой бо _ ро _ вень_кий,

ва _ си _ ля мой.

И _ шли дев_ки, и _ шли дев_ки в чис_то по _ ле,

и _ шли дев _ ки.

Цве _ ты и _ рвать, цве_ты и _ рвать - вен_ки сви_вать,

крас _ ки и _ рвать.

Ты, Василя мой,
 Василя мой боровенький,
 Василя мой.
 Ишли девки,
 Ишли девки в чисто поле,
 Ишли девки.
 Цветы ирвать,
 Цветы ирвать — венки свивать,
 Краски ирвать.
 Свивши веноч,
 Свивши веноч — пошли в садок,
 Свивши веноч.
 Пошли в садок,
 Пошли в садок зелененький,
 Пошли в садок.
 А там бегла,
 А там бегла речка быстра,
 А там бегла.

Речка быстра,
 Речка быстра, бережиста,
 Речка быстра.
 Красны девки,
 Красны девки венки пускали,
 Красны девки.
 Венки пускали,
 Венки пускали — дружков скликали,
 Венки пускали.
 — Дружок мой, дружок,
 Дружок мой, дружок, добрый молодец,
 Дружок мой, дружок.
 Приди ко мне,
 Приди ко мне, поймай веноч,
 Приди ко мне.
 Поймай веноч —
 Я на головку надену,
 Поймай веноч.
 На головушку — веноч,
 На ручушку — перстенёк,
 На головушку — веноч.⁶⁴

21

$\text{♩} = 96$

Верь - я кня - зя куд - ри вьют - ся,
 верь - я кня - зя куд - ри вьют - ся.
 чо - го ж ба им ды ня вить - ся,
 чо - го ж ба им ды ня вить - ся?

⁶⁴ ФА ИРЛИ. ФВ 5751.03. Песня записана А. Г. Кудышкиной в 1949 г. на ст. Горская Приморской ж. д. от Н. О. Лебедевой, уроженки Понизовского р-на Смоленской обл. Нотировка Ф. А. Рубцова. См. также: Русские народные песни Смоленской области. В записях 1930—1940-х годов. № 26 (комментарий — с. 112—113).

Веря князя кудри вьются,
 Веря князя кудри вьются,
 Чого ж ба им ды ня виться,
 Чого ж ба им ды ня виться?
 Яго жана мольдая,
 Яго жана мольдая.
 Девять сынов спородила,
 Девять сынов спородила.
 Девять городов спустошила,
 Девять городов спустошила.
 Девять дочерей спородила,
 Девять городов наделила.⁶⁵

В целом все песни троицкой недели в своей мелодике опираются на привычные для весенне-летнего цикла квинтовые триорды или звукоряды терции с субквартой.

22

♩ = 76

Мы пой - дём, дев - ки, мы в луж - ки гу - лять,
 ой, ле - лё - ле - лё, мы в луж - ки гу - лять.
 Мы в луж - ки гу - лять, мы тра - вы топ - тать,
 ой, ле - лё - ле - лё, мы тра - вы топ - тать.

Мы пойдём, девки, мы в лужки гулять,
 Ой, лелё-лелё, мы в лужки гулять.
 Мы в лужки гулять, мы травы топтать,
 Ой, лелё-лелё, мы травы топтать.

⁶⁵ «Духовская песня» (завивают берёзу). Песня записана экспедицией Ленинградской консерватории 13 июля 1964 г. от Е. Т. Моисеевой (1925 г. рожд.), В. И. Моисеенковой (1894 г. рожд.) и М. С. Пименовой (1921 г. рожд.) в д. Гуки Демидовского р-на Смоленской обл. Нотировка С. Пьянковой.

Как пошла трава к Богу жалиться,
Ой, лелё-лелё, к Богу жа[литься].
К Богу жалиться, Христу кланяться,
Ой, лелё-лелё, Христу кла[няться].
— Ах Ты, Бог-судья, рассуди Ты нас,
Ой, лелё-лелё, рассуди Ты нас.
Да нас с девками да и с красными,
Ой, лелё-лелё, да и с красными.⁶⁶

Отдельные песни, как, например, «На белой берёзе русалка сидела», по структуре своей полностью совпадают с песнями майскими.⁶⁷ Поэтому, говоря ранее о майских песнях, я и охарактеризовал их как преддверие праздника расцветающей природы.

Купальские песни Смоленщины во многом поражают архаикой своих текстов, в которых упоминаются и гулянье на горе, и традиционная кулага. Встречается и легенда о происхождении цветка «Иван-да-Марья», хотя по тексту и во многом забытая исполнительницей, но по напеву смыкающаяся с аналогичными вариантами разных местностей.

Обращает на себя внимание купальская песня с традиционным началом «Иван да Марья, где ваше гулянье», но с указанием исполнителей на то, что с этой песней ходили по дворам и собирали подавание. Этот обычай представляет особый интерес, так как смыкается в известной степени с колядными и волочечными традициями. В песне указаны даже два окончания: одно — «если подадут», другое — «если не подадут».

23

$\text{♩} = 164 - 168$

И - ван да Ма - рья, где ва - ше гу - ля - нье,

где ва - ше гу - ля - нье?

- А ў Ма - рья на дво - ре, ў Кли - ма в те - ре - ме,

⁶⁶ ФА ИРЛИ. ФВ 3056.01. Песня записана неизвестным собирателем в Смоленской губ. Дата записи, населенный пункт и исполнитель не указаны. Нотировка Ф. А. Рубцова. См. также: Русские народные песни Смоленской области. В записях 1930—1940-х годов... № 25 (комментарий — с. 112).

⁶⁷ См. напев № 19.

у Кли _ ма в те _ ре _ ме.

Про_ста_я Ма_рьен _ ка, не _ си ку_ла _ гу,

не _ си ку_ла _ гу.

В тво_ей ку_ла _ ге пчѐ_лянь.ки бру_я _ ли,

пчѐ_лянь.ки бру_я _ ли.

Иван да Марья, где ваше гулянье,
 Где ваше гулянье?
 – А ў Марьи на дворе, ў Клима в тереме,
 Ў Клима в тереме.
 – Простая Марьенка, неси кулагу,⁶⁸
 Неси кулагу.
 В твоей кулаге пчѐляньки бруяли,
 Пчѐляньки бруяли.

Если подарят, то поют:

Роди, Боже, чисто жито.

Если не подарят:

Твоей кулаге лягушки квотали,
 Лягушки квотали.
 Лягушки квотали, лягушки квотали
 И квокот носили.⁶⁹

Напевы купальских песен в целом близки большинству белорусских, смыкаясь все с теми же интонациями весенне-летнего календарного цикла.

⁶⁸ Кулага — сладкий кисель из ржаной муки и гречки.

⁶⁹ Песня записана экспедицией Ленинградской консерватории в июле 1964 г. в д. Еськово (район не указан) Смоленской обл. Сведения об исполнителе отсутствуют. Нотировка Т. Тихоновой.

$\text{♩} = 60$

Как И - ва - н(ы) да Марь - я,
 на го - ре ку - паль - е.
 На го - ре ку - паль - е,
 по - д(ы) го - рой ку - ла - га.
 Под го - рой ку - ла - га,
 И - ван Марь - ю кли - чет.

Как Иван(ы) да Марья,
 На горе купалье.
 На горе купалье,
 Под(ы) горой кулага.
 Под горой кулага,
 Иван Марью кличет.
 Иван Марью кличет:
 — А ходи-ка, Марья.
 И ходи-ка, Марья,
 Коло мою горку сяди.
 Коло мою горку сяди...
 Как и первая ведьма.
 Как и первая ведьма
 По полю летает.
 По полю летает,

Заломы ломает.
 И заломы ломает,
 Молоко отымает.
 И молоко отымает,
 Хлеба спор⁷⁰ вынимает.⁷¹

25

♩ = 72

Как по бо - ру,

как по бо - ру, по ве - ре - су, по ве - ре - су.

Хо - дит ко - ня,

хо - дит ко - ня во ро - нень - кий, во - ро - нень - кий.

На том ко - не,

на том ко - не се - дло ле - жит, се - дло ле - жит.

⁷⁰ Спор, спарыня — изобилие, прибыль.

⁷¹ ФА ИРЛИ. ФВ 4529.01. Песня записана Ф. А. Рубцовым в 1938 г. от Н. С. Забеллы в с. Ильино Ильинского р-на Смоленской обл. Нотировка Ф. А. Рубцова. См. также: Русские народные песни Смоленской обл. В записях 1930—1940-х годов. № 27 (комментарий — с. 113).

Как по бору,
 Как по бору, по вересу,
 По вересу.
 Ходит коня,
 Ходит коня вороненький,
 Вороненький.
 На том коне,
 На том коне седло лежит,
 Седло лежит.
 На том седле,
 На том седле Иван сидит,
 Иван сидит.
 За ним Марья,
 За ним Марья вдогонь бежит,
 Вдогонь бежит.
 — Пстой, Иван,
 Пстой, Иван, скажу нечто,
 Скажу нечто.
 Загадаю,
 Загадаю три загадки,
 Три загадки.
 А что растёт,
 А что растёт без кореня,
 Без кореня?
 А что горит,
 А что горит без полымя,
 Без полымя?
 А что бежит,
 А что бежит — следу нету,
 Следу нету.
 — Сейчас, Марья,⁷²
 Сейчас, Марья, разгадаю,
 Разгадаю.
 Камень растёт,
 Камень растёт без кореня,
 Без кореня.
 Сажа горит,
 Сажа горит без полымя,
 Без полымя.
 Лодка бежит,
 Лодка бежит — следу нету,
 Следу нету.⁷³

К купальским песням примыкают, по сути дела, и **петровские**. Две петровские песни, помещенные в сборнике, интересны тем, что обе строятся в квинте как лирические, но завершаются терцией как обрядовые. Одна из них — «Орёл — Божья

⁷² В оригинале здесь ошибочно «Иван». — Ю. М.

⁷³ Песня записана экспедицией Ленинградской консерватории в июле 1964 г. в д. Еськово (район не указан) Смоленской обл. Сведения об исполнителе отсутствуют. Нотировка Т. Тихоновой.

птица» — это заклятие на урожай, хотя в конце упоминается бегущий конь.⁷⁴ Это любопытно, потому что аналогичным зачином начинаются некоторые белорусские егорьевские песни «на выгон скота», по сути своей также заклинательные.

Особый раздел земледельческого календаря составляют песни, исполнение которых не связано с определенными датами и праздниками, а **приурочено к периодам полевых работ**.

Из таких песен на Смоленщине встречаются песни сенокосные и жнивные. К этим же периодам работ относят и так называемые толочанские, о которых особо будет говориться ниже.

Я думаю, что мнение фольклористов, относящих **сенокосные песни** к жанровой разновидности «календаря», или — во всяком случае — к особым типам календарных песен, — не имеет достаточных оснований.

Вполне возможно, что некогда, в далеком прошлом, сенокосная страда вызвала к жизни свои, особые песни, порожденные спецификой и, быть может, ритмикой труда, несомненно мужского. Однако сенокосные песни, встречающиеся не только в Смоленской обл., но и в Белоруссии, и в некоторых иных областях России, при объективном их анализе неизбежно ведут к иным умозаключениям.

Внимательно исследуя тексты и напевы смоленских песен, именуемых в народе «сенокосными», легко убедиться в том, что по тематике своей они в большинстве случаев женские, а по мелодике — схожие с песнями либо жнивными, либо чисто лирическими. В текстах известных мне сенокосных песен лишь иногда говорится о парне, который «сено косит», да и то образ косаря встречается чаще в текстах лирического, а вовсе не трудового содержания.

Так или иначе, но, с моей точки зрения, сенокосные песни Смоленщины, а видимо и других мест, не дают основания говорить о них как особом типе, поскольку эти песни не имеют своих характерных текстов и напевов, позволяющих «узнавать» их по словесным или мелодическим признакам.

Можно думать, что и пели сенокосные песни не косари во время работы, а женщины в период уборки сена.⁷⁵

⁷⁴ В рукописи Ф. А. Рубцова образцы петровских песен отсутствуют. Варианты песни «Орёл – Божья птица» см.: Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 1: Календарные обряды и песни / Ред. коллегия: О. А. Пашина (отв. редактор), Л. М. Винарчик, Е. А. Дорохова, М. А. Енгватова, И. А. Никитина. М., 2003. С. 440—441 (№ 163), 445 (№ 175). — Ю. М.

⁷⁵ В художественной литературе встречаются упоминания о том, как пели «косари». См., например, у А. Блока – «Ни сны, ни явь». Не берусь оспаривать верность таких упоминаний. Но, во-первых, пение в процессе косьбы в связи с характером движений представляется мне трудным. Во-вторых, косари если и пели, то, по-видимому, пели свои мужские песни, а не те, которые встречаются в современных записях.

Иное дело — **песни жнивные**. Эти песни явно сложились некогда как трудовые и частично — обрядовые. Отсюда установилось и деление их на «зажиночные», с которыми начинали жатву и которые несомненно были связаны с обрядом; «жнивные», исполнявшиеся в течение всего периода жатвы как в поле, так и при домашних работах; «дожиночные», сохранившие следы обрядности и по сей день.

Наиболее полно цикл жнивных песен сохранился, по-видимому, в Белоруссии, особенно в Полесье.⁷⁶ Там жнивные песни всегда имеют свой характерный интонационный строй, устойчивый круг поэтических образов и склад стиха. Они сохраняют следы своего изначального смысла, вернее — назначения, направленного на содействие результатам труда.

Что же касается Смоленской обл., то в ней жнивные песни встречаются хотя и часто, но в большинстве случаев как приуроченные к периоду жатвы, лирические в своей основе, лишь кое в чем отступающие от привычной формы лирической строфы (краткость фраз, из которых строится строфа, неразвитость волнообразного движения, в ряде случаев не «акустические», а «логические» кадансы⁷⁷).

26

♩ = 60

И го во - ри - ло а - ржа - но - е жи - то

в чис - том по - ле сто - я, в чис - том по - ле сто - я:

- Не хо - чу я, а - ржа - но - е жи - то,

да в по - ле сто - я - ти, да в по - ле сто - я - ти.

⁷⁶ См.: Эвальд З. В. Социальное переосмысление жнивных песен белорусского Полесья // Советская этнография. 1934. № 5 (перепечатано: Эвальд З. В. Песни белорусского Полесья. М., 1979. С. 15—32).

⁷⁷ Такие кадансы, однако, не могут служить признаком только жнивных песен. Они встречаются и в других песнях «календаря», неизменно указывая на их обрядовую сущность.

И говорило аржаное жито
 В чистом поле стоя, в чистом поле стоя:
 — Не хочу я, аржаное жито,
 Да в поле стояти, да в поле стояти.
 Не хочу я, аржаное жито,
 Да в поле стояти, колосом махати.
 А хочу я, аржаное жито,
 Во пучек взвязаться, в засенку ложиться,
 А чтоб меня, аржаное жито,
 Во пучок взвязали, з меня рожь выбрали!⁷⁸

Наряду с такими песнями на Смоленщине записаны и **зажиночные**,⁷⁹ пожалуй, не имеющие особо характерных признаков, и **дожиночные**, близкие по интонационному складу и тексту аналогичным «спарышовым»⁸⁰ песням, известным в Белоруссии.

27

$\text{♩} = 104$

Жне _ и мо _ ло _ ды _ е,

жне _ и мо _ ло _ ды _ е, сярь _ пы зо _ ло _ ты...

По ме _ ся _ цу жа _ ли,

по ме _ ся _ цу жа _ ли, сярь _ пы вы _ (и) сня...

⁷⁸ ФА ИРЛИ. ФВ 5752.01. Песня записана А. Г. Кудышкиной в 1949 г. на ст. Горская Приморской ж. д. от Н. О. Лебедевой, уроженки Понизовского р-на Смоленской обл. Нотировка Ф. А. Рубцова. См. также: Русские народные песни Смоленской области. В записях 1930—1940-х годов. № 35 (комментарий — с. 116).

⁷⁹ Зажиночных песен зафиксировано так мало, что о них трудно судить. Думается, что зажинки, т. е. начало жатвы сопровождалось не столько песнями, сколько обрядово-традиционными действиями.

⁸⁰ Спарыш (спарыщ, спорыш) — от понятия «спор», т. е. «прибыль».

Жнеи молодые,
 Жнеи молодые, сярпы золоты...
 По месяцу жали,
 По месяцу жали, сярпы вы(и) сня...
 А жнеюшка воко,
 А жнеюшка воко, а край недалё...
 До краю дожнёмся,
 До краю дожнёмся, горелки напьём...
 Хозяин-селязенька,
 Хозяин-селязенька, ти готова горе...
 Хозяйка-тятерька,
 Хозяйка-тятерька, ти готова вечерь...⁸¹

28

♩ = 92

Вы _ хо _ ди _ ла ту _ ча,

вы _ хо _ ди _ ла ту _ ча с-под те _ мно _ го ле...

И ня бей, ня бей, Бо _ же,

ня бей, ня бей, Бо _ же, ни ржи, ни пше _ ни...

Выходила туча,
 Выходила туча с-под темного ле...
 И ня бей, ня бей, Боже,
 Ня бей, ня бей, Боже, ни ржи, ни пшани...
 Ни ржи, ни пшаницы,
 Ни ржи, ни пшаницы, ни всякого хле...

⁸¹ Песня записана экспедицией Ленинградской консерватории 13 июля 1964 г. от Анны Григорьевны Хвендеровой (1898 г. рожд.) в д. Климаты Демидовского р-на Смоленской обл. Сведения об авторе нотировки отсутствуют.

Убей, убей, Боже,
 Убей, убей, Боже, моего лютого свё...
 Свёкыра грозою,
 Свёкыра грозою, свякровь целелою!⁸²

Дожиночные песни всегда были связаны с обрядами, посвященными окончанию жатвы («борода», последний сноп и т. п.). Обрядовая сущность таких песен сказывается в их мелодике, которая чаще всего завершается интонацией призыва (окончание напева на IV ступени в квинтовом звукоряде или на II ступени в терцовом с приставкой субкварты).

29

♩ = 44 - 48

Ты, Пре_чис _ та _ я Мать,

Ты, Пре_чис _ та _ я Мать, хо_ди бо_ро_ду по_лоть.

Хо_ди бо_ро_ду по_лоть,

хо_ди бо_ро_ду по_лоть сво_ей пра_вой ру_кой.

Сво_ей пра_вой ру_кой,

сво_ей пра_вой ру_кой, сво_им зо_ло_тым сер_пом.

⁸² Песня записана экспедицией Ленинградской консерватории 14 июля 1964 г. от Анастасии Борисовны Вороновой (1884 г. рожд.) и Евдокии Ивановны Синицыной (1910 г. рожд.) в д. Парнево Демидовского р-на Смоленской обл. Нотировка Т. Тихоновой.

Ты, Пречистая Мать,
 Ты, Пречистая Мать, ходи бороду полоть.
 Ходи бороду полоть,
 Ходи бороду полоть своей правой рукой.
 Своей правой рукой,
 Своей правой рукой, своим золотым серпом.⁸³

Обращает на себя внимание то, что севернее Смоленщины в ряде районов, где так широко распространены масленичные и волочечные песни, жнивных песен, как правило, не знают (пожалуй, за исключением Себежского и Торопецкого районов).

Таким образом, «изоглоссы» жнивных песен представляют своеобразный контур, не совпадающий с границами распространения других ранее упоминавшихся песен «календаря».

С различными периодами полевых работ связаны и так называемые **толочанские песни**.

Толокой в ряде местностей называлась общественная помощь, или, как сказано в Словаре В. И. Даля: «...сбор населения к одному хозяину по кличу для дружной работы на один день; хозяин угощает помочан и этим способом за один раз снимает хлеб, выкашивает луг, молотит и пр.». Если толока была связана с жатвой, то толочане распевали и обычные дожиночные песни с прибавлением слов, обращенных к хозяину. Но «собственно толочанскими» были по сути своей застольные песни, исполнявшиеся во время угощения. Их тексты бывали различными, а напевы — близкими лироэпическим песням, ограниченными, как правило, рамками квинты.

30

♩ = 88

Ах вы, сто-ли-ки мо-и, вы те-со-вень-ки-е,
 а че-го ж вы сто-и-тё не за-сте-лен-ны-е?
 Ах вы, ска-тер-ки мо-и, вы бе-лё-вень-ки-е,

⁸³ ФА ИРЛИ. ФВ 4529.02. Песня записана Ф. А. Рубцовым в 1938 г. от Н. С. Забеллы в с. Ильино Ильинского р-на Смоленской обл. Нотировка Ф. А. Рубцова. См. также: Русские народные песни Смоленской области. В записях 1930—1940-х годов. № 38 (комментарий — с. 117).

а че _ го ж вы ле _ жи _ тѣ не _ рас _ сте _ лен _ ны _ е?

Ах вы, столики мои, вы тесовенькие,
А чего ж вы стоите незастеленные?
Ах вы, скатерки мои, вы белёвёнькие,
А чего ж вы лежите нерасстеленные?
Ах вы, жнеечки мои, вы молоденькие,
А чего ж вы сидите, хлеба-соли не ястѣ?
А чего ж вы сидите, хлеба-соли не ястѣ,
Ой, ти хлебушка пушон,⁸⁴ ти хозяин не вясѣл?
Коли хлебушка пушон — дак мы выпылаем,⁸⁵
А хозяин не вясѣл — дак мы выпытаем.⁸⁶

31

$\text{♩} = 64$

Вы _ ше, вы _ ше яс _ ный ме _ сяц за всех бо _ ла _ ков,

луч _ ше, луч _ ше наш хо _ зя _ ин за всех му _ жи _ ков.

Он у _ ме _ ет, он у _ ме _ ет по _ ле по _ ле _ вать,

он у _ ме _ ет, он у _ ме _ ет жне _ ек чест _ во _ вать.

Выше, выше ясный месяц за всех болаков,⁸⁷
Лучше, лучше наш хозяин за всех мужиков.
Он умеет, он умеет поле полевать,
Он умеет, он умеет жнеек частавать.⁸⁸

⁸⁴ Пушон — с примесью отрубей.

⁸⁵ Выпылать — очистить, провеять.

⁸⁶ Песня записана на слух Ф. А. Рубцовым в 1927 г. от В. К. Прохорѣнковой в с. Олыша Руднянского р-на Смоленской обл. См. также: Русские народные песни Смоленской области. В записях 1930—1940-х годов. № 40 (комментарий — с. 119—120).

⁸⁷ Болаков — облаков.

⁸⁸ Песня записана на слух Ф. А. Рубцовым в 1927 г. от В. К. Прохорѣнковой в с. Олыша Руднянского р-на Смоленской обл. См. также: Русские народ-

♩ = 112

И _ ва _ но _ вы пчёл _ ки по по _ лю ле _ та _ ли, —

честь е _ му, хва _ ла е _ му, — по по _ лю ле _ та _ ли.

По по _ лю ле _ та _ ли, ме _ док со _ би _ ра _ ли,

честь е _ му, хва _ ла е _ му, — ме _ док со _ би _ ра _ ли.

Ивановы пчёлки по полю летали, —
 Честь ему, хвала ему, — по полю летали.
 По полю летали — медок собирали, —
 Честь ему, хвала ему, — медок собирали.
 Медок собирали — в кубки наливали, —
 Честь ему, хвала ему, — в кубки наливали.
 В кубки наливали — жнеек частавали, —
 Честь ему, хвала ему, — жнеек частавали.⁸⁹

К песням **семейно-бытовой обрядности** принято относить плачи-причитания, свадебные и — если таковые встречаются — «хрэзбинские» песни,⁹⁰ известные более всего в Белоруссии. Колыбельные и другие детские песни (потешки, считалки и т. д.) представляют собой по существу особый раздел, который

ные песни Смоленской области. В записях 1930—1940-х годов. № 43 (комментарий — с. 120).

⁸⁹ Песня записана на слух Ф. А. Рубцовым в 1927 г. от В. К. Прохорёнковой в с. Олыша Руднянского р-на Смоленской обл. См. также: Русские народные песни Смоленской области. В записях 1930—1940-х годов. № 42 (комментарий — с. 120).

⁹⁰ «Хрэзбинскими» называются песни, исполнявшиеся за столом в день домашнего пиршества, когда отмечалось рождение ребенка. По сути своей «хрэзбинские» («крестинные»), как и толочанские, о которых говорилось ранее, — древнейшая форма застольных песен. Они до сих пор широко распространены в Белоруссии (так, в сборнике «Радзіная паэзія», опубликованном в Минске в 1971 г., содержится 512 песен, припевов и приговорков, частично снабженных мелодиями), но то ли вовсе забыты, то ли не существовали на Смоленщине.

наверяд ли целесообразно связывать с обрядностью. Сравнение семейно-бытовых песен Смоленщины с белорусскими, а также с песнями пограничных восточных и северных областей России дает весьма своеобразные результаты.

Похоронные причитания распространены на Смоленщине достаточно широко. Однако количество их записей немногочисленно, что не позволяет судить о наиболее характерном мелодическом типе причитаний, а также о закреплённости их порядка за чином погребения.⁹¹ Смоленские причитания по сравнению с северными носят более лирический характер, их тексты короче, в них меньше повествования. Они проявляются больше как личное выражение горя, не столь рассчитанное на «обрядовую последовательность», сколь возникающее стихийно при смерти, погребении или поминовении умерших.

33

♩ = 192

Ды ро ди _ мый же ты мой ба _ тюш ка,

Ды ку ды ж ты со _ брал _ ся?

Ку _ ды сна _ ря дил _ ся?

По ка _ кой же ты пу _ ти _ до ро _ жень _ ке

И от нас от _ ле та _ е _ ш(и)?

Ды родимый же ты мой батюшка,
Ды куды ж ты собрался?

⁹¹ Пожалуй, наиболее распространенными можно считать напевы причитаний, интонируемые в малой терции с субквартой. Во всяком случае плачи-вопли если и встречаются на Смоленщине, то очень редко.

Куды снарядился?
По какой же ты пути-дороженьке
И от нас отлетаеш(и)?⁹²

34

$\text{♩} = 156$

Ох, со - ря - дил - ся, ох, мо - й(и) кор - ми - лец род - ной ба - тьюш - ка,

Ох, во ка - кой же ты пу - т(и) ли во до - ро - женьку?

Ой, что же ты за - крыл сво - и бы - стры - е гла - зонь - ки,

И сло - жил ты сво - и бе - ла - е ру - чунь - ки?

И раз - ма - хни - ко ты сво - и бе - ла - е ру - чунь - ки,

И 'ткрой(и)ка гла - за бы - стры - я.

Ох, сорядился, ох, мой(и) кормилец родной батюшка,
Ох, во какой же ты пут(и) ли, во дороженьку?
Ой, что же ты закрыл свои быстрые глазоньки,
И сложил ты свои белае ручуньки?
И размахни-ко ты свои белае ручуньки,
И 'ткрой-ка глаза быстрья.
И промол(ы)ви ж ты мяне, мой кормилец, родной батюшка,
И промол(ы)ви же твоё благословьица.⁹³

⁹² Причитание записано экспедицией Ленинградской консерватории 5 июля 1966 г. в д. Торбеево Сычевского р-на Смоленской обл. Сведения об исполнительнице отсутствуют. Нотировка С. Пьянковой.

⁹³ Причитание записано экспедицией Ленинградской консерватории 3 июля 1966 г. в д. Половцы Сычевского р-на Смоленской обл. Сведения об исполнительнице отсутствуют. Нотировка С. Пьянковой.

В свадебной игре на Смоленщине роль причитаний незначительна. Можно полагать, что в некоторых районах Смоленщины свадьбы проходят вообще без причитаний или, выражаясь, как говорят в народе, — «без вытницы». Правда, в определенные моменты свадебного обряда невеста обязана плакать. Но именно плакать, а не «исполнять» причитание в определенной развернутой форме.

Все **свадебные песни** Смоленщины имеют особый, в основном праздничный, светлый характер, лишенный каких бы то ни было связей с плачем.⁹⁴ Даже чисто лирические, печальные сиротские песни основываются на интонациях, далеких плачу, скорее приближаются к некоторым календарным напевам. Но не такие мелодии определяют характер свадебной песенности на Смоленщине, не они оказываются «главными».⁹⁵ Из наиболее употребительных напевов-формул следует особо выделить два типа. Первый тип включает напевы, использующие мажорный пентахорд и характерную пятидольную метрику.⁹⁶

35

♩ = 104

Ня.мыть_ко друж_ко, ня_мыть_ко, ня_мыть_ко друж_ко, ня_мыть_ко.

По_мый_тя я _ го ки _ ся_лём, по_мый_тя я _ го ки _ ся_лём.

⁹⁴ Значение плачей в формировании мелодики свадебных песен северных областей, а также основы формирования праздничных напевов-формул, характерных для западных районов, в том числе и Смоленщины, подробно освещены мною. См.: *Рубцов Ф. А.* Интонационные связи в песенном творчестве славянских народов. С. 22—23.

⁹⁵ «Главными» в данном случае названы песни, которые входят в свадебную игру как обязательная ее принадлежность, ибо те же лирические могут отсутствовать. Само же наименование «главные» заимствовано мною из определения некоторых свадебных песен, данного замечательной певицей из Псковщины Т. Каношиной.

⁹⁶ См.: *Рубцов Ф. А.* Интонационные связи в песенном творчестве славянских народов. С. 27—33.

Нямытько дружко, нямытько,
 Нямытько дружко, нямытько.
 Помыйтя яго кисялём,
 Помыйтя яго кисялём.
 Положтя яго под лавку,
 Положтя яго под лавку.
 Накройтя яго начвами,
 Накройтя яго начвами.
 Чтоб яго ножаньки торчали,
 Чтоб яго ножаньки торчали!⁹⁷

Второй тип — напевы, строфика которых состоит из двух фраз, отчетливо распадающихся на три двудольные попеvky, не выходящие обычно за рамки квинты.

36

$\text{♩} = 100 - 104$

На дво_ре по_го_да - и дождь, и снег,
 на дво_ре по_го_да - и дождь, и снег.
 Ой, наш Ми_шень_ка и кос, и слеп,
 ой, наш Ми_шень_ка и кос, и слеп.

На дворе погода — и дождь, и снег,
 На дворе погода — и дождь, и снег.
 Ой, наш Мишенька и кос, и слеп,
 Ой, наш Мишенька и кос, и слеп.

⁹⁷ Песня записана экспедицией Ленинградской консерватории 16 июля 1964 г. от Евдокии Устиновны Трубенковой (1903 г. рожд.) и Анны Фёдоровны Трубенковой (1922 г. рожд.) в д. Курилы Демидовского р-на Смоленской обл. Нотировка С. Пьянковой.

На дворе погода туманится,
На дворе погода туманится.
А наша Дусенька румянится,
А наша Дусенька румянится.⁹⁸

И те, и другие напевы-формулы с незначительными вариантами используются в самые различные моменты свадебной игры. Такими напевами и начинают «запойны», и встречают жениха, и дразнят жениха, и укоряют невесту, если последняя, прощаясь с родными, не плачет, и в ряде других ситуаций. Чрезвычайно интересно то, что напевы-формулы обоих типов широко бытуют в Белоруссии, а частично встречаются на Украине и вместе с тем совершенно теряются в северных и восточных областях России.

Замечу, что честь первой публикации характерно смоленской свадебной песни опять-таки принадлежит Н. А. Римскому-Корсакову, поместившему в своем известном сборнике песню «Не те́сан терем».⁹⁹

37

Andantino

Музыкальный фрагмент в нотной записи. Две системы нот на пятилинейных скрипках. Первая система содержит ноты и текст: «Не те_сан те_рём, не те_сан, толь_ко хо_ро_шо рас_кра_шен;». Вторая система содержит ноты и текст: «не у_чен Лу_ка, не у_чен, толь_ко хо_ро_шо на_ря_жен.».

На северо-западе Смоленщины и в прилегающем районе Великих Лук широко распространены иные напевы-формулы — шестидольные, минорного наклонения.

⁹⁸ Песня записана экспедицией Ленинградской консерватории 1 июля 1964 г. от Е. И. Барабановой (1920 г. рожд.), К. Г. Владимировой (1912 г. рожд.), К. П. Дудашовой (1916 г. рожд.), Е. В. Заикиной (1917 г. рожд.) и М. С. Ковалёвой (1918 г. рожд.) в д. Заики Демидовского р-на Смоленской обл. Сведения об авторе нотировки отсутствуют.

⁹⁹ *Римский-Корсаков Н. А. Сто русских народных песен для голоса в сопровождении фортепиано. № 76* (напев приводится без фортепианного сопровождения). Ср. с № 35.

$\text{♩} = 148$

И мя-ти-тя двор, мя-ти-тя двор всё мя-тё-ло-чкой,
 мя-ти-тя двор, мя-ти-тя двор всё мя-тё-ло-чкой.
 И ля-тит со-кол, ля-тит со-кол с пе-ря-пё-ло-чкой,
 ля-тит со-кол, ля-тит со-кол с пе-ря-пё-ло-чкой.

И мятита двор, мятита двор всё мятёлочкой,
 Мятита двор, мятита двор всё мятёлочкой.
 И лятит сокол, лятит сокол с перяпёлочкой,
 Лятит сокол, лятит сокол с перяпёлочкой.
 Вымяли двор, вымяли двор всё мятёлочкой,
 Вымяли двор, вымяли двор всё мятёлочкой.
 Прилятел сокола, прилятел сокола с перяпёлочкой,
 Прилятел сокола, прилятел сокола с перяпёлочкой.¹⁰⁰

Такие напевы типичны только для указанных районов, их, по-видимому, трудно найти и в Белоруссии, и на Украине, и в других русских областях. Напомню лишний раз, что не только Смоленщину, но и южную часть Псковщины, и значительную часть Белоруссии населяли кривичи. Видимо, несмотря на единство племени, на его территории в связи с какими-то неясными на сегодняшний день причинами сложился своеобразный этнографический барьер, все тот же барьер, о котором я уже упоминал, говоря о трихордовых веснянках.

Наиболее богатый и разнообразный по содержанию — слой тех песен, которые можно определить как **лирические**. Однако

¹⁰⁰ Песня записана экспедицией Ленинградской консерватории 2 июля 1964 г. от Н. А. Борневой (1915 г. рожд.), С. А. Даньковой (1905 г. рожд.), А. Е. Кибисовой (1915 г. рожд.) и М. В. Кибисовой (1925 г. рожд.) и М. С. Ковалёвой (1918 г. рожд.) в д. Боярщина Демидовского р-на Смоленской обл. Нотировка С. Пьянковой.

прежде чем говорить о лирических песнях как таковых, необходимо уточнить само понятие «лирические песни», поскольку на сегодняшний день оно зачастую получает различное толкование.

Особо широко раздвигают рамки понятия лирической песни филологи. Здесь не место излагать различные, не всегда совпадающие суждения, встречающиеся в филологических работах и захватывающие в область лирики весьма широкий круг народного песнетворчества. Достаточно, к примеру, сослаться на публикацию «Народные лирические песни».¹⁰¹ В указанном сборнике песенных текстов выделяется обрядовая и необрядовая лирика; следовательно, к лирике относятся и обрядовые песни земледельческого календаря, и — цитирую наименования разделов — «Песни крестьянской неволи», и «Голосовые песни о любви» (невольно встает вопрос, — а разве бывают песни не голосовые?), и «Хороводные, игровые и плясовые песни о любви» (опять же вопрос — можно ли плясать о любви?), и «Свадебные песни», и «Голосовые песни о семейной жизни» и т. д., включая «Детские песни». Разделов очень много, — я не указываю их все. Но почему же все эти разные песни характеризуются как «лирические»?

В своей работе «Русская народная бытовая песня» Н. П. Колпакова делит песни на четыре жанра, из которых четвертый именуется жанром лирическим. По мнению автора последний жанр «включает в себя два типа: 1) песни лирические частые (с выделением из них группы сатирических) и 2) песни лирические протяжные со всем многообразием их тематики».¹⁰²

В теоретической работе «Эстетика фольклора» В. Е. Гусев пишет: «Поскольку же в основу положен критерий эстетического отношения народа к действительности, разные типы эмоционального состояния коллектива, то вся область песенной лирики может быть сведена к следующим основным жанрам: песни трудовые, песни заклинательные, песни гимнические, песни элегические, песни шуточные, песни сатирические».¹⁰³

С точки зрения музыкальной фольклористики нельзя согласиться с такими суждениями, когда в круг лирики вовлекаются песни не только различного содержания, — что вполне естественно, — но и песни разного назначения. Нельзя смешивать понятия лирической темы и лирических образов, которые встречаются едва ли не во всех жанрах народнопесенной культуры, с лирическими песнями как таковыми.

Но что такое лирика? Лирика — это выражение непосредственных чувств, переживаний, порождаемых различными яв-

¹⁰¹ Народные лирические песни / Вступит. статья, подгот. текста и примеч. В. Я. Проппа. Л., 1961.

¹⁰² Колпакова Н. П. Русская народная бытовая песня. М.; Л., 1962. С. 27.

¹⁰³ Гусев В. Е. Эстетика фольклора. Л., 1967. С. 145.

лениями жизни. Выражение чувств и переживаний — цель лирики. А разве эту цель преследуют календарные или колыбельные, хороводные или трудовые песни? Конечно же — нет.

Я хочу уточнить принцип, положенный в основу расположения песен в настоящем сборнике. Принцип этот весьма прост, и признак подлинно лирических песен был подсказан мне самими исполнителями.

В применении к народным песням единственно верное, можно сказать, классическое по своей сущности определение лирических песен мне довелось услышать в Белоруссии от пожилых опытных исполнителей, для которых песни были неотъемлемой принадлежностью быта.

Отвечая на мои вопросы и неизменно определяя ту или иную песню в зависимости от ее приуроченности к определенному времени года или обстоятельствам семейной жизни, песни, которые с моей точки зрения были чисто лирическими, они называли так: «а эта — абы калі»; т. е. песни, исполняющиеся когда угодно и где угодно, по желанию, по внутренней необходимости, так как для лирического высказывания нет и не может быть никаких границ.

Конечно же, при всей своей субъективности, лирические песни обобщают чувства и настроения той среды, которая их породила.

Может возникнуть вопрос: не встречаются ли такие песни, которые в одной местности не имеют, а в другой имеют приурочение или конкретное бытовое назначение? Отвечу: Да, встречаются. Но все же, по глубокому моему убеждению, в каждом отдельном случае они должны быть отнесены к разделу, определяющему ту или иную функцию песен.

Ничего удивительного или предосудительного не будет в том, если песня, идентичная по содержанию текста (что встречается чаще) и сходная по напеву (что встречается реже) окажется в разных местностях различной по своему назначению. И мне думается, что она должна в каждом отдельном случае определяться в соответствии со своей бытом определяемой функцией, а вовсе не по тем признакам, которые устанавливает фольклористика в своей, как-никак, абстрактной теории, опирающейся не столько на жизнь (порождением которой являются народные песни), сколько на отвлеченно построенные схемы.

Музыкально-образная сущность подлинно лирических песен всегда отличается своим особым мелодико-попевочным лексиконом, своей строфикой.

Говоря о лирических песнях и о возможности отнесения одних и тех же песен к различным бытовым их категориям, следует пояснить, что все — условно говоря — народнопесенные жанры (условность относится к понятию «жанр», весьма неясному

и зыбкому в применении к народному творчеству) как во время своего становления, так и в процессе дальнейшего бытования вовсе не имели каких-то непроницаемых границ, отделяющих их друг от друга. Следы взаимопроникновения можно обнаружить в ряде песенных слоев. Однако и поэтические образы (в первую очередь), и отдельные интонации естественно проникали из одного песенного слоя в другой. В эпических сказаниях используются подчас мелодические обороты, свойственные лирическим напевам, тематика хороводно-игровых песен оказывается близка лирике, интонации плача, хотя и в опосредованном виде служат основой для создания стилистически особого слоя лирических песен и т. д., и т. п. И вовсе не удивительно, если отдельные песни, обладающие — как и большинство песен — многогранностью своего содержания и формы, примыкая одной из своих граней к тому или иному типу песен определенного назначения, полностью переходит из одного бытового слоя в другой, используя в одной местности с одним, а в другой — с иным назначением.

Повторяю, ничего удивительного или противоестественного в этом нет! И все же в каждом отдельном случае песня должна помещаться в раздел, соответствующий ее местному назначению. А конечный вывод о сущности данной песни должен учитывать различные формы ее бытования, суммируя все данные и объясняя причины ее жанровой многоликости.

Еще одно замечание мне хотелось бы сделать, говоря о лирических песнях. Несомненно, в них есть одно свойство, присущее любому лирическому высказыванию, но чуждое иным песенным жанрам. Эти песни адресованы тем, кто их поет (т. е. не нуждаются в слушателе). Даже если в песне есть обращение к определенному лицу, например — к любимому, она не рассчитана на то, чтобы исполняться для этого любимого. Лирические песни могут исполняться «артелью», а могут и в одиночку. Но и в первом, и во втором случае они будут исполняться «от себя» и «для себя» в противоположность песням иных жанров, которые исполняются для кого-то или в связи с каким-то действием.

Так, например, трудно представить себе человека, который для себя, будучи, как говорится, один на один, пел бы былину, ибо эпос требует слушателя. Точно так же хороводная песня требует движения и, следовательно, участия коллектива, ибо сам с собой водить хоровод не будешь. Возможны, однако, случаи, когда хороводные или, предположим, свадебные песни напеваются «от себя и для себя». Но это значит, что здесь, теряя свою первоначальную функцию, они используются как средство лирического высказывания, ибо человек в стремлении к лирическому самовыражению может иногда использовать различные формы не созданные в результате этого стремления, а заимствованные извне.

Итак, в разделе лирики в настоящем сборнике помещены те песни, которые в данной местности, т. е. на Смоленщине, не имеют определенной приуроченности и, следовательно, назначением которых является выражение чувств и переживаний, прямо или косвенно связанных с окружающей действительностью.

Народнопесенная лирика любой местности, взятая в целом, как самостоятельный жанр чаще всего образует сложную, несколько пеструю картину с расплывчатыми границами. Эти качества лирики как жанра объясняются тем, что в народной среде живут одновременно песни старые и более новые, песни, созданные в результате лирического высказывания, и песни, заимствованные из других жанров, в дальнейшем вошедшие в круг лирических. В связи с этим систематизация лирических песен при их публикации, равно как и при изучении, всегда вызывает затруднения. Эти затруднения возникают уже в силу того, что тематика лирических песен многообразна, а музыкальный язык неоднороден.

Как же группировать и анализировать данные песни? По их тематике? По чисто музыкальным признакам? По районам записи? Мне думается, что нет и не может быть принципа систематизации лирических песен, который был бы безупречен, т. е. отражал бы все многообразие народнопесенной лирики в определенной закономерности.

В публикуемом сборнике лирические песни Смоленщины условно разделены мною как составителем на три подраздела. В связи с этим и характеризуя бытующие в Смоленской области лирические песни, я буду придерживаться указанного деления.

Первый подраздел лирических песен, помещенных в сборнике, включает песни воинские, рекрутские, исторические и солдатские; иначе говоря, песни, не имеющие прямого отношения к семейному быту.

Некоторые из песен данного подраздела могут вызывать у читателей сомнения в плане их принадлежности к лирике. Например, отдельные солдатские песни, ну конечно же, при своем возникновении имели служебное назначение песен «под шаг». Однако сохраняясь в памяти отдельных знатоков традиции, с течением времени они приобретали новую, чисто лирическую окраску и соответственно несколько иной характер исполнения.¹⁰⁴

¹⁰⁴ Мне могут возразить, что и календарные песни давно утратили свою исконно магическую функцию и используются как лирические. Это не совсем так. Магическая функция календарных песен, конечно же, утрачена. Но осталась в силе приуроченность их исполнения. В любой деревне, где сохранились бытовые традиции, весенние или жнивные песни никогда не станут петь зимой, а святочные летом. Засмеют и осудят таких исполнителей! Но при систематизации песенных материалов, тем более в сборнике, необходимо счи-

♩ = 88 - 92

По го - рам, брат.цы,

по го - рам, брат.цы, го - рам(ы) кру - тен(и)ким.

Ой, да во пес - ках, пес_ках,

а пес - ках, пес(ы)ках, пес(ы)ках(ы) ру - нень.ких.

Там сто - ит, сто_ит,

там сто - ит, сто_ит церк_ва с(ы) - лав - на_я.

Церк_ва с(ы) - лав - на_я,

церк_ва слав_на_я, се_ми.г(ы) - лав - на_я.

По горам, братцы,
 По горам, братцы, горам(ы) крутен(и)ким.
 Ой, да во песках,песках,
 А песках, пес(ы)ках, пес(ы)ках(ы) руненьких.
 Там стоит, стоит,
 Там стоит, стоит церква с(ы)лавная.
 Церква с(ы)лавная,

таться как с «прошлым» песни, с причинами, ее породившими, так и с той функцией, которую песня выполняет в настоящее время.

Церква славная, семиг(ы)лавная.
Ой, на тых же главах,
Ой, на тых же главах рассеребряной хрѣст.
Ой, на тым хрясте,
Ой, на тым хрясте рассизой орѣл.
Высоко сидит,
Высоко сидит, далеко глядит.
Через тѣмный лес,
Через тѣмный лес под ракивов куст.
А под тым кустом,
А под тым кустом ляжит телушко.
Тело белое,
Тело белое, всё солдатское.
Как летит же туда,
Как летит же туда все три пташечки.
Все три пташечки,
Все три пташечки, три касаточки.
Наперѣд летит,
Наперѣд летит родна маменька.
Посерѣд летит,
Посерѣд летит родна сестрица.
Позаду летит,
Позаду летит молодая жена.
А мать плачет,
А мать плачет — с веку до веку.
А сестра плачет,
А сестра плачет — как ручьи льются.
А жена плачет,
А жена плачет — как роса нападѣт.
Как роса нападѣт,
Как роса нападѣт — покуль солнце взойдѣт.¹⁰⁵

Песни первого подраздела в подавляющем большинстве — песни «пришельцы», не сложившиеся на Смоленской земле, но занесенные на нее из разных мест различными путями. Такие песни, закрепляясь в обиходе, чаще всего сохраняли свою поэтическую и музыкальную первооснову. Лишь иногда их мелодика переосмыслялась исполнителями в плане ее приближения к характеру местной традиции. В целом же эти песни нельзя рассматривать как типичные для смоленской народнопесенной культуры и характеризующие таковую. Лишь одну из них можно, пожалуй, считать исконно смоленской, а именно — песню «Разорѣнная путь-дорожка».¹⁰⁶

¹⁰⁵ Песня записана экспедицией Ленинградской консерватории 30 июня 1964 г. от Василия Максимовича Рубина (1891 г. рожд.) в д. Савенки Демидовского р-на Смоленской обл. Нотировка Ю. Бойко.

¹⁰⁶ Песня записана экспедицией Ленинградской консерватории в 1965 г. Исполнительница 54-летнего возраста смогла вспомнить лишь начало:

Ой, да ты Париж мой, Парижочек,
Париж — славный городок.

[♩ = 72]

Ра _ зо _ рё _ нна _ я до _ ро _

_ жка от Мо _ жа _ ю до Мо _ сквы.

Эта песня, повествующая о народном бедствии, о разоренной путь-дорожке от Можая до Москвы, связанная с событиями, вызванными французским нашествием 1812 г., сложилась, по-видимому, в среде смоленского крестьянства, а в дальнейшем получила широкое распространение и была записана в различных вариантах, порою сильно видоизменяющих ее первоначальную сущность.¹⁰⁷

Ко второму подразделу относятся лирические песни, которые в целом можно охарактеризовать как семейно-бытовые, поскольку круг их тематики охватывает личные переживания и семейные отношения.

Сюжетных положений в семейно-бытовых песнях не так много, но часто они усложняются различными дополнениями и контаминациями, в связи с чем не всегда поддаются четному разделению на тематические группы.¹⁰⁸

Принято считать, что неизменно печальное, а порою скорбное и драматическое в своей сущности содержание исконных семейно-бытовых песен явилось неизбежным следствием условий жизни дореволюционного крестьянства, издревле закрепощенного, изнуряемого непосильным трудом и вечной нуждой,

Разорённая дорожка
От Можая до Москвы.
Разорил тую дорожку
Неприятель вор-француз.

Для музыкального примера приведена вторая мелострофа песни.

¹⁰⁷ Подробнее о данной песне и наиболее интересных ее вариантах см.: Рубцов Ф. А. Песня о народном бедствии // Рубцов Ф. А. Статьи по музыкальному фольклору. С. 146—157.

¹⁰⁸ Поскольку даже близкие сюжетные положения часто получают различное музыкальное воплощение, сведение песен к схеме, наподобие той, которой пользовался А. И. Соболевский, публикуя «Великорусские народные песни», не может быть принято музыкальной фольклористикой. На мой взгляд, с точки зрения музыканта песни целесообразнее располагать по разделам и группам, учитывая не только сюжет, но и его музыкальное воплощение (интонационную основу и особенности формообразования).

угнетаемого, помимо социального строя, жестким ярмом косного семейного уклада.

Такое суждение, верное в своей основе, все же оказывается излишне прямолинейным и не дает ответа на ряд вопросов, которые обычно не ставятся в научной литературе, однако возникают сами собой при более внимательном и глубоком знакомстве с песнями.

Почему же именно такие песни живы в памяти крестьянства и по сей день, когда так резко, коренным образом изменились и условия быта, и семейный уклад? И вместе с тем почему, можно сказать, начисто забыты лирические песни, отражавшие такую тяжелую полосу жизни, как крепостничество, а также бурные события, связанные с освободительной борьбой, с попыткой сбросить ярмо векового рабства?

Мало того, новый и даже новейший слой крестьянских песен-романсов тоже, как правило, повествует о несчастной любви, об измене и пр. Неужели в жизни крестьянина не было светлых минут: удовлетворенной любви, удачного брака? Наконец, почему в песнях не отражено то неизменно здоровое мироощущение, присущее народу и порожденное общением с природой, его упорная вера в правду?

По-видимому, семейно-бытовая лирика имеет свои законы. Задумываясь над сущностью содержания, можно прийти к заключению, что светлые человеческие переживания находили отражение в иных песенных жанрах, тогда как семейно-бытовые лирические песни преимущественно включали размышления о неудавшейся судьбе и повествования о неудовлетворенных чувствах.

Такое содержание старых лирических песен — если не в частности, то в основе своей — относится к так называемым вечным темам, ибо пока существует семья, неизбежно бывают и неудачные браки, и «злые свекрови»; возникают и другие обстоятельства, часто затемняющие светлые стороны жизни.

То, что старые семейно-бытовые песни, сложившиеся еще в условиях прежнего крестьянского быта, помнятся и сохраняются и до сегодняшнего дня — не удивительно. Удивительно другое, а именно то, что за грубыми словами и жесткими сюжетами в музыкальном подтексте кроются лирические высказывания кристально чистых переживаний, лирика целомудренно-сдержанная, не в пример поздним «жестоким» романсам, да и современной эстраде, песни которой своей слащавой печалью, как патокой, обливают слушателя.

Музыкальный язык старых лирических песен говорит о сущности народной души, об удивительной способности народа, невзирая на все тяготы, хранить нечто особо чистое.

Грубые, подчас жестокие образы сохранились как отражение внешних сторон того быта, в условиях которого складывались

песни. И вместе с тем в них очень часто встречаются тонкие и даже тончайшие поэтические образы, далеко не всегда доступные даже профессиональной поэзии.

А ведь крестьянская жизнь во многом была удивительно ужасной. Даже такой умный, чуткий и благожелательный наблюдатель, как А. П. Чехов, писал о деревенской жизни: «Водку трескают отчаянно и нечистоты нравственной и физической также отчаянно много».¹⁰⁹

А вместе с тем, даже в песне о плохой жизни с мужем говорится (см. также № 41):

А мы спать идём —
А всё бранимся,
А мы лёгши спать —
Врозь раскатимся.
Посерёд у нас
Змея чёрная лежит,
В головах у нас
Огонь-поламя горит,
А в ногах у нас
Бел холодный снег.
Ты зайди, зайди,
Туча грозная,
Ты убей, убей,
Змею чёрную.
Ты пролей, пролей,
Сильный частый дождь,
Ты залей, залей,
Огонь-полюмя.
Ты проглянь, проглянь,
Красно солнышко,
Распеки, разгреби
Бел холодный снег.

Так или иначе, по тем или иным причинам, но семейно-бытовые песни Смоленщины представляют собой наиболее обширный и устойчивый раздел лирики, где явно преобладают местные песни-«аборигены». Лишь в песнях с любовной тематикой, — видимо, более поздних, встречаются заметные привнесения и заимствования. Среди таких песен немало «общерусских»: «Экой Ваня», «Снежки белые пушистые», «Прощай жизнь, радость моя»; здесь же и так называемые песни-романсы, время и место создания которых определить весьма трудно.¹¹⁰ Однако эти привнесения не заслоняют основной пласт исконно

¹⁰⁹ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1979. Т. 7. С. 18 (письмо к А. С. Суворину от 21 июня 1897 г.).

¹¹⁰ Указанные мною общерусские песни и песни-романсы, как хорошо известные по ряду публикаций и не получившие на Смоленщине особого местного переосмысления, в сборник не включены.

лирических песен, уходящих своими корнями в далекое прошлое. Поэтические «первообразы» этих песен установить довольно сложно, поскольку именно поэтические тексты наиболее подвержены всевозможным изменениям и различным контаминациям. Что же касается музыкальных истоков, то они лежат еще глубже, возможно, берут свое начало в древнеславянской эпохе и восходят ко времени существования смоленско-витебских кривичей.

Есть достаточно веские основания предполагать, что многие напевы смоленских лирических песен сложились еще в то далекое время, когда лирических песен как таковых, т. е. песен, создаваемых в едином высказывании (через слово и напев), подразумевающих устойчивую связь напева с определенным текстом, еще не было, когда складывались только мелодии, бытовавшие как форма лирического высказывания, но не имеющие закрепленного текста. Слова импровизировались, т. е. каждый, используя традиционную мелодию, пел о «своем», о том, что волновало его в данное время.

Убеждение в том, что старые семейно-бытовые лирические песни возникали в процессе единовременного высказывания через поэтические и музыкальные образы, при котором, естественно, содержание слов совпадало с содержанием музыки, — ошибочно и относится к серьезным заблуждениям музыкальной фольклористики. Процесс создания лирических песен начинался с отбора и утверждения ряда интонаций как напева, долженствующего быть средством лирического высказывания.

Народнопесенная практика ряда северных народов — нанайцев, эвенков, чукчей и др. — до сих пор сохранила лирические напевы, не имеющие определенных текстов. Вероятно, и в древнеславянском обществе складывались поначалу только лирические напевы, которые в дальнейшем использовались для интонирования различных по содержанию, но идентичных или сходных по назначению словесных текстов. Такое предположение подтверждается чрезвычайно близкими, почти тождественными зачинами ряда семейно-бытовых песен Смоленщины.

Именно в этих песнях наиболее отчетливо проступает музыкально-образная сущность смоленской народнопесенной лирики, ее характерные особенности. Даже при беглом знакомстве с этими песнями сразу же бросается в глаза преимущественное использование в них квинтовой интонации, использование столь яркое, столь самодовлеющее, что при вслушивании на память невольно приходят слова М. И. Глинки, известные в передаче Ю. К. Арнольда: «Квинта — душа русской музыки; обратите внимание на нее».

К сожалению, точный смысл данного высказывания М. И. Глинки остается недостаточно ясным. В самом деле, что

понимать под «квинтой»? Квинта может быть понята и как мелодический «шаг» (интервал), и как квинтовый тон лада, и, наконец, как созвучие двух тонов, находящихся в квинтовом отношении.¹¹¹

Наиболее существенно мнение Б. В. Асафьева. Он усматривал, по-видимому, в словах М. И. Глинки указание на особое значение квинтового тона как главенствующей опоры при интонировании. Во всяком случае Б. В. Асафьев писал: «Меня всегда в данном отношении занимали инструментальные наигрыши-напевы знаменитого сборника Кириши Данилова в соотношении с глинкинскими напевами, где квинта мелодии занимает столь самодовлеющее интонационное значение, что слух, „вжившись“ в нее, вовсе не вспоминает о тонике в ее теперь привычном нам значении и не нуждается в басовой опоре. И напев будто звенит в воздухе».¹¹²

Мне думается, что сами по себе наблюдения Б. В. Асафьева верны, но они относятся к иной квинте, не той, которая составляет основу смоленских лирических напевов.

В смоленских песнях квинтовый тон никогда не служит опорой, вокруг которой на длительное время задерживалась бы в своем развитии мелодика, а тоника неизменно остается звучать в сознании.

41

♩ = 76 - 80

Я мла _ да дев _ ка...

Эй, я мла _ да дев _ ка, я мла _ де _ шень _ ка.

Как от _ дал мя не ба...

Эй, как от _ дал мя не ба... ду жа за _ муж да ля _ ко.

¹¹¹ На высказывание М. И. Глинки ссылаются очень часто, но ссылаются как-то «вообще», имея в виду некую абстрактную квинту, якобы присущую народной песенности.

¹¹² Асафьев Б. В. Избранные труды. М.; Л., 1952. С. 322 (Слух Глинки).

Я млада девка...
 Эй, я млада девка, я младешенька.
 Как отдал мяне ба...
 Эй, как отдал мяне ба... дужа замуж даляко.
 Дужа-й замуж даляко...
 Эй, дужа замуж далё... не за равнага.
 Ни за равнага...
 Эй, ни за равнага, да за пьяницу.
 Я по избе иду...
 Эй, я по избе иду — свёкор бронится.
 Свёкор бронится...
 Эй, свёкор бронится, с избы гонится.
 А мы спать ляжем...
 Эй, а мы спать ляжем — врозь раскотимся.
 Меже нас ляжать...
 Меже нас ляжать змея чёрная.
 В головах у нас...
 Эй, в головах у нас — огонь-полымя.
 А в ногах у нас...
 Эй, а в ногах у нас — бел-холоден снег.
 Ты взойди-ко, зайди...
 Эй, ты взойди-ко, зайди, туча грозная.
 Ты убей-ко, убей...
 Эй, ты убей-ко, убей змяю чёрную.
 Ты пройди-ко, пройди...
 Эй, ты пройди-ко, пройди, тихий частый дождь.
 Ты залей-ко, залей...
 Эй, ты залей-ко, залей огонь-полымя.
 Ты проглянь-ко, проглянь...
 Эй, ты проглянь-ко, проглянь, солнце яркое.
 Ты растай-ко, растай...
 Эй, ты растай-ко, растай, сняжок беленький.¹¹³

Для характеристики музыкальных особенностей таких песен наиболее принципиально неизменно ощущаемое созвучие квинты с его необычайно гармоничной сливаемостью, созвучие, остающееся в сознании и придающее характер своеобразной объективности, созерцательности музыкальному высказыванию, которое не является открытым выражением чувств, а всегда как бы повествует о переживаниях от третьего лица...

Хороводные песни, равно как и сама традиция водить хороводы, не имеют на Смоленщине широкого распространения. Судя по материалам, записанным экспедициями консерватории, хороводные песни встречаются в основном либо в Сычевском, либо в Демидовском районах, т. е. на северо-востоке и северо-западе области. Тематика смоленских хороводных песен не оригинальна. Точно так же как сами напевы не представляют некоего особого

¹¹³ Песня записана экспедицией Ленинградской консерватории 15 июля 1964 г. от Анны Максимовны Петровой (1901 г. рожд.) и Евдокии Васильевны Самсоновой (1891 г. рожд.) в д. Чижаки Демидовского р-на Смоленской обл. Нотировка Т. Тихоновой.

типа и подчиняются закономерностям, близким общерусской хороводной мелодике (парная периодичность, ритмическое ускорение второй половины напева и т. п.). По сравнению с общерусской, мелодика смоленских хороводов имеет меньше распевов или так называемых разводов и чаще всего ограничивается привычными для области попеvkами в кварте-квинте, усложняемыми снизу дополнительным квартовым либо секундовым тоном.

Игровые песни распространены значительно шире и часто оказываются приурочены к тем или иным датам календаря. Многие игровые песни попросту называют «колядками», хотя совершенно ясно, что с ними не ходят, не «колядуют», а под эти песни молодежь играет святочными вечерами. Любопытно то, что даже хорошо известная песня «А мы сечу чистили», всегда считающаяся весенней, на Смоленщине названа «колядкой». К святкам же отнесены и игровые песни «Заинька-горностаинька», «Девки грушу садили» и т. п. <...>

Шуточные песни, видимо, немногочисленны и не представляют особого интереса.

Инструментальная музыка Смоленщины изучена весьма слабо. В настоящее время среди исполнителей чаще всего можно встретить скрипачей. Во всяком случае скрипачи всегда обращают на себя внимание, а игра их, благодаря свободному использованию пустых струн, представляется весьма своеобразной, а иногда даже причудливой. Встречаются и свирели-двойчатки. Видимо, в силу случайности экспедициям консерватории реже всего встречались гармонисты.

МЕЛОДИКА И ФОРМА СМОЛЕНСКИХ ПЕСЕН

Мелодика песен, которые можно считать исконно смоленскими, проста.¹¹⁴ Ее диапазон невелик. В основе песен часто встречаются квартовые и, в особенности, квинтовые попевки, которые

¹¹⁴ Можно ли дать обобщение о мелодике и форме смоленских песен? Мне думается, что прежде всего должно. Конечно, для этого необходимы не только знания, хотя бы относительные, данной местной культуры, но и «чутье» песни, что едва ли не важнее знаний. Помимо того, для всякого обобщения необходим известный «полет мысли», который не всегда дается. Но если при восприятии той или иной культуры в сознании появляются некоторые данные для обобщений, нужно всячески пытаться их осознать и высказать. Умолчать всегда проще. Но потому ли составители сборников часто уклоняются от обобщающих статей? Вместе с тем молчать нельзя. Потомки не осудят исследователя за попытку высказать свои соображения, если даже посчитают их ошибочными. Но потомки имеют полное право осудить умолчание, так как в дальнейшем перед ними окажется груз материалов уже далеких для их времени и, возможно, чуждых, не освещенных обобщающими соображениями собирателей песен и составителей сборников, которым все же посчастливилось наблюдать устную культуру в ее живом бытовании.

характеризуют большинство лирических песен. Особенностью смоленской мелодики является отсутствие широких распевов и сколько-либо заметных мелизматических украшений. Основополагающее интонационное «зерно» напева в связи с этим предстает весьма отчетливо и сохраняется на протяжении всего напева, делая его образно одноплановым.

В русских народных песнях других областей мелодии нередко объединяют несколько различных интонационных «зерен», сопоставляя их в том или ином порядке и создавая, благодаря этому, сложный музыкальный образ. Конечно, образно одноплановые напевы можно встретить и в народной песенности других русских областей. Однако там такие напевы будут встречаться довольно редко, как следы более древней песенной культуры, тогда как для Смоленщины подобные напевы типичны и позволяют определить всю местную песенную культуру как культуру, сохраняющую древние исконные черты. Эти черты наличествуют не только в обрядовых песнях, которые почти во всех областях России — если они там сохранились — всегда носят отпечаток старины, но и в лирических песнях, дающих в большинстве местностей, не в пример Смоленщине, весьма пеструю картину. Смоленские же лирические песни в своем большинстве сохраняют стилистическое единообразие.

Следует отметить, что даже широко бытующие по всей России песни, основанные на интонации квинты, на Смоленщине имеют свою особую структуру. Как известно, «квинтовые» напевы строятся обычно на ряде квинтовых волн, причем в песнях других русских областей эти волны чаще всего бывают асимметричными. При такой структуре напева границы квинтовых волн не совпадают с законченными стихами или полустихьями песенного текста. На Смоленщине же в квинтовых попевах чаще всего эти волны укладываются четко по стиху или полустихьям. Асимметричность квинтовых волн можно считать как бы одним из начальных шагов к образованию протяжной песенной формы, которая в исконно смоленских песнях фактически отсутствует. Единственный известный мне пример старой «майской» песни, основанной на асимметричных квинтовых волнах, записан от уроженки Сахновского р-на С. А. Носиковой (см. № 18).

Ладовая структура смоленских лирических напевов тоже проста. В большинстве случаев они ладово одноплановы и представляют собой малообъемные построения отчетливо выраженного минорного, реже — мажорного наклона. Высотное варьирование ступеней лада встречается в смоленских песнях очень редко. Столь же редко встречаются и переменные лады.

Многоголосие в исконно смоленских песнях развито, по-видимому, слабо. В календарных песнях можно наблюдать обыч-

ные для данного жанра гетерофонные разветвления мелодии. Что же касается песен лирических, то в них чаще всего наблюдаются осознанные терцовые подголоски. Удвоение мелодии в октаву, встречающееся в некоторых публикуемых песнях, навряд ли можно считать специфически смоленским. Видимо, такая форма многоголосия либо является попыткой найти какие-то новые приемы интонирования, либо случайна, либо откуда-то заимствована. В песнях, основанных на квартовой попевке, встречается «бурдонирование», при котором голоса, если и не выдерживают тоники напева (основание кварты), то неоднократно возвращаются к ней, повторяя ее то одним, то другим голосом, помимо основной мелодии. Такой «бурдонирующий» прием многоголосия можно наблюдать и в «квартовых» песнях других областей России.

Выделить типы формообразования народнопесенной мелодии Смоленщины трудно. Вернее, трудно и даже, пожалуй, невозможно дать описание всех встречающихся на Смоленщине мелодических форм. Можно лишь наметить характеристики некоторых наиболее типичных из них.

О мелодических формах календарных песен здесь особо говорить нет смысла, так как они повсюду имеют свой веками выработанный тип. Хочется отметить лишь то, что во многих календарных напевах, таких, как, например, масленичные, купальские, жнивные, в основе мелодии лежит варьирование одной попевки, которая по-разному используется на протяжении поэтической строфы. Отчетливое членение формы проявляется обычно лишь в празднично-поздравительных и толочанских песнях.

Особый интерес представляют структуры некоторых исконно смоленских лирических напевов. Здесь можно выделить несколько типов формообразования.

Как уже говорилось, мелодика смоленских песен проста, и основополагающий интонационный образ протяженностью своей охватывает стих, а иногда полустишие текста.

Простейшая форма лирических песен Смоленщины может быть охарактеризована следующим образом. Первая фраза включает в себе основной музыкальный образ; музыкальная же строфа образуется путем однократного или двукратного повторения этой фразы, видоизмененной лишь в том смысле, что при повторах фразы она ритмометрически несколько усекается или, в отдельных случаях, кадансовый оборот фразы, завершающей строфу, расширяется. Образуется структура $A+A'$, или $A+A'+A''$.

В таких случаях первая фраза служит интонационно-образным тезисом, а повторы ее лишь подтверждают высказанный тезис, закругляя строфу, уравнивая различную ритмометрику фраз и этим создавая ощущение завершенной формы.

Характерно смоленской структурой лирических песен можно считать и четырехфразный напев, в котором третья фраза представляет собой распетый возглас. В данном случае формулу структуры можно представить так: А+А'+Б+А"». Не стану утверждать, что такие структуры лирических напевов встречаются исключительно на Смоленщине. Видимо, их можно обнаружить и в прилегающих к Смоленской области районах Витебщины и Могилевщины, тогда как в сборниках, отражающих песенность центральных и западных районов Белоруссии, такие мелодические структуры встречаются весьма редко, либо вовсе не встречаются. Данное наблюдение лишний раз подтверждает мнение М. Я. Гринבלата о существовании племени смоленско-витебских кривичей, оказавшего столь ощутимое влияние на формирование смоленской песенности...¹¹⁵

¹¹⁵ В порядке необходимого дополнения к характеристике смоленских лирических песен следует иметь в виду блестяще написанный Ф. А. Рубцовым специальный раздел в более раннем сборнике. См.: Русские народные песни Смоленской области. В записях 1930—1940-х годов. С. 143—147. — Ю. М.

Л. И. ПЕТРОВА

ИЗ ИСТОРИИ СОБИРАТЕЛЬСКОЙ И ИЗДАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ ЛЕНИНГРАДСКИХ ФОЛЬКЛОРИСТОВ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОТОКОЛОВ, ОТЧЕТОВ, ПИСЕМ 30-х ГОДОВ XX в.)

В 30-е годы основные силы ленинградских фольклористов были объединены вокруг Фольклорной секции (позднее — Комиссии) при Институте по изучению народов СССР (впоследствии — Институте антропологии, археологии и этнографии АН СССР). Руководил секцией М. К. Азадовский, почти бесменным ее секретарем была А. М. Астахова. В 1938 г. в связи с Постановлением Совнаркома СССР от 8 мая Ученый Совет Института вынес решение о выделении Фольклорной Комиссии из состава Института и передаче ее в Отделение языка и литературы. Президиум АН, в свою очередь, постановил: присоединить Фольклорную Комиссию к Институту литературы АН (позднее — ИРЛИ АН СССР). В результате структурной перестройки в 1939 г. в Пушкинском Доме появился Отдел народного творчества и его базовые фонды. Таким образом, говоря о Фольклорной Секции, мы, по сути, говорим о прошлом Отдела фольклора ИРЛИ РАН.

Какие-то эпизоды из этого прошлого на фоне сегодняшнего дня кажутся почти курьезными, но на самом деле полны скрытого драматизма.

«С февраля мес<яца> работа Ф<ольклорной> С<екции> перестроилась, главным образом на бригадный метод. Вначале были некоторые не<у>вязки на почве понимания методов и форм бригадной работы <...>, но после разъяснений, данных зав. иссл<едовательским> сект<ором> т<оварищем> Абрамзоном, все

недоразумения были устранены и работа началась полным ходом. Правда, необходимо отметить, что не все бригады вполне заслуживают названия бригад, так как состоят всего из 2-х лиц, но основные бригады (рабочая и колхозная) широко развернули свою деятельность, сумев включить в свой состав не только работников ИПИНа (не из состава Ф<ольклорной> С<екции>), но и посторонних, преимущественно из среды рабочей молодёжи обследуемых предприятий».¹

Искусственная пролетаризация фольклора и фольклористики — так можно в целом определить основную тенденцию, явственно обозначившуюся в 1930-е годы в управлении наукой, изучавшей явления, по существу весьма далекие от господствующей идеологии. Об этом красноречиво свидетельствует, к примеру, «Отчет о работе Фольклорной Секции за период с 1.1 по 1.V. 1932 г.», выдержки из которого мы здесь приводим:

«По производственному плану на 1932 г. были намечены следующие разделы научно-исследовательской работы:

I. Критика буржуазных и псевдомарксистских теорий в фольклористике.

II. Изучение современного фольклора и фольклорного наследия. <...>

По разделу критики:

1. По плану на 1-й квартал была намечена разработка темы „Народнические и областнические тенденции в сибирской фольклористике“ Азадовским <...> „Великодержавный шовинизм и местный буржуазный национализм в работах музыкальных фольклористов за советский период“ (Гиппиус и Худяков) <...>

II. По разделу изучения современного фольклора и фольклорного наследия.

1. Проблема рабочего фольклора <...>

2. Культурная революция и фольклор колхоза <...>

3. Фольклор гражданской войны <...>».

Лишь последним пунктом общего отчета значится: «Разработка фольклорного наследия», но «разработка» эта ведется все в том же русле, судя по обозначенной теме: «Пути развития крестьянской песни Севера в связи с процессами классового расщепления».²

¹ Цитируемые нами материалы находятся в настоящее время на временном хранении в Отделе народно-поэтического творчества ИРЛИ. В большинстве своем это машинописные копии (меньшую часть составляют рукописные оригиналы) разрозненных документов 30-х годов, объединенные в несколько «папок-скоросшивателей», имеющих свой индекс, на который мы и будем делать сноски в работе. В данном случае это папка с надписью «Протоколы научных заседаний». Индекс № 630. С. 2.

² Там же. С. 2—6.

Если еще в конце 20-х годов одним из основных направлений исследовательско-собирательской деятельности Фольклорной Секции оставалась традиционная культура Русского Севера,³ то в 30-е годы все назойливее звучит призыв к выявлению так называемого советского фольклора. В официальных бумагах мы уже не встретим рядом со словом «фольклор» таких определений, как «традиционный», «классический». Крайне редко употребляется даже слово «крестьянский», уступив место новоявленному «колхозный».

На первое место выдвигается задача изучения «фольклора фабрик и заводов Ленинграда». Основной научной группой Секции становится образованная 28.09.1931 г. «бригада по рабочему фольклору», в которую входят: А. М. Астахова, Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд, Куприянова, рабочие завода «Красный Октябрь» Лобанов и Орехов.

Сегодня все это — от включения в исследовательский отдел людей «от станка» до подписи под документами «Бригадир Астахова» — выглядит по меньшей мере нелепо. Но не будем забывать, что в 30-е годы «неподчинение» такого рода «нелепотствам» могло для любого ученого закончиться трагически. Вряд ли сотрудники Фольклорной Комиссии были согласны с теми «целевыми установками» в работе, которые сами же формулировали при составлении, например, «Производственного плана на 1932 год бригады по теме „Фольклорный репертуар рабочих Ленинграда“»:

«1. Изучение идеологических сдвигов в рабочей среде в процессе культурной революции и социалистического строительства на материале фольклора. 2. Изучение фольклора как материала для истории фабрик и заводов. 3. Выявление влияний, формирующих сознание нового человека, и влияний, идеологически вредных. 4. Установление путей борьбы с вредными влияниями».⁴

Вряд ли ученым-собираателям, еще заставшим (во время северных экспедиций) традиционную народную культуру в ее «живом бытовании», был по душе «План научно-исследовательского процесса»,⁵ включавший: изучение литературного творчества рабочих по данным литархивов, стенгазет, номеров агитбригад; сбор материала по социальному составу, истории предприятий, состоянию культ- и просветработы, фактам роста общественной

³ Напомним о состоявшихся в конце 1920-х годов Комплексных экспедициях Государственного Ин-та истории искусств (ГИИИ), активное участие в которых принимали сотрудники Фольклорной Секции, в частности, А. М. Астахова, Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд и др.: 1926 г. — Обонежье, 1927 г. — Пинега, 1928 г. — Мезень, 1929 г. — Печора.

⁴ См.: Индекс № 630. С. 55.

⁵ Там же. С. 55—56.

жизни на производстве и пр.; выявление «репертуара рабочих демонстраций» («учет массовой песни на демонстрации») и «сопоставление с данными прежних учетов»); запись устных сказов рабочих («из истории революционного движения и гражданской войны», «из общественной и производственной жизни предприятия») и т. п. Такого рода собирательская деятельность была действительно «широко развернута» и отнимала массу времени и сил квалифицированных фольклористов (судя хотя бы по количеству хранящихся в РО ИРЛИ (Разряд V) записей, произведенных на фабриках и заводах, во время митингов и демонстраций).

Мы не склонны вообще отрицать какую-либо пользу от сбора всех этих материалов: для историков, литераторов, исследователей городской культуры и быта они, безусловно, представляют ценность. Но стоило ли забывать о собственно фольклористическом «долге», о котором, к счастью, всегда помнили фольклористы-собиратели XIX—начала XX в.: «Тратить силы и терять время на сохранение <...> новомодных произведений <...> не следует собирателю, когда каждый год дорог в интересах сохранения древних памятников истинно народной поэзии». ⁶ Страшно себе представить, что знали бы мы сегодня об устной традиции, если бы Ф. М. Истомина и Г. О. Дютш, Н. М. Лопатин и В. П. Прокунин, А. Д. Григорьев, А. Л. Маслов, Н. Е. Ончуков и др. сосредоточили свое внимание на фабрично-заводском репертуаре, романсах и альбомных стихах, всякого рода любительских сочинительствах и «блатных» песнях.

В 30-е годы происходит вначале постепенное, а затем резкое «свертывание» экспедиционной работы на Русском Севере. Карельские экспедиции, предпринятые в первой половине 30-х годов, были, по сути, последней попыткой сотрудников Фольклорной Комиссии продолжить собирательскую работу в традиционном направлении.

При этом истинные интересы собирателей приходилось все в большей степени скрывать за «идеологически выдержанными» фразами, а результаты экспедиционной работы все более «подгонять» под требование поисков «современного фольклора». Интересно в этом плане сравнить, например, некоторые формулировки из «Тезисов к докладу А. М. Астаховой „Фольклор русского населения колхозов Карелии (по материалам экспеди-

⁶ Лопатин Н. М., Прокунин В. П. Русские народные лирические песни: Опыт систематического свода лирических песен с объяснением вариантов со стороны бытового и художественного их содержания Н. М. Лопатина, с положением песен для голоса и фортепиано В. П. Прокунина и с приложением полной расстановки слов некоторых вариантов по их напеву / Под ред. и с вступ. статьей В. Беляева. М., 1956. С. 51. Слова принадлежат Н. М. Лопатину (1889 г.).

ции 1931—32 г.)» с «Отчетом о работе фольклорной экспедиции Фольклорной Секции ИАЭ АН СССР и Карельского научно-исследовательского Института» летом 1933 г. и прочитанным позднее, в 1934 г., докладом «Фольклор колхозов Северной Карелии».

В «Тезисах», в частности, обозначено: «Работа Заонежского отряда в 1931—32 гг. была направлена: 1) на выявление новых моментов в фольклоре заонежской деревни, 2) на обследование современного состояния былинной традиции <...> Обследование былинной традиции показало, что процесс отмирания былин совершается медленнее, чем это предполагалось. Социальная функция былин в современности сводная: классово враждебная и положительная. Полное отмирание былины в настоящее время задерживают элементы социальной сатиры».⁷ В Отчете о карельской экспедиции 1933 г. ошутима более жесткая регламентация научно-собирательской деятельности и, заметим, уже ни слова не сказано о задаче исследования состояния былинной традиции:

«Работа велась по программам, составленным Ф. С. ИПИН (Фольклорной Секцией Института по изучению народов СССР АН) в 1932 г. и утвержденным Научно-исследовательским Отделом ИПИН и Кар^{ельским} н^{аучно}-и^{сследовательским} Ин-том. Целевые установки остались без изменения: 1) изучение на материале фольклора идеологических сдвигов беломорского населения в процессе коллективизации и культурной революции; 2) вскрытие роли фольклора в деле этой идеологической перестройки; 3) выявление специфики фольклора Карельского Беломорья в прошлом и настоящем в ее социально-экономической обусловленности».⁸ Правда, в этом рукописном варианте Отчета пункт 1 переправлен на 2-й, пункт 3 на 1-й, а пункт 2 на 3-й, но суть дела от этого не изменилась.

Стоит ли удивляться тому, что если в 1932 г. записи былин производились, то в 1933 г. былины не только не были зафиксированы,⁹ но как бы и вообще прекратили существование. Так, в 1934 г. при обсуждении доклада «Фольклор колхозов Северной Карелии» на почти «крамольные» для того времени вопросы Н. Е. Ончукова: «Нет ли былин в обследованных районах? В южной части былина и историческая песня записана Григорьевым. Заметно ли влияние старообрядчества? Есть ли духовные стихи? Входят ли старообрядцы в колхозы?» — А. М. Астахова отвечала весьма сдержанно: «Былин в изучавшихся районах отмечено не было. Духовные стихи встречаются в фрагментах.

⁷ Индекс № 630. С. 50.

⁸ Там же. С. 76—77.

⁹ См. сравнительный список произведений различных жанров по материалам экспедиций 1932 и 1933 годов. Индекс № 630. С. 58.

Относительно старообрядчества и его влияния — трудно вывить при быстром обследовании».¹⁰

Между тем реально собранный материал шел «вразрез» со всякого рода «целевыми установками». Не случайно, например, при обсуждении на Секции доклада А. М. Астаховой «Фольклор колхозов Северной Карелии», построенного на материалах карельских экспедиций, из уст А. И. Никифорова прозвучало следующее: «Очень ценно в докладе использованы моменты регистрационный и статистический. Процентные соотношения существенно дополняют картину. Но каково значение самого колхоза для репертуара? Ничего колхозного специфически в данном репертуаре нет» (цитата взята из Протокола заседания Фольклорной Секции ИАЭ от 14 марта 1934 г., отсюда — некоторые стилистические «шероховатости»).¹¹

Продолжать традиции собирательской работы фольклористов прошлого становилось все труднее. Все больше приходилось «тратить силы и терять время», записывая — вместо еще активно сохраняемых в памяти сказителей образцов (не столько разрушающейся, сколько разрушаемой) народной культуры — сочинения «колхозных поэтов и писателей», всевозможные переделки песен на «современный» лад, альбомные стихи, жестокие романсы и т. п., тщательно фиксируя репертуар клубной самодеятельности (при этом прекрасно сознавая, что он, как правило, «спущен сверху»).

Можно почти с полной уверенностью утверждать, что именно в 30-е годы официально утверждается расширительное толкование фольклора как предмета изучения фольклористики, в том числе и приравнивание к устнопоэтическому народному творчеству индивидуального сочинительства, любых образцов непрофессиональной поэзии.

В 1935 г. была составлена «Инструкция для полевой работы фольклорных бригад», которой следовало отныне руководствоваться сотрудникам Фольклорной Секции.

Им, в частности, предписывалось: «По приезде в район бригада инструктируется у Райкома, получает встречный план по собиранию фольклора, если таковой имеется, и увязывает его с настоящей инструкцией <...> Организационная работа на выбранной точке начинается с контакта с: а) сельсоветом, б) правлением колхоза, в) партийными и комсомольскими ячейками — для получения сведений о состоянии художественной культуры и отдельных мастерах данной точки».¹² Характерно и указание

¹⁰ «Протокол научного заседания Фольклорной Секции ИАЭ 14.ИИ. 34 г.». Индекс № 630. С. 107.

¹¹ Там же. С. 107об.

¹² «Планы, программы и переписка по организ<ации> научн<ых> экспедиций». Индекс № 680. С. 2 («Инструкция» подписана А. Никифоровым и Е. Гиппиусом).

на приоритетность жанров (и тематики) при выявлении местного фольклорного репертуара: «Выбирается и регистрируется как обязательный следующий материал: а) частушки „яблочко“, „страдания“, в первую очередь отражающие классовое расслоение, историю революции и гражданской войны, советскую действительность; б) песни лирические (рекрутские, любовные, любовные пародии), песня партизанская, песня аграрно-обрядовая, песня свадебная, причитания, песни разбойничьи, песни профессиональные, песни новые, освоенные из городского репертуара (любовные, с убийствами, сиротские, с темами жестокости мужей и родителей), песни поэтов, освоенные деревней; в) пословицы и поговорки; г) рассказы и сказки о деятелях революции (особенно о Ленине и Сталине), о колхозах, гражданской войне, крепостном праве и других политического значения событиях; д) по мере возможности записываются и другие жанры фольклора (заговоры, сатира на местные события, эпические песни, легенды, анекдоты и т. д., отражающие революционные мотивы или отдельные мелкие революционные элементы)».¹³

К сожалению, факты свидетельствуют еще об одной очень негативной тенденции 30-х годов в собирательской работе. Фольклористы волей или неволей сами начинали способствовать разрушению традиционной народной культуры, оказывая в том числе прямое воздействие на местный репертуар сказителей. В упоминавшейся уже «Инструкции для полевой работы фольклорных бригад» 1935 г. есть один весьма примечательный пункт: «Надо попытаться внедрить в среду мастеров какую-нибудь искусственную песню (например, отрывок оперы) и один из литературных рассказов (например, из гражданской войны)».¹⁴ Собиратели начинали записывать то, что сами же создавали. Правда, этот вид «собирательской» деятельности имел определение: «Работа экспериментальная». Но такого рода эксперименты слишком дорого обходились традиционному фольклору.

В своей статье «Термин „советский фольклор“ в 1930-е годы» Л. И. Емельянов писал: «Чтобы создать впечатление, будто <...> новое „народное творчество“ есть законный преемник и прямой продолжатель классического фольклора, инициаторы и организаторы <...> культурно-идеологической спекуляции для начала попытались придать новому творчеству черты максимального сходства с фольклором старым, классическим. Была сделана попытка возродить древнейшие фольклорные жанры <...> на новой, сугубо современной тематической основе. Как это делалось?

¹³ Там же. С. 3—4.

¹⁴ Там же. С. 5.

Очень просто. К известным сказителям, знатокам и хранителям старого фольклора, прикреплялись на правах своего рода литературных кураторов ученые-фольклористы или писатели, которые должны были оказывать своим подопечным так называемую творческую помощь. В их обязанности входило: поставлять сказителям актуальные темы, снабжать их нужными материалами (книгами, журналами, газетами, реферируя их при необходимости), организовывать для них поездки по стране, чтобы помочь им, как тогда выражались, „набрать конкретные представления и образцы“». ¹⁵

Документы свидетельствуют, увы, о том, что и сотрудники Фольклорной Комиссии оказались вовлеченными в этот процесс.

Один из ярких тому примеров — машинописная копия письма от 7.XI.1938 года, посланного П. Г. Ширяевой в г. Сольвычегодск «товарищу Губиной»:

«Уважаемая т. Губина.

Сегодня мы в Фольклорную комиссию получили твою былинку о трех молодцах. Хочу написать свое впечатление от чтения этой вещи. Она мне понравилась меньше „Чапая“ и меньше, чем былина о событиях у озера Хасан, и вот почему. Там, в обеих вещах, у тебя был взят единый стиль изложения, здесь у тебя разные стили соединены. Там ты писала былинным языком, здесь у тебя все сочинение выглядит раешником. Ты пишешь о серьезном политическом событии, а в раешнике это получается легковесно. Образы в тех обеих вещах продуманные, серьезные, глубокие, здесь богатство образов не велико, не так продуманно дано. Мысль дать сказ об орлицах-молодцах и о Сталине — большом человеке — прекрасна, но давай договоримся дать это глубже и серьезней. Переделай ты, пожалуйста, свою вещь, продумай еще раз и пришли сюда. Пришле<шь>, а я здесь подумаю, куда ее дать опубликовать. И еще совет: не старайся растягивать былинку. Вот о событиях у озера Хасан у тебя написано и немного, и в то же время хорошо. Ты думаешь о сказе — Ленин и Сталин. Думай крепко и пиши. Учти мой маленький совет: не бери много событий из жизни Ильича, <a> то их трудно тебе оформить, ты возьми оди<n> или два факта из жизни и работы Ленина и дай их образно, а о тов. Сталине будешь писать, то учти факт его пребывания в ссылке на Севере. Может быть, там найдешь какие-нибудь документы интересные, их используешь. О всех но-

¹⁵ Емельянов Л. И. Термин «советский фольклор» в 1930-е годы // Из истории русской фольклористики. Вып. 4—5 / Отв. ред. А. А. Горелов. СПб., 1998. С. 221.

вых мыслях и материалах пиши, тво<и> материалы постараемся использовать в печати.

С приветом,
научный сотрудник /П. Ширяева/>.¹⁶

Даже таким фольклористам, как А. М. Астахова, приходилось не только записывать всякого рода «современные сказы», но и поддерживать в сказителях уверенность, что сочиняя их, они продолжают народную традицию. Одно из свидетельств тому — письмо А. М. Астаховой, отправленное 31.01.1938 г. Марфе Семеновне Крюковой:

«Здравствуйте, дорогая Марфа Семеновна!

Я была все время занята, поэтому не смогла тебе тотчас же ответить на твое письмо.

Я очень рада, что ты получила мой небольшой подарок и что книги, присланные мною, тебе понравились. Книгу „Творчество народов СССР“ я купила и с удовольствием прочла твои песни: „Плач о Ленине“ и былину о Сталине. Они мне очень понравились. Также прочла твое „Сказание о Ленине“, напечатанное в журнале „Красная новь“.

Записанные мною от тебя материалы я все еще привожу в порядок: переписываю и перепечатаваю на машинке. Когда я на обратном пути ехала через Архангельск, в Отделе Народного творчества определенно говорили о том, что лучшие из твоих старин будут печатать. Но до сих пор не имею оттуда никаких известий. Пока же я написала статью о тебе и твоих былинах в наш сборник „Советский фольклор“. Как только будет напечатано, пришло тебе.

Очень была рада узнать, что дом твой, наконец, переделяется. Следовательно, скоро можно к тебе будет приехать на новоселье. Напиши мне подробно, какой он вышел и хорошо ли тебе в нем. Как твое здоровье? Смотри, не хворай, береги себя. Напиши также, где ты в ближайшее время будешь. Не собираешься ли в Архангельск, и если собираешься, то когда. Есть ли известия от Антонины Яковлевны? Писала ли ты в Москву? Я ведь встретила как-то здесь в Ленинграде на улице Эрну Бородину, и она мне сказала, что была у тебя вместе с Липец. Прислали ли они тебе деньги? <...>

Дорогая Марфа Семёновна, напиши мне скорее ответ о том, как живёшь. Обещаю тебе также не задерживать ответного письма.

/А. Астахова />¹⁷

¹⁶ «Переписка по научно-консультат<ивной> работе». Индекс № 661. С. 237.

¹⁷ Там же. С. 136—136об. Цитируется по машинописной копии.

Как видим из письма (отражающего, кстати, теплоту и доверительность в отношениях А. М. Астаховой с исполнителями), слагатели «новин» получали, кроме «почета и уважения», существенную материальную поддержку (от денежных вознаграждений до строительства нового жилья).

Весьма красноречив и другой документ: «Отзыв о „былине“ Н. А. Трофимовой», сохранившийся фрагмент которого мы приводим полностью. Он убедительно свидетельствует о том, что фольклористов едва ли не раздражали многочисленные «былин-ные» творения на темы революции и современности, но ученые были вынуждены как-то реагировать на них и, более того, направлять и исправлять сочинителей:

«Н. А. Трофимову Отдел фольклора¹⁸ слушал два раза. Первый раз она выступала как исполнительница литературных произведений, что Отделом и было одобрено. Второй раз Нина Антоновна читала один из вариантов сказа (в форме былины) о С. М. Кирове. Научные сотрудники приветствовали опыт создания такого сказа и в процессе обсуждения сделали целый ряд замечаний, которые сводились к следующему:

1. Биография С. М. Кирова была дана слишком протокольно, с перечислением всех деталей того или иного этапа борьбы. Это мельчало образ Кирова как народного героя.

2. Образы сказа искусственны.

3. В сказе неумело сочетались шаблонные литературные обороты с традиционными былинными выражениями.

4. Отдельные моменты из биографии Кирова были даны в политически неправильном освещении. Тов. Трофимова обещала „в корне“ переработать свое произведение. Представленный в редакцию „Литсовременника“ сказ, по-видимому, является последним, новейшим вариантом. В этот вариант Трофимова ввела больше общих моментов революционной борьбы. Но она ничего не сделала для того, чтобы образ Кирова сделать народным, чтобы уничтожить обилие избитых литературных образов <...> Отдельные места по-прежнему являются политически неправильными.

Свое произведение Трофимова называет былиной, но, конечно, в данном случае не может быть и речи о каком-либо сопоставлении с былиной; сказ Трофимовой механически использует отдельные приемы былинной традиции и поэзии. С художественной стороны сказ Трофимовой представляется очень бледным. Ее „былина“ разорвана на ряд звеньев (всего 111) — сообразно с отдельными моментами из биографии С. М. Кирова. В произведении Трофимовой заметна чрезмерная перегрузка не-

¹⁸ Отзыв относится, по-видимому, к 1939 году, когда на основе Фольклорной секции ИАЭ был сформирован Отдел фольклора в ИЛИ (ИРЛИ) АН СССР.

которыми приемами народной поэтики, например, отрицательными параллелизмами:

„То не ветер шумит по-весеннему (стр. 3)

.....
То не стая серых коршунов“ (стр. 4)

(надо заметить, что коршуны стаяй не летают)

Таких параллелизмов на 10-ти стр. — 9. Об отсутствии художественного чутья у Трофимовой свидетельствуют несоразмерные образы, применяемые ею для выражения народного горя по поводу ареста и по поводу смерти С. М. Кирова, стр. 6 и 10.

„То не туча проливала дождь на землю-матушку —

То из глаз людских лились слезы реченькой“ (с. 6)

„Горько всплакался трудовой народ о потере друга верного“».¹⁹

В конце 30-х годов экспедиционная деятельность Фольклорной секции на Русском Севере была фактически прервана. Кроме обследования фабрик и заводов, приоритетной стала собирательская работа в национальных районах различных республик СССР. Что же касается фольклорных экспедиций на Русский Север, то они в основном свелись к поездкам А. М. Астаховой в Зимнюю Золотицу для записи репертуара Марфы Крюковой. Это было очевидно даже неспециалисту. В своем письме к А. М. Астаховой, датированном 25.04.1938 г., воронежский учитель П. П. Чужимов, в частности, писал: «Если возможно, то я с великим удовольствием принял бы участие в работе по обследованию фольклорных явлений в Зимней Золотице и по всему Зимнему берегу. Мне кажется, что недостатком всех обследований фольклора за истекшие годы было то, что сосредоточились только на одной М. С. Крюковой».²⁰

Судьба М. С. Крюковой как сказительницы, имевшей в свое время такой большой успех, на самом деле глубоко трагична. С ней, кроме А. М. Астаховой, работали многие: и Э. Г. Бородина, и Р. С. Липец, и писатель А. А. Морозов, и учитель П. П. Чужимов, и, вероятно, кто-либо еще. Позволим себе высказать предположение, что кое-кто был не просто «констататором», но в определенной мере и «соавтором». Это приводило не к явному разрыву с традицией (как в случаях с «новинами»), а к незаметному ее искажению. Приведем лишь один пример. Сюжет духовного стиха «Инок и Христос» вполне традиционен. В свое время А. В. Марков записывал его от матери

¹⁹ «Отзывы и заключения о научных работах сектора». Индекс № 662. С. 82—82об.

²⁰ Индекс № 661. С.181об. В РО ИРЛИ (Р. V. К. 72) имеются записи самого П. П. Чужимова, произведенные в Зимней Золотице.

Марфы Семеновны — Аграфены Крюковой. В тексте, записанном от М. С. Крюковой в 30-е годы, настораживает даже не компилятивный его характер, не «раздувание» объема, а «утрата» основных религиозно-философских образов — оброненного в море церковного ключа и потерянной «золотой» книги. Отсюда никак не связанный с традицией «поворот» сюжета: встреченный Христом инок плчет, так как монахи не пускают его «в келью-ту во пустыни».²¹

Относительно второй половины 30-х годов XX в. мы вынуждены сказать следующее. Только лица, не связанные официальными обязательствами, отчетами и прочим — такие, например, как Ф. А. Абрамов (бывший в то время еще студентом Ленинградского университета), могли проводить на Русском Севере собирательскую работу, и притом весьма успешно, записывая вовсе еще не стертые из памяти народной образцы традиционной устной культуры.²²

Далеко не лучше обстояли дела и с публикацией тех экспедиционных материалов, которые удалось записать сотрудникам Фольклорной секции в конце 20-х—начале 30-х годов.²³

И что уж говорить о «крестьянском фольклоре», когда издание даже такого идеологически бесспорного и всячески пропагандируемого материала, как революционные песни, зависело от прихоти «партийной элиты». Вряд ли требует комментариев письмо из Музгиза, присланное на имя Директора Института антропологии, археологии и этнографии «т. Струве»: «В июне 1937 г. т. Друскин по Вашему поручению привез в Москву рукопись „Революционные песни“ по договору № 4616 и согласно Вашего поручения вел переговоры относительно приглашения специального редактора для этой работы.

Так как мы имели предварительное одобрение материала т. Кржижановским, то сочли возможным лишь на основании беглого просмотра произвести второй платеж по договору.

Уезжая из Москвы, т. Друскин оставил мне письмо, в котором писал: „Еще раз беседовал с Гл. М. Кржижановским. Он рекомендует в качестве отв<етственного> ред<актора> сб<орника> революц<ионных> песен свою жену Зинаиду Павловну Крж<ижановскую>.

Мне кажется, что эта кандидатура идеальна. Несомненно, что в редакции Глеб Макс<имилианович> примет самое близкое и энергичное участие“ (5.VI1937).

²¹ РО ИРЛИ. Р. V. К. 146. П. 2. Ед. хр. 7.

²² Записи Ф. А. Абрамова хранятся в РО ИРЛИ. Р. V.

²³ Многие (но далеко не все) из этих материалов лишь в последние годы увидели свет на страницах настоящего издания и ежегодника «Русский фольклор».

В письме от 8-го июня из Ленинграда т. Друскин писал: „Кандидатура З. П. Кржижановской в качестве ответственного редактора сб. „Революционных песен“ в Фольклорной секции была встречена с большим энтузиазмом».

23-го июня Музгизом был заключен договор с З. П. Кржижановской и рукопись отправлена ей на редактуру.

16-го августа т. Кржижановская рукопись вернула, отказавшись от работы.

В устной беседе с сотрудником изд-ва т. Бейчек тов. Кржижановская свой отказ объяснила тем, что материал подобран недостаточно тщательно и добросовестно и редактировать его трудно.

Вступительная статья совсем не характеризует эпохи, а из текста песен смело можно исключить одну треть сборника, не представляющую никакого интереса.

На основании этого разговора 2-го сентября было отправлено письмо т. Друскину, в котором сообщалось об отказе тов. Кржижановской работать над сырым материалом.

Письмом от 16-го августа т. Кржижановская сообщила: „подробную рецензию доставлю дополнительно“, но затем уехала в отпуск и рецензии до сих пор не представила.

Мы неоднократно запрашивали рецензию по телефону через секретаря и наконец 3-го ноября запросили письменно, сообщив т. Кржижановской, что она поставила нас в чрезвычайно трудное положение перед авторами сборника, задержав присылку развернутой рецензии. Ответа мы не получили.

Управляющий

Государственным Музыкальным

Издательством

/Гринберг/».²⁴

Сегодня кажется невероятным, что могло не увидеть свет такое ставшее классическим издание, как «Былины Севера» А. М. Астаховой. 19 апреля 1937 г. на заседании Президиума Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР было принято постановление: «Разрешить издать в 1937 году 1 том работы Астаховой „Былины Северного края“, объемом в 30 авт. лист.».²⁵ Но книга вышла из печати лишь в 1938 г. И объяснялось это не техническими причинами. Заведующим Ленинградским отделом редакции Издательства АН Г. Адонцем на собрание А. М. Астаховой был дан резко отрицательный отзыв (от 10.07.37 г.), выдержки из которого мы здесь приводим:

«В центре данного издания надо поставить собственно бы л и н ы, расположив их по тематическому принципу <...> За основу следует принять наиболее полный текст былины со все-

²⁴ Индекс № 661. С. 119—119 об.

²⁵ Там же. С. 118.

ми значительными вариантами. Различного же рода разночтения <...> отнести к примечаниям <...> В статье А. М. Астаховой „Северный период в развитии русского эпоса“ нет ни одного слова о дискуссии, связанной с постановкой в Камерном театре „Богатырей“ Д. Бедного. Между тем как эта дискуссия имеет большое политическое и научное значение, особенно для фольклористики.

В статье имеется ряд и других существенных недостатков. Прежде всего, полемическую часть статьи следует значительно сократить, тем более что в рукописи автор указывает неоднократно на контрреволюционные запрещенные книги. Нет необходимости популяризировать враждебные нам буржуазные теории о том, что крестьянство только „перевирало“ созданный якобы „княжеско-дружинной средой“ былевой эпос, и т. д. <...> Оставляя в стороне основные проблемы былевого эпоса, А. М. Астахова уделяет исключительное внимание ряду побочных вопросов, как, например, о местах культивирования былин, об исполнителях и пр. <...> Статья касается главным образом содержания былин, в ней нет анализа былины как художественного произведения. Никак не показывается роль и значение ее в народном творчестве, ни слова не говорится о языке былины. В частности, не уделено почти никакого внимания такому фактору, как влияние литературных источников на былинное творчество, тем более, что значительная часть сказителей былин оказалась грамотной. А. М. Астахова проходит мимо вопроса фальсификации или искажений, внесенных буржуазными собирателями, исследователями, редакторами, цензурой и проч. Совсем не поставлен вопрос, что же нового внесено в изучение былевого эпоса советскими фольклористами и пр. Статья должна быть коренным образом перестроена. <...> Взятая социологическая терминология недостаточно еще освоена автором. На статье лежит также большой груз формалистической терминологии. <...> Язык статьи крайне сух и бледен, статья нуждается в литературной обработке. <...> Указанные недочеты сигнализируют о том, что к рукописи т. Астаховой ответственный редактор проф. М. К. Азадовский отнесся крайне недобросовестно».²⁶

В докладной, адресованной Директору ИАЭ, М. К. Азадовский дал подробный ответ на этот отзыв, начав его с утверждений: «Я ни в коем случае не могу согласиться с данным отзывом и считаю его вообще плодом какого-то недоразумения. Автор отзыва, видимо, совершенно не представляет специфики научного издания вообще и фольклористического в частности. Требования, которые выдвинуты в этой рецензии, применимы лишь к научно-популярному изданию или к какому-либо сочи-

²⁶ Индекс № 662. С. 13—15.

нению о былинах общего характера и, конечно, они идут совершенно вразрез с теми научными задачами, которые поставил автор книги».²⁷

К счастью, как мы знаем, «Былины Севера» все же были изданы и по достоинству оценены при жизни их составителя, а не после его смерти, как это часто бывало в русской истории. Вот что писал в 1940 г. академик А. С. Орлов: «Книга, изданная в 1938 г. фольклорной комиссией при Институте этнографии Академии Наук СССР под заглавием „Былины Севера. Том первый. Мезень и Печора. Записи, вступительная статья и комментарий А. М. Астаховой“, представляет собою выдающееся явление в истории фольклорного литературоведения. Начиная с производства записей и кончая историко-литературной их обработкой, все в книге отличается вдумчивостью, добросовестностью и совершенством метода. Все, что в книге принадлежит руководству и творчеству Анны Михайловны, сделано и оформлено совершенно достойно Всесоюзной Академии Наук, как ведущего научного учреждения Союза ССР.

Необычайная трудоспособность, удивительная скромность, теплое отношение к носителям русского фольклора, глубокое понимание народной эстетики, непревосходимая опытность в экспедиционной практике и глубочайшая осведомленность в истории фольклорной науки — вот качества работы нашего товарища, великолепного русского ученого, Анны Михайловны Астаховой».²⁸

Документы 30-х годов рисуют довольно мрачную картину реальной жизни ленинградских фольклористов. Остается лишь удивляться бесконечному мужеству ученых в то нелегкое, порою поистине драматическое время, о котором многое уже сказано и всё равно сказано не всё.

²⁷ Там же. С. 75.

²⁸ Там же. С. 104.

РАЗДЕЛ II. ФОЛЬКЛОР. НЕИЗДАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ЗАПИСИ К. Д. КАВЕЛИНА

Публикация Е. П. Гладких (Фрэнсис)

Константин Дмитриевич Кавелин (1818—1885) известен в первую очередь как историк, философ и один из лидеров либерально-демократического движения, сыгравший важную роль в подготовке крестьянской реформы 1861 г. Деятельность его как фольклориста и этнографа остается малоизученной и до сих пор не оцененной по достоинству. Сделать это представляется тем более важным, если обратить внимание на тот факт, что Кавелин в конце 30-х годов XIX в. стоял «у колыбели» фольклористики, не только занимаясь сбором фольклорно-этнографического материала, но и предложив свою теорию его интерпретации на базе уже разработанной им для истории права методологии («историко-юридическая» или «государственная» школа, школа «родового быта»). Эта сфера интересов исследователя до сих пор освещена недостаточно.

Очень немногие современники Кавелина писали о нем как о собирателе, этнографе и фольклористе-теоретике. Впервые о Кавелине как об одном из своих корреспондентов упомянул П. В. Киреевский в 1848 г. во введении к «Русским народным стихам», сообщив о доставленных им тульских и нижегородских песнях.¹ В 70-е годы три духовных стиха коллекции Кавелина публикует П. А. Бессонов.² Большая часть записей была опубликована в «Старой» и «Новой» сериях «Песен, собранных П. В. Киреевским».³

¹ Русские народные песни, собранные Петром Киреевским. Ч. I: Русские народные стихи // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1848. № 9. С. V.

² Калекы переходные: Сборник стихов и исследование П. Бессонова. М., 1861. Вып. 1. С. 225—226; 1863. Вып. 5. С. 74—75; 1864. Вып. 6. С. 282—283.

³ Песни, собранные П. В. Киреевским. («Старая серия») (далее в примечаниях — СС). М., 1868. Вып. 7. С. 25—26, 195—196; 1872. Вып. 9. С. 109—110;

Долгое время вопрос о вкладе Кавелина в знаменитое «Собрание» Киреевского оставался открытым и был своеобразным «белым пятном». Его имя как собирателя появляется в работах фольклористов только спустя годы, что было связано с возникшим в то время интересом к «Собранию». С конца 50-х до второй половины 70-х годов XX в. печатается ряд статей, посвященных различным коллекциям в его составе. Наряду с констатацией содержания большого количества неизданных песен высокой художественной ценности в них отмечается колоссальность архива Киреевского в количественном отношении, его неразобранность; наличие большого количества опечаток и разного рода ошибок в «Старой» и «Новой Сериях» и подчеркивается важность научного переиздания «Собрания»; открываются новые имена ранее неизвестных корреспондентов и оценивается их вклад. Как указывал С. А. Макашин, исчерпывающая характеристика и полная публикация «Собрания» потребовала бы многих томов и стала «делом будущего <...> одной из крупных эдиционно-текстологических задач современной фольклористики». ⁴ Наиболее интересные исследования в этой области принадлежат перу А. Д. Соймонова, ⁵ П. Д. Ухова, ⁶ А. И. Баландина, З. И. Власовой. ⁷ В их статьях содержатся сведения о вкладах Н. П. Борисова, Д. А. Валуева, А. Х. Востокова, А. В. Кольцова, П. М. Перевлесского, А. С. Пушкина, П. М., А. М. и Н. М. Языковых, П. И. Якушкина и многих других собирателей.

Необходимо отметить тот факт, что коллекции Кавелина уделялось гораздо меньше внимания. Так, в одной из заметок Ухова конца 50-х годов о собирателях, сотрудничавших с Киреевским, имя историка не упо-

1874. Вып. 10. С. 25, 39—40, 89—90; Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия (далее в примечаниях — НС). М., 1917. Вып. 2, ч. 1; 1929. Вып. 2, ч. 2.

⁴ Макашин С. А. О новых материалах архива П. В. Киреевского // Славянские литературы. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968): Доклады советской делегации. М., 1968. С. 338.

⁵ Записи былин первой половины XIX века в собрании П. В. Киреевского // Русский фольклор. Т. V. М.; Л., 1960. С. 367—381; К истории собрания П. В. Киреевского (роль братьев Языковых в его создании) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Т. III. М., 1965. С. 124—144; Вопросы текстологии и публикации фольклорных материалов из собрания П. В. Киреевского // Принципы текстологического изучения фольклора. Л., 1966. С. 5—36; Киреевский П. В. // Краткий энциклопедический словарь. Т. 3. М., 1966. С. 418.

⁶ Ухов П. Д. 1) Неизвестные материалы из собрания П. В. Киреевского // IV Международный съезд славистов. М., 1958; 2) П. И. Якушкин и А. Н. Афанасьев — издатели «Старой серии» песен П. В. Киреевского // Научные доклады Высшей школы. Сер. филол. 1959. № 4. С. 169—173; 3) Неизданные материалы собрания П. В. Киреевского (резюме доклада) // IV Международный съезд славистов: Материалы дискуссии. Т. I. М., 1962. С. 522—523.

⁷ Из ранней деятельности П. И. Якушкина. (По забытым и неопубликованным материалам.) // Русская литература. 1959. № 4. С. 195—197; Ранний период деятельности П. И. Якушкина // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1963. С. 14—35; Текстологические принципы издания русских народных песен в начале XX века (по материалам «Новой серии») // Принципы текстологического изучения фольклора. Л., 1966. С. 37—71.

минается, хотя речь идет о менее объемных коллекциях (Н. Борисов, Е. Томилин, В. Сопиков).⁸ Впервые в советскую эпоху о Кавелине как собирателе фольклора написали Баландин и Ухов в томе 79 «Литературного наследства», предваряя небольшой заметкой несколько ранее неопубликованных текстов, записанных им в Тульской и Калужской губерниях.⁹ Известно, что именно Ухову принадлежит заслуга многочисленных открытий (коллекции Н. В. Гоголя, А. В. Кольцова) при исследовании «Собрания» Киреевского, в котором он обнаружил около 2000 неизданных песен. В ряду других он отметил и коллекцию Кавелина, в которой нашел ряд неопубликованных записей. В том же томе «Литературного наследства» о Кавелине — корреспонденте Киреевского упоминается в разделе «Судьба песен, собранных П. В. Киреевским», принадлежащем перу вышеупомянутых авторов.¹⁰ Об этом также писали Г. Н. Парилова и А. Д. Соймонов¹¹ в статье «П. В. Киреевский и собранные им песни». Отдавая должное Ухову как исследователю, впервые серьезно заявившему о ценности коллекции Кавелина в «Собрании» Киреевского наряду с такими ее известными составляющими, как, например, записи братьев Языковых и Якушкина, нельзя не упомянуть и о работах конца 60-х годов XX в., где о ней как об общеизвестном факте упоминается уже в специальных текстологических исследованиях.¹² При этом необходимо отметить, что, несмотря на большой интерес в 60—70-е годы к истории «Собрания» Киреевского и появление ряда исследований, посвященных различным собирателям, принявшим в нем участие,¹³ никто до сих пор не дал количественной и качественной характеристики коллекции Кавелина. Как можно заключить из научного наследия Ухова и его архивов, он, вероятно, предполагал в свое время заняться разработкой этого вопроса, но смерть, последовавшая в 1963 г., не позволила завершить начатое.

⁸ Ухов П. Д. Найлены тексты 2000 народных песен // Литература и жизнь. 1958. № 13. С. 4.

⁹ Баландин А. И., Ухов П. Д. К. Кавелин // Песни, собранные писателями: Новые материалы из архива П. В. Киреевского. Литературное наследство. Т. 79. М., 1968. С. 559.

¹⁰ Там же. С. 77—120.

¹¹ Там же. С. 9—76.

¹² Лазутин С. Г. Композиция русской народной лирической песни // Русский фольклор. Вып. V. М.; Л., 1960. С. 200—218 (частичное цитирование кавелинских песен); Власова З. И. Текстологические принципы издания русских народных песен в начале 20 века (по материалам «Новой серии») // Принципы текстологического изучения фольклора. Л., 1966. С. 37—71.

¹³ Соймонов А. Д. Записи былин первой половины XIX века в собрании П. В. Киреевского // Русский фольклор. Вып. V. М.; Л., 1960. С. 367—381; Власова З. И. Коллекция лирических песен в собрании П. В. Киреевского (30-е гг. XIX века) // Русский фольклор. Т. VII. М.; Л., 1962. С. 328—342.; Соймонов А. Д. 1) К истории собрания П. В. Киреевского (роль братьев Языковых в его создании) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Т. III. М., 1965. С. 124—144; 2) Вопросы текстологии и публикации фольклорных материалов из собрания песен П. В. Киреевского // Принципы текстологического изучения фольклора. Л., 1966. С. 5—36; Баландин А. И. К атрибуции «Песен» П. В. Киреевского (записи Н. П. Борисова) // Фольклор: Издание эпоса. М., 1977. С. 238—265.

Что касается повторных изданий записанного Кавелиным в 30—40-е годы материала, то здесь, к сожалению, можно привести только несколько примеров. Составитель сборника «Собрание народных песен П. В. Киреевского» В. И. Калугин поместил около пятидесяти текстов коллекции Кавелина из «Старой» и «Новой» серий под рубрикой «Песни, записанные К. Д. Кавелиным в Тульской губернии».¹⁴ Также отдельные песни этой коллекции можно обнаружить в различных тематических сборниках,¹⁵ но до сих пор выпущенное Калугиным «Собрание» — единственное, но неполное переиздание коллекции песен Кавелина. Также нами было опубликовано несколько ранее неизданных записей.¹⁶

География фольклорных записей К. Д. Кавелина обширна и включает в себя семь населенных пунктов, расположенных в Калужской, Московской, Нижегородской и Тульской губерниях.

1. Калужская губ., Боровской у., д. (сельцо) Богоявление (Богоявленское, Блавленье). Большая часть текстов, находящихся в Отделе письменных источников Исторического музея (в дальнейшем — ОПИ ГИМ), имеет помету «1839 г.», а на одном из них есть число — «13 июня».¹⁷ В жанровом отношении эти записи занимают особое место в собрании Кавелина, так как наряду с лирикой содержат сказки и духовные стихи.

2. Калужская губ., Козельский у., д. Бурнашево (Бурнашово, Курнашево). Бурнашево было самым старым среди владений Кавелиных. Его приобрел родоначальник семьи дьяк Иван Кавелин в царствование Алексея Михайловича в 1623 г. Там было записано немного песен. Их копии хранятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (в дальнейшем — ОР РГБ).¹⁸

3. Московская губ., Верейский у., д. Клин. Можно предположить, что записи в ней были выполнены кем-то по просьбе собирателя. Эта догадка кажется тем более вероятной, если обратиться к черновым вариантам текстов собрания Киреевского в ОР РГБ. В ф. 125 в п. 44 на листах с текстами песен этой местности есть помета «Кавелин» рядом с указанием места записи. Она представляет собой род «подзаголовка» к шести беловым копиям текстов, сделанных, по нашему предположению, рукой Кавелина, а на черновиках, хранящихся там же, — неразборчивым почерком какого-то неизвестного корреспондента.

4. Нижегородская губ., Княгининский у., д. Сунеево (Сунеевская). Д. Сунеево упоминается в архивах семьи Кавелиных. Среди хозяйственных распоряжений отца собирателя Дмитрия Александровича

¹⁴ Собрание народных песен П. В. Киреевского / Предисловие, послесловие, комментарии, составление В. И. Калугина. Тула, 1986. С. 192—217.

¹⁵ Исторические песни. Библиотека поэта. Малая серия. Л., 1951. С. 143—144, 322—323; Русская историческая песня. Библиотека поэта. Большая серия. М.; Л. 1962. С. 272—273; Исторические песни XVIII века. Л., 1971. С. 172.

¹⁶ «Как милостыню просить» (неизвестная запись духовного стиха из коллекции К. Д. Кавелина) // Живая старина. М., 1994. № 4. С. 44—45; Записи духовных стихов К. Д. Кавелиным // Из истории русской фольклористики. Вып. 4—5. СПб., 1998. С. 338—344.

¹⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 56. Ед. хр. 235. Л. 95.

¹⁸ ОР РГБ. Ф. 125. П. 44. Л. 82.

Кавелина за 1833 и 1836 гг., хранящихся в рукописном отделе Института русской литературы (в дальнейшем — РО ИРЛИ) можно встретить записи о «деревне Сунеевской», «Сунеевой».¹⁹ Наряду с хозяйственной документацией важное подтверждение принадлежности К. Д. Кавелину нижегородских песен — его письмо Киреевскому, а также «Предисловие» последнего к изданию «Русских народных стихов» 1848 г. Необходимо упомянуть и тот факт, что в «Указателе» к беловым копиям в ОР РГБ д. Сунеево упоминается рядом с именем Кавелина (но с ошибочным указанием уезда как «Кинешенского» и «Кинешемского»). Тексты находятся в том же хранилище.²⁰

5. **Тульская губ., Белевский у., д. Зеново (Зиново, Зиновка, Зиково; она же — Матюково).** Имение в этой деревне могло быть приобретено Д. А. Кавелиным после 1816 г., предположительно в 1817 г., приблизительно в то же время, что и Иваново, находившееся по соседству. Оно было частью наследства, оставшегося после смерти Д. А. Кавелина, и первоначально принадлежало его младшему сыну Павлу Дмитриевичу, а после его смерти в 1869 г. досталось Константину Дмитриевичу. Помета о записях песен в д. Зенова многократно встречается в архиве Киреевского в ОР РГБ и ОПИ ГИМ. Там название этого населенного пункта несколько раз подвергается искажениям: «Зинова», «Зиновка», «Зиново», «Зиково». Это место записей отмечают и «Указатели» к материалам Киреевского в ОР РГБ.²¹ Там же есть год записи — «1840»,²² но нет имени собирателя. Беловые копии песен с пометой о месте записи и годе, сделанные рукой Кавелина, находятся в ОР РГБ.²³ Принадлежность их к его коллекции подтверждается упоминанием в текстах величальных песен имени «Константин Дмитриевич». Беловые копии хранятся в ОР РГБ²⁴ и в ОПИ ГИМ,²⁵ на некоторых есть указание Киреевского на Кавелина как на лицо, сделавшее эти записи.

6. **Тульская губ., Белевский у., селцо Иваново.** По свидетельству племянника и биографа К. Д. Кавелина Дмитрия Александровича Корсакова, оно было куплено Д. А. Кавелиным в 1817 г.²⁶ Однако, если судить по переписке последнего с В. А. Жуковским, с которым его связывала дружба, то можно прийти к выводу, что Иваново было куплено двумя годами ранее. Это имение было частью наследства, оставшегося после смерти младшего брата Павла Дмитриевича, и досталось К. Д. Кавелину по раздельному акту 1870 г.²⁷ Иваново постоянно упоминается в эпистолярном наследии семьи Кавелиных. К. Д. Кавелин сделал его своей летней «резиденцией»: часто жил там и отдыхал, уде-

¹⁹ ОР ИРЛИ. Ф. 119. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 1об., 7, 24.

²⁰ ОР РГБ. Ф. 125. П. 50.

²¹ ОР РГБ. Ф. 125. П. 61. Ед. хр. 1 и 2. П. 62.

²² ОР РГБ. П. 62. Л. 114; П. 61. Ед. хр. 2. Л. 96, 143.

²³ ОР РГБ. Ф. 125. П. 42.

²⁴ ОР РГБ. Ф. 125. П. 5, 18, 51 и 57.

²⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 56. Ед. хр. 222.

²⁶ *Корсаков Д. А.* Константин Дмитриевич Кавелин: Материалы для биографии. Из семейной переписки и воспоминаний // Вестник Европы. 1886. Кн. 5. Май. С. 13.

²⁷ РГИА. Ф. 577. Оп. 43. Ед. хр. 321. Л. 3.

ляя много времени вопросам образования крестьян и хозяйственным нововведениям. О фольклорных записях в Иваново свидетельствует письмо собирателя другу В. А. Елагину, датированное 1840 г., а о доставленных Кавелиными песнях из Тульской губ. пишет Киреевский в «Предисловии» к изданию «Русских стихов».

В фонде Ф. М. Глинки в Российском государственном архиве литературы и искусства (в дальнейшем — РГАЛИ) находится небольшая самодельная сшитая нитками тетрадь, содержащая около 30 текстов (так называемая ивановская тетрадь). Она заполнена почерком К. Д. Кавелина, а на ее «титальном» листе его помета: «Песни, записанные в сельце Иванове, Тульской губернии, Белевского у., 1839».²⁸ Копии этих песен с указанием на то же место записи есть и в других хранилищах.²⁹

7. Тульская губ., Белевский у., с. Сныхово. Архивы свидетельствуют, что Кавелины были совладельцами Сныхова. В уже упомянутой «тетрадке» из фонда Ф. М. Глинки в РГАЛИ имеются песни, записанные не только в Иваново, но и в Сныхове, о чем есть помета собирателя. Исходя из этого можно предположить, что записи в обеих деревнях делались почти одновременно, а именно в 1839 г. Копии песен с пометой «Сныхово» хранятся в ОР РГБ. О них есть сведения и в «Указателе» к собранию материалов Киреевского из того же архива,³⁰ но без имени собирателя. Беловые копии текстов с пометой о месте записи находятся там же, в п. 42 и 44, а черновики, с указанием на то, что они поступили от Кавелина, — в п. 48.

Среди помет «именных» в копиях песен чаще всего встречается фамилия «Кавелин» (в некоторых случаях — «Записал К. Д. Кавелин», «Ковелин»), но несмотря на определенность указания на лицо, доставившее текст, этот род помет вынуждает усомниться в том, все ли тексты были записаны историком. Так, восемь текстов из Сныхова и один текст из Бурнашево имеют пометы «Д. А. Кавелин», т. е. указывают на отца собирателя — Дмитрия Александровича. Вопрос о принадлежности ему текстов из Сныхова, по нашему мнению, спорный, хотя его имя и встречается в «Новой серии» (№ 1670—1680) в пометах и комментариях, а крупный неразборчивый почерк некоторых копий немного напоминает почерк Д. А. Кавелина, зафиксированный нами в его поздних литературных набросках и дневниковых записях в ОР ИРЛИ. На наш взгляд, справедливо указание Ухова в предисловии к части записей К. Д. Кавелина в «Литературном наследстве», что тексты в «Новой серии» печатались с автографов только К. Д. Кавелина. В истории литературы Д. А. Кавелин известен как член «Арзамаса», литератор-любитель, близкий приятель Жуковского, издатель, ректор Петербургского университета. Письма отца и сына середины 30-х — начала 40-х годов говорят о доверительных отношениях между ними, и особенно близкими были их взгляды в том, что касалось славянофильских пристрастий обоих и религиозных вопросов. В то же время никакие данные (исторические, биографические, мемуарного ха-

²⁸ РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 2. Ед. хр. 16.

²⁹ ОР РГБ. Ф. 125. П. 50.

³⁰ ОР РГБ. Ф. 125. П. 21; П. 62. Ед. хр. 1 и 2.

рактера), не подтверждают факт участия Д. А. Кавелина в пополнении коллекции сына. Важно учесть еще и то, что по воспоминаниям внука Д. А. Кавелина историка Д. А. Корсакова уволенный в отставку по здоровью 53-летний Дмитрий Александрович в 40-е годы интересовался главным образом религиозными вопросами и был далек от увлечения фольклором. Архивные материалы собрания П. В. Киреевского ни подтверждают и ни опровергают факт участия Д. А. Кавелина в доставлении материалов Киреевскому, поэтому, как и Ухову, он нам кажется маловероятным.

Коллекция Кавелина включает около двухсот единиц фольклорных записей. Если попробовать оценить ее с качественной стороны, то можно отметить, что в ней представлены не все жанры. Отсутствуют былины, пословицы, поговорки, заговоры, загадки, былички, легенды, предания. Кроме двух троицких песен в ней нет образцов, относящихся к календарной обрядности, нет детского фольклора. Все остальные жанры можно найти с достаточной степенью разнообразия.

Необходимо подчеркнуть, что, хотя в этой коллекции большая часть песен — варианты уже опубликованных в конце XVIII в., значительное число сюжетов, помещенных в «Старой» и «Новой» сериях, были зафиксированы впервые именно Кавелиным. Как известно, по времени записи песен Кавелин был одним из самых первых корреспондентов Киреевского. Если сам основатель «Собрания» начал работу в 1831 г., то следующие по времени записи принадлежат только двум корреспондентам: Кавелину (1836—1839 гг.) и П. М. Перевлескому.

Наибольшее количество песен рассматриваемой коллекции — свадебные. Одно из вероятных объяснений такого преобладания — пристальный интерес Кавелина как историка древнерусского права к свадебной обрядности. Как известно, исследователи, принадлежавшие к школе «родового быта», рассматривали ее в качестве основного материала, подтверждающего главные положения их теории.

Свадебных песен — шестьдесят семь, включая отрывки текстов из Дятлово, включенные нами в состав коллекции предположительно. Что касается последних, то большая часть этих текстов в опубликованных в «Новой серии» записях обрядов приведена не полностью: как правило, это только зачин, что затрудняет их анализ и поиск вариантов.

Большую группу составляет обрядовый фольклор из Иванова, Зинова и Сныхова. Кроме помет о месте записи песни из Иваново объединяют имена жениха и невесты: Иван Иванович, Настасья Григорьевна или Дарья. В свадебном цикле из Зиново имена жениха и невесты: Данила Микитьевич и Настасья Семеновна, в песне «Не мечись, рыба-щука, не мечись» упоминается название деревни («зеновски ребята»), а в трех песнях в качестве холостого гостя назван сам собиратель — Константин Дмитриевич. Последнее доказывает, что в этой деревне Кавелин записывал песни сам.

В этой части коллекции мало фрагментарных текстов, таких как «Не у трубушку трубит рано по зари — Дарьюшка плачит по русой косе» или «У Миките за столом Два цветочка расцвели». Как «ивановский», так и «зиновский» циклы отличаются хорошей сохранностью текстов и полнотой прокомментированных в них эпизодов свадьбы: от

сватовства до песен, исполняемых при разувании жениха. Особенно много среди них песен величальных. Обращает внимание отсутствие корильных песен и причитаний. Последние фрагментарно представлены только в записях из Дятлово. Почти все свадебные песни были напечатаны в I и II выпусках «Новой серии», переиздавались в «Собрании народных песен Киреевского» в 1986 г.

В этой группе — двадцать песен, которые впервые были записаны Кавелиным и опубликованы в «Собрании» Киреевского. Среди зиновских песен это: «А кто у нас не женат? А кто ж у нас холостой?», «В огороде конопля, конопелюшка», «Воробушек, воробей, Сколь далеко отлетал?», «Господа за речкою, Господа за быстрою», «За Доном, Доном Белая рыба играла», «За Доном, за Доном, За тихим Дунаем», «Константин Дмитриевич, не ходи по бережку», «Летели голуби через двор, Вдарили крыльем от терём», «Мимо мой зелёный сад Пролетали чижечки», «На горе дубок, приклонясь стоит, Все веточки пригнулись», «Не вылетывай, утушка, Из зеленого тростничка», «Не мечись, рыба-щука, не мечись», «Свети, свети, месяц, Среди Москвы», «Там, там на Дону Тонка, гибка жердочка», «Темна, темна осенняя ночушка, Прождалася соколиная матушка», «Травушка-муравушка, Лазоревый цветок», «У ворот сосенушка зеленая, У Данилы жена молодая», «У Миките за столом Два цветочка расцвели».

В качестве образчиков оригинальных сюжетов можно привести несколько текстов. Например, величальная невесте «На горе дубок приклонясь стоит» с последними стихами:

Князя Бояре станьте к стороне,
Побе слободе.
Миня батюшка хочет жаловать
Он не селами, не деревнями —
Каменной Москвой с маскорадами.

В количественном отношении на втором месте в коллекции Кавелина стоит группа лирических песен: любовных (сорок восемь) и семейно-бытовых (семь). Большая их часть была опубликована в «Новой серии».

Особую группу песен составляют те, которые близки к литературным образцам. Известно, что Киреевский не считал их в равной степени заслуживающими внимания наряду с традиционной лирикой; в изданиях «Собрания» их немного. Значительная их часть — анонимные светские силлабические песни. Они достаточно широко представлены в коллекции Кавелина и составляют существенную долю неопубликованного материала. Часть таких текстов находится в «Беловой папке 13» ОР РГБ, озаглавленной «Романсы и лакейские»;³¹ часть — в п. 53 в группе песен какого-то корреспондента Кавелина с позднейшими пометами издателей «романс» и «лакейская» (на копиях в других хранилищах пометы имеются «24-б» и «Сныхово»). В группе текстов из Сныхова и соседнего с ним Бурнашева находятся две такие песни: «Ты потмишь, потмишь, день полуденной» и «Куда мне, сердце страст-

³¹ ОР РГБ. Ф. 125. П. 17.

но».³² Из Бурнашево в «Беловой папке 7. Баллады, элегии» — песни малограмотного корреспондента: «Ты малоденький малодчик, Мальчик маладой» с пометой «25-б» и «Ты потмись, потмись, день полуденной, Потемнись ты, солнце красное» с пометой «21-б».³³ Были такие песни записаны и в Зиново:³⁴ «Наступаить злое время — Осень, хладная зима»; в Богоявленье³⁵ «Никак невозможно Без печали жить»; в Сунеево:³⁶ «Что на свете пружестоко Оставляет здесь миня», «Во прекрасную долине, Где я с малых-те лет жил», «Кабы дожжечик-ненастье — То бы было мое счастье».

Некоторые такие тексты невозможно определить по местности. Такова песня «Ах, как нет в свете несчастнее меня, Все веселости сокрылись от меня», в основе которой, по нашему предположению, романс неизвестного автора «Есть ли кто в свете безщастнее меня — Все веселости сокрылись от меня».³⁷ Существуют данные, что эта песня бытовала в начале XX века: ее записал А. Усов в 1915 г. как исполняемую народными хорами в трактирах Нижегородской губернии.³⁸

Есть среди подобных песен и те, которые мы нашли в ОР ИРЛИ в копиях текстов кавелинской коллекции архива Ухова. Так, песня «Саша, андел, как не стыдна Вещь к себя чужую брать!» — почти буквальное повторение романса начала XIX в. «Саша, ангел! Как не стыдно Вещь к себе чужую брать?».³⁹ Эта песня входит в небольшое число тех, которые почти точно воспроизводят печатные источники. Это относится, например, и к последней, которая есть в сборнике С. И. Комиссарова,⁴⁰ к написанному в 1795 г. романсу И. И. Дмитриева «Куда мне, сердце страстно»,⁴¹ в котором в последней строфе отлично только имя «Хлоя», а не «Темира», как в кавелинском тексте.

Особая подгруппа текстов этого рода — песни, в которых почти не видна литературная основа за счет сокращения и изменения текста.

³² ОР РГБ. Ф. 125. П. 48.

³³ ОР РГБ. Ф. 125. П. 8.

³⁴ ОР РГБ. Ф. 125. П. 18.

³⁵ ОР РГБ. Ф. 125. П. 15.

³⁶ ОР РГБ. Ф. 125. П. 50.

³⁷ Новый российский песенник. Ч. III. СПб., 1791. С. 7. № 8.

³⁸ Усов А. Фольклор Горьковской области: Русские песни. Горький, 1940. С. 143—144. № 4.

³⁹ Новейший и полный российский общенародный песенник, содержащий в себе всеобщее собрание всех родов новейших и употребительнейших песен. М., 1810. С. 64—65. № 51; Новейший туалетный песенник для милых девушек и любезных женщин или собрание лучших песен. Ч. I. Орел, 1821. С. 115—116, № 61 и др.

⁴⁰ Комиссаров С. И. Самый новейший отборнейший Московской и Санкт-Петербургской песельник, собранный из лучших и новых употребительнейших песен. М., 1799. С. 224—225. № 27.

⁴¹ Дмитриев И. И. И мои безделки. СПб., 1795. Перепечатана: Карманный песенник, или Собрание лучших светских и простонародных песен. Ч. I. М., 1796. С. 36—37. № 28.; Комиссаров С. И. Самый новейший отборнейший Московской и Санкт-Петербургской песельник... С. 42—43; Новейший туалетный песенник... Ч. II. Орел, 1821. С. 99—100. № 63; Песни и романсы русских поэтов. Т. I. М.; Л., 1988. С. 147—148. № 78.; Песни и романсы русских поэтов. М.; Л., 1965. С. 147—148. № 77 и др.

К таким примерам относится переделка песни, приписываемой певице Е. С. Сандуновой «Если б завтра да ненастье»,⁴² в плясовую. Среди записей Кавелина это песня из Богоявления «Кабы дожжечек-ненастье». В ней можно найти все характерные признаки народных вариантов: краткость за счет минимального количества мотивов (девушка просит отпустить ее в лес за малиной; у речки бросает цветы, чтобы ее мог отыскать милый; вспоминает о том, что вчера он на нее сердился, просил поцеловать). Однако концовка отлична от авторской, и мотив желанья выйти замуж, совпадая с другими народными вариантами, завершается грубовато-прагматическим заключением:

Поцелую, размильную
И за него замуж пойду,
Чтоб мой миленький не таскался,
Он бы вечно со мной жил.

В Богоявление была записана переделка стихотворения В. К. Тредиаковского «Невозможно сердцу пробыть без печали» — «Никак невозможно Без печали жить», которая от большинства народных вариантов отличается более развернутой концовкой:

Застрелил он девушку
В ретиво сердце. —
Не гневайся, девушка,
Любя прострелил.
Не стой, не стой, девушка,
За частым кустом
С милым молодцем.⁴³

Эту песню записывали и на рубеже веков, и она до конца 60-х годов XX в. входила в репертуар исполнителей Калужского края.⁴⁴

Другие песни этой группы представляют большую трудность для нахождения литературного прототипа и предшествующего печатного источника XVIII в. Например, песня из Зиново «Наступаить злое время — Осень, хладная зима», в которой картина зимнего ненастья передает настроение оставленной девушки, посылающей вздохи «в прекрасную сторонку», чтобы они рассказали любезному о ее горе, неожиданно для такого рода любовной лирики завершается обращением к третьим лицам, намекающим на злодеев-разлучников:

Я живу в гору, страдаю,
Говорю, плачу, рыдаю,
Слезы катются из глаз.

⁴² Русская поэзия: Собрание произведений русских поэтов. СПб., 1897. Т. I, вып. VI. С. 360; Песни и романсы русских поэтов. М.; Л., 1965. С. 200—201. № 113; Песни и романсы русских поэтов. Т. I. М.; Л., 1988. С. 192—193. № 112 и др.

⁴³ Сборник русских народных лирических песен Н. М. Лопатина и В. П. Прокунина. Ч. II, вып. 2. М., 1889. С. 59—62. № 69—74.

⁴⁴ Там же. С. 186—191. № 69—74; *Ермаченко А. В.* Песенное творчество Калужского края. Калуга, 1959. С. 94. № 112.

Отойдите прочь, злодеи,
Мне теперь не до вас —
Расставаться с милым час!

В качестве песен XVIII в., близких к этой, можно привести «Наступало злое время, время плача моего, Я любезного лишаюсь и не буду зреть его...».⁴⁵

В том же сборнике находится один из возможных литературных «прототипов» песни «Протекли мои утехи, миновались, как сон»:

Окончилась моя утеха,
Прошла навек, как лестной сон,
Ни в чем мне нет, ах! нет успеха...⁴⁶

Можно также предположить, что песня испытала влияние романа А. П. Сумарокова «О места, места драгие! Вы уже не милы мне», написанного в конце 1730-х годов.⁴⁷

Что касается текста «Во прекрасную долине, Где я с малых-те лет жил», то нам удалось найти романс, чьи первые две строфы почти полностью совпадают с сунеевской песней. Это произведение неизвестного автора конца XVIII в.:

Вам, прекрасныя долины,
Где я с малых лет жила;
Где не знала я кручины —
Дни в спокойствии вела! —
Вам тоску свою открою,
Я которую терплю,
Как лишившись покою,
Я любовино горю...⁴⁸

Следующая в количественном отношении группа песен — солдатские (девять) и рекрутские (девять). Судя по пометам, их значительная часть была собрана в Зиново и Сныхово в 1840 г. Все они, за исключением песни «У купца было у богатого», на сюжет «Мне которого сына в солдаты отдать» были опубликованы в «Старой» и «Новой» сериях Уховым, перепечатывались в изданиях исторического фольклора, в сборнике Калугина 1986 г.

Большой интерес представляют тринадцать исторических песен. Все они были опубликованы в «Старой» и «Новой» сериях. Благодаря тому, что они являются образчиками ранних записей данных сюжетов, характеризующихся полным их развитием, песни неоднократно переиздавались в специальных жанровых сборниках.

⁴⁵ Новое и полное собрание российских песен. Ч. III. М., 1780. С. 20—21. № 20.

⁴⁶ Там же. Ч. IV. М., 1780. С. 173—174. № 190.

⁴⁷ Песни и романсы русских поэтов. М.; Л., 1965. С. 60—62. № 7.

⁴⁸ Новый российский песенник. Ч. I. СПб., 1791. С. 40—41. № 35; *Комиссаров С. И.* Самый новейший отборнейший Московской и Санкт-Петербургской песьельник... С. 224—225. № 27; Новейший туалетный песенник... Ч. I. С. 50—51. № 27 и др.

Интересными образцами представлен жанр духовных стихов, записанных в Богоявление летом 1839 г. или самим Кавелиным или (судя по помете «Кавелину» на одной из копий) его корреспондентом. Есть в рассматриваемой коллекции песни разбойничьи. Их девять, и все они, кроме нижегородской «Полно, зимушка, зимовати, Полно, миленький, тебе гулять» из Сныхово и Иваново (запись 1839—1840 гг). Разбойничьи песни были опубликованы в «Новой» серии.

Календарная поэзия представлена только двумя вариантами известной троицкой песни «Веселая беседушка». Они были записаны в Сныхово и Иваново и опубликованы в «Новой» серии.

Среди плясовых песен интересны две так называемые малорусские, которые, как можно предположить, были записаны в Сныхово: неопубликованная песня «Мати, гусар в хати» и напечатанная «Дочи, что у тя, дочи, воротца скрипели?». Обе они были впервые записаны Кавелиным. Оригинален второй сюжет, развивающийся на основе комического диалога дочери и матери. По сведениям из комментариев Соболевского, поместившего один вариант песни в свое собрание, после «Новой» серии вариант песни, найденный им одним из рукописных сборников XVIII в., был опубликован только однажды в 1892 г.⁴⁹

Некоторые жанры представлены в коллекции единичными текстами. Это, например, относится к опубликованной в «Новой» серии бурлацкой песне из Сунеево «На славном Василиском острове Тут соходились добры молодцы». Песня была впервые записана Кавелиным и предположительно относится к той группе песен из Нижегородской губернии, которую тот упоминал в письме Киреевскому. Другой пример такого рода единично представленного жанра — популярная разбойничья баллада «Возле Дону, Дону тихаго Там жила-была молодая вдова», известная как «Братья-разбойники и сестра». Песня была опубликована в «Новой» серии и перепечатана в сборнике, изданном в Туле в 1986 г.

Жанры прозаические представлены в коллекции двумя небылицами и тремя сказками. Небывальщины «Мы, бывалоца, были богатые» и «Шли пестры пророки» были записаны в Нижегородской губернии. Они опубликованы в сборнике «Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века». Что касается собственно сказок, то они были записаны в Богоявление. Две из них напечатаны. Первая, «О куме Морозе Ивановиче», согласно Н. В. Новикову, с некоторыми отступлениями от рукописи, была опубликована А. В. Марковым в статье «Сказка о куме Морозе Ивановиче и сербские песни о св. Иоанне».⁵⁰ Вторая сказка — о Колобке — была впервые опубликована Новиковым в «Русских сказках в записях и публикациях первой половины XIX в.». Третья сказка из Богоявления до сих пор не опубликована. Она представляет собой контаминацию нескольких популярных сюжетов: «Дурак-убийца» (индекс «1600=AA1600A»), «Хорошая торговля» (индекс «1642») и «Дурень, его братья (жена и муж) и разбойники» (индекс «1653A, B, C=AA 1653B»). Первые два сюжета под названием

⁴⁹ Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахромееву. Вып. III. М., 1892. С. 159.

⁵⁰ Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1908. Кн. 2. Отд. «Смесь». С. 7—8.

«Удачная продажа» и «Три брата» приводит, к примеру, в одной из статей Н. Ф. Сумцов.⁵¹ Сказка «Три брата» на этот сюжет была записана в Воскресенском р-не Горьковской обл. в 40-е годы XX в.⁵²

Что касается обрядов, то в рассматриваемой коллекции есть неопубликованная запись обряда опахивания, выполненная им в августе 1839 г. в Иваново. Самая ранняя фиксация этого обряда относится к 1810 г.⁵³ Как предполагает Э. В. Померанцева, описание — к Тульской губ.⁵⁴ Если учесть тот факт, что Б. В. Броневский представляет по преимуществу только обрядовые действия, не приводя текстов сопровождающих их песен, а более поздние записи обряда, присланные в Русское Географическое Общество, относятся к середине XIX в., то кавелинскую запись можно считать одной из первых, наиболее полно зафиксировавших как обрядовые действия, так и тексты песен, певшихся при их выполнении.

Нами представлено для публикации 32 текста из коллекции К. Д. Кавелина; 9 лирических и хороводных песен, 8 песен литературного происхождения, 15 свадебных песен, 1 рекрутская песня, 1 сказка и описание обряда опахивания. К песням первого раздела № 3—5, 9 нами не было найдено вариантов. В первом разделе песни № 1 и 2 — варианты одного сюжета: девушка проклинает речку, в которой утонул ее милый; песни 6 и 8 представляют вариант одной и той же популярной хороводной песни «Ой, хмель, мой хмелюшка», трансформировавшейся из свадебной величальной (разговор сына с матерью о выборе невесты). Однако, в отличие от вариантов, в ней нет троекратного осуждения девушек и она заканчивается советом матери жениться на «воеводской дочери». Песня под № 6 интересна тем, что (по указанию собирателя) поется обычно вместе с другой «За речкой слободушка» (№ 7) и сама представляет контаминацию краткого, потерявшего почти все традиционные мотивы, варианта «Ой, хмель, ты мой хмелюшка» и хороводной «Там ходит, гуляет Уляны, Наташи». Текст № 5 «Ой, мати, мати, гусар в хате» предположительно из Сныхово, где были записаны и схожие шуточные песни с предположительным влиянием белорусского фольклора.

В песнях литературного происхождения, составивших второй раздел, под текстами указаны предполагаемые литературные основы. К одной ее найти не удалось — это текст № 1 («Ахти, матушка, голова болит»).

Большую группу составляют 15 свадебных песен. Среди них есть и редкие оригинальные тексты, к которым нам не удалось подобрать вариантов. Это песни из Иванова № 4 («Ивановы кони ни пили, ни ели»), № 8 («На море, на море белая рыбица играла»), № 12 («Приезжал Иван сударь поздно») и № 13 («Прилетела голубка Повитая голоука»).

⁵¹ Сумцов Н. Ф. Малорусские сказки по сборникам Кольберга и Мошинской // Этнографическое обозрение. 1894. Кн. 22. № 3. С. 115—116.

⁵² Сказки И. Ф. Ковалева / Записали и комментировали Э. Гофман и С. Минц; Под ред. Ю. М. Соколова. М., 1941. С. 63—65. № 7.

⁵³ Броневский Б. В. Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 г. М., 1828. Ч. II. С. 362—365.

⁵⁴ Померанцева Э. В. Роль слова в обряде опахивания // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 26.

При просмотре коллекции Кавелина «Собрания» Киреевского нами было обнаружено несколько интересных черновых записей, которые не удалось прочесть и к которым не найдено беловых копий. Работа над различными коллекциями в составе «Собрания»; выявление и публикация записей первой половины XIX в. будет интересным дополнением к уже известным материалам. В печатаемые тексты внесена нормативная пунктуация.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ТЕКСТЫ КОЛЛЕКЦИИ К. Д. КАВЕЛИНА

ЛИРИЧЕСКИЕ И ХОРОВОДНЫЕ ПЕСНИ

1

Ах, подите, приведите мне,
Ково верно я люблю —
Чернобровова, черноглазова
Удалова молодца!
Как чесал ли он кудерки,
Как чесал ли он черные
Частым рыбьим гребешком.
Расчесавши кудерки,
Расчесавши черныя,
Сам к сударушке пошел.
Через реченьку, через быстрюю
Мостовиночка лежит.
Мостовиночка переломилася,
А мой милый утонул.
Ах, как стала я, красная девица,
Горько плакать и тужить,
Быстру речку проклинать:
— Ох, и дай, Боже, чтобы эту речиньку
Занесло желтым песком!..

Копии: ОР РГБ. Ф. 125. П. 8. Л. 158—158об. (помета (далее — пом.) «21-б»); ОР РГБ. Ф. 125. П. 20. Л. 160 (пом. «Кавелин», «21-б»), беловая копия (далее — бел.); ОР РГБ. Ф. 125. П. 48. Л. 20об. (пом. «21-б»), черновая копия (далее — черн.); РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 2. Ед. хр. 16. П. 12; ОР ИРЛИ. Архив П. Д. Ухова (далее — архив Ухова). Л. 31.

Варианты: Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии А. Н. Мордовцевой и Н. И. Костомаровым // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым. 1862. Т. IV. Отд. II. С. 104—105, № 25; Великорусские народные песни, изданные проф. А. И. Соболевским. СПб., 1895 (далее — Соболевский). Т. I. С. 370—378. № 284—290; 1899. Т. V. С. 63—64. № 77. Т. VII. С. 631. № 739; НС. Вып. II, ч. 1. С. 107. № 1551

(Московская губ.); НС. Вып. II, ч. 2. С. 146—147. № 2186 (Орловская губ., Мценский у.); Фольклор Калужской губернии в записях и публикациях XIX—нач. XX в. Вып. II: Необрядовая поэзия // Русская традиционная культура. 1998, № 3—4 (далее — Фольклор Калужской губ. Вып. II). С. 133. № 3.

2

Ох, матушка, тошна мне,
Сударыня, грусна мне —
Умереть с гора хачу...
Пади, пади, матушка,
Приведи, сударыня,
Каво я верно люблю!
Люблю я молодчика,
Люблю чернوبرовава
Удалова маладца:
Хотя он малешенек,
Хотя он дробнешенек —
Удалая ево голова!
Чесал, чесал кудерки,
Чесал кудри черныя
Частым гребнем-гребешком.
Разчесывал кудерки, разчесывал черныя —
Он к сударушке в гости пошел.

Копии: ОР РГБ. Ф. 125. П. 14. Л. 33 (пом. «Кавелин»); в «Указателе»: ОР РГБ. Ф. 125. П. 62. Ед. хр. 1. Л. 61. № 2191; ОР РГБ. Ф. 125. П. 14. Л. 32—32об. (пом. «Кавелин»); ОР РГБ. Ф. 125. П. 15. Л. 214—215об. (пом. «К»); ОР РГБ. Ф. 125. П. 42. Л. 26; ОР РГБ. Ф. 125. П. 53. Л. 89об.; РГАЛИ. Ф. 114. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 11об.; архив Ухова. Л. 31.

Варианты: Соболевский. 1899. Т. V. С. 64—65. № 78; НС. Вып. II, ч. 1. С. 107. № 1551 (Московская губ., Звенигородский у., 1833 г.); Фольклор Калужской губернии. Вып. II. № 1 (первая часть песни).

3

— Девца, красавца ты моя,
Изволь выкушать из рюмочки винца,
Из стаканчика из хрустального пивца.
— Уж я три года сиротинкою слыла,
Сиротинушка по бережку ходила,
Рыбку я, решетом* рыбку ловила,
Через забор дружка я ею кормила.
Уж три минуты миновалось,
Уж я четвертым году плакала...

Копии: РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 8об.—9 (из «Ивановской» тетради); архив Ухова. Л. 29.

* В копии архива Ухова в скобках записано «монистом».

4

Не пой, да не пой, соловьюшка
 Молодыя,
 Живи ж, моя сударушка, живи —
 Ни печалься!
 Сам я, моя любезная, к тебе
 Скоро буду,
 Я сам, мой друг, моя разлюбезная,
 С тобой в гости еду,
 Я сам, мы с тобой, сударушка,
 В Москву в гости едим.
 К Москве, к Москве, ох, моя любезная,
 К Москве к матушки.
 Я сам мою сударыню-матушку
 Ее в Москве па[в]идим.

Копии: РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 7об. (из «Ивановской» тетради);
 архив Ухова. Л. 24.

5

— Ой, мати, мати, гусар в хате,
 Оу тату huzar в хату
 Pustue, пустуе, жаргуе, не дает спати.
 — Ой, доню, доню, не буде дурною —
 Бей же ж гусара хоть кочергою!
 — Боюсь, мати, щоб не зломати,
 Волей гузара дай поцаловати!

Копии: ОР РГБ. Ф. 125. П. 48. Л. 17—17об. (пом. «21-б»); в «Указателе»:
 ОР РГБ. Ф. 15. П. 21. Л. 66 (пом. «малорусская»); архив Ухова. Л. 42 (пом.
 «Д. А. Кавелин»).

6

Ой, по лугу, лугу,
 Лугу зеленова
 Там ходит, гуляйт*
 Удалой молодчик,
 Ни радостен, ни весел,
 Сударушку не нашел.
 Повесил головушку
 На праву сторонушку,
 Видела матушка
 С високава терема:
 — Да ты ль, моя дитятко,
 Чадо дорогая?
 С чего ж, моя дитятко,
 Нивисило ходишь?
 — Сударыня-матушка,
 С чего ж быть веселому?

* *Примечания Кавелина.*

«Иногда песня поется так»:

Там ходит, гуляют
Уляны, Наташи
Сударушки наши.
У Хвеклушки-матки
Головушки гладки.
— С чево ж они гладки?
— До молодца падки.

Прим. Кавелина: «Обыкновенно одну песню поют за другою вслед»

7

За речкою слободушка —
Село нивелично,
Село три дворичка.
В первом-то дворе — дядюшка,
В другом дворе — тетушка,
В третьем — удоушка.
Удоушка-девушка
Такая хорошая,
С собою пригожая:
Она миня сушит,
Она миня крушит.
Присушила черны кудри
Ко <нрзб> голове
И заставила он миня ходить
По чужой стороне,
И заставила любить
Чюжу мужнюю жену!..

Копии: РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 4об.—5об. (из «Ивановской» тетради); архив Ухова. Л. 20—21.

Варианты (для текста 6): Чулков М. Д. Новое и полное собрание российских песен. Ч. III. М., 1870 (далее — Песенник, 1780). С. 108—109. № 106 (первая часть текста); Новейший и полный российский общенародный песенник, содержащий в себе всеобщее собрание всех родов новейших и всеупотребительнейших песен. М., 1810 (далее — Песенник, 1810). С. 191—192. № 170; Соболевский. 1897. Т. III. С. 223—236. № 274—279, 281—287; Нестеров А. Народные песни Горьковской области. М., 1972. С. 59—60. № 56 (первая часть текста); Новикова А. М., Пушкина С. И. Свадебные песни Тульской области. Тула, 1981 (далее — Новикова). С. 25—27. № 1 («песни сговора»); Русская свадьба. М., 2001. Т. II (далее — Русская свадьба. Т. II). С. 194. № 433. (Калужск. Таруса — Ока, «парню»). С. 373. № 433 (Калужск. обл., Куйбышевский р-н, «хороводная плясовая песня для одинокого молодого парня»).

Варианты (для текста 7): Песенник, 1780. Ч. III. С. 108—109. № 106; Соболевский. Т. V. 1899. С. 101—102. № 133; Макаренко А. А. Сибирские песенные старины // Живая старина. СПб., 1907. Вып. III. Отд. II. С. 67. № 55.

Варианты (совместного исполнения 6—7): НС. Вып. I. С. 227. № 826. НС. Вып. II. Ч. 2. С. 4—5. № 1619 (8) (Тульская губ.).

Ой, хмель ты мой, хмелюшка,
 Яровая шишечка!
 Перевелси, мой хмелюшка,
 На наши сторонушки:
 На нашей сторонушке
 Приволье хорошее.
 Приволье хорошее,
 Раздолье широкое.
 На том по раздольицу
 Ходил-гулял молодец,
 Ходил-гулял молодец,
 Уключивши голову,
 Уключивши голову,
 Прижмя руки белые,
 Прижмя руки белые
 К сердцу ретивому.
 Увидала матушка
 С высокава терема:
 — Ни мое ль это дитятко,
 Ни мое ль это милое?
 — Твое, твое, матушка,
 Твое, твое, государыня:
 — Ах, сударыня-матушка,
 Женитца мне хочитца!
 — Жанис, жанись, дитятко,
 Жанись, мое милое!
 Возми, возми, дитятко,
 Княгиню-боярыню,
 Княгиню-боярыню —
 Воеводскую дочирю!

Копии: РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 5об.—6об. (из «Ивановской» тетради); архив Ухова. Л. 22.

Варианты: Некоторые из русских народных песен // Отечественные записки. СПб., 1840. Т. 8, № 2. С. 29. № 14; Собрание народных песен П. В. Киреевского / Записи П. И. Якушина. Л., 1983. Т. I (далее—Якушкин I). С. 70. № 106 (Рязанская губ., 1847 г.); Русские народные песни, собранные П. В. Шейном. М., 1870 (далее — Шейн). Ч. I. С. 130—132, № 83—84 (Орловская, Тульская губ., «хороводные игровые»); Фольклор Калужской губернии в записях и публикациях XIX—начала XX вв. Вып. I: Народные обряды и поэзия // Русская традиционная культура. 1997. № 4—5 (далее — Фольклор Калужской губ. Вып. I). С. 68—69. № 2 (Мещовский у., 1862, «троицкие песни»), Отрывки из народного творчества Пермской губернии / Собрал В. Шишонко. Пермь, 1882 (далее — Шишонко). С. 301—302 («хороводная»); НС. Вып. I. С. 101. № 313 (Московская губ. Звенигородский у., 1832 г.). С. 125. № 405 (Тульская губ. Чернский у.). С. 156—157. № 550 (Орел). С. 179. № 643 (Орловская губ. Малоархангельский у., 1843 г.). С. 210. № 755. С. 219. № 793. С. 224. № 815; Песенное творчество Калужского края / Зап. А. В. Ермаченко. Калуга, 1959. С. 29—30. № 16; Лирика русской свадьбы / Сост. Н. П. Колпакова. Л., 1973 (далее — Лирика). С. 5—6. № 2 (Саратовская обл., 1949 г.); Новикова. С. 25—27. № 1 («песни сговора»). С. 231—232. № 142 (Чернский р-н, 1963 г.);

Русская свадьба. Т. II. М., 2001. С. 194. № 433 (Калужск. Таруса — Ока, «парню»). С. 373. № 433 (Калужск. обл., Куйбышевский р-н, «хороводная плясовая песня для одинокого молодого парня»).

9

По мосточку, по мосточку,
По калинову мосточку
Шел парень,
Парень молодой,
Кричит:
Девица, постой,
Душа-радость, подожди!
— Я б рада те подождала —
Сердце мое не ляжит,
И крепко тебя ни магу любить,
Друг мой милай, мая душа
<нрзб> табе.
Моя ж душа к табе <нрзб>,
Когда твоя душа по мне <нрзб>.

Копии: РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 4об. (из «Ивановской» тетради); архив Ухова. Л. 19.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

1

Ахти, матушка, голова болит,
Худо можится, нездоровится.
Доживу ли я хоть когда-нибудь,
Чтоб я в жизни веселилась?..
У всех гористи убавляются —
Лишь моей душе прибавляется.
Я вчерась со дружкой распростилася,
Сердце нежное вдруг забилося.
Он сказал: «Прости: я ни вспомнилась»,
Прямо в руки к нему бросилась.
Ах, на что сердце оставляешь мне?
Без тебя оно мне не надобно!

Копии: ОР РГБ. Ф. 125. П. 44. Л. 82 (пом. «от Д. А. Кавелина», «Тульск. губ. Бел. у. с. Сныхов»); архив Ухова. Л. 41.

2

Куда мне, сердце страстно,
Куда с тобой бежать?
Здесь должен я всечасно
Печаль мою скрывать.

Друзья мои пеняют,
 Что я всегда уныл!
 Увы! Они не знают, 2
 Таков ли прежде был.
 Ах! Некогда на лире
 И я, резвясь, играл,
 И я <путь> скромный в лире
 Цветами устилал;
 О, грустно вспоминанье!
 Не медлим ни часа,
 Пойдем сокрыть стенанье,
 В дремучие леса. 2
 Там горестью глубокой
 Никто не укорит;
 Ни имени жестокой
 Никто не повторит.
 Пускай я там увяну
 Дней мрачных кончу нить,
 И с жизнью перестану
 <Темиру> я любить.

Копии: ОР РГБ. Ф. 125. П. 48. Л. 22об. (пом. «21-б»); архив Ухова. Л. 38 (пом. Д. А. Кавелин).

Текст, предположительно, из Сныхово.

Варианты (возможный литературный прототип): Карманый песенник или собрание лучших светских и простонародных песен. Ч. I. М., 1796. С. 36—37. № 28; *Комиссаров С.* Самый новейший отборнейший Московской и Санкт-Петербургской песельник, собранный из лучших и новых употребительнейших песен. М., 1799 (далее — Песенник, 1799). С. 42—43; Новейшее собрание отборнейших песен и романсов или подарок милым и прекрасным на Новый год. М., 1829. С. 20—21; Русские песни XVIII века. М., 1958 (далее — Русские песни. XVIII). Ч. II. С. 159—160. № 17 (67).

3

Приходи, денек, скорее,
 Вечерочек, наступай!
 Я считала все денечки,
 Все минуты и часы...
 Не дождавшись вечерочка,
 Я к милу дружку пошла.
 Примечала в моем друге
 Все черты его лица.
 Наглядевшись на милова,
 Я в темы леса пошла.
 Закричу ли, маладенька,
 Громким голосом своим:
 — Ах вы, птицы голосисты,
 Вы слетайтесь ка мне!
 Ах вы, звери, звери люты,
 Вы сбегайтесь ка мне!
 Вот вам пища — мое тело —

Разтерзайте по частям!
Вы оставьте в моем теле
Ретиво сердце одно!
Положите мое сердце
На серебряный поднос,
Отнесите мое сердце
К другу милому momy —
Пусть узнает
И увидит, как любила я его.
Хотя я его любила,
Но он меня позабыл.

Копии: ОР РГБ. Ф. 125. П. 15. Л. 175—175об. (пом. «Кавелин»); ОР РГБ. Ф. 125. П. 17. Л. 124—124об. (пом. «К»); ОР РГБ. Ф. 125. П. 53. Л. 89—89об. (пом. «холопская»); архив Ухова. Л. 45 (пом. «Кавелин»).

Варианты: Песенник, 1780. Ч. II. С. 184—185. № 176 (вторая часть текста); Карманный песенник для милых девушек и любезных женщин или Собрание лучших любовных российских песен. М., 1811 (далее — Песенник, 1811). С. 82—83. № 35; Новейший полный всеобщий песенник, содержащий в себе собрание отборных и всех доселе известных, употребительных и новейших всякого рода песен: В 5 частях. СПб., 1815 (далее — Песенник, 1815). С. 14—15. № 17; Новейший российский избранный песенник. М., 1817 (далее — Песенник, 1817). Ч. I. С. 190—191. № 13; Новейший песенник, содержащий в себе собрание лучших песен. Орел, 1821 (далее — Песенник, 1821). С. 60—61. № 33; Якушкин И. С. 268. № 593 (Рязанская губ.); Шишонко. С. 283; Русские народные песни, собранные Н. А. Львовым / Напевы записал и гармонизировал Иван Прач. СПб., 1896. С. 103. № 103; Соболевский. 1899. Т. V. С. 117. № 154; НС. Вып. II. Ч. 2. С. 302—303. № 2827 (вторая половина текста).

4

Протекли мои утечи,
Миновались, как сон.
Игры, радости и смехи
Превратились в тяжкий стон.
Все в природе перменилось:
День покрылся темнотою,
Солнце для меня затмилось —
Нету милого со мной.
Чем я прежде занималась,
То меня не веселит
Что при нем приятно было,
Теперь душу тяготит.
В город ли когда поеду,
То и там скука со мной:
Выйду ль в шумная соборья —
Вижу лишь себя одну.
Тотчас место то оставлю,
Чтоб найти другой предмет,
В ту минуту я представляю,
Что и тама друга нет.

Копии: ОР РГБ. Ф. 125. П. 17. Л. 73—73об. (пом. «24-б»); ОР РГБ. Ф. 125. П. 38. Л. 119 (пом. «24-б», в группе песен с пом. «Кавелин»); ОР РГБ. Ф. 125. П. 53. Л. 89; архив Ухова. Л. 38а (пом. «Кавелин»).

Варианты (предполагаемый литературный прототип): Песенник, 1780. Ч. IV. С. 173—174. № 190.

5

Прошло время, дорогая,	
Прошло лета и весна.	2
Вдруг настала время злая,	
Мать-холодная зима.	2
Дует страшная погода,	
Шумят ветры вы полях,	
Не велят мне по милой плакать,	
В <поле> вздохи посвистят.	
Уж вы, вздохи, мои вздохи,	2
Вы чижолыи мои!	
Полетите, мои вздохи,	2
В ту прекрасну сторону,	
В ту прекрасную сторонку,	
В славный город в Москву.	2
Вы разыщите дружка милова,	
Расскажите про тоску,	2
Как я мучаюсь, страдаю,	
По голубчику своему,	2
Горькия слезы проливаю,	
Навсегда в слезах тону!	2
Мне подружки говорили:	
— Полно, глупая, тужить,	2
Перестань его любить.	
Выбирай себе любого —	
Ветъ из этих молодцов.	2
Всяк любить тебя готов.	
— Ну, пущай же люди меня любят,	2
Ну, я в свете — никого:	
Люблю дружка одного,	
А страдаю за него — чрез него.	
Я страдаю, он не знает,	2
Знает он, шельма, не забыл,	
Он навек погубил,	2
Худой славой наделил.	

Копии: ОР РГБ. Ф. 125. П. 38. Л. 29 (пом. «Кавелин»).

Варианты: НС. Вып. II. Ч. 2. С. 12—13. № 1656 (27) (Тульская губ., Белевский у., с. Зиново). С. 27. № 1719 (11) (Тульская губ., Чернский у.).

6

Саша, андел, как не стыдна	
Вещь к себя чужую брать!	2
Разве делать етак можно?	
Как же мне без сердца быть?	2

Что держал неосторожна,
 Так и (нада) ухватать. 2
 Если б мне не нужно было,
 Я б ни смел бы и пенять! 2
 Ты же так ведь ухватила,
 Чтобы только поиграть. 2
 Право, я не понимаю,
 Что за мысль к тебе пришла? 2
 Есть игрушек в свете много,
 Кроме сердца моего. 2
 Отдай, Саша, ради Бога,
 Я умру ведь без его!
 Все богатство, все блаженство
 Я имел лишь в нем одно — 2
 Бога правды совершенно
 И постигнул я умом.
 Так зачем в одном предмете
 Ты лишаешь вдруг всего? 2
 Разве можно жить на свете,
 Не имевши ничего? 2
 Ты с собой его не носишь —
 Что же в том будет пути? 2
 Поиграишь, после п(о)бросишь —
 Где же мне его найти?

Копии: архив Ухова. Л. 40 (пом. «Д. А. Кавелин»).

Варианты (предполагаемые литературные прототипы): Песенник, 1810. С. 64—65. № 51; Песенник, 1811. С. 159—161. № 65; Песенник, 1817. Ч. I. С. 97—99. № 39; Песенник, 1818. Ч. I. С. 129—130. № 82; Песенник, 1821. Ч. I. С. 115—116. № 61.

7

Ты малоденький молодчик,
 Мальчик молодой,
 Моему сердцу на свете дорогой!
 Ты уехал в чужую дальню сторону.
 За что бросил, за что кинул ты меня?
 С кем мне будет весну красную вековать?
 С кем мне будет по рошицам гулять?
 Мне не гуливать во зеленом саду,
 Не считать мне мелких пташечек на лету.
 Пташки пташку перелетывают там,
 Частетьынька перепархивают.
 Какого же мне смотреть на это чеже!ло!
 Что всякая тварь знать,
 Что на свете есть любовь.
 Горяча любовь, разлука с милым чежала.

Копии: ОР РГБ. Ф. 125. П. 8. Л. 170 (пом. «25-б», «Кавелин»); ОР РГБ. Ф. 125. П. 8. Л. 171—171об. (пом. «25-б»); ОР РГБ. Ф. 125. П. 42. Л. 36 (пом. «25-б»); архив Ухова. Л. 46 (пом. «Кавелин»).

Варианты: Трутовский В. Собрание русских простых песен с нотами. М., 1953. С. 84. № 36; Соболевский. 1899. Т. V. С. 109—111. № 144—146; Русские песни. XVIII. С. 258, № 28 (118).

8

Ты потмись, потмись, день полуденной,
Потемнись ты, солнце красное!
Перестань страдать, сердце бедное!
Оно всякой час умножается,
Поминутно мне вображается.
Уж и што ж мому другу сделалось?
Чем голубчика я прогневала?
Иль за то, что очень люблю его?
Иль за то, что очень верна к нему?
Я пойду с горя во чисто поле,
Закричу ли я громким голосом:
— Ах вы звери, вы звери лютые!
Растерзайте вы меня бедную!
Вы сходите ко милу другу,
Вы скажите ему, что по смерть мою
Я верна к нему,
Удалилась бы* со свету белова.

* [Вставка другими чернилами и почерком:]

В монастырь пошла б,
Во пустыню,
Где обману нет, ни лукавства.

Копии: ОР РГБ. Ф. 125. П. 8. Л. 156—156об. (пом. «21 б», бел.); ОР РГБ. Ф. 125. П. 44. Л. 81б (пом. «Борнашево», бел.); ОР РГБ. Ф. 125. П. 48. Л. 22 (пом. «21-б»); ОР РГБ. Ф. 125. П. 8. Л. 177—177об. (пом. «Кавелин», «21-б»); архив Ухова. Л. 37 (пом. «Д. А. Кавелин»).

Варианты: Песенник, 1780. Ч. II. С. 184—185. № 176 (вторая часть текста); Песенник, 1815. С. 14—15. № 17 (вторая часть текста); НС. Вып. II. Ч. 2. С. 173. № 2309 (133) (к первой части текста, Орловская губ.).

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

1

Вспомни, Дунюшка,
Вспомни, душечка,
Про Ивана, про дружка,
Про Иванушку!
Будто наш Иван
По ночам-то гулял,
Уж по ночам-то, по ночам
С красными девками,

С деревенскими.
Усе деушки
Перпужалися —
За старых мужьев
Побросалися.
Одна Дунюшка
Оставалася:
— Посиди ты, Дуня,
Потерпи ты горя!
— Сударь-батюшка —
Горя не терпитца,
Замуж хочитца!

Копии: РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 7 (из «Ивановской» тетради); архив Ухова. Л. 1923.

Варианты: Песенник, 1780. Ч. IV. С. 62; Якушкин И. С. 62; Якушин И. С. 125. № 262 (начальные 13 стихов, 1845—1846 гг.), С. 262. № 577 (Рязанская губ., 40-е годы).

2

Долго-то долго вечером,
Близко к ночи, ко полуночи,
Долго-то долго сокол не летит:
Знать, сокол за леса залетел,
Знать-то <вить> за темные...
Долго-то долго Данила не едет:
Знать-то, Данила во беседе сидит,
Пьет и ест, прохлаждается,
Своей Настасьей похваляется.
Вот едет Данила-сударь —
Сам на коне, что сокол на руке,
Хвост на коне — что лютая змея,
Грива на коне кольцом сведена.
Стукнул, брякнул копьём в ворота,
— Дома ли, дома Настасья моя?
Ежели она спит, не будите ее,
Ежели сидит, не пугайте ее,
Или на балу — позовите ко двору,
Или в саду — сам к ней пойду,
Сам к ней пойду, за руку поведу.
— Право, сударь, во всю ночь не спала —
Шила ковер, твоему, сударь, коню;
Твоему коню — на всю красоту,
А себе, мой друг — на честь, на хвалу!..

Копии: ОР РГБ. Ф. 125. П. 42. Л. 66—66об. (из группы 23 свадебных песен на л. 60—77 с пом. на л. 60 «Песни Тульской губ., Белевского у., д. Зиново 1840», бел.).

Варианты: Шейн. Ч. I. С. 454. № 33 («когда жених подъедет ко двору», Тульская губ., Епифарский у.); *Можаровский А.* Свадебные песни Казан-

ской губ. // Этнографическое обозрение. М., 1907. Кн. 74, № 1/2. С. 108—109. № 35—36 («при встрече жениха с гостинцами»); НС. Вып. I. С. 62. № 178 (Тверская губ., 1834 г.). С. 100. № 306 (Московская губ., Звенигородский у., 1832 г.). С. 103. № 316 (Московская губ., Звенигородский у.). С. 130. № 431 (Калужская губ.); *Шереметева М. Е.* Свадьба в Гамаюнщине Калужского уезда. Калуга, 1928. С. 20; Русская свадебная поэзия Сибири. Новосибирск, 1984 (далее — Свадебная поэзия Сибири. С. 86—87. № 127) («Величальная боярину большому»); Русская свадьба. Т. II. С. 107. № 368 (Калужская обл. Угра) («женеху и невесте до скрепления брака»). С. 109. № 370 (Мезень).

3

Зеленый, зеленый,
зеленый сад!
Раствитайте, раствитайте,
зеленые твиты!
Поспевайте, поспевайте,
зеленый виноград!
Исполать, сполать
Настасья:
Удумала, удумала
сад садити.
Удумала покрывати —
От морозу укрывати,
От морозу от лютова,
Ат доджичку от сильнова.

Копии: РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 4—4об. (из «Ивановской» тетради); архив Ухова. Л. 18.

Варианты: НС. Вып. II. Ч. 2. С. 157. № 2236 (59) (Орловская губ., Мценский у.).

4

Ивановы кони ни пили, ни ели —
Хотят они брызнуть вдоль по дороге,
Вдоль по дороге к Божьему суду,
К святому к винчанью —
Золотой винец принять...
Иванова матка усю ночь не спала,
Усю ночь не спала — лучинку <нрзб.> плала,
Сына поджидала с невестушкой.
— И сказали: моя невестушка
 малым малешенька,
Моя невестушка — что <нрзб.>большая!

Копии: РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 2. Ед. хр. 16, л. 2об.—3 (из «Ивановской» тетради); архив Ухова. Л. 14.

5

Крух шатра, крух белава полотнянова
Там розаны Авдотьюшка рассаживала.

Вышил к ней, выходил да Иван-господин,*
Вышил к ней, выходил да Григорьевич.
— Душинька ты Авдотьюшка, будь ко мне в шатер!..
— Я нейду, ни хочу я, ни слушаю,
Слышала я, люди сказывали:
Твоя мать горда.
— Душинька ты Авдотьюшка,
Будь сама добра.
Держи буйну голову поклонливою,
Ретивая сирдечушка
Почтенливая!..

Копии: архив Ухова. Л. 39 (пом. «Д. А. Кавелин»).

Варианты: Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И. Сахаровым. СПб., 1837. Ч. III. С. 125—126. № 75 («калужская»); НС. Вып. I. С. 105. № 326 (Московская губ., Звенигородский у., 1833 г.). С. 183. № 658 (Орловская губ., Малоархангельский у., 1843 г.); Якушкин И. С. 74—75. № 120 (Рязанская губ., 1847 г.).

* Имена жениха и невесты совпадают с текстом из «Ивановской» тетради в РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 7.

6

Летели голуби через двор
Вдарили крыльем от терем:
— Дома ли Настасьюшка, или нет?
Сказали бы мы ей добру весть,
Что у нашего Данилы в доме есть.
В 'него матушка спрашивала:
— Куда ты, Данила, собрался?
— В дорогу, матушка, в дорогу,
Пожалуйте, матушка, подмогу:
Пятьдесят коней вороных,
Сорок человек верховых,
Три кучера холостых
И две свашеньки молодых!..

Копии: ОР РГБ. Ф. 125. П. 42. Л. 61об—62 (пом. «В Туле»); ОР РГБ. Ф. 125. П. 42. Л. 81 (пом. «свадебная»).

Варианты: Шейн. Ч. I. С. 470—471. № 20 (Рязанская губ.); НС. Вып. I. С. 149—150. № 522. С. 181. № 649 (Орловская губ., Малоархангельский у., 1843 г.); Русские народные песни Калужской области / Запись В. Харькова. М., 1954. С. 77—78; Якушкин И. С. 72. № 112 (Рязанская губ., 1847 г.); Русская свадьба / Под ред. А. С. Каргина. Т. I. М., 2000 (далее — Русская свадьба. Т. I). С. 252—253. № 129 (Белгородск. Валуй — Оскол. С. 254. № 130 («Калужск. Таруса — Ока»)) («сборы у жениха»).

7

На дубчику два голубчика
Целуются и милуются.

У голуба, у голуба золота голова,
У голубки позолоченая!
У Ивана молодая жена
То-то баба, то-то баба, что у'руки у'ручена,
У'руки у'ручена, ракам брана.
<Ее летнею> порою, ее б в колясочке возить,
Зимнею — на питерских санках, на ямских лошадях:
Кони, кони молодые, повознички молодые!..

Копии: РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 3—Зоб. (из «Ивановской» тетради); архив Ухова. Л. 16.

Варианты: СС. Вып. 6. № 1045; Шейн. Ч. I. С. 233. № 191. С. 444. № 15 (Тульская губ., Епифанский у.); Соболевский. 1897. Т. III. С. 249—257. № 304—309, 311—312; *Добровольский В. Н.* Песни Дмитровского уезда Орловской губернии // Живая старина. СПб., 1905. Вып. 3—4 (далее — Добровольский). С. 357; *Успенский Д.* Свадебные величальные песни // Этнографическое обозрение. М., 1906. № 3—4 (далее — Успенский). С. 239 (Тульская губ., «величальная для родственницы брачующихся»); НС. Вып. I. С. 188. № 681 (Воронежская губ., Бобровский у., 1848 г., «величание женатого гостя»); *Радченко Е. С.* Село Бужарово Воскресенского р-на, Московского округа (монографическое описание деревни). М., 1929. С. 106; Русские народные песни Подмосковья, собранные П. Г. Янковым. М.; Л., 1951. С. 110—111; *Пушкина С., Григоренко В.* Приокские народные песни. М., 1970 (далее — Пушкина и Григоренко). С. 137—138. № 47 (Тульская обл., Алексинский р-н); Народные песни Московской области / Запись А. Рудневой. М., 1964 (далее — Руднева). С. 33, № 33. № 25; Якушкин I. С. 178. № 388 (1846 г.). С. 243. № 521 (1847 г., Рязанская губ.); Лирика. С. 162—163. № 320—324 (Ленинградская обл., 1946 г., Саратовская обл., 1949 г., «величания новобрачным»); Новикова. С. 118—120. № 70 («величальная песня жениху и невесте»). С. 120—121. № 71 (зап. в 1972 г.). С. 122—123. № 72 (Белевский р-н, 1959 г.); Фольклор Калужской губ. Вып. I. С. 113 («девку „обыгрывают“», 1902). С. 157—158 (Мещовский у., «жениха и невесту величают», 1902).

8

На море, на море белая рыбица играла...
На белом на камушку сидела —
 батюшку поджидала:
— Батюшка замуж мене справлял,
Замуж меня у'ручал.
На Доне, на Доне, ой, на белом на камушку,
На белом камушку бела рыба играла,
Бела рыба играла... — Дарья к винчанью сбиралась.
— Ой, батюшка родимой к винчанью выдавайть,
Уж, уж деушки во винцах вышли,
Как на мою <нрзб.> белая илма пала,
Белая илма пала, виковая!..

Копии: РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 2 (из «Ивановской» тетради); архив Ухова. Л. 12.

9

Не у' трубушку трубит рано
 по зари —
 Дарьюшка плачит по русой
 косе:
 — Свет моя косушка, русая была,
 Вечор тибя, косушка, свет моя
 русая,
 Ету косушку надвое плела!..

Копии: РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 2 (из «Ивановской» тетради); архив Ухова. Л. 13.

Варианты: Песенник, 1799. С. 373. № 23; Веселая Эрата на русской свадьбе или Новейшее и полное собрание всех донныне известных свадебных ста тридцати трех песен. М., 1801. С. 1. № 1; Песенник, 1810. С. 390—391. № 403; Песенник, 1815. С. 194. № 275; Песенник, 1817. Ч. II. С. 127. № 57; Песенник, 1818. Ч. IV. С. 158—159. № 660; Шейн. Ч. I. Отд. «Свадебные». № 2. С. 452. № 30. С. 483. № 11 (Тверская губ.). С. 412—413. № 2 (Тульская губ., Новосильский у., «поют девушки в ожидании жениха»); *Чернышев В. И.* Сведения о некоторых говорах Тверского, Клинского и Московского уездов. СПб., 1903. С. 90. № 39; *Мурин В. А.* Быт и нравы современной молодежи. М., 1926. С. 122 (первая часть текста); Новикова. С. 79—80. № 37 («песни девичника»); Русская свадьба. Т. I. С. 291—292. № 165 (Воронежск. Дон, «повиванье»).

10

Ой, на горушки, на горушки-горе,
 Ой, на крутенькей, на крутенькей горе
 Два голуба сизыя сидять,
 Промежду ж собой речи говорить
 Да про роднаго молодца,
 Про Ивана Ивановича:
 Йон богат, йон богат, йон богат —
 Йон денежку на денежку кладет,
 Йон гривенку на гривенку ступал,
 Рублем ворота запырал,
 Полтиною по городу шибал,
 Из него же сирот выкупал.
 «Вы сироты, сироты мои,
 Помолитесь Христу-Богу обо мне,
 Обо мне, об удалой голове!..».

Согласно пометам собирателя, каждая строчка повторяется дважды.

Копии: РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 60б. (из «Ивановской» тетради); архив Ухова. Л. 23.

Варианты: Песенник, 1815. С. 15—18. № 18 (первая половина текста); Шейн. Ч. I. С. 420—421. № 9 (Тульская губ., Новосильский у., «величальная в доме жениха»); С. 440—441. № 11 (Тульская губ., Епифанский у.); Соболевский. 1898. Т. IV. С. 67—68. № 94—96; Успенский. С. 236 (Тульская губ., «величальная песня жениху»); НС. Вып. I. С. 155. № 546 (Орловская губ., Мценский у.,

«величальная на вечеринке»). С. 221. № 801; *Лаговский Ф. Н.* Народные песни Костромской, Вологодской, Новгородской, Нижегородской и Ярославской губерний // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Кострома, 1923. Вып. XXIX. С. 37. № 56 (Новгородская губ., 1872—1874 гг.); НС. Вып. II, ч. 2. С. 333. № 2934 (12) (Москва); Лирика. С. 178—180. № 366—368 (Вологодская обл., 1937 г., Саратовская обл., 1949 г., Куйбышевская обл., 1953 г., «величания гостю-парню»); Собрание народных песен П. В. Киреевско / Предисловие, послесловие, комментарии, составление В. И. Калугина. Тула, 1986 (далее — Калугин). С. 350. № 479 (Орловская губ.); Русская свадьба. Т. II. С. 170—171. № 409 (Калужск. Десна, «замужней госте, которая выросла сиротой»); Новикова. С. 179—180. № 123 (Чернский р-н, 1963, «песня пелась вдовцу»); Свадебная поэзия Сибири. С. 74. № 94—96 («величальная свахе жениховой»). С. 78—79. № 107—108 («свахе невестинной»).

11

По блюдичку по серебряному
Катилися два яблочка,
Яблочка два наливчатых.
А первое-то яблочко — Иван Иванович,
А другое-то яблочко — Настасья Григорьевна.

Копии: РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 8 (из «Ивановской» тетради); архив Ухова. Л. 26.

Варианты: Шейн. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1900. Т. 1, вып. 1—2. № 2037; Лирика. С. 183—184. № 376 (Саратовская обл., 1949 г., «величания женатым гостям»); Новикова. С. 147—148. № 96 («величальные песни гостям»). С. 173—174. № 118 (начало песни) (Ленинский р-н, 1972 г.) С. 174—175. № 119 (начало песни) (Заокский р-н, 1971 г.) С. 176. № 120 (Ясногорский р-н, 20-е годы); Свадебная поэзия Сибири. С. 59—60. № 60 (первая часть песни) (1964 г.) («величальная песня жениху и невесте»); Русская свадьба. Т. II. С. 130—131. № 382 («новобрачным»).

12

Приезжал Иван-сударь поздно,
Размотал подушечки разно.
— На ково, Иван-сударь, гневен?
— На тебя, Настасьюшка, гневен:
Среди двора не стояла,
Ворона коня не примала!
Ох, и пусть мой конь нагуляйтца,
Шелковой травы наедайтца!..

Копии: РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 7об.—8 (из «Ивановской» тетради); архив Ухова. Л. 25.

13

Прилетела голубка
Повитая голоука,

Села голубка под святых на лауку.
И стала голубка гурковать,
Голубом называть:
— Голубок мой Иван, милай дружок!..

Копии: РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 3 (пом. «Иваново»); архив Ухова. Л. 15.

14

Там, там на Дону
Тонка гибка досточка.
— А кто ж по ней перешел?
— Иван-сударь перешел
И Настасьюшку перевел.
Перевемши он цаловал:
— Дружочик мой, Настасья,
Роди сына у мене,
А дочирь у сибѣ —
Сына Максима,
Дочери Настасьи:
Шелком она будет шить!..

Копии: РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 8 (из «Ивановской» тетради); архив Ухова. Л. 27.

Варианты: Шейн. Ч. I. С. 422. № 11 (вариант ко второй части текста, «величальная», Тульская губ., Новосильский у.); Шишонко. С. 302—303 («свадебная»); Новикова. С. 142. № 92 (1959 г., Белевский р-н). С. 148—150. № 97 (Чернский р-н). С. 170—171. № 115 (Одоевский р-н, 1960 г.) («пелась мужу и жене»). Русская свадьба. Т. I. С. 100 (1997 г., Белгородская обл.); Русская свадьба. Т. II. С. 186. № 424 («гостям-супругам») (Архангельск—Холмогоры) («пелась мужу и жене»). С. 187—188. № 426 («бездетным супругам») (Московск., Протва — Ока).

15

Уж ты рыба, рыба,
Бела симуха!
Хотят тебя, рыба,
Изловити,
На двенадцать штук
Разрубити,
При большими господами
Становити!
Догадайся, догадайся,
Настасьюшка:
Иван хочет тебя целовати
Через три чапцы* —
Золотыя ожерелья!
— Догадалась я, догадалась,
Кумушки,
Догадалась, подруженьки!..

Копии: РГАЛИ. Ф. 141. Оп. 2. Ед. хр. 16. Зоб.—4 (из «Ивановской» тетради); архив Ухова. Л. 17.

Варианты: Шейн. Ч. I. С. 473. № 26 (Рязанская губ.); *Астров Н.* Крестьянская свадьба в с. Загоскине Пензенского уезда // Живая старина. СПб., 1905. Вып. 3—4 (далее — Астров). С. 443; Пушкина и Григоренко. С. 114—115. № 35 (Тульская обл., Алексинский р-н); Фольклор Калужской губ. Вып. I. С. 171—172. № 19; Новикова. С. 129—130. № 79 («величальная жениху и невесте»). С. 130—131. № 80 (Ясногорский р-н, 20-е годы XX в.). С. 131—132. № 81 (Ясногорский р-н, 1970 г.). С. 132. № 82 (Иваново, Белевский р-н, 1959 г.); Свадебная поэзия Сибири. С. 102. № 163 («баярину большому»).

* Пояснение Кавелина: «Украшения, которые надевают на шею, из лент, бисеру и т. п.».

РЕКРУТСКАЯ ПЕСНЯ

1

У купца было у богатого
Три сына любезные,
Любезные, полезные.
Как за ними <нрзб.> солдатский <набор>.
— Мне большего сына <жаль> отдать,
А среднего не хочется.
Уж отдать ли, не отдать
Сына меньшого?
Как меньшей-то сын расплатится,
Да родимому батюшке во ножки кланяется:
— Не я тебе, батюшка,
Не поилец, не кормилец был?
— Сыновья мои любезные,
Вы любезные, полезные,
Вы подите во сырой-эт бор,
И вы срежьте-т-ка по прутику,
И вы сделайте по жеребью,
И вы бросьте во синё море:
Который жеребий ко дну пойдет,
Уж тому сыну во солдатах быть!..
Потонул жеребий большого брата —
Как большой-то брат расплатится,
Любезным братцам в ножки клонится:
— Ох вы, братцы мои любезные!
Не покиньте мою молодую жену
С малыыми со детками!

Копии: ОР РГБ. Ф. 125. П. 48. Л. 19—19об. (пом. «21-б»). Текст предположительно из Сныхово.

Варианты: Сборник песен Самарского края, составленный В. Варенцовым. СПб., 1862. С. 189—192. № 5; Соболевский. 1900. Т. VI. С. 65—70. № 82—87; Якушкин. II. С. 241. № 18; Калугин. С. 43—44. № 49 (Московская губ., Звенигородский у., 1831 г.).

СКАЗКА*

Жили-были два брата, один умный, другой дурак. <Нрзб.> умные братья повели быка продавать. Умные братья водили, водили — не продали. Дурак гов<орит>: «Дайте-ка я, гов<орит>, — поведу и продам».

Ну, повел и привел к поповому кобелю. Кобель-то на него лает:

— Гам, гам!

— Рубля два?

— Гам, гам!

— Два, и хорошо. Когда за деньгами?

— Гам, гам!

— Завтра? Хорошо.

Взял, привел к попу на двор, поставили ушел. Поп смотрит — что за диво. Тот приходит к умным братьям-то и говорит:

— Да вы не продали быка, а я продал, скорей вас.

— Да кому ж ты продал?

— Да кому? Да поповому кобелю.

— За много ли ж ты продал?

— Да за два рубли.

— Да когда ж за деньгами?

— Он велел мне приходиться завтра, попов кобель.

Ну, пошел к кобелю за деньгами. Пришел, кобеля гоняет да и <палкой?>. Поп говорит:

— Что ты, што ты?

— Да, — говорит, — он у меня быка за два рубля купил, денег не отдает, велел приходиться завтра, жаль стало, вот я его. Ну я и принялся, ну, хорошо.

До тех пор гоняет кобеля, пока кобель <показал?> на кочку, где стоит котел с деньгами, а то бы загонял.

— Ну вот, я два рубля взял только.

— Гам, гам, — два рубля, дурак!

Ну-то это приходит. «Купил, — <говорит> братьям, — нате, вот я принес вам два рубли».

Ну, хорошо «Ну, поедем с нами, Иванушка-дурачок, в лес, там что-нибудь срубим. Неравно кто пойдет или поедет, ты нам свисти». Ну, а у него в руках такая дубина большая. Вот идет поп. Как он его дубиной свиснул, сразу и усвиснул до смерти. Ну, приходят умные братья:

— Что это?

— Ну, вы велели мни свиснуть, вот я и свиснул.

— Нешто так свиснуть?

— Да как же?

— Да нешто так?

— Да кто ж их знает?

Ну, взяли умные братья, да попа тово к себе в погреб схоронили.

То попадя собирает на похороны, видать где-то помер. То этот дурак сидит на пороге:

— Ну, кто не бил попа, тот ешь пирога, а кто избил попа, тому не видать конца пирога.

— Ну, да кто ж попа убил?

— Да я, — гов<орит>.

— Ну, где ж, — говорит, — он схоронен?

— Вот, да в погребце, — говорит, — у нас.

А эти умные братья да взяли да всадили в погреб козла. «Ну поди ж, — го<ворят>, — полезай, тащи из погреба». Ну полез и тащить отгаль козла за рога. «Это што ль, — <говорит>, — ваш поп?».

Ну-то это умные братья гов<орят>: «Давай, уедем от него, пропадем, — гов<орят>, — с ним совсем». Ну, засушили сухарей, а он узнал, что они собираются от него уехать. Вот он возьми в сухари в мешок и взлезь. После-то запрягли они и поехали. «Ну вот, — гов<орят>, — не нагнал бы он нас, дурачище», а он в мешке: «Погнал, погнал». А они: «Что лошадь <нрзб.>». Ну вот они ехали, ехали да остановились. «Гляди, не нагнал бы нас, — гов<орят> — дурак-то, брат». А как он опять в мешке: «Нагнал, нагнал!». Вот развязали мешок, а он тут и есть. Ну, хорошо. «Вы думаете, что вы от меня уедете? Нет, а я вот он. Ну, я вам пригожусь еще», — дурак гов<орит>.

Вот дали ему ступу и жернов. «Поди, — гов<орят>, — поезжай». «Вота, — гов<орит>, — я лучше на себе понесу». Ну вот, влез он на березу, а беглые солдаты едят в лесу кашу. Как он в них ступою-то запустит. «Ох, господи, Бог, — гов<орят>, — стал в нас швырять». Ну, как опять жерновом запустит. «Эх, Господь, — гов<орят>, — Бог стал в нас камнями швырять». Ну, хорошо. А тут как засц<ет>. «Эк, Божья роса, это стало, Бог на нас росу спущать». Ну, как он стал срать. «Эк, Господи, Бог стал на нас шишки ронять».

Ну, а тут стал сам дурак варить кашу. Ну, сварил кашу, стал есть. Ну, и приходит солдат и гов<орит>:

— Хлеб-соль.

— Пойди, брат, ко мне кашу есть.

— Ну дай-ка, зачерпни-ка ложечку.

Как он почерпнул, да взял да обварил ему язык <нрзб.> каши. Вот он и бежит за ним. <нрзб.> Солдаты думают, что он их бить хочет, а он им гов<орит>: «Постойте, постойте!»

Копии: ОР РГБ. Ф. 125. Л. 623об.—624 (пом. «Калужская губ., Боровской у. д. Богоявленье»); сказка упомянута в «Указателе»: ОР РГБ. Ф. 125. П. 21. Л. 22 (пом. «Богоявленье»).

Варианты: 1642 «Хорошая торговля»; 1653А, В, С = АА1653В «Дурень, его братья (жена и муж) и разбойники»; 1600-АА1600А «Дурак-убийца» // Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. Г. Кабашников, Н. В. Новиков. (Л., 1979); Фольклор Калужской губ. Вып. II. С. 104 (1897 г. Мещевский у.).

* Текст был найден и предоставлен автору докт. филол. наук З. И. Власовой.

«ОБРЯД ОПАХИВАНИЯ ИЛИ ВЫПАХИВАНИЯ ДЕРЕВНИ»

Когда падеж покажется в одной из соседних деревень, деревенские женщины приступают к опаживанию для предохранения деревни от падежа. Деревенские бабы в одних рубашках с распущенными волосами собираются ночью в условленном месте. Каждая из них берет соху с собой, дубину. Одна из них берет соху; другая косу; другая запасается осиновыми колышками. Собравшись, они сперва молча и до места идут целою гурьбою около деревни. Одна из баб несет впереди образы, другая косу, другие несут соху. Пришедши на поле <нрзб.>, непорочная девица высевает песок, вдова распахивает его сохою; наконец другая бабы вбивают на этом месте осиновый <колтушек>. То же повторяется на всех перекрестках. При этом поется песня:

Вдовушка пашет,
А девушка сеет.
Когда песок у нас взойдет,
Тогда смерть у нас взойдет!

Обошедши один раз деревню, бабы оставляют образ и тогда начинается <нрзб.>. Толпа подходит к каждому воротам, стучит по воротам палками и ругается матерною <нрзб.>, выгоняя падеж из деревни. Если которая из женщин не принимает участие в обряде, то на нее сыплются ругательства всей толпы. Когда она подойдет к <своим> воротам, если она крестьянка, то ей кричат:

У (имя женщины)
Сошник в ...*

Если она старуха или жена повара, то:

У (имя женщины)
Кастрюля в ...**

Сквернословия и вакхические неистовства продолжаются таким образом, пока толпа не обойдет деревни <нрзб.>, но это не необходимо.

* <нрзб.> бороны и весь домашний скарб, который лежит подле двора, разбрасывается по <нрзб.> улице или стаскивается в ближайший ров или речку.

Замечательно, что в этом обряде ни под каким видом не должен принимать участие мужчина, если они встречают кого-либо мужского пола по дороге, по которой идут, то бьют его палками иногда до смерти, несмотря на то, кто бы он ни был.

Записано в Тульской губ. Белевского у. в сельце Иванове 1839 г. августа 20 дня.

** [Примечание Ухова: «К какой части текста относится следующая сноска, не ясно»].

Господи Иисусе,
И где это видано?
И где это слыхано?
На вдовушке пашут, а девушки сеют.
Когда песок у нас взойдет,
Тогда мор у нас пойдет!

Копии: РГАЛИ. Ф. 56 (по данным Ухова); ИРЛИ. Архив Ухова. Л. 43—44.

Варианты: Броневский Б. В. Путешествие от Триеста до С.-Петербурга в 1810 г. Ч. II. М., 1828. С. 362—365 (Тульская губ.); Померанцева Э. В. Роль слова в обряде опахивания // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 30 (Орловская губ.).

АРХИВНЫЕ ЗАПИСИ КУЛОЙСКИХ ЭПИЧЕСКИХ НАПЕВОВ

(ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВЕРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1921 ГОДА)

Публикация А. Ю. Кастрова

Изучение реликтовых локальных традиций музыкально-поэтического фольклора Русского Севера существенно зависит от полноты источниковой информации. Дефицит репрезентативных материалов достаточно остро ощущается исследователями напевного эпоса, бытовавшего среди населения деревень, расположенных по берегам р. Кулой (впадающей в Мезенскую губу Белого моря) и ее притоков: Сояны и Немнюги. Вплоть до настоящего времени для исследователей основной базой остается собрание А. Д. Григорьева.¹ Его дополняют записи, осуществленные в 1921 г. участниками экспедиции, которую возглавляла О. Э. Озаровская.² Напевные инципиты кулойских былин, зафиксированные собирателями, вошли в научный оборот благодаря публикации А. Д. Троицкой.³ Безвременная кончина фольклористки прервала начатое ею исследование архивных материалов О. Э. Озаровской. В числе неизданных остались напевные фрагменты духовных стихов, записанные в исполнении известных кулойских ска-

¹ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 2. Прага, 1939 (далее — Григорьев, 2).

² В состав экспедиции входили А. П. Соколова-Румер, А. А. Рязанова, А. Д. Ипполитова и художник А. И. Зуев. Немалую помощь в работе оказывал пинежский крестьянин Мысов. См.: *Озаровская О. Э. Северная экспедиция 1921 г. в Архангельской губ.* // *Slavia. Praha.* 1928. Roč. 7, № 2. S. 410.

³ Напевы кулойских былин (по материалам коллекции О. Э. Озаровской) / Публ. А. Д. Троицкой // *Из истории русской фольклористики.* СПб., 1998. Вып. 4—5. С. 381—402 (далее — Троицкая).

зителей.⁴ Печальную обязанность воплотить неосуществленный замысел возложил на себя автор настоящих строк.

Основной корпус публикации образуют нотировки звукозаписей, выполненных на восковых цилиндрах и хранящихся в Фонограммархиве ИРЛИ (колл. 12). В состав Приложения вошли нотные расшифровки, осуществленные по просьбе собирательницы И. С. Тезавровским, либо под его наблюдением. Как следует из текста предисловия к машинописной описи, составленной и выправленной О. Э. Озаровской в 1927 г. и предназначенной для публикации в журнале «Этнография», «4 валика уже расшифрованы ГИМНОм,⁵ 1 — в порядке личного одолжения, несмотря на перегруженность в работе, И. С. Тезавровским и 3 валика находятся у проф. Московской консерватории певца и дирижера В. И. Садовникова».⁶

В настоящее время 5 восковых цилиндров, переданные О. Э. Озаровской в фонотеку ГИМНа, хранятся в Российском Государственном архиве фонодокументов (Москва).⁷ Как выяснилось, они содержат звукозаписи, выполненные от крестьянина села Долгощелье — П. Н. Широкого.⁸ Обращение к нотным рукописям из библиотеки ГИМНа,⁹ позволило найти подтверждение замечанию О. Э. Озаровской: действительно, сотрудником Этнографической секции И. С. Тезавровским была осуществлена нотация одной фонограммы — песни «Горы Воробьевские».¹⁰ Однако в рукописном собрании находятся также иные нотировки фонограмм П. Н. Широкого, представляющие собой следующие инципиты: былины «Сорок калик», баллады «Князь Михайло», песен «Из-за лесу, лесу темного», «Ай, снежки выпали».¹¹ На восковых цилиндрах, хранящихся в РГАФД, указанные образцы отсутствуют. Гипотеза о принадлежности валиков, с которых были выполнены нотировки, А. Д. Григорьеву не находит подтверждения в заметках собирателя.¹² Остается предположить, что И. С. Тезавровский

⁴ А. Д. Григорьевым опубликовано всего лишь 3 кулойских напева духовных стихов: «Голубиная книга» (Григорьев, 2, № 48/260; № 71/283) и «Агрик» (Григорьев, 2, № 5/283). Примечательно, что в кулойских деревнях собирателями не замечено широкого распространения эпических баллад, традиционных для Русского Севера.

⁵ ГИМН — Государственный институт музыкальной науки (Москва). См.: Новосельский А. А. Страницы истории ГИМНа // Советская музыка. 1977. № 5. С. 84—92.

⁶ Рукописный фонд Фонограммархива ИРЛИ (далее — ФА ИРЛИ, РФ). П. 60. Ед. хр. 2. С. 5. В 1922—1930 гг. Виктор Иванович Садовников (1886—1964) занимал должность профессора Московской государственной консерватории. Судьба этих восковых цилиндров не известна.

⁷ Далее — РГАФД.

⁸ Фондовые номера — № 83, 130, 131, 156, 161.

⁹ ФА ИРЛИ, РФ. П. 3.

¹⁰ См.: ФА ИРЛИ, РФ. П. 3. № 49; РГАФД. № 156.

¹¹ ФА ИРЛИ, РФ. П. 3, № 83, 9, 8, 38. Расшифровки выполнены рукой И. С. Тезавровского, заверены его подписью и снабжены паспортными данными. Судя по всему, они были выполнены не позднее 1926 г. (см.: *Пасхалов В. В.* Деятельность московских музыкантов-этнографов за последние 8 лет // Этнография. 1926. № 1—2. С. 198).

¹² Григорьев, 2. С. 424—425.

работал в основном со звукозаписями, переданными О. Э. Озаровской В. И. Садовникову. Особо заметим, что вариант нотации баллады «Князь Михайло» (ФА ИРЛИ, РФ. П. 3. № 144), мало отличающийся от вышеупомянутого, был выполнен также И. К. Здановичем, который посещал в середине 1920-х годов Музыкально-этнографические курсы ГИМНа в качестве слушателя.¹³ Ему же принадлежит нотная расшифровка духовного стиха «Расставание души с телом».¹⁴

Знакомство с материалами Северной экспедиции 1921 г. вынуждает отметить некоторые просчеты собирателей. Так, применявшаяся методика полевой работы не отличалась четкостью намерений. Участники планировали «записывать решительно все, что представится возможным записывать, не ограничивая себя каким-либо одним видом народного творчества».¹⁵ Весьма далекой от совершенства оказалась и точность фиксации полученной информации. Паспортные сведения, сопровождающие записи, не отличаясь избыточностью данных (в том числе, касающихся датировки текстов), содержат множество ошибок и противоречий.¹⁶ Число последних увеличивает упомянутая выше машинописная опись звуковой коллекции О. Э. Озаровской. За редкими исключениями отсутствуют рукописи полных поэтических текстов, соответствующих фонограммам.¹⁷

Техническая сторона звукозаписей также оставляет желать лучшего. Стремясь максимально экономно использовать поверхность воскового цилиндра, собирательница предельно сокращала паузы между соседними фонограммами. Слишком часто во время сеанса звукозаписи слабеющее зрение подводило О. Э. Озаровскую. Поэтому начало последующей фонограммы обычно накладывалось на окончание предыдущей. Только соображения экономии можно как-то объяснить нарушение собирательницей устоявшихся приемов работы с фонографом.¹⁸ Подготавливаясь к записи, она предварительно опускала резец с

¹³ Рукопись, озаглавленная «Расшифровки песен с фонографа (классные работы за 1924—26 гг.)», представляет собой сброшюрованные двойные нотные листы (ФА ИРЛИ, РФ. П. 3. Ед. хр. 34).

¹⁴ ФА ИРЛИ, РФ. П. 3. № 149. И хотя рукопись не содержит паспортных данных, сравнение нотации с фонограммой (РГАФД, № 161) позволяет ее уверенно атрибутировать.

¹⁵ *Озаровская О. Э. Северная экспедиция...* С. 405.

¹⁶ Подробнее см.: Троицкая. С. 382; Кулойские былины в записях О. Э. Озаровской / Публ. Т. А. Новичковой // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. Вып. 4—5. С. 346.

¹⁷ Как следует из воспоминаний собирательницы, рукописные инципиты текстов, приложенные к восковым цилиндрам, составлялись в период предварительного исполнения и корректировались во время звукозаписи (*Озаровская О. Э. Северная экспедиция...* С. 410). Карандашные записи, выполненные без знаков препинания, подтверждают данную информацию (ФА ИРЛИ, ФВ 0825, 0830, 0846). Некоторые сомнения в достоверности вызывают аналогичные тексты, записанные чернилами и выправленные карандашом (ФА ИРЛИ, ФВ 0824, 0832, 0833, 0834, 0841). В ряде случаев указанные приложения к восковым цилиндрам отсутствуют (ФВ 0823, 0836).

¹⁸ Их описание см.: Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 1. М., 1904. С. L (далее — Григорьев, 1).

мембраной и рупором на неподвижный восковой цилиндр. Лишь затем одновременно с сигналом, поданным исполнителю, собирательница приводила в движение мотор, который постепенно в течение нескольких секунд набирал обороты. Поэтому первые слоги текста, зачастую, не попадали на фонограмму, а ее начальный фрагмент фиксировался с нестабильной скоростью вращения вала фонографа.

Исследователь, приступающий к расшифровке звукозаписей, характеризующихся указанными техническими дефектами, объективно оказывается вынужденным прибегнуть к реконструкции начальной строки музыкально-поэтического текста. Уровень неизбежных погрешностей заметно снижается после цифровой реставрации фонограмм. Учитывая тот факт, что О. Э. Озаровская не фиксировала скорость вращения воскового цилиндра во время сеанса записи, следует смириться с недостаточной точностью определения высоты интонационного контура звучащих текстов. Высотное положение напева может устанавливаться эмпирически на основе маркирования границ зоны, внутри которой сохраняются естественность тембра голоса и артикуляции. Эти границы простираются примерно на тон выше и ниже высоты, предложенной нами в нотировках.¹⁹

И всё же следует признать, что отмеченные промахи не умаляют исторической значимости экспедиции. Ее участникам довелось стать последними из фольклористов, заставших кулойскую традицию напевного эпоса в активной форме существования. По прошествии полувека взору собирателей предстали едва заметные следы стремительно угасшей традиции сказительства.²⁰

Несложно убедиться в том, что значительная часть музыкально-поэтических форм кулойских духовных стихов согласуется с устойчивым напевным типом, являющимся ярким репрезентантом эпической традиции мезенско-кулойского ареала.²¹ Его характеризует 12-позиционный музыкальный период 13-мерной протяженности, опирающийся на трехударный акцентный стих с анапестической анакрузой и дактилическим окончанием (2.2.3.2).²² Отмечавшаяся исследователями

¹⁹ Аналогичное суждение было высказано столетие назад И. С. Тезавровским. См.: Григорьев, 1. С. 651.

²⁰ Участникам двух кулойских экспедиций ИРЛИ, состоявшихся в 1975 и 1976 гг., удалось записать лишь фрагмент духовного стиха «Сон Богородицы». Включенная в состав Приложения (№ 4) его нотировка дополняет общую картину исторической перспективы местной традиции напевного эпоса.

²¹ Вопрос распространения однотипных напевов на Печоре и Пинеге, а также территории Зимнего и Терского берега Белого моря выходит за рамки рассматриваемой темы. Перечень музыкальных источников см.: Коргузалов В. В. Музыкально-ведческие аспекты построения Свода русского фольклора // Русский фольклор. Т. 21. Л., 1981. С. 118.

²² Былинные напевы указанной структуры подробно исследованы. Библиографию см.: Троицкая. С. 383. Список дополняют следующие работы: Гиппиус Е. В., Эвальд З. В. Несколько замечаний о напевах мезенских и печорских былин // Былины Севера. Т. 1: Прионежье, Пинега и Поморье / Подгот. текстов и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938. С. 546—547; Банин А. А. Слово и напев: Проблемы аналитической текстологии // Фольклор: Образ и поэтическое слово в контексте. М., 1984. С. 179—180; Васильева Е. Е. Этномузыкально-ведческая проблематика русского эпоса (в связи с выходом пер-

высокая стабильность местного эпического стиля, проявляющаяся как на ритмосинтаксическом уровне (позиционная упорядоченность, урегулированность слоговой ритмики), так и на звуковосотном, связывается с традицией коллективного исполнительства.²³

Сходство слогоритмических структур и мелодического рисунка духовных стихов и былин легко обнаруживаются при сравнении напевных текстов, зафиксированных как от сказителя С. А. Крапивина (№ 7 наст. публ.²⁴ — Троицкая, № 8), так и А. Мелеховой (№ 5 — Троицкая, № 9). Свойственная рассматриваемым формам тенденция к изохронии присутствует и в последнем образце духовного стиха. Стабильность временных параметров его напевного периода не нарушает изменение конфигурации клаузулы (увеличение протяженности 5-й мелостроки вызвано нарушением регулярности дыхания исполнительницы). Напротив, сопоставление музыкально-поэтических текстов, записанных от сказителя Я. Ф. Попова (№ 10, 12 — Троицкая, № 11—14), позволяет выявить структурные различия былин и духовных стихов, затрагивающие конфигурацию клаузулы-каданса. Хореический рисунок окончания, варьируя ритмику стиха (2.2.3.1), сокращает на одну единицу число позиций периода и время музыкального периода. Аналогичные формы зафиксированы с былинными сюжетами на Пинеге (Григорьев, 1, напевы № 37, 38, 42) и на Мезени (Григорьев, 3²⁵ напевы № 16, 20, 21). Стабилизировавшаяся форма 12-мерного периода с четырехмерным кананом оказывается способной воздействовать на ритмику слогопроизнесения дактилического окончания трехударного акцентного стиха. Их соединение приводит к сокращению времени произнесения акцентного слога клаузулы (№ 16). Однотипные напевы духовных стихов имели широкое бытование на территории Русского Севера.²⁶

Явление трансформации связанного с культурой группового сказительства типового эпического напева под воздействием особенно-

вой музыкальной антологии былин) // Музыка эпоса: Статьи и материалы. Йошкар-Ола, 1989. С. 50—52; *Коргузалов В. В.* Движение эпической традиции на Русском Севере // Русский фольклор. Т. 28. СПб., 1995. С. 137—139, 143; *Марченко Ю. И.* Напевы мезенских былин // Свод русского фольклора. Серия «Былины в 25 томах». Т. 3: Былины Мезени. СПб.; М., 2003. С. 84—86. Четырнадцатимерная версия типового напева рассматривается в статье: *Марченко Ю. И.* Некоторые вопросы изучения стилистики эпических напевов архангельской традиции (по материалам, записанным на Кулое, Мезени и Печоре) // Русский фольклор. Т. 28. С. 116—132.

²³ *Коргузалов В. В.* Музыкаведческие аспекты построения Свода... С. 118; Троицкая. С. 382—383; *Марченко Ю. И.* Некоторые вопросы изучения... С. 120—123.

²⁴ Во всех последующих случаях, не оговоренных особо, указываются номера музыкально-поэтических текстов, публикуемых в настоящем издании. При необходимости через косую черту обозначается нумерация стихотворных строк.

²⁵ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3. СПб., 1910 (далее — Григорьев, 3).

²⁶ См.: Былины: Русский музыкальный эпос / Сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М., 1981. С. 585, нотный пример № 42 («Вознесение Христа», Обонежье); *Озаровская О. Э.* Бабушкины старины. Пг., 1916. С. 121 («Вознесение Христа», Пинега).

стей сольного исполнительства можно наблюдать на примере духовного стиха, записанного от Е. О. Чирцова (№ 2). Данная версия напева обнаруживает сочетание устойчивости звуковысотного контура с подвижностью стихометрических и музыкально-временных параметров. Лишь в 6-й строке наблюдается стабилизация напевного периода, обретающего инвариантные свойства (в 1-й и 2-й строках можно обнаружить некоторые признаки нормативной формы слоγοпроизнесения). Объем фонограммы не позволяет однозначно решить вопрос, в какой мере представленный образец отражает черты сказительского стиля Е. О. Чирцова. Правда, следует учесть склонность последнего к индивидуальному исполнению, связанную с чертами его характера и уединенным, «отшельническим» образом жизни.²⁷

Слабая позиционная упорядоченность отличает также и однострочный напев духовного стиха «Алексей человек Божий, исполненного Н. П. Крычаковым (№ 1). Количественно-слоговая подвижность стиха (от 12 до 19 слогов) и нерегулярность его метрики, обуславливающие ритмическую и временную вариативность музыкального периода, сочетаются с устойчивостью его звуковысотного контура, совпадающих в общих чертах с напевом былины «Иван Гордеевич», записанным от того же сказителя.²⁸ Моделирование обобщенного слогового ритма указанного духовного стиха позволяет определить в качестве инвариантного 12-мерный 11-позиционный период, опирающийся на трехударный акцентный стих с женским окончанием.

Схема 1

По своим слогоритмическим параметрам рассматриваемый образец обнаруживает родство с указанным выше основным эпическим напевом мезенско-кулойской традиции, музыкальный период которого охватывает трехударный акцентный стих с анапестической анакрусой и дактилическим окончанием. Усеченная форма клаузулы отражается не только на ритме каданса, но и на музыкальном времени напевного периода. Возврат к стереотипу (восстановление дактилического окончания стиха в 4 строке и ритмического норматива в кадансе) дает основание рассматривать 12-мерную форму в качестве структурного варианта основного напевного типа мезенско-кулойского эпоса.

Количественно-слоговое расширение стихотворных строк сопровождается повторением интонационно-варьируемых сегментов напева, приобретающего вид тирадно-мультипликативного периода.²⁹ Воздействие устойчивой ритмосинтаксической формы (основной для

²⁷ См.: *Озаровская О. Э.* Северная экспедиция 1921 г. С. 410—411; *Холчук Н. И.* Экспедиции Озаровской // Прометей: Ист.-биограф. альманах. Т. 13. М., 1983. С. 188.

²⁸ Троицкая, № 3.

²⁹ См.: *Банин А. А.* Слово и напев... С. 188—195.

мезенско-кулойской традиции эпоса) на музыкальные структуры иной конфигурации неизбежно вызывает модификацию слогоритмических и временных пропорций периода. Сопоставление интонационно близких однострочных напевов духовного стиха «Агрик» («Адрик»), записанного с двадцатилетним перерывом от сояских сказителей — И. Д. Нечаева (Григорьев, 2, напев № 28) и Е. К. Мелехова (№ 6), — обнаруживает стихометрические и слогоритмические различия в анакрузе и основе стиха. Напротив, конфигурация ритма клаузулы-каданса обладает чертами сходства.

Рассматриваемые напевы, несмотря на близость их ладо-интонационного строя, обладают некоторыми отличиями, касающимися объема звуковысотной шкалы и ладовой структуры. Образцы первого вида (№ 5, 7, Приложение, 1)³⁰ обнаруживают наибольшую близость к кулойским и мезенским однотипным образцам былин. Их рабочий диапазон охватывает квинтовый звукоряд (мажорного наклонения), расширению которого способствует верхнетерцовая параллель 4-й ступени.³¹ Обобщающая форма структуры лада, отражающая систему оппозиций начального, акцентных и конечного тона, приобретает следующую конфигурацию: 1 — 4 — 4(5) — 2 — 1. Мелодический вариант напева минорного наклонения (№ 1) имеет некоторые отличия: 1 — 4 — 3(1, 4) — 1(2) — 1.

Напевы второго вида (№ 2, 10, 12, Приложение, 2, 4) разворачиваются в пределах малотерцового звукоряда с субтоном. Расширению звуковой шкалы и усложнению ладовой организации напевов способствует система терцовых удвоений. Обобщающая форма ладовой структуры выглядит следующим образом: 1(2) — 3 — II(2) — 2(II, IV) — 1. Напев № 16 относится к промежуточному виду, который характеризуется квинтовым звукорядом (минорного наклонения) с субтоном, удвоенным в терцию: 1 — 4 — II — 2(IV) — 1. Очевидно, что позиционная устойчивость звуковысотного контура одновидовых напевов содержит предпосылки к образованию естественных созвучий, свойственных гетерофонному многоголосию.

Напевным образцам духовных стихов, составляющих указанную группу, подобно большинству мезенско-кулойских былин, присуща однострочная форма композиции. Однако ряд напевов обнаруживает слабо выраженные признаки тирадно-строфической интеграции мелострок. В кулойских музыкальных текстах они сводятся к высотной оппозиции двух синтагматических ударных слогов (основы стиха или последнего фразового ударения). Разрозненность оппозиционных пар снижает контраст мелострок. Заметим, что способствующая объединению последних в тирадные группы ладоинтонационная вариативность кадансов несет на себе следы воздействия факторов функционально-гармонического мышления (№ 16; Приложение, 2) Ритмосинтаксический анализ напева «Сон Богородицы» (Приложение, 4) раскрывает при-

³⁰ См. также: Троицкая, № 1, 2, 4, 7, 11—14.

³¹ Теоретическое обоснование явления терцового параллелизма см.: Харлан М. Г. Народно-русская музыкальная система и проблема происхождения музыки // Ранние формы искусства: Сб. статей / Сост. С. Ю. Неклюдов; отв. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1972. С. 256—263.

чину высотной подвижности ударного слога основы стиха во 2-й строке. Она создается искусным «лавированием» исполнительницы между двумя типами эпических напевов: 11-мерным вариантом основной формы мезенско-кулойской традиции и 12-мерным напевом четной метрической пульсации, широко распространенным на Русском Севере (часто с аналогичным сюжетом).³²

Высокая степень урегулированности отличает образцы духовных стихов, музыкальная структура которых характеризуется как изохронный период восьмимерной протяженности.³³ В основе большинства напевов (№ 3, 9, 13) лежит трехударный акцентный стих с анапестической анакрузой и дактилическим окончанием (ритмический инвариант стиха: 2.2.2.2). Изредка встречается гипердактилическая клаузула (№13/1-2, 4-5). Подвижность количественно-слогового состава стихотворной строки, с которой координируется регулярнометрический напевный период, обуславливает вариативность ритмики слогопроизнесения. В качестве основных элементов слогового ритма, обладающих структурообразующей функцией, выступают группы дактилической (♪ ♪ ♪) и анапестической (♫) конфигурации. Не противоречит традиции взаимозаменяемость ритмических форм: дактиля, спондея и двойного пиррихия. Интеграция первых двух сегментов способствует образованию четырехмерной 5-сложной синтагмы, обладающей особой рельефностью в цезурированных музыкальных формах.³⁴

Отмеченные слогоритмические закономерности проявляются в различных жанрах фольклора славянских народов, музыкально-поэтические формы которых опираются на 8-мерный мелопериод (см. схему 2: а — и/1). Аналогичные структуры встречаются в музыкальных образцах кантовой традиции (см. схему 2: и/2 — м). Тем не менее существует точка зрения, трактующая (на примере былины «Вольга и

³² См.: Эпические баллады и духовные стихи Обонежья в записях 1926—1934 годов / Публ. А. Ю. Кастрова // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. Вып. 4—5. С. 409—411.

³³ Данный музыкальный тип, широко распространенный в локальных традициях напевного эпоса Русского Севера, хорошо известен по многим исследованиям и публикациям. Укажем некоторые: *Беляев В. М.* Сборник Кирши Данилова: Опыт реставрации песен. М., 1969. С. 14—21; *Банин А. А.* К изучению русского народно-песенного стиха (Методологические заметки) // Фольклор: Поэтика и традиция. М., 1982. С. 128; *Коргузалов В. В.* Напевы обонежской эпической традиции // Русский фольклор. Т. 27. СПб., 1993. С. 104—105; *Кастров А. Ю.* 1) Кенозерские эпические напевы: Материалы и комментарии // Русский фольклор. Т. 28. С. 350—352; 2) Эпические баллады и духовные стихи Обонежья... С. 407—408; *Шенталинская Т. С.* Не прошло и ста лет... (Фонографические записи русского фольклора американской Северо-Тихоокеанской экспедицией) // Живая старина. 1999. № 2(22). С. 31—34.

³⁴ Очевидна аналогия с ритмом стиха, именуемого античными теоретиками *versus adonius* (*Харлан М. Г.* Тактовая система музыкальной ритмики // Проблемы музыкального ритма: Сб. статей. М., 1978. С. 94—95). О роли четырехмерной 5-позиционной синтагмы с дактилическим ритмом в творчестве русских композиторов см.: *Холопова В. Н.* К вопросу о специфике русского музыкального ритма: Русские музыкальные дактили и пятидольники // Проблемы музыкального ритма. С. 186—187.

Микула», записанной от Т. Г. Рябинина) метроритмические особенности мелопериода указанной структуры в качестве этнодиалектных.³⁵ Противоположное суждение (основанное на анализе «рябининского образца») сводится к характеристике явления метризации эпического стиха и напева как историко-эволюционного, универсального для общеевропейского процесса развития музыкально-поэтических форм устной традиции.³⁶

Схема 2³⁷

а) Жи — ли да бы — ли два бра — та род — ны,

б) Жи — ла да бы — ла (у-) вдов_ка Па_ши_ця...
Го — дик_я жи_ла_не ду_ма_ла.

в) Хо — ди_ла, хо — ди_ла Свя_та_я Де_ва,

г) Был — жил И — ван До — ро — до — ро — вич,
Жи — ли о — ни во — од — ном во — ме — сти,

³⁵ Васильева Е. Е. Напевы русской эпической традиции Прионежья // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 177—178. Характеристику «рябининского» напева как «оригинального, не вросшего в традицию» (там же. С. 188), повторяют последующие исследователи. См.: Бернштам Т. А. «Ай же ты, великий оратаюшка!» // Фольклор и этнографическая действительность. СПб., 1992. С. 125.

³⁶ См.: Харлан М. Г. Ритм и метр в музыке устной традиции. М., 1986. С. 61—63.

³⁷ а) Напев № 8 наст. публ.

б) Эпические баллады и духовные стихи Обонежья... Напев № 6 (баллада «Братья-разбойники и сестра», Сенная Губа).

в) Богатенко Я. А. Напевы народных стихов и псалм: В пении «нищей братии» и в крюковых старообрядческих сборниках // Труды Гос. института музыкальной науки: Сб. работ Этнографической секции. Вып. 1. М., 1926. Напев № 8. (духовный стих «Хожение Богородицы», Астрахань).

г) Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским // Труды Музыкально-этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 1. М., 1906. № 26 (былина «Иван Дородорович», Зимний берег Белого моря).

д) 1. Кастров А. Ю. Кенозерские эпические напевы. С. 351. Пример 1г (былина «Чурила и Катерина», Кенозеро).

2. Мелодии к двум старинным песням, записанным П. М. Вологодским // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. 1. Вып. 2. [Екатеринбург.] 1874. Вкл. л., напев № 2 (баллада «Насильный постриг», Урал).

д) 1. Ро — нит гвоздоч — ки се — ре — бря — ны — е,
2. Три го — ды де — ви — ца строй стро — и — ла,

е) Жил Свя — то — слав де — вя — но — сто лет,

ж) Се — я — ли де — вуш — ки ель да хмель,

з) Ой, дай нам, Бо — же,
гив — ча в ві — ноч — ку, дай, Бо — же,

и) 1. [Oj, Ко — за — сzej — ку ра — nie тó]
2. Бо — жи — е ны — не Ро — жде — ство

к) Ли — куй — те цер — кви во — сто — чны — я ча — да,

л) Ча — сто по шко — лам ме — лют толь — ко вет — — — ры,
Ча — сто в при — ка — зах пи — шут толь — ко вздор,

м) Му — зы со — глас — но,
му — зы со — глас — но вку — пе днесь гла — си — те,

е) Онежские былины записанные Александром Федоровичем Гильфердингом летом 1871 года с двумя портретами Онежских рапсодов и напевами былин. СПб., 1873. Вклейка между с. 435—436 и 437—438. Напев № 1 (былина «Вольга и Микула», Кижин);

ж) *Котикова Н. Л.* Народные песни Псковской области. М., 1966, № 135 (плясовая песня, исполнявшаяся на свадьбе).

з) *Квітка К. В.* Українські народні мелодії // Етнографічний збірник Українського наукового товариства. Т. 2. Київ, 1822, № 670 (украинская колядка, Гуцульщина). Исследованию данной ритмической формы посвящен очерк В. Л. Гошовского «Типы украинских колядок и их структурно-ритмические разновидности у славян». См.: *Гошовский В. Л.* У истоков народной музыки славян: Очерки по музыкальному славяноведению. М., 1971. С. 81—139;

и) *Chybyński A.* Stosunek muzyki polskiej do zachodniej w XVI—XVII wieku. Warszawa; Kraków, 1909. № 3 (польская танцевальная песня, известная по публикации XVIII века и входившая в состав музыки польской вертепной комедии «Мясопуст»). Цит. по изд.: *Герасимова-Персидская Н. А.* Партесный концерт в истории музыкальной культуры. М., 1983. С. 31.

2. *Ливанова Т. Н.* Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом. М., 1952. Т. 1. С. 512, напев I, 36 (Рождественский кант).

Возвращаясь к 8-мерным кулойским напевам духовных стихов, обратим внимание на схематичность рисунка звуковысотного контура некоторых из них (№ 3, 9, 13), складывающегося из узкообъемных оборотов, свойственных декламационному стилю сказительства. Архитектоника таких напевных периодов однострочной композиции формируется на основе варьированного повтора четырехмерной мелодической ячейки (а + а^с). В результате возникает специфический эффект противоречия музыкального синтаксиса с вербальным,³⁸ создающий предпосылки как для реализации принципа квадратности, так и для нарушения иерархии симметрий. Ритмическое маркирование внутривстрочной цезуры, «провоцирующей» повторность сегментированных структур, приводит к появлению гипертрофированной мелостроки мультипликативно-тирадной композиции: а + а^с + а^с (№ 13/2).

Аналогичный процесс формирования тирадной мелостроки можно наблюдать в типологически родственных напевах духовного стиха «Два брата Лазаря».³⁹ Исследование словесных текстов одноименного духовного стиха обнаруживает господство в них четырехиктного (четырёхударного) акцентного стиха с тенденцией к симметрии двух полустиший.⁴⁰ Записанный О. Э. Озаровской образец (№ 8) в полной мере реализует указанную тенденцию. Его восьмимерный напевный период обладает ярко выраженными признаками цезурированности, проявляющимися на различных уровнях музыкально-поэтического синтаксиса. Инвариантные свойства проявляются в слогоритмической форме мелостроки, складывающейся из двух изохронных вариантов произведения нерасширенных пятисложных полустиший.⁴¹ Подчинение стихового ритма музыкальному неизбежно влечет за собой переакцентуацию. Нарушение силлабики, образующееся при расширении слогового объема строки, восполняется за счет ритмического дробления (исключение составляет 5-я строка).

к) *Ливанова Т. Н.* Русская музыкальная культура... Вклейка между с. 504—505, напев 1, 45 (Пасхальный кант).

л) *Избранные русские канты XVIII века* / Публ. В. С. Копыловой. Л., 1983. С. 57 (шуточный кант на слова А. П. Сумарокова).

м) Там же. С. 18 (виватный кант).

Приведенный перечень не исчерпывает всего многообразия родственных в ритмосинтаксическом отношении структур.

³⁸ Изучением явления «перекрытия цезур в стихе, напеве, музыкальной ритмике» занималась А. В. Руднева. См.: *Руднева А. В.* О взаимосвязи стиха и напева в русской народной песне // Руднева А. В. Русское народное музыкальное творчество: Очерки по теории фольклора. М., 1994. С. 68, комм. 8.

³⁹ Сборник русских народных песен, составленный А. Лядовым. Соч. 43. Лейпциг, 1898. № 2; Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году / Записали: слова Ф. М. Истомина, напевы — С. М. Ляпунов. СПб., 1899. Ч. 1. № 8.

⁴⁰ *Гаспаров М. Л.* Русский былинный стих // Исследования по теории стиха. Л., 1978. С. 45—47. О взаимосвязи равносложных и акцентных форм стиха см.: *Тарановский К. Ф.* [Рец.] М. П. Штокмар: Исследования в области русского народного стихосложения // *Лужнословенски филолог.* 1955—1956. Т. 21, кн. 1—4. С. 338.

⁴¹ См.: Схема 2: а.

Типологическая и стилистическая общность локальных вариантов напева духовного стиха «Два брата Лазаря», зафиксированных в различных областях России, может свидетельствовать, с одной стороны, об их позднем формировании и распространении, а с другой — о влиянии определенных письменных источников и профессионального творчества. Обращая внимание на их ритмосинтаксическое сходство с некоторыми образцами кантов-псалм, нельзя полностью исключить возможность воздействия на некоторые формы музыкального эпоса кантовой культуры.⁴² Присущее последней свойство многострочности находит отражение в упомянутом выше образце духовного стиха (№ 8). Интеграционную функцию приобретает звуковысотная оппозиция кдансов (серединных и заключительных) соподчиненных строк двухстрочной мелострофы.⁴³ Композиционную периодичность нарушает сокращение стихотворной строки до объема полустушия, способствующее повторности начального сегмента контрастной мелострофы и образованию трехстрочной тирадной формы.

Промежуточные напевные формы (№ 11 и 15) обладают признаками, связывающими их как с указанными выше 8-мерными структурами, так и 12-мерными периодами, опирающимися на цезурированный стих десятисложного состава. Отличие их от первых состоит в конфигурации дактилической клаузулы, напевное произнесение которой сокращает долготу акцентного и послеакцентного слогов. В итоге ритм трехсложного окончания приобретает анапестическую форму. Композиция музыкального периода, разворачивающегося в звуковой шкале амбитуса сексты, складывается из двух сегментов неповторного строения (a + b). Особенности музыкального синтаксиса, приобретающие рельефность в строках, охватывающих трехударный акцентный стих с нулевой анакрузой (№ 11/2, 4; 15/4), способствуют

⁴² В более категоричной форме данная гипотеза была сформулирована А. Л. Масловым: «Напевы былин <...> заимствуются часто из духовных стихов и даже, может быть, непосредственно из кантов» (*Маслов А. Л.* Калики переходят на Руси и их напевы: Историческая справка и мелодико-технический анализ (Отдельный оттиск из «Русской музыкальной газеты» за 1904 г.). СПб., 1905. Стлб. 19). Данная точка зрения не противоречит общей направленности результатов анализа процесса эволюции вербальных структур севернорусского эпоса, нашедшего отражение в обновлении лексики былин, модернизации сюжетно-образной сферы, трансформации композиций, а также в явлении межжанровой диффузии. Подробнее см.: *Астахова А. М.* Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948. Гл. III—VII; *Новиков Ю. А.* Сказитель и былинная традиция. СПб., 2000. Гл. 1.3—1.6. Музыкаведческое исследование образцов кантов см.: *Ливанова Т. Н.* Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом. М., 1952. Т. 1. С. 451—525; *Костюковец Л. Ф.* Кантовая культура в Белоруссии: Массовые канты-гимны, лирические канты-псалмы. Минск, 1975. О мелодике народных псалм см.: Русские народные песни Смоленской области: В записях 1930—1940-х гг. / Сост., расшифр., коммент. Ф. А. Рубцова. Л., 1990. С. 149—152.

⁴³ Обратим внимание на аналогичную форму однотипных напевов духовных стихов: «Хожделение Богородицы» (*Богатенко Я. А.* Напевы народных стихов и псалм. Напев № 8) и «Два брата Лазаря» (Русские народные песни Смоленской области. № 150).

подвижности стиха, его структурной трансформации (см. мелостроки, опирающиеся на равномерно цезурированный десятисложник: № 11/3; 15/3, 8, 9).

Цезурированный стих 10-сложного состава (5+5) лежит в основе однострочных кулойских напевов, зафиксированных с сюжетом «Расставание души с телом» (№ 4, 14, Приложение, 3).⁴⁴ Из них наибольшей урегулированностью стихометрических, слогоритмических и музыкально-временных параметров отличается образец П. Н. Широкого (Приложение, 3). Шестимерная форма произнесения пятисложной синтагмы с выделенным долготой последним слогом определяет 12-мерную протяженность 10-позиционного периода. Расширенная форма стиха (строки 2—4, 6, 9—11) координируется с музыкальным периодом тирадно-строфической композиции, который обнаруживает следы воздействия структурных элементов основной ритмосинтаксической формы мезенско-кулойского эпоса — ускоренной формы произнесения слогов анакрузы и 7-мерной формы слогопроизнесения основы стиха (см. строки 3, 4, 6, 9—11).⁴⁵ Первый элемент, обладающий наибольшей частотностью, сокращает протяженность времени 12-мерного периода (см. строки 7—8). Слабая структурированность характеризует напевы № 4 и 14, в которых подвижной оказывается даже ритмическая форма пятисложной синтагмы, получившей долготность акцентного слога (№ 4/1—2, № 14/1). Кроме того, наблюдается отмеченная выше тенденция к варьированию ритмосинтаксической формы под воздействием основной модели мезенско-кулойского типа (№ 4/5, № 14/3).

Наблюдения над записанными в Северной экспедиции 1921 г. напевными образцами кулойских духовных стихов и былин позволяют отметить меньшую урегулированность, мобильность музыкальных структур первых по сравнению со вторыми. Слабо выраженная позиционная упорядоченность рассматриваемых музыкально-поэтических форм, нестабильность метроритмических параметров стиха указывают на явные признаки процесса распада местной сказительской традиции.⁴⁶

⁴⁴ Перечислим однотипные формы, встреченные собирателями на восточно-архангельской территории: Григорьев, 1, напев № 38; Григорьев, 2, напев № 38; Григорьев, 3, напев № 15; Архивные записи пинежского эпоса (По материалам экспедиции Государственного института истории искусств 1927 года / Публ. А. Ю. Кастрова // Из истории русской фольклористики. Л., 1990. Вып. 3. Напев № 3.

⁴⁵ Аналогичное явление отмечалось выше.

⁴⁶ Данная точка зрения подтверждается результатами изучения русского эпического стиха. См.: *Бейли Дж.* Исследования Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона и К. Ф. Тарановского о русском былинном стихе: Пересмотр и продолжение // Бейли Дж. Избранные статьи по русскому народному стиху. М., 2001. С. 343—354. Мы не склонны разделять суждение, трактующее факты разрушения ритмосинтаксических стереотипов (нарушение «устойчивых форм „народного согласия“») как репрезентанты фольклорно-компаративных явлений в процессе этнокультурных контактов (*Краснопольская Т. А.* Этническая идентификация музыкальных записей из районов со смешанным населением // *Фольклор: Комплексная текстология.* М., 1998. С. 122—131.

НАПЕВЫ

1

$\text{♩} = 80$

Да при - мла - дой - те князь да Бо - гу

тру - див - се:

Да хо - ди_л(ы) да о_н(ы)

каж - ду - ю Свет - ло - ё

Х(ы)_ри - сто - во_то Во_с(ы)_кри - се - н(и)_ё,

[О]х, да мо - ли_л(ы)_са о_н(ы)

Го_с(ы)_по - ду Бо - гу_то со сле - за - ми,

Да про - си_л(ы) о_н(ы) Пре - свет - лой_то

Ма - те - ри

Бо-ж(и)-ей Бо - го - ро - ди-ци...

Да примлადой-те князь да Богу трудивсе:
Да ходил(ы) да он(ы) каждую Свётлоё
Х(ы)ристово-то Вос(ы)крисён(и)ё,
[О]х, да молил(ы)са он(ы) Гос(ы)поду Богу-то со слезами,
Да просил(ы) он(ы) Пресветлой-то Матери
Бож(и)ей Богородици...

2

Мо - ли-л(ы)-са

Бо - жий тру-д(ы)ник да во пу - сты - ни.

При-хо - ди - ла Пят - ни - ца свя - та - я,

Кре - сто-м(ы) е - го

о - гра - ди - ла,

Све - че_й(и) е - го

о - све - ти - ла,

5. По - сла - ла по на - ро - ду.

- Ты по - ди, Божь - ё_й(и) труд - ник, по на - ро - ду!..

Молил(ы)са Божий труд(ы)ник да во пустыни.

Приходила Пятница святая,

Крестом(ы) его оградила,

Свечей(и) его осветила,

5 Послала по народу.

- Ты поди, Божьёй(и) трудник, по народу!..

3

Пре - чуд - на - я Ца - ри - ця да Бо - го - ро - ди - ця!

Ты при - ми на - ши слё - зы го - рю - чи - я,

Не ли - ши нас - от Цар - ства Не - бес - (с)но - го,

А из - ба - ви от му - ки от ве - чно - ю...

Пречудная Царица да Богородица!
 Ты прими наши слёзы горячия,
 Не лиши нас-от Царства Небесного,
 А избави от муки от вечною...

4

$\text{♩} = 108$

Со во - сточ - ну сто - рон - ку

ле - те - ло два ан - ге - ла -

Два ан - ге - ла, дак и хра - ни - те - ля,

И хра - ни - те - ля, да два спа - си - те - ля.

- Уж вы где, а-н(ы)-ге - ла, бы - ли

да ку - да ле - та - ли?^{1/16}

5. - Уж мы бы - ли - ле - та - ли да

на рос - ста - нью - ски...

- Со восточну сторону летело два ангела —
 Два ангела, дак и хранителя,
 И хранителя, да два спасителя.
 — Уж вы где, ан(ы)гела, были да куда летали?
 5 — Уж мы были-летали да на росстаньюшки...

5

$\text{♩} = 82$

[...У бо га то го кня зя да] Е фри мья на.

Да ох воч Е фи м(и) ян в че р(и) ковь хо ди ти,

Да ох воч Е фи м(и) ян Бо гу мо лить це.

Он ыть мо лит це Бо гу да о т(ы) жа ла нья,

5. От ве ли ко го жа ла нья да со с(и) лё _

(о) за ми.

Он ыть про сит у Го с(ы) по да Бо га...

- [... У богатого князя да] Еф(р)имьяна.
 Да охвоч Ефим(и)ян в чер(и)ковь ходити,
 Да охвоч Ефим(и)ян Богу молитъце.
 Он-ыть молитце Богу да от(ы) жаланья,
 5 От великого жаланья да со с(и)лѣзѣми.
 Он-ыть просит у Гос(ы)пода Бога...

6

$\text{♩} = 76$

Вот за - ду - мал(ы) А-д(ы)-ри-к(ы) стро-ить да Бож(и)ю чер - ковь

На све - ти - те - ля на и - мѣ Ми - ко - лы:

И ту-т(ы) он(ы) мно - го в(ы) ре - ме - не стро - ил.

О - ста-но - ви-л(ы)-са Ад-рик стро - ить да Бож(и)ю чер [- ковь...]

Вот задумал(ы) Ад(ы)рик(ы) строить да Бож(и)ю черковь
 На светителя на имѣ Миколы:
 И тут(ы) он(ы) много в(ы)ремене строил.
 Остановил(ы)са Адрик строить да Бож(и)ю чер[ковь]...

7

$\text{♩} = 88$

[У] Фё-до-ра - куп - чя, да у че-р(и) - ни - гов - чя,

И-ше бы - ло у Фё - до - ра ка-к(ы) два сы - на,

И_ше бы _ ло у Фё _ до _ ра 'к(ы) две до _ че _ ри.

И_ше пе_р(ы)_вой_от от _ рок - о_т(ы)-Ми _ ко _ ла - свет,

5. Вто _ рой - от от _ рок - о_т(ы)-Е _ го _ рей - свет...

[У] Фёдора-купчя, да у чер(и)ниговчя,
 Ише было у Фёдора как(ы) два сына,
 Ише было у Фёдора 'к(ы) две дочери.
 Ише пер(ы)вой-от отрок-от — Никола-свет,
 5 Второй-от отрок-от(ы) — Егорей-свет...

8

$\text{♩} = 48$

Жи _ ли да бы _ ли два бра_та да родны,

И два Ла_за_ря же:

Пер_вой брат-бо_га _ той, дру_гой - у _ бо_гой.

У _ бо_гой(и) да к бога _ то _ му при_ха_жи_ва_ё,

5. «Бра _ тец

мой-о[т] ми _ лос[т]_лив! — вы _ пра _ ши_ва _ ё. —

Брат ты мой(и), бра _ тец, бра _ тел _ ка ле родной,

По _ дай(и) мне-ка, бра _ тец, чес[т]ну_ю ми_ло_сти_нку!»

Жили да были два брата да родны,
 И два Лазаря же:
 Первой брат — богатой, другой — убогой.
 Убогой(и) да к богатому прихаживаё,
 5 «Братец мой-о[т] милослив! — выпрашиваё. —
 Брат ты мой(и), братец, брателка ле родной,
 Подай(и) мне-ка, братец, чесную милостинку!»

9

$\text{♩} = 60$

А Пре - цюд - на - я Ца - ри - ца Бо - го - ро - ди - ца(м)!!

10

$\text{♩} = 84$

Во с(ы) - лав_но_ём бы_ло во Римь_ско_ём сла.в(ы)_но_м(ы) ца - р(ы)_ствы

А при мла _ до_м(ы) ца _ ре при_й О _ ну(о) _ рье

Уж как жи_л(ы) тут(ы), был да князь бла - го - че - сти - (е) - вой -

А бо - га - той - о[т] князь Е - фимь - я - не.

5. У е - го жо и не бы_ло-й от - пло - ду

А не же_н(и)_ска - во по - лу да не муж - ско - го.

Как о - хвоч Е - фим(ы)-ян в це_р(и)-ковь хо - ди - (э) - ти...

- Во с(ы)лавноём было во Римскоём слав(ы)ном(ы) цар(ы)сты
 А при младом(ы) царе при-й Ону(о)рье
 Уж как жил(ы) тут(ы), был да князь благочести(е)вой —
 А богатой-о[т] князь Ефимьяне.
 5 У его жо и не было-й отплоду
 А не жен(и)скаво полу, да не мужского.
 Как охвоч Ефим(ы)ян в цер(и)ковь ходи(э)ти...

11

Как у Фё - до - ра - куп - ца, да-й у че_р(и)-ни - гов - ца,

Ро - ди - лось у Фё - (о)-до-ра два-й от - ро - ка,

И два-й о_т(ы)_ро _ ка, и две до _ че _ ри,

Тре _ тей — от от _ рок — Е _ го _ рей — свет.

5. Свя _ тый Е _ [го] _ рей не по го _ дам ро _ стёт,

Не по го_дам(ы) ро _ [стёт], по ча _ сам цве _ тёт...

- Как у Фёдора-купца, да-й у чер(и)ниговца,
 Родилось у Фёдора два-й отрока,
 И два-й от(ы)рока, и две дочери,
 Третьей-от отрок — Егорей-свет.
 5 Свя́тый Е[го]рей не по годам растёт,
 Не по годам(ы) ро[стёт], по часам цветёт...

12

$\text{♩} = 88$

Как ре _ че: “Божь _ я Ма _ ти П(ы)_ри_с(ы)_вя _ та _ я,

А Пре _ чи(е) _ ста _ я Де _ (э) _ ва Ма _ ри(е-э) _ я,

Е _ щё где Ты но _ че _ (а)_с(и) но _ че _ ва _ ла,

Е _ щё где Ты но _ чесь о _ по _ че _ ва _ ла?"

5. - Во сво _ ё_м(ы)-то гра _ де _ (э) ли Ве _ хли _ е _ ме,

Во свя _ то_й(и)-то го _ ры ли, во ве_р(и) _ те _ пе...

- Как рече: «Божья Мати П(ы)рис(ы)вятая,
 А Пречи(е)стая Де(э)ва Мари(е-э)я,
 Ещё где Ты noche(a)с(и) ночевала,
 Ещё где Ты ночь опочевала?»
 5 — Во своём(ы)-то граде(э) ли Вехлиеме,
 Во святой(и)-то горы ли, во вер(и)тепе...

13

♩ = 56

[Как] хо _ ди _ л(ы) че _ ло _ век по Хи _ вон _ ским го_рам,

Да гля _ дел че _ ло _ век он по _ верх по зем_ли,

он по ши _ ро _ кей.

Е _ щё че_м(ы) й-э_та зе_м(ы)_ля из _ у_к(ы)_ра _ шен _ на_я,

Уж как чем э - та зем(ы) - ля из - на - пол - нен - на-я?..

[Как] ходил(ы) человек по Хивонским горам,
 Да глядел человек он по верх по земли, он по широкей.
 Ещё чем(ы) й-эта зем(ы)ля изук(ы)рашенная,
 Уж как чем эта зем(ы)ля изнаполненная?..

14

♩ = 96

Со во - сто - ч(и)ню - ю сто - ро - ну

ле - те - ло два-й а-н(ы)ге - ла -

1/16

Да два-й а-н(и)ге - ла, да д(ы) - ва хра - ни - те...ля.

- Уж вы где бы - ли, (р)ан - ге - лы,

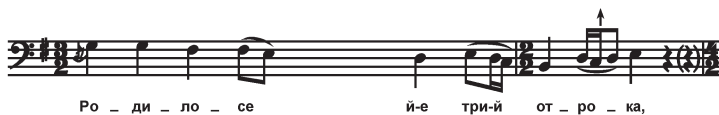
ку - да [ле - та-ли?..]

Со восточ(и)ную сторону летело два-й ан(и)гела —
 Да два-й ан(и)гела, да д(ы)ва хранителя.
 – Уж вы где были, (р)ангелы, куда [летали?..]

15

♩ = 104

У Фё - до - ра куп - ця-й, у че-р(и) - ни гов - ця,

- У Фёдора-купця-й, у чер(и)ниговця,
Родилосе й-е три-й отрока,
Й-е три-й отрока, й-е три дочери-й,
Пер(ы)вой-от(ы) й-отрок — Егорей-свет.
5 Тут прознало царишшо Дем(и)янишшо:
Й-ишша Фёдора-купця он под мець склонил,
Света де Егорья да вот с собой увёл,

Вот с собой увёл(ы) во свою зем(ы)лю,
Во свою зем(ы)лю — прокляту одру¹...

16

$\text{♩} = 104$

Свет _ ло Хри _ сто _ во Вос _ кре _ се _ ни _ ё,
Да до _ шло до Хри _ сто _ ва Воз _ не _ се _ ни _ я.
Да воз _ нёс _ са Гос _ подь на не _ бе _ са
Схе _ ру _ ви _ ма _ ми, с се _ ра _ фи _ ма _ ми
5. Да со всей - то не _ бес _ но _ ю си _ ло _ ю...

Светло Христово Воскресёниё,
Да дошло до Христова Вознесения.
Да вознёсса Господь на небеса
С херувимами, с серафимами,
5 Да со всей-то небесною силою...

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

$\text{♩} = 90$

<От то _ го же от о _ зе _ ра Мас _ ле _ (и) _ я _ ва>

Со_би _ ра_ли_се ка _ ли _ ки да со _ ез _ жа _ ли_се,

И со _ рок ка _ лик а² со ка _ ли _ ка _ ю

<Ко то _ му ле³ кре - сту да_к(ы) Ле - ва - ни - до_ву...>

<От того же от озера Масле¹(и)ява>
Собирались калики да съезжались,
И сорок калик а² со каликою
<Ко тому ле³ кресту дак(ы) Леванидову...>

2

$\text{♩} = [92]$

Как по е_хал князь Ми _ хай _ ло в чи _ сто по _ ля,

Го_во _ рил он о_б(ы)_роч _ ной - той¹ кне - ги - ни:

“На_па _ дёт на те _ бя то _ ска - кру - чи - на,

Подъ_вя _ жи - ка, кня _ ги - ня, шол _ ков по _ яс, -

5. От ва _ лит_ца от те _ бя то _ ска - кру - чи - на”.

И у - е_хал князь Ми хай - ла <в чи - сто по - ля...>

- Как поехал князь Михайло в чисто поля,
Говорил он об(ы)ручной то-й¹ кнегини:
«Нападёт на тебя тоска-кручина,
Подвяжи-ка, княгиня, шолков пояс,—
5 Отвалитца от тебя тоска-кручина». —
И уехал князь Михайла <в чисто поля...>

3

< $\text{♩} = 96$ >

Со ту сто - ро - ну со во - сто - чну - ю

Ле - те - ло два

ан - ге - ла, да два хра - ни - те - ля.

По - встре - ча - ли - ся

и - м(ы) ду - ша гре - шна - я.

- Уж вы ой е - си,

ан - ге ли - хра - ни - те - ли,

5. Где вы ж бы - ли, как вы ле - та - ли?

<-> Уж мы бы - ли - ле - та - ли

на ро<с> - стань - юш - ки,

Где ду - ша - та с те - лом ро<с>_ста - ва - ла - ся,

Ро<с>_ста - ва - ла - ся, рос - про - ща - ла - ся:

«Уж как жи - ло ты,

те - ло, на - гре - ши - ло!

10. Как те - бя, те - ло

гре - шно, во г(ы) - роб кла - дут,

А ме - ня, ду - шу

греш - ну, на (в)от - вет ве - дут,

На (в)от - вет ве - дут, оть - ве - чать ве - лят»...

- Со ту сторону со восточную
Летело два ангела, да два хранителя.
Повстречались им(ы) душа грешная.
– Уж вы ой еси, ангели-хранители,
5 Где вы ж были, как вы летали?
<->Уж мы были-летали на ро<с>станьюшки,
Где душа-та с телом ро<с>ставалася,
Ро<с>ставалася, спрошчалася:
«Уж как жило ты, тело, нагрешило!
10 Как тебя, тело грешно, во г(ы)роб кладут,
А меня, душу грешну, на (в)ответ ведут,
На (в)ответ ведут, отьвечать велят»...

4

– Уж Ты, Свет Божь - я Ма - ти Пре - свя - та - я,

Пре - чи - ста - я Де - ва Ма - ри - я!

Уж Ты где Ты но - чесь но - чё - ва - ла,

Уж Ты г(ы)де Ты но — чесь о — по — че — ва — ла? ^{2/8}

5. — Во свя — то_й(и) ли Ру — си на ве_р(и) — те — пе, ^{1/8}

12. Я во пе_ле_ны е — го шол — ко — вы — я, ^{1/8}

[Я] во по_я_сы е — го верь — че — ты — е. ^{1/8}

На[д] свя — то_й(и) ли ре — кой над йе_р(ы) — да — но[м] ^{1/16}

15. На_ре — ка — ли — то и — мя И — о — ан — ном. ^{1/8}

И — о — а_[н](ы)-от И — су — су да вос — при — ем — ник... ^{1/8}

- Уж Ты, Свет Божья Мати Пресвятая,
 Пречистая Дева Мария!
 Уж Ты где Ты ночь ночёвала,
 Уж Ты г(ы)де Ты ночь опочевала?
 5 — Во святой(и) ли Руси на вер(и)тепе,
 Во святом ли [соб]орном во храме.
 Мне воистину мало спалосё,
 Мало спалос(и) да сну виделосё:
 [Я е]диное чадо породила,
 10 Я во пелены его пеленала,
 Я во поясы его овивала — <...>
 Я во пелены его шолковыя,

- [Я] во поясы его верьчѣтѣ.¹
На[д] святой(и) ли рекой над Йер(ы)дано[м]
15 Нарекали-то имя Иоанном.
Иоа[н]н(ы)-от Иесу да восприемник...

(Вот я столько и знаю!)

КОММЕНТАРИИ

В состав паспортных данных звукозаписей входят обозначение места их хранения, а также архивный шифр (номер единицы хранения и порядковый номер фонограммы). Остальная информация почерпнута из составленной О. Э. Озаровской «Описи фонографических валиков Северной экспедиции 1921 г. в Архангельскую губ.» (ФА ИРЛИ. РФ. П. 60. Ед. хр. 2). Географические сведения приводятся согласно принципам административно-территориального деления на момент записи. Написание топонимов проверено по изд.: Список населенных мест Архангельской губернии: на 1-е мая 1922 г. Архангельск, 1922. Форма передачи фамилий исполнителей унифицирована по изд.: Григорьев, 2. В круглых скобках указываются разночтения с паспортными данными, указанными О. Э. Озаровской. Аналогичным способом передаются отличные от общепринятых наименования фольклорных сюжетов, которых придерживается собирательница.

Расшифровки, за исключением особо оговоренных случаев, выполнены автором публикации. Поэтические тексты отражают нормы современной орфографии с сохранением морфологических и лексических особенностей местного диалекта. «Г» фрикативное выделено курсивом. Не учитываются фонетические явления, соответствующие нормам литературного произношения. Квадратными скобками обозначены отсутствующие на фонограмме фонемы, а избыточные — круглыми. Конъектурная правка заключается в квадратные скобки. Отточиями в квадратных скобках отмечены случаи нарушения стабильности исполнительского процесса (остановки, ошибки, оговорки и пр.). Пропуски в нотном тексте обозначены отточиями в угловых скобках. Расшифровки И. С. Тезавровского и И. К. Здановича публикуются по перебеленным авторским рукописям в соответствии с нормами современной нотной графики. Коррекция тактировки не оговаривается.

В рукописи, согласно традиции того времени, нотные образцы напевов, исполненных мужчинами, изложены в скрипичном ключе. Исходя из указания И. С. Тезавровского, по которому «всё петое мужчинами должно читаться октавою ниже» (Григорьев, 1. С. 651), публикуемые напевы перенесены в басовый ключ. Случаи дополнительного транспонирования напевов отмечены в комментариях. Содержащийся в рукописях поэтический текст передается согласно принципам, указанным выше. Редакторская правка нотировок заключена в угловые скобки.

Выполненные чернилами рукописные инципиты поэтических текстов, приложенные О. Э. Озаровской к восковым цилиндрам, оста-

ются за пределами настоящей публикации. Фрагменты, записанные карандашом, без знаков препинания, приводятся в соответствующих комментариях. Исправления и дописки собирательницы обозначаются квадратными скобками.

НАПЕВЫ

1. ФА ИРЛИ, ФВ 0823.02. Алексей человек Божий. Северный край, Архангельская губ., Пинежский у., Карьепольская вол., с. Карьеполье. Зап. в сентябре 1921 г. Исп.: Крычаков (Крычагов) Никита Прокопьевич, «75—80» лет. Биографические сведения см.: Григорьев, 2. С. 61—62; *Озаровская О. Э.* Пятиречие. Л., 1931. С. 418. Напев транспонирован на 1 тон ниже.

2. ФА ИРЛИ, ФВ 0824.01. Пятница и Трудник. Северный край, Архангельская губ., Пинежский у., Карьепольская вол., с. Карьеполье. Зап. 05.09.1921 г. Исп.: Чирцов Ефим Осипович, «лет 50» из д. Немнюга Совпольской вол. На листе бумаги, вложенном в цилиндр, написано чернилами рукой Озаровской: «Карьеполье. Ефрем Чирцов из Немнюги». Биографические сведения см.: *Озаровская О. Э.* Северная экспедиция 1921 г. С. 410—411; *Хомчук Н. И.* Экспедиции Озаровской. С. 188.

3. ФА ИРЛИ, ФВ 0824.02. Стих Богородице. Паспортные данные см. коммент. № 2.

4. ФА ИРЛИ, ФВ 0824.03. Расставание души с телом. Паспортные данные см. коммент. № 2.

5. ФА ИРЛИ, ФВ 0825.01. Алексей человек Божий. Северный край, Архангельская губ., Мезенский у., Соянская вол., с. Сояна. Зап. в сентябре 1921 г. Исп.: Мелехова (Мелихова) Анна, «35 лет». Биографические сведения см.: *Озаровская О. Э.* Пятиречие. С. 419. Полный поэтический текст см.: *Новичкова Т. А.* Песенно-эпический фольклор из коллекции О. Э. Озаровской: Неопубликованные записи // Русский фольклор. Т. 31. СПб., 2001. Т. 21. № 8. К восковому цилиндру приложен листок бумаги с текстом, записанным Озаровской, синим карандашом:

Во славном во городе во Рыньцёве
У богатога князя да Ефимьяна
Да охвочь Ефимьян в церковь ходити
Да охвочь Ефимьян да Богу молитце
5 Он ведь молитце Богу да от жаланья
От великого жаланья да со слёзами
Он и просит у Господа Бога (цяда)

6. ФА ИРЛИ, ФВ 0830.02. Агрик (Адрик). Северный край, Архангельская губ., Мезенский у., Соянская вол., с. Сояна. Зап. в сентябре 1921 г. Исп.: Мелехов (Мелихов) Ефим Кириллович, «лет 30». Биографические сведения см.: Григорьев, 2. С. 316. Поэтический текст зафиксирован О. Э. Озаровской, синим карандашом с допиской чёрным (приводится в квадратных скобках):

Задумал Адрик строить да Божию черковь
[Светителя на имя Николе]
И тут он много времени строил
Остановилса Агрик строить да Божию черковь

7. ФА ИРЛИ, ФВ 0832.02. Мучения Егория (Стих о Егорьи). Северный край, Архангельская губ., Мезенский у., Соянская вол., с. Сояна. Зап. в сентябре 1921 г. Исп.: Крапивин Степан Андреевич, «лет 50». Биографические сведения см.: *Озаровская О. Э.* Пятиречие. С. 424.

8. ФА ИРЛИ, ФВ 0833.01. Два брата Лазаря (Два Лазаря). Северный край, Архангельская губ., Пинежский у., Карьепольская вол., с. Карьеполье. Зап. в сентябре 1921 г. Исп.: Попов Яков (Фёдор) Фёдорович (по прозвищу «Порхаль»), «лет 70», из д. Долгощелье Долгощельской вол. Мезенского у. Биографические сведения см.: Григорьев, 2. С. 378—379. Напев транспонирован на 1 тон ниже.

9. ФА ИРЛИ, ФВ 0833.02. Стих Богородице. Пробная запись. Паспортные данные см. коммент. № 8. Напев транспонирован на 1/2 тона выше.

10. ФА ИРЛИ, ФВ 0834.01. Алексей человек Божий. Паспортные данные см. коммент. № 8. Напев транспонирован на 1/2 тона выше.

11. ФА ИРЛИ, ФВ 0834.02. Мучения Егория (Егорей). Паспортные данные см. коммент. № 8. На фонограмме по окончании исполнения прослушивается запись объявления. (О. Э. Озаровская:) «Пел Яков...». (Я. Ф. Попов:) «Я, Яков с Долгой Щельи, Яков Фёдорович Попов».

12. ФА ИРЛИ, ФВ 0836.01. Сон Богородицы. Паспортные данные см. коммент. № 8. Напев транспонирован на 1/2 тона выше.

13. ФА ИРЛИ, ФВ 0836.02. Михайло-архангел. Паспортные данные см. коммент. № 8. Напев транспонирован на 1/2 тона выше.

14. ФА ИРЛИ, ФВ 0836.03. Расставание души с телом. Паспортные данные см. коммент. № 8. Напев транспонирован на 1 1/2 тона ниже.

15. ФА ИРЛИ, ФВ 0841.01. Мучения Егория (Егорей). Северный край, Архангельская губ., Мезенский у., Долгощельская вол., с. Долгощелье. Зап. в сентябре 1921 г. Исп.: Нечаев (Маслов) Афанасий Яковлевич, известный под прозвищами «Утешительный», «Маслов» и «Маслеюшко», «70 лет». Биографические сведения см.: Григорьев, 2. С. 30; *Озаровская О. Э.* Северная экспедиция 1921 г. С. 412; *Хомчук Н. И.* Экспедиции Озаровской. С. 187—188.

¹ Искаженное: орду.

16. ФА ИРЛИ, ФВ 0846.01. Вознесение. Северный край, Архангельская губ., Мезенский у., Долгощельская вол., с. Долгощелье. Зап. 20.09.1921. Исп.: Фёдоровский Пётр Семёнович, «лет 70». Биографические сведения об исполнителе отсутствуют. К восковому цилиндру приложен лист бумаги с оторванным углом. Поэтический текст записан О. Э. Озаровской, черным карандашом:

<Све>тло Христово воскресение
<Да до>шло да Христова вознесения
Да вознесся Господь на небеса
С херувимами с сорафимами
Да со всею небесною силою

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ФА ИРЛИ, РФ. П. 3. Ед. хр. 83. Былина «Сорок калик». Северный край, Архангельская губ., Мезенский у., Долгощельская вол., с. Долгощелье. Зап. 1921 г. Исп.: Широкой (Широкий) Павел Никифорович, «лет 65». Биографические сведения см.: Григорьев, 2. С. 15, 424—425. Нотировка И. С. Тезавровского. Напев транспонирован на 1 тон ниже. Конъектура выполнена на основе текстов долгощельского сказителя Я. Ф. Попова (см.: Григорьев, 2, № 78 (290), напев № 42; Троицкая, № 13).

¹ В рукописи: (э-и-я-ва).

² В рукописи: ка-ли-ка.

³ В рукописи: А (т)а-(в)о (не)...

2. ФА ИРЛИ, РФ. П. 3. Ед. хр. 9. Баллада «Князь Михайло». Паспортные данные см. коммент. Приложение № 1. Напев транспонирован на 1/2 тона ниже.

¹ В рукописи: той.

3. ФА ИРЛИ, РФ. П. 3. Ед. хр. 149. Расставание души с телом (в рукописи озаглавлен «Духовный стих»). Паспортные данные см. коммент. Приложение № 1. Нотировка И. К. Здановича. Напев транспонирован на 1/2 тона ниже.

¹ В рукописи имеется вариант нотации:

Как

4. ФА ИРЛИ, МФ 1212.08. Сон Богородицы. Архангельская обл., Мезенский р-н, Долгощельский с/с, с. Долгощелье. Исп.: Попова Александра Павловна, 77 лет. Зап.: М. А. Лобанов, А. В. Осипов, А. Н. Розов 24.07.1976. Напев транспонирован на 1/2 тона ниже.

¹ Искаж.: берчатые.

МЕЗЕНСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ СВАДЬБА В ЗАПИСИ М. Н. МЯКУШИНА

Подготовка и комментарии Е. И. Якубовской

Михаил Николаевич Мякушин — талантливый народный исполнитель, собиратель и знаток песен, создатель Лешуконского народного хора — родился в 1889 г. в д. Пылема Лешуконского р-на Архангельской обл. в крестьянской семье. Любовь к народной песне он пронес через всю свою жизнь.¹ С самого раннего детства он слышал песни в исполнении своей матери Феклы Никифоровны, которая переняла некоторые из них еще у своего деда.

До двадцати трех лет Михаил Николаевич не выезжал из родной деревни — отсюда его глубокая укорененность в традиционной жизни, с ее праздниками, свадьбами, коллективными полевыми работами, во время которых звучали песни. Благодаря природному дару организатора, артистизму, молодой энергии он принимал активное участие во всех деревенских праздниках и свадьбах, а наблюдательность и исключительная память позволили ему перенять и запомнить даже такие элементы традиционной культуры, как напев свадебного хорового причета девушек. Пылемский свадебный обряд через десятки лет предстает в его описании в мельчайших подробностях, а тексты причетов невесты передаются с обстоятельностью, которой могла бы позавидовать любая деревенская причитальщица — знаток традиционной свадьбы. В его репертуаре — две сотни песен: лирических (среди них — старинные рекрутские), хороводных, плясовых, игровых, свадебных, святочные виноградьа, частушки. На протяжении всей жизни

¹ О своей жизни М. Н. Мякушин рассказывает в Автобиографии, которая помещена нами в Приложение I. О деятельности Мякушина не раз писала архангелогородская областная газета «Правда Севера»: *Николаев В.* Влюбленный в северную песню // *Правда Севера.* 1974. 27 марта; *Пиккиев И.* Хранитель северных сокровищ // *Правда Севера.* 1963. 4 июня.

ни он любовно собирал пословицы, загадки, присказки, остроумные присловья.

Судьба распорядилась так, что Михаил Николаевич должен был покинуть родные места — сначала ненадолго: во время его службы в армии началась Первая мировая война. После ранения в 1915 г. он возвращается домой. Затем ему приходится уехать в Мезень, а с 1929 г. — в Архангельск. Однако родные песни не дают покоя: в 1935 г. в Архангельске Мякушин организует хор Лешуконского землячества. 1 мая 1935 г. хор с огромным успехом выступил в Большом театре Архангельска. Коллектив сразу завоевал любовь слушателей и популярностью известностью не только в Архангельской области, которую объездил с концертами из конца в конец, побывав в самых отдаленных уголках, выступал во время избирательных кампаний, в годы войны — в госпиталях. Лешуконский хор побывал во многих городах страны, дважды участвовал во Всесоюзном смотре художественной самодеятельности в Москве.² Михаил Николаевич охотно делился песнями с А. Я. Колотиловой (Северный русский народный хор). 50 песен в его исполнении записал архангелогородский композитор П. Ф. Кольцов.³ В 1945 г. Михаил Николаевич был вынужден уехать из Архангельска к брату, в Ригу, и руководство хором перешло к бессменной участнице коллектива, его старосте А. С. Уткиной.

В начале 60-х годов М. Н. Мякушин записывает песни, известные ему, в толстую тетрадь⁴ и 20 февраля 1962 года посылает эту тетрадь писателю К. И. Конищеву, а тот в мае того же года передает ее в Пушкинский Дом.⁵ Впоследствии сам Михаил Николаевич писал

² В фонотеке Кабинета народной музыки Московской консерватории хранятся записи хора Мякушина, сделанные в 1945 г., во время Всесоюзного смотра художественной самодеятельности. Состав хора: Мякушин Михаил Николаевич, Антуфьева Анастасия Никитична, Уткина Анна Степановна, Уткина Манефа Алексеевна, Малышева Анна Константиновна, Одоева Матрена Алексеевна, Клокотова Анастасия Васильевна, Мякушина Таисия Калинична, Климцева Мария Ивановна, Васильева Евдокия Гавриловна. Хор исполняет хороводные и игровые песни, святочные винародье.

³ Песни опубликованы в сборнике: Песни Лешуконья / Собрал М. Н. Мякушин. Музыкальная запись и запись текстов Петра Кольцова. Предисловие П. Аравина. Архангельск, 1940 (далее — Песни Лешуконья).

⁴ Тетрадь озаглавлена: «Мои песни. Песни которые я умею петь и знаю всем им есаки (мотивы)». Рукопись, как и другие тетради М. Н. Мякушина, хранится в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом). РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 1—123. Слово «есаки» (ясаки), обозначающее напевы, распева песни, употребительно на Мезени (см.: *Колпакова Н., Добровольский Б., Митрофанова В., Коргузалов В.* Песенный фольклор Мезени. Л., 1967. С. 28, прим. 30: «Песня „Цвели-то, цвели цветики“ на ясаках больно баска»).

⁵ Незадолго до этого заведующий Фонограммархивом ИРЛИ Б. М. Добровольский получил от жительницы Архангельска А. Аншуковой, соседки М. Н. Мякушина по дому, письмо следующего содержания: «Настоящим ставлю Вас в известность, что в нашем доме живет пенсионер Мякушин Михаил Николаевич — большой знаток и собиратель народных северных песен. Его адрес: гор. Архангельск, просп. Ломоносова, д. № 154, кв.1. Он знает более двухсот разных песен. Не только содержание, но и мотивы. Начиная от Киевского князя Владимира и до современных. Имже записана старинная свадьба с ее причетами, плаксами, приговорами. Всё это имеет боль-

об этом так: «Мне 79 лет.⁶ Родился и жил до 23 лет в глухой деревне Пылема Лешуконского района Архангельской области. Наш район называют „Песенное Лешуконье“. Двадцати трех лет, т. е. в 1911 году был взят на военную службу, в 1915 году после ранения снова вернулся в деревню, а в 1929 году переехал в областной город Архангельск, где и проживаю до настоящего времени.

С малых лет любил я слушать и запоминать народные песни, которые пели на нашей родине. Хорошо пели на нашей родине и много знали песен. Как то: Старинные, Солдатские, Лирические, Провожальные, Встречальные, Святочные, Свадебные, Круговые, Застеночные, Игрушечные, Улочные, Плясовые и мн. др. Пели и на свадьбах, и на помочах, и на Петровщине, на Пирах, на Брачинах,⁷ на Катужках.⁸ Слушал я эти песни с жадностью, и запоминал — память у меня была удивительная, — и наконец, задумал их из головы, т. е. из своей памяти перенести на бумагу, и получилось их 200 штук. Получилась объемистая тетрадь. Эту тетрадь послал я в Ленинград знатоку-фольклористу, писателю Коничеву Константину Ивановичу, который передал эту тетрадь в Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Последние, видя народное богатство, через сотрудника института тов. Шаповалову Г. Г. завязал со мной переписку, от которой имеется у меня восемь писем и телеграмма. В середине декабря 1962 года от Шаповаловой получаю телеграмму такого содержания: „Срочно выезжайте Ленинград /...“».

В конце декабря 1962 г. М. Н. Мякушин приезжает в Ленинград. 24—25 декабря в Лаборатории звукозаписи Фонограммархива ИРЛИ состоялась запись, которую проводил В. В. Коргузалов. Собиратель напел 84 песни на магнитофонную ленту. Кроме песен, включенных им в тетрадь «Мои песни...», он вспомнил еще корильную колядку, которую пели скупым хозяевам, напел мотив хорового причета подружек невесты, мастерски исполнил приговор свадебного дружки и др.

В течение 1962—1963 гг. собиратель посылает в ИРЛИ свои записи старинной свадьбы,⁹ описание края, обычаев, народных примет и поверий, собрание частушек, пословиц, загадок.¹⁰ Таким образом, складывается коллекция М. Н. Мякушина, которая состоит из рукописной и звуковой частей.¹¹

Для настоящей публикации отобраны материалы по свадебному обряду: описание свадьбы д. Пылема Лешуконского р-на Архангельской

шую историческую ценность». Письмо вклеено в экземпляр сборника «Песни Лешуконья», хранящийся в библиотеке Отдела народного поэтического творчества ИРЛИ.

⁶ Письмо в редакцию газеты «Известия» было написано в 1968 г. (РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1, Материалы к истории создания коллекции. Л. 1).

⁷ Имеются в виду *братчины*.

⁸ Имеются в виду масленичные *катушки* – катальные горы.

⁹ Северная свадьба (РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 4. Л. 1—49).

¹⁰ Записи Мякушина Михаила Николаевича. Лешуконье (РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 5. Л. 1—28); Мякушин Михаил Николаевич. Пословицы, поговорки, загадки и присказки (РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 6. Л. 1—24).

¹¹ Звуковая часть коллекции хранится в Фонограммархиве ИРЛИ. К. 298. № МФ 00747—00752.

обл. (Северная свадьба // РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 4); в него введены ссылки на варианты песенных текстов, имеющих в тетради «Мои песни...» (РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3). Описание свадебного обряда в изложении М. Н. Мякушина представляет большой интерес как по полноте причетных текстов, так и по особой ценности наблюдений над обрядовыми действиями и ситуациями, их оценки, сделанных собирателем-мужчиной. Обычно в собирательской практике ход традиционной свадьбы описывается женщинами, которые упускают многие важные подробности, касающиеся многочисленных свадебных чинов-мужчин, их действий. Известно также, что женщины видят общую картину событий с точки зрения матери-хозяйки, либо самой невесты. Здесь мы видим мужскую, в чем-то более объективную оценку событий, взгляд «со стороны», и притом взгляд остроумного и вдумчивого наблюдателя, что вместе с ярким, сочным языком описания создает неповторимую, живую картину традиционной пылемской свадьбы.

Описание свадебного обряда и Автобиография М. Н. Мякушина (Приложение I) печатается по рукописи собирателя, с соблюдением его орфографии, за исключением следующих случаев:

Написание «то, та, ту» в ркп, как правило, слитно: по ясвамто, по питьямто, што — в этих случаях мы ставим *дефис*: по ясвам-то, по питьям-то, што-то. Частица «ле» в *ркп* также часто пишется *слитно* с предшествующим ей словом. В публикации пишем *раздельно*.

Как правило, мы *сохраняем характерное написание ркп*: повязка (повязка), в замуж, по малехонько (л. 13 об.). В ряде случаев это представляется неконструктивным, тогда оригинальное написание *не сохраняется*: много круцинною — многокруцинною (л. 15), до куль, до туль — докуль, дотуль (л. 30 об.). В нескольких случаях нам пришлось *изменить авторское написание*, поскольку оно затрудняет восприятие текста: 1) паренёт — парень-от, гостёт — гость-от (л. 1), Николает — Николай-от (л. 40), конёт — конь-от (л. 43). 2) трупятой — трубятой (косы) — везде, быть — быдь (в значении «будь») (л. 29). 3) «Если Аминь?» — Есь ли Аминь? (л. 31).

Различное (вариантное) написание в ркп. Написание словосочетания «Охтемнеч(ц)ушко тошнехонко, охте мнечушко тошнехонько» мы приводим к единому образцу, вследствие его функциональной важности: с него начинается большинство причетов невесты: «Ох-те мнечушко тошнехонько». Во всех остальных случаях *оставляем варианты ркп*: схоже — всхоже; здоровьца — здоровьця, весельца — весельця; буйну — буину; девицам — девицам; зделайте — сделайте; княгиня — кнегиня; такие — такая.

Иногда автор не ставит *мягкий знак*: женитбу, пришло время женит, виш (л. 1), соткат (л. 1 об.), толко (л. 15 об.), березонка. Иногда — наоборот: крестьник, песьня, песьни, из жизни. В этих случаях мы восстанавливаем обычное правописание.

Написание в ркп с прописной буквы: Вы, Милосродны сестреченьки, Задушевные подружецки — *не сохраняем*. Слово «Божий» пишем всегда с прописной буквы — в *ркп* не всегда.

Для стиля М. Н. Мякушина весьма характерны *сложные обороты с деепричастиями*: 1. Два деепричастия относятся к одному и тому же лицу: «Невеста растряхивая свои ленты и косники причитая» —

передаем в согласовании, добавляя соответствующие знаки пунктуации: «Невеста растряхивает /.../ косники, причитая». 2. *Деепричастие относится к другому лицу*: «Отдав повязку сестре та встает и благодарит) (После того как брат отдает повязку сестре, она встает и благодарит), «Зайдя в горницу невеста начинает встречать причитая) (После того как они зашли в горницу, невеста начинает их встречать, причитая) — *сохраняем авторский текст*, с добавлением необходимых знаков пунктуации, поскольку смысл такой фразы достаточно просто восстанавливается из контекста, а ее редактирование потребует значительной трансформации авторского текста.

Если слово требует пояснения: хороший — т. е. шелковый или шерстяной, божатка — крестная, оно выделяется в тексте *курсивом*. Слова или их части, вносимые нами в авторский текст для пояснения смысла слова или фразы, даются в квадратных скобках.

Пунктуация, в целях лучшего восприятия текста, приведена к современным нормам.

В Приложении II публикуются нотировки напевов свадебных песен, напетых М. Н. Мякушиным 24—25 декабря 1962 г. Записи выполнены В. В. Коргузаловым. В Приложении III приводятся также 5 свадебных напевов из сборника «Песни Лешуконья», так как сборник, вышедший в свет в 1940 г., является библиографической редкостью. Вместе с тем в напевах, записанных тогда от Мякушина, имеются интересные мелодические варианты, что, при всем несовершенстве слуховой записи, дает дополнительный материал для суждений о его исполнительской манере.

Комментарии к напевам отнесены к Приложениям II и III.

СЕВЕРНАЯ СВАДЬБА¹²

В старину обычно свадьбы начинались со сватовства. Знакомы или не знакомы жених и невеста друг с другом, это роли не играет. Зажиточные люди — те задолго до свадьбы сговариваются породниться через женитьбу своих детей, и этот сговор тянется иногда года два, вплоть до дня сватовства. А небогатые выбирают и ищут невест для своих сыновей, когда пришло время женить.

Возникают вот такие разговоры между родственницами: «Ну, дак как, Надежда, ведь Крещение подходит — не думайте сына-та жонить-то?». «Жонить-то бы, жонить, дак ведь где невесту-ту найти, — отвечает Надежда, — ведь не кобылку в стайки поймать!».

«Ну, уж — где невесту найти! Вашему сыну найдется невеста. Слава Богу, вишь парень-от какой — с лавки стать, да рукой достать: высокой да хорошей. На своей деревни не найдется,

¹² РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 4. Л. 1—49.

дак и на цюжу можно выехать. Вот, говорят, на Селищи у Ивана Привалова есть хороша девка-та — роботна и мастерица во всем: спресь и соткать, скроить и сшить, и выворотить! И *лопоть*¹³ вся заведена. Ономедни Васюха Глаголева уж так девку-ту хвалит, так хвалит! Говорит: «Мы рядом живем, дак уж шо и за девка!». А ведь пословица говорится, шо «сыновей-то жонят сусеками, а дочерей-то дают суседами», — вот так оно и есть».

Договариваются, что поедут сватать за своего Ивана в Селищо к Ивану Привалову Марью.

Сватовство происходит одинаково, как у тех, так и у других, т. е. у которых уже договоренность, и у тех, которы и в глаза друг друга не видали. Обычно сватает хрестной жениха или отец. Сватовщик приходит в дом невесты. Помолясь Богу, здоровається, но не проходя матицу: «Спали-ноцевали, весело вставали! С добрым утром, с веселым днем — в доме хозяину Ивану Модестовичу и хозяйки Фекленьи Мекитисьни!».

Хозяин здоровається, предлагает гостю садиться на лавку. Сват отвечает: «Я гость-от не сидячей, а ходячей. Если слову место будет, дак и сесть можно». Хозяин спрашивает: «Шо у вас за слово — говорите!» Сват: «Дак вот что, Иван Модестович: у вас есть доць Марья Ивановна, а у меня есть крестник-жених, Иван Иванович, — дак вот нельзя ли их в место свести, а нам с вами новый род завести?».

Здесь снова свату предлагают садиться, и начинается обычный разговор на тему сватовства. Хозяин просит сроку — подумать, спросить доць-невесту о ее мнении, но в большинстве с ее мнением и желанием не считаются. Сват уходит, а уходя, должен незаметно что-нибудь стащить: тряпку, метелку и т. д. — а при третьем приходе возвратить. Это делается для того, чтобы не было отказа жениху.

Сват второй раз приходит, но еще раз просят сроку. Третий приход свата бывает окончательный: или отказ, или **богомолье**. При отказе мать невесты выходит на средину пола, обращаясь к свату, называя по имени—по отчеству, говоря: «У нас тесто прясно, не выкисло, а девка-невеста не выросла. Большое спасибо за сесь, шо посватались». А при согласии отдать, приглашаются ближайшие родственники невесты, *божатка*,¹⁴ сестры, сама невеста (но невеста редко присутствует при богомолье). Зажигают свечи, молятся Богу и крепко пожимают друг другу руки. Свату дарят подарок — плат, смотря по состоянию: если зажиточные родители — дарят большой, *хороший*¹⁵ платок, а если небогатые, то небольшой ситцевый.

¹³ *Лопоть* — одежда, в данном случае одежда, которая предназначена в приданое.

¹⁴ *Божатка* — крестная невесты.

¹⁵ *Хороший* платок — *зд.* дорогой — шерстяной или шелковый.

Теперь отец невесты угощает свата и договариваются, когда начать свадьбу, т. е. **рукобитье (заручьне)**. О приданом невесты и о дарах и других *условностях*¹⁶ у нас не договаривались. Что есть у невесты, чего нет — не спрашивали, а приданое невесты было: только ея одежда и постель, и для себя — косу, грабли, серп, *кичига*¹⁷ (молотило). А также и о дарах: богатая невеста — дарят богатые дары, а бедная — дарят кое-что, — и требовать нельзя! Таков порядок.

Теперь начинается **свадьба**.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СВАДЬБЫ. РУКОБИТЬЕ И ДЕВИЧНИК

На рукобитье жених приходит с крестным, крестной, старшим братом или дядей. Заходят за приготовленный стол, занимая одну сторону стола: сначала брат, потом крестной, жених и крестная. Жених должен находиться по-конец стола. В ожидании невесты садятся на лавку. Отец невесты усаживает с другой стороны за стол своих ближайших родственников. Наконец, *подручники*¹⁸ выводят невесту в самой лучшей одежды и покрыта шалью — большущим платком. Зажигают свечи. Все присаживаются; невеста присаживается напротив жениха.

Все встают, молятся Богу. Подходят к столу отец и мать невесты. Начинается рукобитье, т. е. ударяют рука об руку. Делается это так. Брат жениха ударят рука об руку с отцом-матерью невесты, и с самой невестой; то же проделывают крестной, жених и крестна. А чтобы не ударить голой рукой об руку, каждый зажимает или берет конец рукава в кулак. После этого жених **открывает невесту**, т. е. снимает с ней шаль, наливает рюмку водки, подает невесте. Невеста подает отцу-матери, родственникам и всем присутствующим в помещении. А крестной и брат угощают родственников невесты принесенным с собой вином. *Божатка* (крестная невесты) дарит брату, крестному, жениху и крестной по платку. Во время этой церемонии девушки поют песню: ругают свата.¹⁹

Доступай, родной брателко,
До столовой новой горницы,
До столов до дубовыхы,
До скатертей до камчатныхы,

¹⁶ *Условностях* — зд. условиях.

¹⁷ *Кичига* (молотило) — цеп.

¹⁸ *Подручники (подрусники)* — свадебные чины, которые под руки выводят невесту к жениху и его родне во время обрядовых столований.

¹⁹ Напев песни см. Приложение II, № 2.

До *спісьников*²⁰ мелкобраныхы (полотенца),
 До ясов до сахарныхы,
 До питьей розналивныхы,
 До братыни пива пьяного,
 До графина зелена вина,
 Ты до сватушка лукавого,
 До лукавого-вилавого,
 До змея семиглавого,
 До вряля редкозубого!
 Що кабы тебе, сватушко,
 Сто цирьей тебе в бороду,
 Полтораста тебе в голову,
 Полтретьяста тебе под пята!
 Кабы тебе, сватушко,
 Трясуница привязалася,
 Трясуница трясуцяя:
 Затрясло тебя, повытрясло,
 Тебя от полу до лавици,
 Тебя от лавици до *грядицы*,²¹
 Тебя от грядицы до матицы,²²
 Тебя от матицы до печи!
 На печи те не согретися²³
 Под двумя тебе шубами,
 Под двумя²⁴ тебе толупами,
 Под четвертой одевальницей!
 Тебе сквозь печь провалитися,
 Тебе штеми обваритися,
 Куском мяса задавитися,
 Тебе костью²⁵ заколотися!²⁶
 Тебе с лесниці свалитися
 Руки-ноги обломатися!²⁷
 От двора тебе отъехати —

²⁰ *Спісьник* (*спичник, настичник*) — праздничное полотенце, украшенное вышитым или браным узором, которое вывешивается в избе на *спіцах*, т. е. деревянных колышках, вбиваемых в стену.

²¹ *Грядица* (*грядка*) — брусчатая полка, врубаемая в стену избы на уровне человеческого роста.

²² В тетради «Мои песни. Песни которы я умею петь и знаю всем им есаки (мотивы)» (РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 103об.) собиратель пишет слово «матицы» как «матницы, матьницы».

²³ В сборнике *Песни Лешуконья* (с. 81) эта строка читается: «На печи тебя под шубами».

²⁴ В тетради (РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 103об.) стоит «под трём тебе толупами».

²⁵ В тетради (РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 103об.) вместо «костью» стоит «костью».

²⁶ Следующее двестишие в тетради (РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 103об.) передается четырьмя стихами: «Що кабы тебе, сватушко, да тебе с лесниці свалитися, да катышом тебе скатитися, да руки-ноги обломатися!».

²⁷ Следующему восьмистишию в указанной выше тетради предшествует обращение: «Що кабы тебе, сватушко». В сборнике *Песни Лешуконья* (с. 81) вместо этой строки стоит «Катышом тебе скатитися».

Тебе до дому не доехати,²⁸
 Тебе в пути²⁹ заблудитися,
 Стороной набродитися,
 Тебе в снегу³⁰ насидетися,
 Тебе волком навоетце,
 Тебе собакой налаетце,
 Цорным³¹ вороном накуркатце!³²
 Все за то тебе, сватушко, —
 Не ходи больше,³³ не сватайся,
 Не мани, не обманывай
 наших милых подружецок³⁴ —
 Пылемских³⁵ славных девушек.
 У нас девушки хорошенки,³⁶
 Пылемцяночки пригоженки,
 У нас девушек малехонько,
 Пылемцяночек немножецко.

Девушки кончают песню — невеста кончает обносить вином публику; последнюю рюмку подает жениху. Отец невесты забирает жениха с его родственниками, уводит в другую избу, там их начинает угощать. Девушки берут невесту под руки, отворачиваются от стола. Невеста начинает причитать, а девицы помогают:

Ох-те мнечушко тошнехонько!³⁷
 Отворочу лицо белое
 От больша угла передняго,
 От иконы — лику Божьяго,
 От божниці от карнизенной,
 От свецей да воскуяровых,
 От масел да деревянныхы,
 От шнуроциков гумажныхы,
 От лампадоцек хрустальныхы,
 От огоницков палюцихы,
 Я от ладану куреного!
 Отворочю лицо белое
 Я от сватушка лукавого

²⁸ В сборнике *Песни Лешуконья*, с. 81 вместо этой строки стоит «До другого не доехати».

²⁹ В указанной выше тетради здесь стоит «в лесу».

³⁰ В указанной выше тетради здесь стоит «в стороны».

³¹ В указанной выше тетради здесь стоит «церным».

³² В указанной выше тетради здесь стоит «накуркатце».

³³ В указанной выше тетради здесь стоит «боле».

³⁴ В указанной выше тетради после этой строки следует «Наших милых любимыхы».

³⁵ В указанной выше тетради здесь стоит «пылемцких».

³⁶ Последние четыре строки в указанной выше тетради (л.104) записаны несколько иначе: «У нас девушки хорошия, да пылемцяночки пригожия, у нас девушек немножецко, да пылемцяночек малехонько».

³⁷ Образец напева причети см. в Приложении II, № 1. Далее все причитания исполняются на данный напев.

От лукавого-вилавого,
От змея да семиглавого,
От враля да редкозубого!
Отвороцю лицо белое
От цюжа да от цюженина,
От цюжа сына отцового!
Пристыдил меня, отцовкой сын,
Пристыдил, да прибесчестил же:
Во сегодняшней долгой денищек
Ты во нашей светлой светлицы,
Во хрисьенцкой-то избушецки,
Середе полу дубового,
Ты при схожем красном солнышке,
При желанной моей мамушке,
Ты при всем да роду-племени
Ты отбил да мою руку правую,
Росколел да мое ретиво сердце
У мя на две да половиночки,
А на цетыре у мя цетвертиночки,
А на двенадцеть да мелких жеребьей!
А мне-ка век да больше не наладитце,
А мне по-старому да не направице.
А ох-те мнечушко тошнехонько!
А приворочу свое лицо белое
Я ко лету-ту ко теплому,
А ко керписьней да жаркой пеценьки,
А ко скрипуцей-то полатоцки,
А ко цястым ле мелким преступоцкам,
А я ко медной да рукомоецки,
А ко заборной да белой *шолонки*,³⁸
А ко желанной да своей мамушки.
Що-то грет да жарка пеценька,
Що-то грет, да отхлаживат,
Говорит моя желанная,
Говорит, да не по-прежнему:
Говорит, да отговариват,
От себя да отгораживат.
Я спрошу у тя, желанная:
Ето що да у вас люди за люди,
Ето що да у вас гости за гости?
Що-то люди у вас незнакомья —
Але купци, люди торговья?
Они за цем к нам пришли-приехали —
А за конями, видно, за ежжальма,
А за быками к нам да за стояльма?
А хошь и есть у нас кони ежжалье —
А про себя да ети кони роцоны,
А хошь и есь у нас быки стояльа —
А про себя да ети быки кормлены...

³⁸ *Шолонка* — шолнуша, шолныша, «бабий кут», «печной угол» — помещение за печью, отгороженное *заборкой*, переборкой. Место, где хозяйка готовит пищу.

А хошь не сказывашь, моя желанная,
Що за цем они пришли-приехали,
А я сама ле бедна, дозналасе,
А я сама да бедна, догадаласе,
Они за цем к нам пришли-приехали:
А за моей да пришли буйной головой,
А за припростым моим ретивым сердцем!
А ох-те мнечушко тошнихонько!
А подойдите ко мне, всхоже солнышко,
А со желанной да моей мамушкой,
Дайте Божье мне благословеньцо,
Вы круцинно дайте мне-ка местицко —
А посидеть мне, покрасоватися,
А мою сердцю порадоватися,
А мне во девьи больше во последняя,
А во последни больше во остатошни!

Подходят к невесте отец и мать. Невеста кланяется им в ноги, просит благословения и указать место, где ей проводить эти свадебные дни. Отец указывает ей место посередине передней лавки в избе, где она сразу и занимает, предварительно переодев платье на более простое. Придя, заняв свое место, начинает причитать:

А ох-те мнечушко тошнихонько!
А все прошло да мое прокатилосе
А ясно хорошѣ девицество:
А всё цясом да оно цясовалосе,
А все минутоцкой да миновалосе,
А серым заюшком проскакало,
А горносталюшком пропрядало,
А белой лебедью проклякало,
А серой утоцкой проплавало
А как по тихим-то по заводям!
А как скатился бытго серой камешок
А с Петропавловской да славной гороцки,
А со Фрололавровской площадоцки,
А как упал да етот серой камешок
А во Мезень ле реку на само дно, —
А как лежать там да серу камешку
А больше все да ему веки долгиа.

После небольшой передышки невеста снова начинает причитать, прося отца разрешения поиграть молодежи в етот вечер — **девичник**. После получения от отца разрешения просит молодцей и девушек поиграть, девичник начиная:

А ох-ти мнечушко тошнихонько!
А поклонись-ко, моя буйна голова,
А покорись-ко, мое ретиво сердце,
А ты кругом ле да на околицу,
А одному да только на особицу —

А как своему да всхожу солнышку:
А ты послушай-ко, родимой татушка,
А об цем я тебе буду конатися,
А об цем ниско буду поклонятися,
А девьим сердцем да покорятися:
А уж ты дай-ко нам волю привольную
А как сыграть ясён хорош девисничек,
А не жалеи ты, да всхоже солнышко,
А ты своей ле да светлой светлицы,
А ты хрисьеньцкой своей избу[ше]цки!

Призывают отца и передают прозбу невесты. Отец разрешает.

А ох-те мнечушко тошнехонько!
А я ударю да целом *пониску*,³⁹
А я кругом ле да на околицу,
А уж я многим да на особицу,
А всем удалым да добрым молодцам,
А всем девицам да белым лебедям:
— А вы послушайте, да добры молодцы,
А вы девицы да белы лебеди,
А об цем я ле буду конатися,
А об цем ниско буду поклонятися —
А уж вы зделайте мни уваженьцо,
А вы велико да послушеньцо,
А мне во девьи больше во последния,
А во последни больше, во остатосни!
А поиграйте, добры молодци,
А погуляйте, да ясны соколы,
А вы ясён-красен девисничек!
А не поскуцьте, добры молодци,
А щобы ходушки не застоелисе,
А красны девушки не засиделисе!
А вы удалы добры молодци,
А милосродны вы мои братанушки,
А назову я вас по имени,
А вознесу да сполна по отцеству:
А ты, Иван ле да сын Степановиц,
А ты, Илья ле да Офонасьевиц,
А ты, Кирил ле да Миколаевиц,
А ты, Левонтей да сын Михайловиц,
А ты, Егор ле да сын Степановиц, —
А уж вы бытте, добры молодци,
А впереди да будьте заводжатели,
А позади да будьте спровожатели,
А позаботгесь, да добры молодци,
А щобы ходы не застоелисе,
А красны девушки не засиделисе.

³⁹ *Пониску* — по низку: я ударю челом пониже.

После этих причетов девицы и парни все расходятся по домам переодеваться для девичника и покушать, зная, что девичник затянется допоздна. После переодевания девушки снова собираются к невесте, которая тоже одета для девичника, находясь в другой избе, называемой горницей. Девицы берут невесту под руки и ведут в избу, где будет девичник. Невеста с места начинает причитать:

А понесите миня, ноги резвья,
А поведите миня, оци слезнья!
А не несут да миня ноги — ломаются,
А не ведут да миня оци — мутятся!
Подойдя к двери избы, останавливаются.
А я накину да руку правую
А на скобу-ту да на железную,
А я отворю да двери на крюки,
А я поставлю да двери на пятые! —

С этим причетом невеста сама открывает дверь и продолжает причитать: —

А я на крюки да на железныя,
А я на петелки да полужёныя.
А наперед я ступлю ногой правою,
А позади я ступлю ногой левою! —

И заходят.

А на полы я стану на дубовыя,
На перекладины стану сосновыя,
А я на столбышки тоценыя.
А дубовы полы, не изогнитесь,
А перекладины, не изломитесь,
А столбы тоцены, не подвернитесь
А вы из гнездышков *курьявыхы*:⁴⁰
А я грузным ле иду грузнешенька,
А цежолым я иду цежелешенька
А со пшенисьним своим громким голосом,
А с причетью да своей лебединною,
А со девицами да, *бладо*,⁴¹ с красныма,
А с молодцами да со удалыма!
А вы задуйте, да ветры буйныя,
А росшатитесь, да лесы темныя,
А розлетитесь, да птицы-пташици,
А по рокитовым-то кустышкам!
А розойдитесь, да люди добрыя,

⁴⁰ *Курьявые гнездышки* — в Толковом словаре В. И. Даля архангелогородское слово «курик» означает «простую колотушку из затесанного полена, для колки дров». Очевидно, курьявые гнездышки были вытесаны так, чтобы в них входили остро заточенные столбы (столбы точены).

⁴¹ *Бладо* — млада.

А уж вы дайте мне-ка путь-дорожецку,
А вы не конну да пешоходную:
А мне не парой да в Питер ехати,
А не коретушкой да в Москву бежати,
А лишь бы след ле следу минутце, —
А мне дойти да только достигнуть
А до круцинного-то местицка,
А до круцинного да заруцёного,
А заруцёного-благословленного,
А благословил мне его всхоже солнышко
А со желанной да моей мамушкой!

Публика расходятся, дают дорогу и место невесте. Она садится на свое место для передышки, задумываясь. Девушки начинают ей петь песню:⁴²

Що ты, що ты, сине морё,
Да ты стоишь — не колыблисе?
Да що ты, що ты, березонька,
Да ты стоишь — не шатаисе?
Що ты, що ты, наша Марьюшка,
Що ты, що ты, Ивановна,
Да ты сидишь не осмехнишься,
Да ты на нас не огленишься,
Да на нас — милых подружецок,⁴³
Да пылемских⁴⁴ славных девушек?
— Уж вы, уж вы, подружецки,
Да я об цём буду смеяться,
Да об цем буду радоватися?
Да мне ноцесь мало спалосе,
Да мне во снях много виделось:
Да мне привидялся⁴⁵ страшон сон.
Да страшон сон совершается.⁴⁶
Да девьей век⁴⁷ коротається,
Да бабья старось приближаитце!
Будьто на нашой на улице,
Да на пути на дорожецки
Да есть пуста стоит хоромина,
Да не покрыта, не достроёна,
Да углы проць отвалилисе,

⁴² Напев песни см. Приложение II, № 2. В тетради (РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 104—105) эта песня соотнесена с песней «Доступай, родной брателко»: «Эта песня поется невесте на девичнике. Мотив и поется так же».

⁴³ В указанной выше тетради за этой строкой следует: «Да на нас, милых-любимых».

⁴⁴ В указанной выше тетради это слово читается «пылемцких».

⁴⁵ В указанной выше тетради это слово читается «привиделсе», за данной строкой следует строка «Да страшон сон, немилосливой».

⁴⁶ Здесь и далее в тетради (РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 104—105) окончание «-ется» читается как «-ице».

⁴⁷ В указанной выше тетради вместо «девьей век» стоит «девья жизь».

Да по брѣвну роскатилисе —
Да отец-мати оступилисе.
Да на печищи котичѣ лежит —
Да это свекор-от батюшко.
Да по полу ходит гусыня —
Да то свекрова-та матушка.
Да всё по лавоцкам ластоцки —
Да то сестрици-золушки.
Да по окошецкам голуби —
Да то деверья-ти брателка.
Да в новой горници ясен сокол —
Да именем и отецесвом
Да тут Иван-от Ивановиц
Да тут и Марья Ивановна.

Невеста встаёт и благодарит девиц за песню, причитая:

А ох-те мнечушко тошнехонько!
А вам спасибо, да белы лебеди
А на волынских да славных песенках:
А пойте вы, да воспевайте,
А мое сердце да веселяйте!
А на одном только вам не спасибо,
А що одного ко мне припевайте,
А вы чужа-та ко мне чуженина,
А вы чужого-то сына отецкого:
А, кажись, я ле с ним не хаживала,
А, кажись, я ле да с ним не гуливала,
А рука за руку не дярживала!
А уж вы где только меня завидели,
А уж вы где же миня заприметили —
А во сегодняшной, разе, долгой деничек
А на крепком да Божьем богомольеци,
А на слезливом да рукобильеци?
А он отбил да у мня руку правую,
А расколлол да моѣ ретиво сердце!

После этого начинается **девичник**. Игры следуют одна за другой, но невеста не участвует. Но парни, выходя в игры, должны в первую очередь сделать предложение невесте. Но невеста встает и благодарит его, причитая:

Тебе спасибо, да млад-ясен сокол,
Тебе, удалой да доброй молодец,
Що зовешь ты да миня, жалуешь
А ты во ходы да во немецкия,
А ты во игры миня деревенцкия!
А больше я с тобой да находиласе,
А больше я с тобой да нагуляласе,
А я на все-ти больше веки долгия.

Девичник заканчивается. Невеста встает и благодарит молодежь:

А вам спасибо, да добры молодци,
А вам, девицы да белы лебеди,
А за есен ле, красен девисничок!
А уж вы мной ле не погнушались,
А вы собой ле не возвышались,
А вы играли да веселились,
А у вас ходы не застоялись,
А красны девушки не засиделись.

Публика и молодежь расходятся. Ближайшие подруги и родственницы на ночь остаются у невесты.

Конец первого дня свадьбы

ВТОРОЙ ДЕНЬ СВАДЬБЫ. РАСПЛЕТЕНИЕ КОСЫ И БАНЯ

На второй день свадьбы бывает и так. Если у невесты нет в живых отца, то она с утра до обеда идет с девушками на кладбище. Подходя к могиле отца, причитает:

Ох-те мнечушко тошнехонько!
Росколись-ко, мать сыра земля,
Розокройся, гробова доска,
Отокройтесь, оци ясныя,
Розомкнитесь, уста сахарныя,
Распуститесь, руки белыя,
Подогнитесь, ноги резвыя!
Уж ты встань-ко, всхоже солнышко,
Дай мне Божье благословленьце
Как принять да мне законной брак,
Мне идти-да, да во чужу семью!

А дальше идут произвольные причеты — что невеста сама сумеет высказать из жизни, а под конец причитает:

Нет! Просить мне вас — не выпросить,
И молить мне вас — не вымолить,
Горюцьми слезми не выплакать,
Золотой казной не выкупить:
Как с того там свету белого
Нет ни выходу, ни выезду.
Спи спокойно, всхоже солнышко,
Тебе пухом мать сыра земля! —

И уходят.

По приходе домой обедают и начинаются причеты, как указано ниже.

С наступлением второго дня, утром мать невесты для ночевавших девушек готовит обед. Некоторые из них ей помогают, а остальные, более опытные, находятся около невесты, разбирая ее платье, советуя, в которых она должна сегодня быть, а также готовя косники и ленты, которые сегодня она должна роздать девушкам. Наконец, невеста с девушками отобедала, ее одевают, повязывают повязку и выводят в избу. [Невеста] становится на отведенное ей место и начинает причитать:

А ох-те мнечушко тошнихонько!
А во сегодняшнее утро раннее
А я спала сегодня, высыпаласе,
А я ждала сегодня, дожидаласе
А я петушья да воспеваньеца,
А я кокушья да кукованьеца,
А голубинного да воркованьеца —
А ждала мамушкина побужденьца.
А как она-то, моя жаланная,
А она ходит да по малехонько,
Она ступат-то да по легохонько,
А говорит да речи по тихохонько.
А подошла моя ко мне жаланная,
А правой руцьюшкой побудила, —
А левой руцьюшкой да прикутала:
А пушай спит ле мое сердесьнее,
А пушай спит да оно высыпайце!
И отошла тут моя жаланная.
Засыпала тут я, лебедь белая,
И вот привиделсе мне страшной сон:
Бытто вышла я, лебедь белая,
А на широку вышла я на улицу,
И на проезжу да путь-дорожецку.
А я гледела да, горе, смотрела
А как во все-ти я цетыре стороны:
А я во летну и во северну,
А во востосьню и во западну.
А там катались да туци темныя,
А туци темны да шибко грозныя.
А туци с туцами сходилисе,
А туци с туцами да столконулисе.
А вот из первой да туци темной
А как задули да ветры буйные,
А из другой-то да туци темной
А заждели цясты мелки дождицки,
А как из третьей туци темной
А полетели да снежки белыя,
А из четвёртой да туци темной
А загремели громы могуция
И вылетала из ней громова стрела
А как из туци да прямо на землю!
А я пошла да тогда, лебедь белая,
А во свою-ту пошла светлу светлицу,

А во хрисьенцку-ту свою избушецку.
И вот летала ета громова стрела
А кругом наша да широка двора,
А круг высока да наша терема,
И залетела ета громова стрела
А как во нашу да светлу светлицу —
Не дверьми да она, не окошками,
Не *бельми* да она, не *протесками*,⁴⁸
А тонкой колотой щилиноцкой!
И вот летала ета громова стрела
А как по нашей да светлой светлице
И гледела она, горе, смотрела,
А некого она не увидела, —
А я стояла, да лебедь белая,
А у керписьней да жаркой пеценьки,
А под скрыпуцей-то полатоцькой,
А под белолиповой-то грядоцькой,
А у цястых ле мелких преступоцков,
А я у медной да рукомоёцки.
А я цесала свои русы волосы,
А заплетала свою трубцяту косу,
А я вязала свои ленты алая,
А умывала свое лицо белое.
А я срежалась, да лебедь белая,
А на егрище — да людно скопище,
А на цясту да мелку вецереенецку, —
И она тут да миня завидела,
Она тут да миня заприметила!
И залетела ета громова стрела
А во мою ле да грудь широкою,
А во моё она да ретиво сердце,
И роско[ло]ла мое ретиво сердце
Она на две да половиноцки,
На цетыре у мян цетвертиноцки,
А на двенадцеть да мелких жеребьев!
А этот сон ле да совершаице:
А девьей век да у мян коротаице,
А бабья старось ко мне приближаице!

Кончив обычное, изконвек заведеноно причитание, садится на лавку для передышки, а для публики-бездельниц — пересудов. И вдруг, в этот момент заходит в избу какая-нибудь родственница: тетушка, *дединка*,⁴⁹ сватьяюшка, и т. д. Нужно ее встречать. Невеста встает:

А как мои-ти уши заслышили,
А оци слезны мои завидели

⁴⁸ *Не бельми не протесками* — протёска: стёс на бревне (для метки паза и др.). По-видимому, нужно читать «не белыми она не протёсками».

⁴⁹ *Дёдинка* — дедина (дядина), букв. жена дяди. На Русском Севере жену дяди (брата отца или матери) принято, в отличие от кровных родственниц-тетушек (сестер отца или матери), называть «дединой».

А как залетну да птицу-пташицу,
А как захожу цесну госьюшку —
А как родиму нашу тетушку.
А назову тебя по имени,
А вознесу сполна по отецесву:
А ты, Оксенья да доць Михайловна,
А приходи-ко се, родима тетушка,
А ты ко всхожу да красну солнышку
А ко жаланной да моей мамушки,
А ко родимым да моим брателкам,
А ко родимы-то сестриценькам,
А ты ко мне ле многокруцинною,
А ко кнегины ко мне заруцоною,
А ко невесты ко мне благословленюю!
Не осуди-ко се, родима тетушка,
По що я ле тебя не встретила
А на широ[ко]й-то на улоцки,
А на проезгой пути-дорожецки,
А я ворот да тебе не отворила,
А я дверей тебе не приготовила!
А я не спесью да поспесиласе,
А я не гордосью да погордиласе, —
А я во горнице засиделасе,
А там со горюшком да убиваласе,
А горюцьми да слезми уливаласе,
Я со татушкой там думу думала,
Я со мамушкой да мысли мыслила,
Я со брателками рець говорила,
Со сестриценьками слезно плакала.
А только тут я тебя завидела,
Только тут да тебя заприметила —
Во своей-то да светлой светлицы,
А во хрисьенцкой нашей избушецки,
Среди тебя полу дубового.
А ты садись-ко, родима тетушка,
На брусчатну да белу лавоцьку
А ко кошевцяту окошецку,
А от миня да садись неподалеку —
А возле мою да руку правую!
А пособи ты мне-ка горя мыкати,
А горючих мне слез да приубавити!
А ты не бойсе, моя голубушка,
[Что] моё горе к тебе привяжице —
У меня да оно всё останице.
Не жалей ты, родима тетушка,
Ты пшенисьня своя громка голоса,
А прицети своей лебединою, —
Поприбавь ты мне-ка ума-разума!
Тебе спасибо ле, родима тетушка,
На доброточки твоей великои,
На припростом твоем ретивом серци:
А я ходила ле к вам поцясту,
А говорила я у вас попросту,

А я сидела да у вас подолгу, —
А потайна ле ты была, невыносна.

На этом причет встречи кончается — вот сколько занимает время, чтобы встретить одну тетку, а их за день может придти две-три! А попробуй что-нибудь выкинуть из причета, чтобы не накликал худой молвы и беды, — ведь их, сплетниц, стоит полна изба: тогда пересудов не оберешься.

Вот, при встрече,⁵⁰ возникают такие разговоры:

— Ну, где это, Марфа, была — на свадьбы?
— Да, была, послушала.
— Ну как, невеста-та: мастерица, нет — плакать-то?

А та отвечает: «А горе это! А невеста плачет через два — на третье: встречала тетку, дак и половины не сплала», — и эта молва разнесется быстрее радио.

А про мастерицу скажут так: «Ну девка! Уж и мастерица же она плакать: слово к слову кладет — как бисёром садит! Давно я таких невест и таких плакс не слыхала!».

...Да я отвлекся от сути дела, а день уже перевалил за половину. Девушки знают, что сегодня у невесты большое событие: «**косу расплетать**». Начинают собираться домой. Невеста встает, причитая:

А ох-те мнечушко тошнехонько!
А посидите у мя, белы лебеди,
А погостите у мя, красны девици:
А ище долог да день до вецёра,
А высоко да ище сонце на неби —
А от лесов да сонце с топорищецо,
А от земли да сонце с коромыслецо!
А не задорьтесь, да белы лебеди,
А на отцовску-ту работоцку —
А вам работоцкой к ним не приробитце,
А вам ласкотоцкой к ним не прилащитце!

Публика расходится. Девушки уходят тоже, чтобы поскорее снова вернуться.

Когда соберутся девушки, невесту одевают, повязывают повяску (повяска всю свадьбу не снимается во время причетов) и выводят на свое место. Начинает причитать:

А ох-те мнечушко тошнехонько!
А поклонись да моя буйна голова,
А покорись, да мое ретиво серцо,

⁵⁰ Имеется в виду встреча женщин-сплетниц.

А ты кругом ле да на околицу,
 А ты девицам да на особицу!
 А назову ле я вас по имени,
 А вознесу да сполна по отецесву:
 А уж ты Анна доць Ивановна,
 А ты Веронья да доць Степановна,
 А Окулина да доць Романовна,
 А ты Лукерья да Олексеевна!
 А вы послушайте, мои голубушки,
 А об цём я ле буду конатися,
 А об цём ниско буду поклонятися:
 А уж вы сделайте мне послушеньце,
 А вы велико мне да уваженьце,
 А мне во девьи больше во последня,
 А во последни да во остатосьни, —
 А истопите-ко мне парну баенку,
 А накалите-ко вы светлу каменку!
 А вы нагрейте-ко три шолока:
 А как первой ле щолок осиновой,
 А другой щолок рябиновый,
 А как третьеи ле щолок — церемховой!
 А принесите-ко вы мне три мыла:
 А как перво ле мыло казанцкое,
 А как друго да мыло астраханцкое,
 А как третье ле мыло — хрисьянцкое!

Приплаканные девушки уходят топить баню и по очереди ее охраняют, не допуская никого из посторонних близко к бани, боясь, чтобы кто не напустил порчи: через эту баню всё можно сделать. Якобы есть такие люди, которые етим занимаются: когда дерутся собаки или кошки, у них шерсть (*так!*) летит клочьями. Эти люди собирают эту шерсть и незаметно подбросят за порог в баню, или даже к порогу, чтобы невеста перешагнула через этот клоч шерсти, — и тут добра не жди! Такое было суеверие.

А теперь невеста снова начинает причитать, прося у отца и матери благословения на **расплетание косы**:

А ох-те мнечушко тошнехонько!
 А поклонись-ко, моя буина голова,
 А покорись-ко, мое ретиво сердце,
 А ты своёму да всхожу солнышку,
 А ты жаланной да своей мамушки:
 А подойди-ко, ко мне, всхоже солнышко,
 А ты, желанна да моя мамушка,
 А дайте Божье мне да благословеньце, —
 А мне сказать про то слова не хоцице,
 А язык в роти у мя не воротице, —
 А расплести да мою трубцяту косу,
 А розрушить да мою девью красоту,
 А мне повывязать да ленты аляя,
 А косоплёточки да семишолоквы!

Подходят: отец — невеста падает ему в ноги. Отец ее крестит и отходит. Потом подходит мать, — невеста тоже падает в ноги. Мать — благословляя, а затем обхватывая невесту по плечам, а невеста — мать, одна другой причитают свои сокровенные думы. Затем невеста снова причитает девушкам:

А ох-те мнечушко тошнихонько!
А поклонись-ко, моя буйна голова,
А покорись-ко, мое ретиво сердце,
А ты девицам да белым лебедям,
А милосродным-то сестрененкам,
А задушевным-то подружецкам: —
А вы послушайте, мои подружецки,
А об цем я буду вам конатися,
А об цем ниско буду поклонятися, —
А уж вы сделайте мне послушеньце,
А мне велико да уважаньецо, —
А мне во девьи больше в последние,
А во последни больше в остатосьни!
А назову ле я вас по имени,
А вознесу да сполна по отецесву:
А ты, Еринья да доць Ивановна,
А уж ты, Дарья да доць Максимовна,
А Полагея да доць Мекитисьня,
А ты, Устенья да доць Кириловна,
А Секлетенья да доць Егоровна,
А ты, Варвара да доць Семеновна, —
А мне сказать о том слова не хоцице,
А язык в роти у мян не воротице, —
А расплетите у мян трубцяту косу,
А розрушите мою девью красоту,
А мне повывяжите ленты аляя!

Невеста растряхивает свои ленты и косники, причитая:

А накрусайсе, моя трубцята коса!
А накрусайся, моя девья красота!
Тебе немножецко стало, малехонько,
Тебе последни да цяс-минуточки!

Приплаканныя девушки усаживают невесту на лавку, снимают повяску с головы и начинают расплетать, но невеста, обвинив косу вокруг своих рук, не дает расплетать. Но у одной невесты против шести девушек недостает силы. Тогда она просит мать, крестну и других ей помочь. Те подходят, освобождают невесту, но ненадолго. Девушки с еще большим рвением и искусством стараются отнять косу. Ета возня проходит около часу. Наконец, коса отнята, расплетена. Невеста причитает:

А я из рук больше косу упустила,
А я из глаз больше косу уронила!

А налетели ко мне птицы-пташицы,
А расклевали мою трубцяту косу,
А набежали ко мне красны девицы,
А разрушили мою девью красоту!

Невеста начинает раздаривать ленты, вплетая девушкам в косу, причитая:

А ты носи, только, моя голубушка,
А ты ко ступы носи, ко жорнову,
А ко хлеву да носи благословленому,
А ко скоту да носи ко кормленому, —
А не жалей-ко их, моя голубушка!

Наконец, ленты раздарены. Девушки приходят звать невесту в баню, — те, которые топили баню, за исключением одной, оставшей на карауле. Все девицы выходят в сени и там начинают причитать: одна из них начинает, остальные помогают:

А мы накинem да руку правую
А на скобу-ту да на железную,
А мы отворим да двери на пяты,
А мы поставим да двери на крюки,
А мы на крюки да на железныя,
А мы на петелки да полуженныя.
А наперёд мы ступим ногой правою,
А позади мы ступим ногой левою,
А на полы мы станем на дубовыя,
А перекладинки станем сосновыя,
А мы на столбышки тоцёныя.
А дубовы полы, не изогнитесь,
А перекладинки, не изломитесь,
А столбы тоцены, не подвернитесь:
А мы грузным ле идем грузнехоньки,
А тяжелым мы идем тяжелешеньки!
А вы задуйте, да ветры буйныя,
А розшатитесь, да лeсы темныя,
А розлетитесь, да птицы-пташицы,
А по рокитовым-то кустышкам!
А розоидитесь, да люди добрыя,
А уж вы дайте нам путь-дорожецку,
А нам не конну да пешеходную:
А нам не парой да в Питер ехати,
А не коретой да в Москву бежати,
А нам дойти ле да только доступить
А до круцинного-то мeстицка,
А до кнегины да заруцоной,
А до невесты да благословленой!
А назовем мы тебя по имени,
А вознесем да сполна по отцесву:
А уж ты, Марья до доць Ивановна,
А об цом ты ле да нам коналесе,

А об цом ниско да поклонялася, —
А мы исполнили твое веленьецо,
А истопили мы парну баёнку,
А накалили да светлу каменку,
А мы нагрели тебе три шолока:
А как первой ле шолок осиновой,
А как другой ле шолок рябиновой,
А как третьей ле шолок — церемховой!
А приготовили мы три мыла:
А как перво то мыло казаньцкое,
А друго мыло да астраханцкое,
А как третье-то мыло — хресьяныцкое!
А ты пожалуй-ко, наша голубушка,
А как помыгься с нами, попариться, —
А как во девьи больше во последния!

Невесту собирают в баню. Если время летом, — идут в одних платьях, если зимой, то одевают жакетки. Невеста с места причитает:

А понесите миня, ноги резвья,
А поведите миня, оци слезныя,
А как во жарку да парну баенку!
А не несут да миня ноги — ломаются,
А не ведут да миня оци — мутятся.

Выйдя на улицу, останавливаются, причитая, приглашая соседей в баню:

А поклонись-ко, моя буйна голова,
А покорись-ко, мое ретиво сердце,
А ты соседям да порядовнымы!
А назову ле я вас по имени,
А вознесу да сполна по отецесву:
А ты, Семен да сын Андреевиц,
А ты, Настасья да дочь Егоровна,
А ты, Григорей да сын Степановиць,
А ты, Крестина да Костенькиновна,
А со своима да малыма детоцками,
А вы пожалуйте-ко в парну баенку,
А вы помьще со мной, попарице, —
А мне во девьи да во последния!

Подходя к бани, невеста снова причитает:

А не убойся, да парна баенка,
А не россыпья да светла каменка:
А не по-старому иду, не по-прежнему —
А во повяски да красна золота,
А во присадки да скатна жемцюга, —
А без природной больше трубцятой косы,
А без украшевной да девьей красоты!

Здесь с невесты снимают повяску. Снимавшая девушка с невесты повяску, старается незаметно на какую-нибудь зазев[ав]-шую девушку повяску надеть, для того, чтобы та скорее вышла в замуж, — и повяску уносят в избу.

Невеста с ближайшими подругами заходят в баню, а там топившими баню девушками по лавкам разложены веники, и в каждом венике вложен какой-нибудь предмет. Девушки разбирают веники, и если в венике окажется рыба кость, то муж будет рыболов, если кость от дичи, то охотник, если кость скотская — скотопромышленник, если бумага и карандаш, то будет писарь, если плеть, то будет конюх, если рюмка — то пьяница, а если женской кокошник — той [девушке] очередь выходить в замуж, и т. д. По окончании мытья одевшая невеста и девушки выходят из бани. Выходя на середину улицы, невеста, открыв голову, если тепло, а если холодно, повязав половину головы и уши платком, причитает:

А ох-те мнечушко тошнехонько!
А *наилейтесь*,⁵¹ да русы волосы,
А вы на небо-то на синее,
А вы на легки-ти на облаки,
А на леса-ти да всё на темныя,
А на руцья-ти да на пригрубья,
А на луга-ти на зеленяя,
А вы на травы да на шолковыя,
А вы на реки-ти на быстрыя,
А на поля-ти да на широкия,
А вы на церковь-ту на Божию,
А на звона ти да колокольняя,
А вы на все да больше веки долгия! —

так как замужней женщине нельзя выходить с непокрытой головой, а посему она и причитает, что они последний раз видят вольный свет.

Заходя в избу, остановясь среди пола, лицом к передней лавке, причитают:

А ох-те мнечушко тошнехонько!
А поклонись, да моя буина голова,
А покорись да мое ретиво сердце,
А ты кругом ле да на околицу,
А как троим да только наособицу, —
А люболасковым молодушкам!
А назову я вас по имени,
А вознесу да сполна по отецесву:
А ты, Ховронья да Поликарповна,
А ты налей-ко, моя голубушка,
А как холодной да клюцевой выды (*так!*)

⁵¹ *Наилейтесь* — налюбуйтесь.

А ты во медну да рукомоецку —
А мне умыть да свое лицо белое
А после жаркой да парной баенки!
А Секлетея да доць Панфиловна,
А ты подай бело да полотенышко —
А утереть да свое лицо белое
А после жаркой да парной баенки!

Снохи после этой прозбы одна наливает в умывальник воды, а другая подает полотенце. Девушки умываются, утираются. Теперь [невеста] обращается с прозбой к матери:

— А ты жаланна да моя мамушка!
А ты подай нам, моя голубушка,
А ты братыню да пива пьяного —
А нам во баёнки да угорелосе,
А нам испить да шибко захотелосе!

Мать подходит с ковшом холодной воды, причитая:

А кабы знала я да ето ведала,
Що у нас да ето сдеице,
Що у нас ето содеице, —
А наварила бы я пива пьяного,
А накурила бы я зелена вина!
А на, испей-ко се, моя голубушка,
А ты холодной да клюцевой воды!

Невеста берет ковш, крестится, пьет, а за ней пьют и девушки, которы были в бане, — а *сейчас*⁵² заносят в избу оленью шкуру, разстилают на полу, по направлению к переднему углу. Невеста встает на шкуру и начинает **послебанное моление**, кланяясь в землю, причитая:

А ох-те мнечушко тошнихонько!
А уж я крест да кладу по писанному,
А я поклон да кладу по уценному
А Самому да Богу Господу,
А Присвятои ле да Богородице,
А свою Ангелу Хранителю.
А как первой ле да поклон положу
А за цяря-та да благоверного,
А за цярицу да благоверную, —
А за егову да молоду жону,
А за цярицу да благоверную, —
А за жаланну да его мамушку,
А за цяревых да малых детоцек:
А уж как дай им, да Боже Господи,
А буиным головам здоровьця,
А ретивым ле сердцам весельца!

⁵² *Сейчас* — зд. в это же время.

А я ище же да поклон положу
А за солдатов да горё-горкихы,
А за матросов да многолетнихы,
А я за всю-ту да силу-армею:
А уж как дай да им, Боже Господи,
А буйным головам здоровьца,
А ретивым ле сердцам весельца!
А ище же да поклон положу
А за монашество да богомольное,
А за попов ле, *децков*,⁵³ духовников:
А уж Ты дай им, да Боже Господи,
А буиным головам здоровьца,
А ретивым ле сердцам весельца!
А ище ле да поклон положу,
А как за всхожа да красна солнышка,
А за жаланну да свою мамушку,
А как за всю нашу семью согласную:
А уж как дай им, да Боже Господи,
А буйным головам здоровьца,
А ретивым ле сердцам весельца!
А ище ле да поклон положу
А за цюжа-та да за цюженина,
А за цюжого-то сына отецкого,
А как за всю ихню семью согласную:
А уж как дай Ты им, Боже Господи,
А буйным головам здоровьца,
А ретивым ле сердцам весельца!
А ище ле да поклон положу
А за свою-ту да буину голову:
А уж Ты дай-ко, да Боже Господи,
А буйной головы моей здоровьца,
А ретиву мою серцю весельца!

Моленье кончилось. *Постель*⁵⁴ убирают. Невеста становится на свое место, начинает причитать — просить девушек сходить в баню, якобы у ней там осталась повяска, — и принести ее к ней:

А ох-те мнечушко тошнехонько!
А поклонись, да моя буйна голова,
А покорись, да мое ретиво сердце,
А ты девицам да белым лебедям,
А порядовным-то соседушкам,
А милосродным-то сестренкам,
А задушевным-то подружецкам:
— А уж вы зделайте мне послушеньцо,
А мне велико да уваженьцо,
А мне во девьи да в последния, —
А вы сходите, да белы лебеди,

⁵³ *Децков* — дьячков.

⁵⁴ *Постель* — зд. имеется в виду постеленная раньше оленья шкура.

А как во жарку да парну баенку!
А там осталась моя да девья красота,
А как повяска да красна золота,
А как присадка да скатна жемцюга, —
А принесите мне-ка девью красоту!

Девушки выходят в сени и начинают причитать *то же самое*⁵⁵, как и звали невесту в баню до причета:

А мы исполнили твое веленьцо:
А мы сходили да в парну баенку.
А подходили мы к ней потихохонько,
А мы ступали помалехонько,
А припадали да ухом правымы
А ко кошевцяту окошецку,
А уж мы слушали, да красны девицы,
А що там делат твоя девья красота.
А как сидела твоя девья красота
А на тоцёном-то на столбышке.
А клицот-плацот твоя девья красота,
А пощо ты же ее оставила,
А пощо ты же ее покинула!
А отворили мы двери на пяты,
А заходили мы в парну баенку,
А мы имали твою девью красоту.
А вылетала твоя девья красота,
А она вылетела дымовой трубой,
И улетела твоя девья красота
А за леса-ти она за темныя,
А за руцья-ти она *пригрубя*,⁵⁶
А за болота-ти за *дыбуция*,⁵⁷
А как за *рады*⁵⁸ да за седуция.
А она села, твоя девья красота,
А на кудряву да на березоньку.
А попроси ты родима брателка:
А пусь возьмет да он востер топор,
Пусть он срубит ету березоньку
И принесет да твою девью красоту!

Невеста начинает обращаться к брату с прозьбой, чтобы он сходил в леса за повяской, причитая:

А поклонись да моя буина голова,
А покорись, да мое ретиво сердце,
А ты земному-ту крылату ангелу, —
А ты родимому-ту брателку:
А уж ты сделай-ко мне послушеньце,
А ты велико мне уваженьце!

⁵⁵ *То же самое* — имеется в виду: так же, на тот же напев.

⁵⁶ *Пригрубя* — грубый берег — крутой, обрывистый.

⁵⁷ *Дыбуция* — зыбучие.

⁵⁸ *Рады* — рада: болотистый хвойник.

А ты возьми-ко, да добрый молодець,
А ты в собой же топор булатной же,
А ты поди-ко да в леса темныя,
А за руцья-ти да пригрубья,
А за болота да за дыбуция,
А ты за рады да седуция!
А там кудрява стоит березонка.
А как на тои ле да на березонки
А там моя да сидит девья красота,
А там повяска да красна золота,
А там присадка да скатна жемцюга.
А ты сруби-ко ету березонку,
А принеси да мою девью красоту!

Брат, выслушав прозьбу сестры, уходит за повяской, которая находится в другой избе, и приносит её сестре. А иногда бывают такие братья-шутники: выходя от невесты, одевает малицу (зимняя одежда), подпоясавшись ремнем. Ложит топор за ремень, берет лыжи, вывалившись в снегу (если свадьба бывает зимой) и заявляется в избу с повяской. А публика хохочет о его выдумке. Отдав повязку сестре, — та встает и благодарит:

Тебе спасибо, да млад есён сокол,
Тебе, удалой да доброй молодец,
Тебе, родимой ле мой брателко,
На добротоцки твоей великой!

Повяску повязывают невесте. Та причитает:

А ты, жаланна да моя мамушка!
А принеси-ко се, моя голубушка,
Ты замороцько да цисто зеркальце —
Посмотреть да мне-ка лицо белое:
А как пристала да девья красота
А без природной да трубцятой косы,
Без украшевной да девьей красоты!

Мать приносит зеркальце. Невеста, посмотрев в него, отдает обратно, причитая:

А не пристала мне-ка девья красота,
А мне повяска красна золота,
А мне присадка скатна жемцюга
А без природной да трубцятой косы,
Без украшевной да девьей красоты!

На этом второй день свадьбы кончается. Народ расходятся. Невеста с ближайшими подругами уходит в другу избу. Раздеваются, ужинают и ложатся спать, чтобы завтра начать еще более ответственный день свадьбы: **бранье и поездка к венцу.**

За прошедшие два дня, **в доме невесты** полных шума и событий, **в доме жениха** ничего не происходило, только все время шло приготовление к приезду свадьбы после венчания: заготовка вина, варят пиво, пекут хлеба, жарят рыбу, колют овец, и т. д. Только на третий день с утра собирают всю родню на *ужин*,⁵⁹ приглашают знахаря — *сторожем*⁶⁰. За этим столом распределяют должности: кто тысяцким, кто ему помощник, кто рушальник-хлебрез на всю свадьбу, сколько пойдёт дружек, кто из них старшим, сколько пойдёт сватьей.

Одновременно с жениховым ужином, собирается ужин и у невесты. Во время этих ужинов от жениха приходят послы-дружки во главе со старшим дружкой, — узнать, как готовятся в доме невесты к приему жениха на **бранье** «со всем полком, со всем поездом».

У невесты, когда гости сядут все за ужин, невеста приходит перед стол и начинает причитать:

А ох-те мнечушко тошнехонко!
А я роскрою да с очей слезен плат,
А я роскину да очи ясныя
А я по всей да своей светлой светлицы,
А по хрисьеньцкой своей избушецки,
А по столам-то да по дубовыми,
А по ясвам-то да по сахарными,
А по питьям-то да разноливными,
А по своем ле цесным родителям —
А сидите ле вы, мои, здорово-ге?
А уж вы ешьте да, гости, кушайте,
А про моё ле горе не слушайте!
А що сошлось да у нас пригодилося, —
Не осудите вы цесны родители
На потрепушой да свежей рыбочки,
На полетушой-то тетёрочки!
А що-то мало вас сошлось-съехалось:
А половина всего роду-племени,
Из половиночки — одна третиночка,
А из третиночки да четвртиночка, —
Шибко много да мест порозныхы.
А вот перво ле место порозноё:
А нет родимого-то брателка,
А нет родимого-то большого, —
А не пришел пощо-то, не приехал же,
Как не пали ему вести-павести,
Не дошли до него письма-грамотки,

⁵⁹ *Ужин* — эд. торжественная, парадная трапеза. Может быть, автор имеет здесь в виду *паужну*, *паужин* — поздний обед, который на Русском Севере обыкновенно бывал около 2-х часов дня.

⁶⁰ *Сторож* — свадебный чин, задача которого — охранять участников свадьбы от порчи и сглаза. В *сторожа* приглашались обычно люди, имевшие репутацию знахаря.

А скорописны да телеграмоцки!
 А, быват, мной ле да он гнушаице,
 Але собой да шибко возвышаице?
 Нет, он мною да не гнушаице
 И собой он не возвышаице:
 На цюжой он да дальней стороны,
 А на злодеюшки да незнакомою,
 А во солдатах да горе-горких.
 А не своя у него вольня волюшка —
 А у них строгия начальники!
 А вот ище есь место порозное:
 А восприемного нет хрестна батюшка, —
 А *во пещерушки*⁶¹ он, сырой земли,
 А не прийти да ему, не приехати.
 А поклонись-ко, моя буйна голова,
 А покорись-ко, мое ретиво сердце,
 А ты кругом ле да на околицу,
 А уж я многим да на особицу!
 А назову ле я вас по имени,
 А вознесу да сполна по отецесву:
 А ты, Иван ле да сын Васильевич,
 А будь названным да хресным батюшком (*выдавальней*⁶²)!
 А ты постой-ко, да хресной батюшко,
 А за мою да постой буйну голову,
 А за припросто мое ретиво сердце!
 А не задорьсе, да хрессной батюшко,
 А на курёно ихно зелено вино,
 А зелено-то вино — пропойциво!
 А ты не курь, да хрессной, прокляту траву,
 А проклята трава-табак — прокурцива!
 А Олександра да доць Ондреевна —
 Восприемна моя хресна матушка,
 А ты сходи-ко да со мной, съезди-ко
 А ты да церкви-то до Божия,
 А до звонов-то да колокольня!
 А мне обет ле там нать отправить,
 А мне-ка свечи да нать поставити, —
 А посулила моя жаланная,
 А когда я ище была малехонька,
 А больня да была, нездоровья...
 А цистым сердцем я тебе откроюсе:
 А мне принеть там надо законной брак,
 А обдержать да надо золоты венци!
 А Миколай ле да сын Ивановиц,
 А ты, Иван ле да Миколаевич, —
 А уж вы бытте, да добры молодци,
 А под праву ле руку подрусники!
 А ты, Егор ле да сын Семеновиц,

⁶¹ *Во пещерушки* — во пещерушке, т. е. в могиле.

⁶² *Выдавальной* — выдавальный, свадебный чин, в обязанности которого входило выводить невесту к жениху и передавать ее жениховой родне на **бранье**. Обычно *выдавальным* бывал крестный отец невесты.

А ты, Семен ле да сын Егоровиц, —
 А уж вы бытте, да добры молодци,
 А под леву ле руку подрусником!
 А ты, Семен ле да сын Уваровиц, —
 А впереди ты быдь оберегателем!
 А ты, Степан ле да сын Макаровиц, —
 А назади ты быдь да провожателем!
 А ты, Ондрей ле да сын Ондреевич, —
 А у окошецка ты быдь ответчиком!
 А ты, Ефим ле да сын Ондреевиц, —
 У ворот быдь да приворотьником!
 Не пускай ты чужа чуженина,
 Когда приедет же за моей-то буйной головой!
 А ты скажи-ко им, доброй молодець,
 А що ушла куда-то лебедь белая, —
 А, видно, в лес ушла, да заблудиласе,
 Лебы в реченьки да утопиласе!
 А ты, Софрон ле да сын Панфиловиц, —
 Среди двора да караульщиком!
 А уж как слава Тебе, Боже Господи,
 А я напиласе-наеласе,
 А я на все да у вас веки девья!
 А те спасибо, всхоже солнышко,
 А тебе на хлебе и на соли,
 А на потряпущей да свежей рыбоцьки,
 А на полетушей-то тетёроцки!
 Тебе спасибо, моя жаланная,
 Тебе на завтроках на раннихы
 И на обедах-то на срядных,
 А на горечих да теплых шанешках!

Невеста с девицами уходят. Тоже с невестой, гости выходят из-за стола. Оставляют лишь один стол, — лишние выносят. Его ставят **поперек пола**.

В этот момент приходят дружки — за **знаками**.⁶³ Дружек должно быть поровну: сколько старших, столько и младших. Старшим ленты пришивают на право плечо, а младшим — на левое. Входя, старший дружка говорит:

— Вот что, Иван Модестович!
 Князь молодой Иван Иванович не верит мне,
 что я был у вас
 и видел вас,
 а будто ходил без оглядки
 и не *наблюдал*⁶⁴ никакого порядку!
 Дак вот, для слова оного —
 уверить князя молодого[го], —
 дайте вы нам, дружкам, на плечи по значку,
 а в руки — по платку,
 а в рот — по рюмочке!

⁶³ *Знаки свадебных дружек* — ленты, пришитые на плечо.

⁶⁴ *Не наблюдал* — не соблюдал.

Хозяин подает дружкам по рюмке. Девушки пришивают дружкам ленты. В то же время, — то будто у них игла нейдет, то будто они нитки оторвать не могут, а то плечо уколют, вынуждая дружок на гостинцы. Иногда дружки, чтобы не могли уколоть плечо, подкладывают бересто или кардон.

Ленты пришиты. Дружки собираются уходить. Старший дружка говорит:

— Дак вот, Иван Модестович!
Мы сейчас приедем за невестой, —
приготовьте нашим коням место,
хорошего сенця
и побольше овсеца,
а нам, молодцам, — закусоцки и винця!

И уходят.

Хозяйка стелит на стол скатерть и кладет хлеб и соль. Девушки хлеб и соль завертывают в скатерть и крепко-накрепко зашивают, назло жениху. И усаживаются вокруг стола, в ожидании жениха, поют:⁶⁵

А⁶⁶ да как пошла река быстрая,
Припев: ель, ель, елью,
Да от Москвы пошла, от Вологды,
Да как до славного Питёра,
Да как до города Архангельска,⁶⁷
Да до уезда Мезеньского,⁶⁸
Да до правленья Лешуконого,
Да до деревни нашей Пылемы.
Да уж как наша Пылёма,⁶⁹
Да на горы стоит высокои,
Да на красы на великои:
У нас восход красна солнышка,
У нас заход светла месяца,⁷⁰
У нас занятие зори утренной.⁷¹
К нам птици-пташици слетающе,
К нам добры кони сбегающе,
К нам люди добры съезжающе.⁷²
Да тут к нам ездит бодер на кони,

⁶⁵ Напев песни см. Приложение II, № 3. Вариант текста: РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 105—106.

⁶⁶ В тетради (РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 105—106) здесь стоит «Ой».

⁶⁷ В указанной тетради стоит «Архальнецка».

⁶⁸ В указанной тетради стоит «Мезеньцкого».

⁶⁹ В указанной тетради строка читается «Да ище наша-то Пылема».

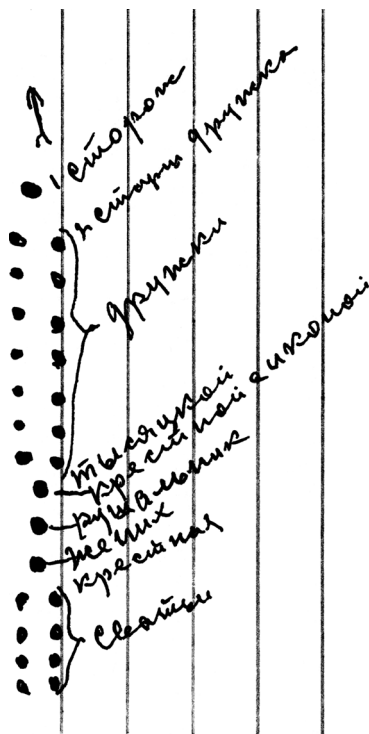
⁷⁰ В указанной тетради стоит «месеца».

⁷¹ В указанной тетради стоит «утреньной».

⁷² В указанной тетради за этой строкой следует вставка: «У нас старухи богомольния, да молодницы — предеюшки, да красны девушки — ткеюшки, да добры молодци удалыя». То же — в сборнике *Песни Лешуконого*, с. 82.

Да как бодер доброй молодец,
 Да именем и отецесвом
 Да как Иван сын Иванович.⁷³
 Да ты докуль будешь ездити,
 Да ты докуль будешь докуцити,
 Да ты докуль будешь дорошку торить,
 Да ты докуль будешь добра коня томить?
 Да я дотуль буду ездити,
 Да я дотуль буду добра коня томить,
 Да я покуда не высватаю,
 Да я покуда в замуж не возьму,
 Да я покуда жоной не поцнюю
 Да свою Марью Ивановну!

Наконец, идет жених за невестой — со всем полком, со всем поездом. Идут таким порядком: 1[-й] сторож, 2[-й] старш. дружка, дружки, тысячкой — крестной с иконой, рушальник, жених, крестная, сваты (рис. 1).

⁷³ В указанной тетради строка читается: «Да тут Иван-от Ивановичь».

Подойдя к дому, **сторож** стучит в окно со словами: «Господи Сусе Христе, Сыне Божий! Есь ли Аминь?». При третьем разе из окна отвечают: «Есь Аминь!». Поднимаются на крыльцо — ворота закрыты крепко-накрепко. Сторож спрашивает старшего дружку: «В чем дело? Мы же тебя посылали три раза, и ты говорил, что всё в порядке!». Тот пожимает плечами. Сторож снова обращается к воротам с такими же словами, как и у окна. При третьем разе за воротами отвечают: «Есть Аминь!» и задают вопрос «А кто это идет, — что вы за люди?» Сторож отвечает:

Мы люди Божьи да государевы,
живем против неба на земле,
на ровном месте — как на бороне,
верст за тридцать в стороне.
Идет князь молодой Иван Иванович
за княгиней молодой Марьей Ивановной!

За воротами отвечают:

— Наша княгиня молода обернулась шукой и ушла в воду.
Ищи там!

Сторож:

— У нашёго князя молодого есть молодци-рыболовы.
Закинули они сети, поймали эту шуку,
но шука хлеснула хвостом
и ушла в етот дом!

За воротами:

— Наша кнегиня молода обернулась лисицей и ушла в лес.
Ищите ее там!

Сторож:

— У нашего князя молодого есть молодци-звероловы.
Пошли они на промысел, увидали лисий след.
Поставили капкан — ета лисица попала в капкан,
но капкан был легким, и она ушла с капканом, —
и ее выследили, что она зашла в етот дом.

За воротами:

— Наша кнегиня молода обернулась белой лебедью,
улетела в тихи заводи.
Ищи ее там!

Сторож:

— У нашего князя молодого есть молодци — меткие стрельци.
Пошли они на охоту. Увидали: летит белая лебедь.

Один из них выстрелил и перебил у ней правое крыло,
и она упала на этот дом. Должна быть здесь!

За воротами:

— Наша кнегиня молода обернулась кольцом
и затерялась с концом!

Сторож:

— Наш князь молодой Иван Иванович идет с пивом и вином.
Когда выпьем пиво и винцо,
а там на дне окажется кольцо!

Теперь ворота открываются со словами:

— Ну, коли идите с пивом и вином, — заходите, пожалуйста!
Вы бы раньше сказали, —
дак мы бы и врать не стали!

Заходят в избу, молятся, здороваются с хозяином. Сторож спрашивает хозяина, указывая на девушек: «Что это у вас за гости и кем они посажены?». Хозяин, пожимая плечами, отвечает: «Я не знаю, кто их посадил. Я не сажил. Спросите их, Иван Петровиц, сами!».

Сторож:

— Красные девицы,
пирожны мастерицы,
хлебны пагубници!
Подвиньтесь в кут по лавицы,
дайте место нашему князю молодому
со всем полком, со всем поездом!

Девушки, сидя, кланяются и говорят: «Мы посажены княгиней молодой Марьей Ивановной. От князя молодого подарки ждем!».

Жених ложит на стол баранки, пряники или конфеты, — но не много, зная, что впереди у девок много приговоров.

Девушки:

Наша кнегиня молода не крива, не слепа, не уродлива, —
не столько стоит!

Снова прибавляют.

Девушки:

Со всего полку, со всего поезду!

Кладут все поезжане.

Девушки всё положенное на стол раздвигают на четыре кучки и говорят:

Наша изба — о четыре угла, пята — печка!

Ложат «на печку».

«Печку» с середины сдвигают и говорят:

Наш стол не без круга!

Ложат «на круг».

Девушки при каждом предложении делают общий поклон.

Девушки:

Еще серебрянна денъга на столе не была!

Жених кладет серебрянный рубль.

Девушки:

На кнегиню молоду Марью Ивановну!

Жених кладет «на невесту».

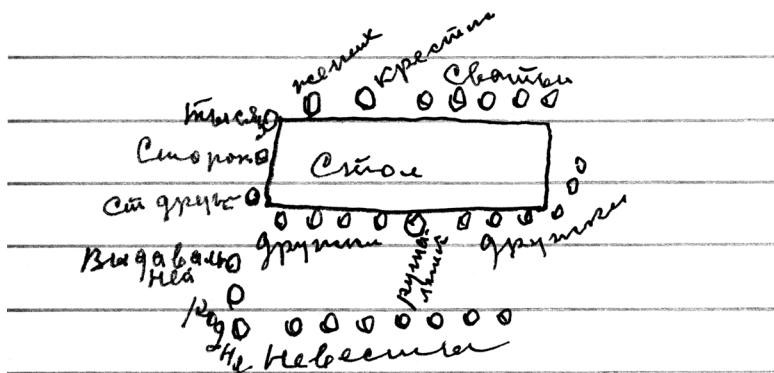
Девушки встают, делают общий поклон, говоря:

Наша кнегина — как малина,

ваш князь — как сокол!

Спасибо, князь молодой!

Поезжане заходят за стол. На угол стола становится старший дружка, на конец стола — сторож, в передний угол — тысяцкий, рядом с ним — жених, рядом с женихом — крестна, дальше — сватъи (см. рис. 2).

Невестина родня усаживается

Невестина родня усаживается по-за стола, руководит ею выдавальня, который будет передавать жениху невесту.

Теперь приглашают хозяина к столу. Тысяцкий говорит: «Вот, Иван Модестовиц, мы приехали со своим „богом“,⁷⁴ дак нельзя ли куда-нибудь поместить его около ваших „богов“?» Хозяин разрешает.

Тогда тысяцкой просит у хозяина гвоздей. Хозяин отказывает. Конечно, у тысяцкого припасено все свое, но такой порядок: одному положено все просить, а хозяину — во всем отказывать!

Гвозди нашлись у тысяцкого свои. Теперь тысяцкий просит у хозяина молоток, чтобы прикрепить «бога». Хозяин отказывает, мотивируя тем, что «на свадьбу все прибирали и куда-то все похавали, что ничего не найдешь!».

У тысяцкого нашолся и молоток. Теперь он просит хозяина, не найдется ли у него свечка, чтобы зажечь перед нашим «богом». Хозяин отвечает: «Была одна у нас свечка — вот, поставили своим „богам“, а в запасе больше нет!».

Тысяцкий находит свечку у себя и ставит своему «богу». Наконец, тысяцкий обращается с последней прозьбой к хозяину: «Ну, уж спички-то у Вас найдутся, Иван Модестовиц, чтобы зажечь свечку!». Хозяин отвечает: «Что ты, Василей Иванович — какие тепер спички? Из-за спицек-то сегодня и пец не топили!».

Тысяцкий вынимает свои спички, зажигает свою свечку у иконы. Хозяин просит тысяцкого попутно зажечь и у нихней иконы свечку. Тысяцкий отвечает, что у него была единственно одна спичка, которую он уже успел погасить. Тогда с хозяйской половины подается лучинка с огнем, чтобы зажечь свою свечку. Етим происходит проверка дальновидности новой родни.

Свечки зажжены. Тысяцкий просит хозяина и хозяйку и всех участников свадьбы присесть и закрыть дверь. Садятся на две — три секунды... Все встают, молятся, просят хозяина, чтобы он руководил своей родней или указал руководителя. Хозяин указывает на выдавальнаго.

Старший дружка, сторож и тысяцкий начинают обносить водкой и пивом свадебщиков, налегая более на невестину родню. Рушальник, пригласив хозяйку к столу, просит: что-нибудь покушать. Та указывает на зашитую скатерть, что там завернут хлеб и соль, а рыбы она сейчас принесет. Рушальник осторожно начинает распарывать зашитый девушками хлеб, — так, чтобы не рассыпать соли: если соль рассыпешь, то будет ссора. Освободив хлеб, режет на ломти и раскладывает по столам. Рушальник должен следить все время, чтобы достаточно на столах было хлеба.

Хозяйка подает рыбу. Рушальник у рыбы отрезает голову и хвост, просит запасную тарелку, и эти обрезки возвращает

⁷⁴ «Бог» — зд. икона.

обратно, а середину рыбы кушают. Он етим ускоряет подачу блюд, т. к. с третьим блюдом должна быть выведена к столу невеста. Сторож и дружка просят выдавальнего сходить к невесте: узнать, не время ли нести ей подарки женихом (так называемые **на белила**). Выдавальной уходит, но вскоре возвращается, объясняя, что еще не время. И так все время: женихова сторона старается как можно сократить время, чтобы скорее взять невесту, а невестина сторона — как можно оттянуть, чтобы больше у жениха вытянуть угощенья. Рушальник тоже старается как можно скорей добраться до третьего блюда, а хозяйка старается оттянуть.

Выдавальной заметно захмелел и осмелел: он уже просит налить ему стакан водки и подает кому-нибудь на стороне, не выпуская стакана из рук, протягивая, чтобы налили еще и еще. Тысяцкий морщится, что расход водки идет не по назначению, на сторону, но ничего не поделаешь: сегодня будет много зависеть от выдавальняго, и отношения портить не приходится. Тысяцкий, для того чтобы прекратить разбазаривание водки, делает такой ход: просит снова сходить к невесте, узнать ее готовность к приему жениха. Выдавальной идет, и водка не течет туда, куда не следует. Выдавальной возвращается, что «нужно еще немного подождать». Его снова нарезают стаканами двумя-тремя водки. Выдавальной объявляет, что теперь можно идти к невесте.

К невесте идут жених, старший дружка и крестна с подарками от жениха. А подарки таковы: невесте на платье, гостинци — пряники, конфеты, баранки, зеркало, мыло и пудра, называя ее «белила». От этого и обряд етот-то называется **«на белила нести»**. Выдавальной их ведет к невесте, а он уже сильно пьян. Старший дружка несет бутылку водки, завязанную платком. Зайдя в горницу, — невеста начинает встречать, причитая (выдавальной уходит обратно, на свои «злачные пажити»):

А ох-те мнечушко тошнехонько!
А как мои-ти уши слышали,
А оци слезны мои завидели
А как залетны да птицы-пташици, —
А как чужа-та ище чуженина,
А как чужого-то сына отецкого!
А уж вы как ето к нам зашли-заехали:
А у окошечка были ответчики,
А у дверей ле были придверники,
А у ворот да были приворотники,
А среди да двора караульшики?

— Да, кнегина молода! Всё ето были ненадежные люди. Мы — кого обдарили, кого напоили, а кого и обманули, и зашли.

Тогда начинает говорить *женух*:⁷⁵

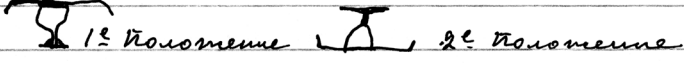
Скок через порог —
 одва ноги переволок!
За скобу руками,
 за молитву — зубами!
Здравствуйте, красные девицы
 и молоды молодичи!
А вы, старухи, зачем здесь?
Вы бы сидели на печи,
 грызли керпицы,
 пили кислой квас!
Здесь обойдется дело без вас!
Здравствуй, кнегина молода Марья Ивановна!
Принимай от меня подарки:
 зеркало да мыло,
 да беляя белила!
Гордось-спесь под лавку *сплечь*,⁷⁶ —
 ниски поклоны с собой заברי!
Мойся белянько,
 ходи хорошенько:
 тебе будет беляя,
 а мне — помиляя.
Через огороды не скачи,
 сарафанов не рви,
 чужих мужиков не мани —
 меня, молодца, не срами
 и моих молодцов не бесчести!
У нас гора висока,
 вода далека,
 коромысла толсты,
 ушаты больши.
Носи — не ленись,
 ходи — не гордись,
 а кто встретится —
 старому и малому поклонись!
У меня есть горенка нова,
 в этой горенке кроватька тесова,
 над этой кроватькой есть спичка мурава,
 на этой спички есть плетка шелкова.
Эта плетка о трех концах:
 один конец тонок,
 другой — долог.
А третий конец — вашего брата учить ловок!

⁷⁵ Следующий далее *приговор дружки* автор рукописи передает *женуху*, по-видимому, в интересах «сценичности» действия, поскольку публикуемая здесь запись старинной свадьбы послужила ему основой для сценария постановки Лешуконского народного хора «Северная свадьба». Впоследствии, при записи свадебных песен на магнитную ленту в конце декабря 1962 г., М. Н. Мякушин отнес данный текст к речи дружки, соответственно изменив некоторые слова (см. Приложение II, № 4).

⁷⁶ *Сплечь* — мы сохраняем авторское написание этого слова, в котором, кроме обычного для Лешуконья «спречь!» (спрячь); ср.: Приложение II, № 2, читается также и обрзаное: «с плеч! (долгой)».

Жених *открывает невесту*,⁷⁷ старается поцеловать. Невеста отворачивается, не дает поцеловать. Жених передает подарки рядом стоящей подруги, наливает рюмку водки, покрывает ровным подносом и переворачивает вверх дном, пример:

Покрывает ровным подносом и переворачивает вверх дном пример.

Подносит невесте она причитает

Подносит невесте. Она причитает:

А не дари ты меня, отецкой сын,
А не дари да меня, не обдаривай,
А не мани да меня, не обманывай!
А я довольня, да лебедь белая,
А у своего-то всхожа солнышка:
А колацами да лицо сбелила,
А преницками да заруменила,

беря у жениха в таком положении рюмку, но без подноса. Некак не взять, чтобы не разлить вино! Несколько раз принимается опрокинуть с подносом, но жених держит крепко. Тогда невеста вынуждена жениха поцеловать. Но если она поцелует так, что жениху не нравится, он снова не отпускает, — до тех пор, пока хорошо не поцелует. Тогда жених сам опрокидывает поднос и отдает невесте рюмку. И с крестной уходят к столу, а старший дружка остается наливать невесте вино.

Невеста причитает:

А подойди-тко, да родной татушка
А ко дарену да зелену вину:
А не моё да вино — подарёное,
А подарил мне его отецкой сын!

Отец берет рюмку. Невеста причитает:

А уж ты пей-ко, да мой, не досуха,
А пропивай-ко миня не вовеки!

⁷⁷ *Открывает невесту* — лицо невесты закрыто до этого времени большой шалью.

Отец, конечно, рюмку выпивает всю. За отцом подходит мать, а после матери всё вино [невеста] распивает девушкам. Невеста всем повторяет:

А уж ты пей-ко, моя, не досуха,
А пропивай-ко меня довеку!

Когда невеста кончит подавать, старший дружка уходит. Невеста причитает:

А пропила я свою буйну голову
А на куrenom да зеленом вине!
А зелено вино пропойциво,
А сладки пряники обманцивы!

Начинают **благословлять невесту**. Заносят оленью шкуру. Подходит отец. В руках держит хлеб, на хлебе — икона. Подходит к невесте. Она крестится, целует икону и падает отцу в ноги (отец крестообразно хлеб с иконой прикладывает к спине, и так делают и остальные), причитая:

А я у Спаса да прошу милости,
А я у татушки благословеньца:
А бласлови ты миня, всхоже солнышко,
А щобы твое да благословеньцо
А берегло да оно миня хранило!

Отец передает икону другим. Невеста падает ему на плечо, обнимая за шею, причитая:

Тебе спасибо скажу, всхоже солнышко,
А на доброточки твоей великой,
А сколь ты добр был да добродительней,
А до миня да шибко уважительней.
А я жила да у вас, красоваласе,
А ровно сыр я в масле купаласе,
А мне воля у вас была привольня,
А мне гроза у вас была не грозная,
А некуда-то я была не унята,
А некуда да была не заликана:
А на цюжу-ту дальню сторону
А ко владысьним съезжим праздникам,
А на егрища — да людны скопища,
А на цясты да мелки вецерецеки.
А ты срежал да миня, родной татушка, —
А уж я сряжона была, наряжена
А я не хуже была людей добрыхы:
А не жалел ты да золотой казны.
Только на том тебе большо не спасибо:
Отдаваш ле ты миня, выпехивашь!
А, видно, шибко я вам наскуцила,
А я порато вам да напрокуцила,

А белы лавочки у вас просидела,
А я околени у вас прогледела:
А после моего у вас бывањеца
А два взойдет да красных солнышка!

После отца благословляет мать. Причитанья матери — те же, с небольшими изменениями. После матери благословляют все свадебщики, а причет всем один: «Я у Спаса прошу милости», — только кого дядей, кого теткой, кого *братаном*,⁷⁸ и т. д.

Теперь тысяцкой просит выдавального привести невесту за стол, а он уже еле на ногах стоит, — а еще требует угошенья. Наконец, берет двух подрусников и идет за невестой. Подойдя к невесте, она ему причитает:

А ты постой-ко, да хрестной батюшко,
А за мою да постой буйну голову,
А не задорься, да хрестной батюшко,
А на курено их на зелено вино,
А на зелено у них вино пропойчиво!

Выдавальной берет за конец платка, приколотого к груди невесты, подрусники берут под руки и ведут к жениху. Невеста покрыта шалью. Сзади идут сватья во главе с крестной невесты, — по числу сватьей жениха. Подрусники невесту обводят сзади ст[аршего] дружки, сторожа, тысяцкого и самого жениха и ставят рядом с женихом с левой его стороны. Выдавальной останется напротив жениха, не заходя за стол, держа платок, т. е. конец платка, в руке.

Теперь место сватьей жениха занимают сватья невесты. Но сватья жениха без выкупа мест не уступают, и невестины сватья места выкупают, а сватья жениха покидают места и уходят. Роль выдавальняго приближается к концу, и он еще больше кичится и наглеет. Девушки поют жениху песню:⁷⁹

Сосказали,⁸⁰ Иван-от хитер да мудер,
Сына Ивановица да хитре его нет,
Его не было негде, да не в которой стороне:
Он ходил в торги да закупал шолки,

⁷⁸ *Братан* (братёник) — двоюродный брат.

⁷⁹ Напев песни см.: Приложение II, № 8, песня «Што сказали, у Ивана конь-от вороной».

⁸⁰ *Сосказали* — таким образом автор рукописи передает звучание словосочетания «шо (шо) сказали», которое в его собственном исполнении звучит иногда даже как «што сказали». Форма «сосказали» употребляется М. Н. Мякушиным и в другой тетради (РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 106), откуда попала в упоминавшийся выше сборник «Песни Лешуконой» (с. 83). Словесная форма «сосказали» встречается в публикуемой рукописи ниже: «Сосказали, у Ивана-та конь-от вороной» (л. 43), эта же песня записана аналогично в тетради № 3 (Л. 112об., 113).

Шолки разня, разнолснйя,⁸¹
Он сплел колыбелюшку на улоцку,
Он повесил колыбелюшку на улоцку,
Он на улоцку да на дорожечку⁸² —
Прот[ив] тестева двора, да проти[в] батышкова,
Против⁸³ тешина терема, матушкина,
Да против⁸⁴ тестя Ивана Модестовица,
Да против⁸⁵ тещи Фекленьи Мекитисьны,
Против⁸⁶ суженой-то Марьи Ивановны.
Уж ты⁸⁷ што же, моя сужена, посуживаешь,
Да уж ты⁸⁸ што же, моя ряжѣна, поряживаешь?
Она шолком шьет, жемцогом садит.
«Водолью ле, водолью да ко двору я шла,
Ко двору я шла, да шла девицею,
В нову горницу зашла да молодежию,
А ко Ивану я пришла да слугой верною,
Слугой верною, да неизменною».

Ну, выдавальной как не кичился, как не ерепенился, — время пришло передавать невесту жениху. Он обращается к жениху со словами:

Вот тебе, Иван Ивановичь,
моя крестница Марья Ивановна 20 лет.
Пой-корми, да на добро ущи!
Обувай-одевай,
и нас, родителей, не забывай!
Башмаки *зашивай*⁸⁹ —
в опорках к нам не посылай!
Ну и вот: вам в лад да в совет,
да на долгий век! —

и с этими словами передает конец платка жениху.

Мать невесты подает для молодого зятя блины. Отец обносит женихову родню вином. Потом мать и отец жениха кланяются — просят жениха кушать блины. Жених верхний блин откладывает в сторону, [остальные] раздает свадебщикам, а затем кладет на сковородку деньги и подает тещи. Та отказывается взять деньги, говоря, что «у меня блины не продажны, а *овет-*

⁸¹ В тетради (РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 106) здесь читается «да разнолсньнйя».

⁸² В сборнике *Песни Лешуконья*, с. 83, эта строка читается «На проезжую да путь-дорожечку».

⁸³ В указанной выше тетради (л. 106об.) здесь стоит «А против».

⁸⁴ В указанной выше тетради (л. 106об.) здесь отсутствует частица «да».

⁸⁵ В указанной выше тетради (л. 106об.) здесь отсутствует частица «да».

⁸⁶ В указанной выше тетради (л. 106об.) здесь стоит «Да против»

⁸⁷ В указанной выше тетради (л. 106об.) здесь стоит «Да уж ты».

⁸⁸ В указанной выше тетради (л. 106об.) здесь отсутствует частица «да».

⁸⁹ *Зашивай* — зд. заводи, шей.

ны⁹⁰». Но жених еще больше прибавляет денег, — теща снова отказывается. Тогда зять забирает деньги, оставляя тещи на гостинци и подает ей. Это своего рода игра. Бывает так, что у жениха своих денег нет, и он занимает в людях, чтобы было что положить на сковородку.

Так невеста взята. Если жених и невеста с одной деревни, то сразу идут в церковь, к венцу. Девушки поют песню:⁹¹

Отставала⁹² лебедушка,
Да проць от стада лебединого,
Приставала⁹³ лебедушка,
Да как ко стаду серых гусей.
Нацели⁹⁴ гуси шипати, —
Нацяла лебедка кикати.⁹⁵
— Да не шиплите вы, серы гуси, —
Я не сама зашла-заехала:
Завезли⁹⁶ миня добры кони,
Да всё заправили извощицки,
Да извощицки — добры молодци,
Да именем и отецесвом⁹⁷
Да Миколай-от Ивановиць,
Да тут Иван, сын Миколаевиць!

При венчанье нужно соблюдать тоже кое-какую ересь. Жениху и невесте нашаптывают — тому своя крестна, и невесте своя крестна: «Когда будите подходить к *подножнику*,⁹⁸ старайся ступить на подножник первым, — то и при совместной жизни всегда будешь во всем первым. А свечу старайся держать выше, тогда твоя большина будет в семье! А когда будите выходить из церкви, тебя молодка дернет за платок — ты не оглядывайся! А оглянешься — всю жизнь будешь ее слушать». Вот какие нужно было соблюдать заповеди, и всё нужно было помнить!

Из-под венца молодую уводят на паперть, усаживают на лавку, голову ее из девичьей переделывают на женщину. Волосы расчесывают на две половины, заплетают две косы, укладывают

⁹⁰ *Оветны блины* — обетны, испеченные по обещанию, по уговору.

⁹¹ Напев песни см.: Приложение II, № 5, а также № 6 («Как попов сын на городи»).

⁹² В указанной выше тетради (л. 110) здесь стоит «Ой, отставала».

⁹³ В указанной выше тетради (л. 110) здесь стоит «Да приставала».

⁹⁴ В указанной выше тетради (л. 110) здесь стоит «Да нацели».

⁹⁵ В указанной выше тетради (л. 110) здесь стоит «Да нацала лебедь кикати».

⁹⁶ В указанной выше тетради (л. 110) здесь стоит «Да завезли».

⁹⁷ В указанной выше тетради (л. 110) это слово читается «отецесвом», затем следуют две строки, где называются иные имена и отчества: «Да тут Егор сын Егоровиць, да тут Семен сын Семеновиць».

⁹⁸ *Подно́жник* — плат, который стелится под ноги жениху и невесте в церкви, во время венчания.

вокруг головы и надевают повойник-кокошник. Здесь молодая последний раз причитает:

Ох-те мнечушко тошнихонько!
А не колите мою буйну голову
А вы ей на две да половиночки,
А не плетите-ко вы мне две косы!
А заплетите-ко вы мне по-старому,
А мне по-старому — по-девьему,
А мне по-девьему — одну косу!

Молодка наряжена, готова. Подходят подрусники за ней. Наряжавшая молодку женщина без выкупа не даёт молодую. Если подрусники заупрямятся, тогда она им пригрозит разнарядить молодую. И волей, и неволей приходится выкупать! Молодую покроют шалью. Жених опять ее ведет за конец платка. Девицы поют песню.⁹⁹

— Уж вы соколы, соколы,¹⁰⁰
Соколы¹⁰¹ перелетняя,
Молодцы¹⁰² переезжия!
Уж вы где были-побыли,
Да вы цего цюли-слышили?
— Уж¹⁰³ мы-то цюли-слышили
Да в тихой заводи утоцку,
На¹⁰⁴ песоцку — лебедушку,
Да в терему — красну девицю,
Да именем и отецесвом¹⁰⁵
Да тут и Марью Ивановну.¹⁰⁶
— Дак вы¹⁰⁷ пощо ее не взели?
— Хошь и взеть мы ей не взели,
Дак¹⁰⁸ ко Божьей церкви сводили,
Да под венец ей поставили,

⁹⁹ Напев песни см.: Приложение II, № 5, 6, песни «Отставала лебедушка» и «Как попов сын на городи».

¹⁰⁰ В указанной выше тетради (л. 110) эта строка читается «Ой, уж вы соколы, соколы».

¹⁰¹ В указанной выше тетради (л. 110) здесь стоит «Да соколы».

¹⁰² В указанной выше тетради (л. 110об.) в начале этой и следующей строки стоит «Да».

¹⁰³ В указанной выше тетради (л. 110об.) в начале этой строки стоит «Да».

¹⁰⁴ В указанной выше тетради (л. 110об.) в начале этой строки стоит «Да».

¹⁰⁵ В указанной выше тетради (л. 110об.) это слово читается «отецесвом».

¹⁰⁶ В указанной выше тетради (л. 110об.) имя и отчество невесты стоит в именительном падеже: «Марья Ивановна».

¹⁰⁷ В указанной выше тетради (л. 110об.) в начале этой и следующей строки стоит «Да».

¹⁰⁸ В указанной выше тетради (л. 110об.) здесь стоит «Но».

Да золоты венци наложили,
Да молодежи¹⁰⁹ назвали:
Да молодежи молодая,
Да тут Иванова хорошая.

И вторую:

Как¹¹⁰ попов сын на городи,¹¹¹
Да он ходил-гулял по городу,
Да он звонил всё заутренью,
Да он звонил во все колокола —
Да от Москвы цють до Вологды,
Да цють до славного Питера,
Да цють до города Архангельска,¹¹²
Да до уезда Мезенцкого,¹¹³
Да до правленья Лешуконцкого,¹¹⁴
Да до деревни до Пылемы,
Да до Ивановой мамушки.¹¹⁵
Да как Иванова мамушка
Да ото сна¹¹⁶ пробужаласе,
Да три раза зрадоваласе.
Да первой раз зрадоваласе,
Да как Ивана спородила,
Да другой раз зрадоваласе,
Да как Ивана споростила,
Да третьей раз зрадоваласе,
Да как Ивана спожонила
Да на кнегины на молодой,
Да как на Марьи Ивановной.

Эта же песня поется еще раз до куплета «До деревни до Пылемы»:

Да до деревни до Пылемы,¹¹⁷
Да как¹¹⁸ до Марьиной мамушки.
Уж¹¹⁹ как Марьиная мамушка
Да ото сну пробужаласе,
Да три раза она сплакала.
Да первой раз она сплакала,

¹⁰⁹ В указанной выше тетради (л. 110 об.) здесь стоит «Да молодецей ей».

¹¹⁰ В указанной выше тетради (л. 110 об.) здесь стоит «Ой, как».

¹¹¹ Напев песни см.: Приложение II, № 6, а также № 5 («Отставала лебёдушка»).

¹¹² В указанной выше тетради (л. 111) это слово читается «Архальнеца».

¹¹³ В указанной выше тетради (л. 111) это слово читается «Мезеньцкого».

¹¹⁴ В указанной выше тетради (л. 111) это слово читается «Лешуконцкого».

¹¹⁵ В указанной выше тетради (л. 111) здесь и в следующей строке это слово читается «маменьки».

¹¹⁶ В указанной выше тетради (л. 111) здесь стоит «ото сну».

¹¹⁷ В указанной выше тетради (л. 111об.) здесь стоит «Едомы».

¹¹⁸ В указанной выше тетради (л. 111об.) здесь стоит «тут».

¹¹⁹ В указанной выше тетради (л. 111об.) здесь стоит «Да уж».

Да как¹²⁰ Марью спородила,
Да другой раз она сплалака,
Да когда Марью споростила,
Да третьей раз она сплалака,
Когда Марью взамуж выдала¹²¹
За Ивана Ивановича.

Эти песни поются, когда свадьба следует от церкви до дому по улице. Сейчас же поются песни «гордены», если жених берет невесту с другой деревни, если предварительно не посватал девиц на своей деревне. Были случаи: чтобы избежать «гордены», шли сватать девушку на своей деревне, заведомо зная, что ту за него не отдадут. Но зато избежат песни «гордены»:

Ой, да там не коницки бежали,¹²²
Припев: Ой, редила!¹²³
Да не коретушку тащили,
Да так не хто коня не хвалит,
Да не хто коницка не гладит,
Да как Иван-от коня хвалит:¹²⁴
— Да ты везешь ле конь, гордену,
Да ты горденушку¹²⁵ гордливу,
Да везешь Марьюшку спесливу!
Да на гору она идти не хочет:
Да на горы народу много,
Да нать поклонов воздать много!¹²⁶
Она на взезд¹²⁷ идти не хочет:
У них на взезди шибко катко¹²⁸ —
Да как на ету-ту на окать¹²⁹
Да надо порохи-то¹³⁰ много!

¹²⁰ В указанной выше тетради (л. 111 об.) здесь стоит «когда».

¹²¹ В указанной выше тетради (л. 111 об.) здесь стоит «Да когда Марью сповыдала», затем следуют строки: «Да за удала добра молодца, да за Ивана Ивановича».

¹²² Напев песни см.: Приложение II, № 7.

¹²³ Словосочетание «Ой, реди ла», вместе с последующим слогом «да», образует типовой припев «Ой, реди лада!». Автор рукописи трактует «редила» как одно слово, и объясняет как «спорила» (по-видимому, по аналогии со словом «рядить» — «рассуждать»): РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 112, «Песни Лешуконья», с. 86.

¹²⁴ В указанной выше тетради (л. 112) эта строка отсутствует.

¹²⁵ В указанной выше тетради (л. 112) здесь стоит «горденышу», в сборнике *Песни Лешуконья*, с. 85 — «горденушу».

¹²⁶ В указанной выше тетради (л. 112) эта строка читается «Да там поклонов надо много».

¹²⁷ В указанной выше тетради (л. 112) здесь стоит «взвоз».

¹²⁸ В указанной выше тетради (л. 112) эта строка читается «Да здесь на взвози у них скользко», в сборнике *Песни Лешуконья*, с. 85 — «У них на звои шибко скользко».

¹²⁹ В указанной выше тетради (л. 112), а также в сборнике *Песни Лешуконья* здесь стоит «скользь».

¹³⁰ В указанной выше тетради (л. 112) здесь стоит «снегу сюда».

Да на повесть идти не хочет:
 Да на повети-то неровно —
 Да как на ету на неровность
 Да надо топоры булатны!
 На *передызые*¹³¹ идти не хочет:
 На передызыи соровато —
 Да как на етот большой сор
 Да надо веники-метёлки!
 Да она в избу идти не хочет:
 Да у них в избе пылевато —
 Да как на ету-ту на пыль¹³²
 Да надо крылышка гусинны,
 Да нать гусинны-лебединны!
 Да она в горницу идти не хочет:
 Да у них в горнице-то грязно —
 Да как на ету большу грязь¹³³
 Да нать мытьници все девици,
 Да пылемцяночки едрёны!

И вторую:

Сосказали: у Ивана-та конь-от вороной.¹³⁴
 Ой, не вороной,¹³⁵ не вороной —
 У него белой да худой!
 Сосказали:¹³⁶ у Ивана убор золотой.
 Не золотой, не золотой —
 У него липовой, худой!
 Сосказали:¹³⁷ у Ивана узда-та на меди.
 Не на меди, не на меди —
 Да *постегольнки*¹³⁸ одны!
 Сосказали:¹³⁹ у Ивана дуга-та висока.
 Ой, не висока,¹⁴⁰ не висока —
 Да церемшиночка одна!
 Сосказали:¹⁴¹ у Ивана *пошавеночки косы*.¹⁴²
 Ой, не косы,¹⁴³ не косы —
 У него розвальни худы!
 У него розвальни худы,

¹³¹ *Передызые* (мост) — сени, отделяющие *повесть* от самой избы.

¹³² В указанной выше тетради (л. 112об.) здесь стоит «большу пыль».

¹³³ В указанной выше тетради (л. 112об.) это слово читается «грязь».

¹³⁴ Напев песни см.: Приложение II, № 8. О форме «сосказали» — см. прим. 80.

¹³⁵ В указанной выше тетради (л. 112об.) здесь стоит «Не вороной».

¹³⁶ В указанной выше тетради (л. 112об.) здесь стоит «Ой, сосказали».

¹³⁷ В указанной выше тетради (л. 112об.) здесь стоит «Ой, сосказали».

¹³⁸ *Постегольнки* (*постеголенки*) — послегольница: сапожная дратва.

¹³⁹ В указанной выше тетради (л. 113) здесь стоит «Ой, сосказали».

¹⁴⁰ В указанной выше тетради (л. 113) здесь стоит «Не висока».

¹⁴¹ В указанной выше тетради (л. 113) здесь стоит «Ой, сосказали».

¹⁴² *Пошавёночки косы* — косые пошевни, пошевёнки: широкие сани, обшитые лубом.

¹⁴³ В указанной выше тетради (л. 113) здесь стоит «Не косы».

Да и те не свои —
В людях выпрошены
Да в ногах выползаны!¹⁴⁴

А молодые из церкви заходят не крыльцом, а *въездом*¹⁴⁵. Их встречают отец и мать жениха. В руках у них свернутые овчины, шерстью наружу. Молодые одновременно падают в ноги сначала отцу, затем матери: жених в правую ногу, а невеста — в левую. Отец кладет овчину на голову жениху, а мать — невесте, и так их вводят в избу, становятся за стол, а овчины кладут против их на полицу.

Тысяцкой наливает стакан вина, подает отцу и просит его, чтобы он открыл молодую. А рушальник для этого из середины ковриги хлеба вырезает ломоть хлеба толщиной сантиметров 5. Отец-свекор берет ломоть, обертывает в конец шали и стучит молодки по голове со словами: «Есть ли Аминь?». Молодая при третьем вопросе отвечает: «Есть Аминь». Но шаль держит, открывать не дает. Свекор начинает рассказывать про свое хозяйство: сколько у них скота, лошадей, овец, расчисток и обещает из всего этого им — только отокройся, молодая! Но молодая не дает открыть. Тогда свекор говорит: «Дак вот, молодница, — у нас есть сын Иван, который сидит с тобой рядом. Он будет на день наш, а на ночь — твой!». Молодая теперь отпускает шаль. Отец у молодых склоняет головы друг к другу и шалью крутит вокруг их голов.

Теперь девушки заходят в избу и начинают опевать свадебщиков, начиная с жениха:

Ой, да как под яблонью кровать,¹⁴⁶
Да эхи! — (припев)
Да под кудрявой тисова,
Да на кровати *перена*¹⁴⁷
Да все пуховая лежит,
Да на перины простыня
Да не простого полотна.

¹⁴⁴ В указанной выше тетради (л. 113) далее следует: «Ой, сосказали: у Ивана богосужёна баска. Ой, не баска, не баска — да сотула, да худа! У ней кошецье рыло, собацьи глаза, у ней собацьи глаза, да кобылья голова!»; ср.: Приложение II, № 8.

¹⁴⁵ *Въезд* — накат из бревен, ведущий с улицы на повесть — просторное помещение на втором этаже избы, где хранилось сено, а также устраивались небольшие холодные клетки для хозяйственных нужд. Въезд служил для того, чтобы на повесть можно было въезжать прямо с лошадьёю и повозкой.

¹⁴⁶ Напев песни см. Приложение II, № 9. Вариант текста: РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 106об.—107. В этой тетради автор рукописи указывает, что песня поется жениху до венчанья (л. 106 об.), что явно противоречит ее содержанию. По-видимому, здесь — ошибка.

¹⁴⁷ В указанной выше тетради здесь стоит «перина».

Да тут лежало зголовье
 Да *ново ситцевое*,¹⁴⁸
 Да во ногах-то одеяло
 Да чёрна соболя лежит.
 Да как под етим *одеялом*¹⁴⁹
 Да лежит князь молодой,
 Да первобрачной молодой,
 Да *що*¹⁵⁰ по имени Иван
 Да сын *Ивановиц*¹⁵¹-сокол.
 Да *дружки ходят вокруг его*¹⁵²
 Да *раздевают-разувают*,¹⁵³
 Да *распоясывают*,¹⁵⁴
 Да спать укладывают.¹⁵⁵
 Да уж ты спи, князь молодой,
 Да скоро карабель придет,
 Да паракон с моря придет,
 Да скоро *тысяцкой*¹⁵⁶ придет,
 Да скажет: «Встань-ко се, князь!»¹⁵⁷
 Да не могу я, братцы, *встать*,¹⁵⁸
 Да головы своей поднять,
 Да голова моя болит!
 Да, верно, надо, братцы, встать,
 Да голова своя поднять,
 Да до Божьей церкви сходить,
 Да мне законной брак принять,¹⁵⁹
 Да мне *хозяйюшкой*¹⁶⁰ назвать,
 Да слугой верною,
 Да неизменною,
 Да как по имени-то Марью
 Да доць Ивановну.

¹⁴⁸ В указанной выше тетради эта строка читается «Да всё шолковень-кое».

¹⁴⁹ В указанной выше тетради здесь стоит «одиялом».

¹⁵⁰ В указанной выше тетради здесь «как».

¹⁵¹ В указанной выше тетради здесь «Ивановиць».

¹⁵² В указанной выше тетради эта строка читается «Да дружки ходят круг его», затем следует вставка: «Да три-то дружечки названны, да три названныя, да отобранныя, да три пожалованны: да первой дружечка Кирил да сын Ивановиць, да другой дружечка Кузьма да сын Обрамовиць, да третьей дружечка Степан, сын Николаевичь».

¹⁵³ В указанной выше тетради здесь стоит «роздевают-розувают».

¹⁵⁴ В указанной выше тетради здесь стоит «роспоясывают».

¹⁵⁵ В указанной выше тетради за этой строкой следует «Да уговаривают».

¹⁵⁶ В указанной выше тетради здесь стоит «тысецкой».

¹⁵⁷ В указанной выше тетради за этой строкой следует «Да первобрачной молодой».

¹⁵⁸ В указанной выше тетради здесь — «стать».

¹⁵⁹ В указанной выше тетради за этой строкой следует «Да золоты венци сдержать».

¹⁶⁰ В указанной выше тетради здесь стоит «хозяйюшку».

Затем тысяцкому:

Василей-тысяцкой (2 раза)¹⁶¹
Да большой целовек.
Да на тысяцком шуба
Сорока соболей
Да шестью¹⁶² бобрами
Опушенная.¹⁶³
Уж как первой бобер
По полам ушол,
А другой бобёр
По подолу ушол,
А третьей бобёр
По корманам¹⁶⁴ ушол,
А четвертой бобер
В зарукавья¹⁶⁵ ушол,
А как пятый бобер —¹⁶⁶
Он туда и сюда,
А шестым бобром
Опоясалсё.
Ище та ему шуба —
Не по тысецкому,¹⁶⁷
Не по богатесьтву,¹⁶⁸
Ище нать¹⁶⁹ ему шуба
Да получше того,
Позавесистей!¹⁷⁰

Женатым участникам свадьбы:

Во горнице¹⁷¹ стол стоял, стол стоял,¹⁷²
Да во светлицы¹⁷³ дубовой, дубовой,
Да на столи чар золотой, золотой
Да полон меду налитой, налитой,
Да ище хто чару наливал, наливал
Да золотую дополнял, дополнял?
Да наливал чару Николай, Николай,

¹⁶¹ Напев песни см.: Приложение II, № 10, а также № 11 («Марья-сватьюшка»).

¹⁶² В указанной выше тетради (л. 108) здесь стоит «Да семима».

¹⁶³ В указанной выше тетради (л. 108) здесь стоит «Опушоная».

¹⁶⁴ В указанной выше тетради (л. 108) здесь стоит «В зарукавья».

¹⁶⁵ В указанной выше тетради (л. 108) здесь стоит «По корманам».

¹⁶⁶ В указанной выше тетради (л. 108) следующие четыре строки изложены более пространно: «А уж пятой бобер на воротник ушол, а шестой бобер — он туда и сюда, а семым бобром опоясалсё».

¹⁶⁷ В указанной выше тетради (л. 108об.) здесь стоит «тысяцкому».

¹⁶⁸ В указанной выше тетради (л. 108об.) здесь стоит «не по богатесьву», далее следует еще одна строка: «Не по дороднесьву».

¹⁶⁹ В указанной выше тетради (л. 108) здесь стоит «надо».

¹⁷⁰ В указанной выше тетради (л. 108) здесь стоит «позавесисте».

¹⁷¹ В указанной выше тетради (л. 109) здесь стоит «Во горнице».

¹⁷² Напев песни см.: Приложение II, № 13.

¹⁷³ В указанной выше тетради (л. 109) здесь стоит «Во светлицы».

Да сын Михайловиць дополнял, дополнял,
Свою Анисью¹⁷⁴ покликал, покликал:
Да ты, Анисьюша¹⁷⁵-душа, да вот душа,¹⁷⁶
Да дойди, радось, до стола,¹⁷⁷ до стола,
Выпей чару да от миня, от миня,
Да выпей-выкушай до дна, да вот до дна,
Да роди сына-сокола, сокола,
Да ище ростом-то с меня, вот с меня,
Да умом-разумом с себя, да вот с себя,
Да брови черного соболя, соболя,
Да оци ясного сокола, сокола!

Холостым участникам:

Как у светлого месяца золота была луна,¹⁷⁸
Как у красного сонца теплыя марева — (2 раза)
Как у света Василья кудревата голова,
Сына Яковлевица да кудри шолковыя,
Как на всякой на кудринки по цветочку цветет,¹⁷⁹
Как на всяком волосоцку¹⁸⁰ по жемцужинки висит.¹⁸¹
Воспелёгвали да его нянюшки,
Ой, его нянюшки да стары бабушки,
Ой, стары бабушки да красны девушки,
Ой, красны девушки да пылемцаноцки.¹⁸²

Сватьям:

Ольга-сватьюшка (2 раза)¹⁸³
Доць Егоровна,
Да у сватьюшки
Белы пирожки —
Они заспянны
У ней маслянны.

¹⁷⁴ В указанной выше тетради (л. 109) здесь стоит «Онисью».

¹⁷⁵ В указанной выше тетради (л. 109) здесь стоит «Онисьюша».

¹⁷⁶ В указанной выше тетради (л. 109об.) за этой строкой следует «Да доць Кириловна хороша».

¹⁷⁷ В указанной выше тетради (л. 109об.) здесь стоит «Да дойди-доступи до стола».

¹⁷⁸ Напев песни см.: Приложение II, № 12. В указанной выше тетради (л. 109 об.), как и в спетом самим собирателем варианте (Приложение II, № 12), первая и вторая строки меняются местами.

¹⁷⁹ В указанной выше тетради (л. 109об.) здесь стоит «по светоцку светёт».

¹⁸⁰ В указанной выше тетради (л. 109об.) здесь стоит «волосоцки».

¹⁸¹ В указанной выше тетради (л. 109об.) здесь читается «по жемцужинки висёт». Далее здесь следует: «— Ище кто тебя, Иван, да изнасел молодца, сына Ивановица да на сей свет спородил? На сей свет спородила его маменька», затем — строка данного варианта: «Воспелёгвали да его нянюшки», и т. д.

¹⁸² В указанной выше тетради (л. 110) здесь стоит «пылемцаноцки».

¹⁸³ Напев песни см.: Приложение II, № 11, а также № 10 («Иван-тысяцкой»). В указанной выше тетради (л. 108об.) стоит другое имя и отчество: «Марья Ивановна».

У ней муцюшка —
Бела круписцятая,
У ней крупоцка —
Бела пшонная,¹⁸⁴
У ней скалышка —
Кипариса-дерева,
У ней *соселенки*¹⁸⁵ —
Белодубовы,
У ней *крылышка*¹⁸⁶ —
Бела кураптя,
У ней маслицко —
Заморских коров,
У ней *скеюшки*¹⁸⁷ —
Красны девушки,
У ней *стрэюшки*¹⁸⁸ —
Все молодушки.

Девушки всех опели. Свадебники расплачиваются с ними за песни. Молодых отводят в отдельную комнату отдыхать, называя «на подклет». Подходя к дверям «подклета», дверь которой закрыта, сторож спрашивает: «В чем дело?» Из-за двери отвечают: «Место без перся не стелется, клеть без даров не отворится!». Сваты просят сроку. Дверь открывается со словами: «Безсроцних на земле нет!». Впоследствии молодая за это их дарит.

Молодые раздевают свадебную одежду, им приносят ужин — только одну кринку цельного молока и один ломоть хлеба, которым свекор открывал молодую, что означает: молоко, чтобы у их детей была белая кожа, а один ломоть хлеба — чтобы они жили одним умом и думали одну думу. Молодых оставляют одних до утра, а свадьба гуляют до утра.

На 4-й день свадьбы у жениха готовится большой стол, называемый «почестным». Утром сторож будит молодых и про-

¹⁸⁴ В указанной выше тетради (л. 108об.—109) далее следует иной порядок перечисления предметов и участников процесса выпечки пирогов: *маслицко*, *крылышка*, *скалышка*, *соселенки*, *скеюшки*, *стрепеюшки*.

¹⁸⁵ *Соселенки* (*сочеленки*): сочельница — долбленое деревянное корыто овальной формы с пологими стенками, двумя рукоятями на концах, которое использовали для просеивания муки, замешивания теста, очистки крупы от мелкой шелухи.

¹⁸⁶ *Крылышка бела кураптя* — крылышками (глухариными, тетеревиными и др.) обметали под печи, чтобы посадить туда хлеба или пироги. Мелкими крылышками, перышками смазывали верх пирога маслом, болтушкой из яиц и молока, чтобы пироги были румяными.

¹⁸⁷ *Скеюшки* (от словосочетания *скать сочни*: раскатывать тесто, чтобы затем соединить его края в сочень) — помощницы, которые раскатывали тесто на пироги, соединяли края пирога красивым, замысловатым «защипом».

¹⁸⁸ *Стрэюшки* — *стряпеюшки*, от слова «стряпать». По-видимому, здесь имеет место описка собирателя, так как это слово написано как «*стряпеюшки*» в указанной выше тетради (л. 109), так его спел и сам собиратель (см. Приложение II, № 11).

сит готовиться к столу. Молодые идут умываться. Подойдя к раковине, — раковина завязана платком. Молодая должна выкупить раковину у того, кто ее завязал. Молодым дают завтрак, а столы уже расставлены к приему гостей, но голые. Молодая должна покрыть все столы из принесенных в приданное скатертей и салфеток, а по стенам развесить полотенца — все, сколько у нее их есть. Бывает так, что запасливая молодая развесит более тридцати полотенец. Вот тут досужим кумушкам есть о чем поговорить! — о мастерстве молодой, о ее запасах, и т. д. И одно полотенце вешают рушальнику на шею.

Теперь рушальнику предстоит большая работа: на все столы нарезать хлеба, а их бывает шесть-восемь столов. А людей бывает на больших свадьбах 80—90 человек: все дружки с утра ходят, зазывают всю родню **«на почесно»**.

Гости собраны, все усажены за столы. Родня молодой занимают почетные места. Молодые, выходя к столу, — но за стол не заходят, — обносят все столы по стокану: жених вином, молодая пивом. Свадебщики дарят молодых: жениха — деньгами, а молодую — деньгами и вещами. За один этот стол молодая получит по десять платьев. За этим столом последним блюдом ставят блины, которыми угощает теща, т. е. мать невесты, и за столом местами уже меняются: на почетные места садятся родня жениха, а угощают родители невесты.

Под конец стола молодая идет **топить баню**, — так называемая **«мыльница»**. Когда баня готова, молодая приглашает в баню свекра, свекровь, тысяцкого, сторожа, молодого, и др. Приглашая в баню, подает веник, и на венике дары — кому что положено. Конечно, в баню идут не все, но жених и сторож — обязательно. Подвыпившие женщины к крыльцу притаскивают борону, повернут ее кверху зубьями, выводят свекровь и сажают ее на борону, чтобы свезти в баню. Но родные невесты этого не допускают: выносят расхившимся женщинам водку и закуску, и этим свекровь от бороны освобождают.

Стол **почёсно** — это самый многолюдный и веселый стол. После обноса дружками трех-четырёх рюмок водки, начинаются чинно народные протяжные песни. Поют чинно, слаженно, всем столом. Запевают их самые умелые мастера, а они известны не только в своей деревне, но и в ближайших деревнях. Но под конец **почёсного**, т. е. после блинов, начинают петь плясовые песни, под которые начинается пляска. Пляшут все: одни устают — уставших сменяют другия. Если свадьбы бывают летом, то пляски устраивают на повети, и под конец берутся рука об руку в ряд, по ширине улицы, — ряда в три-четыре, — идут вокруг деревни, многия с бутылками, штофами и графинами в руках. Идут чинно, а песни! — песни далеко слышны над полями и лугами. Это означает финалом свадьбы.

Наконец, шеренги возвращаются к дому свадьбы, благодарят хозяев за угощение и расходятся по домам. Остаются самые ближайшие родственники на **банный стол**. Етим столом заканчивается четвертый день свадьбы.

Пятый день. Жених с утра приглашает своих родственников на обед. После обеда родственники жениха по очереди приглашают всех к себе в гости, в первую очередь, родню невесты. И так переходят из дому в дом, пока не обойдут всей родни. А чем эта гуляба провожается? — конечно, песнями!

Через неделю после свадьбы тесть приглашает всю жениховую и свою родню к себе в гости, на так называемый «**пир**», который продолжается чуть не неделю, так как вся родня невесты тоже по очереди приглашают к себе. А песен! А пляски! Только этим заканчивается в каждом доме... Мне думается, что нигде столько не пелось песен и так мастерски не исполнялось, как у нас в Лешуконье! Этим и заканчивается свадебная неделя.¹⁸⁹

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Автобиография Мякушина Михаила Николаевича¹⁹⁰

Родился я в 1889 году на Крайнем Севере в Архангельской области, Лешуконском районе, дер. Пылеме (по-старому: Архангельск. губернии, Мезенского уезда, Лешуконской вол., дер. Пылеме) в средней крестьянской семье. У родителей был первым ребенком, так что рано познал все тяготы крестьянской жизни. С 6—7 лет начал нянчить братьей и сестер, а с 10—11 начали втягивать во все крестьянские работы. Нас у отца было 8 человек детей. Вставать должен был вместе со старшими и участвовать во всех работах в поле, на огороде, на сенокосе, уборка хлеба, обмолот хлеба, возка навоза, сена, дров.

На всех работах у нас в народе любили петь. Я внимательно прислушивался ко всяким песням, на всякой работе, и сам пел. Пел всегда, и пел так, как пели хорошие мастера, подражая им, чтобы ни один мотив не исказить. А самым лучшим моим учителем и мастером была моя мать Фекла Никифоровна.

И так моя жизнь протекала в дер. Пылеме в крестьянстве до 1911 года. В 1911 году взят был в солдаты, служил в гор. Вологде в 198 пех. Александрово-Невском полку. Война 1914 года застала

¹⁸⁹ На л. 49об., вслед за окончанием текста, автор *ркп* пишет: «Многоуважаемая тов. Шаповалова! При сем посылаю Вам тетрадь с записью свадьбы. При чтении ея Вы много встретите кое-что для Вас непонятного и неясного. Не знаю, как сделать, чтобы для Вас всё было понятным. [...] С уважением к Вам М. Мякушин».

¹⁹⁰ РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. Материалы к созданию коллекции. Л. 1—4.

на службе. В начале 1915 года после ранения вернулся в деревню. Год крестьянствовал в своем хозяйстве, но о песнях не забывал — пел при всяком случае. В январе 1916 года женился и поступил работать на почту почталионом. Февральская и Октябрьская революция застали на этой работе в дер. Ценогора Лешуконского района. Затем перешел работать в потребительскую кооперацию: сначала продавцом, а затем счетоводом. В этой должности работал до прихода советской власти на Север.

С приходом соввласти в дер. Пылема был организован волисполком. Я был снят из кооперации и назначен руководителем волвоентдела. Помимо основной работы, было поручено организовать клуб, драм. кружок, библиотеку, подписку на газеты и журналы. Грамотных людей в деревне было мало, а политически грамотных — и того меньше. Но молодежь постепенно втягалась и охотно помогала, а затем начали возвращаться с фронта раненные солдаты. Работа развернулась. При укреплении волостей и организации сельсоветов, в Пылеме волисполком ликвидировали, а меня выдвинули в организационную группу комитета взаимопомощи, где возглавил счетное дело. Первыми нашими шагами были следующие мероприятия: 1) Взята от кулаков водянная мельница. 2) Организован случайной пункт. 3) Пункт по очистке семян. 4) Приобретена рядовая сеялка, и др. мероприятия.

Как раз в то время мезенский уездный отдел социального обеспечения организовал в городе Мезени артель инвалидов, каким-то путем узнав о моих организаторских способностях. Я получил письмо с предложением выехать в Мезень и возглавить эту артель. Я охотно согласился, был избран членом правления и заведующим Домом крестьянина. В этой должности проработал около трех лет. А в 1929 году переехал в Архангельск и с тех пор работаю на разных работах до сих пор, но песни свои не забываю. В 1935 году мной был организован хор Лешуконского землячества, исполнялись лешуконские песни, игры, пляски и проч. Хор пользовался огромной популярностью среди населения, два раза выезжал в Москву и в глубинные районы, лесозаготовки области. Мной же была написана пьеса «Свадьба северной деревни» — тоже пользовалась большим успехом. Нет ни одного клуба в Архангельском промышленном районе, где бы хор не выступал со своими концертами, а также в колхозах, на жел. дор. станциях, больницах, лазаретах, госпиталях, а также в массовых гуляньях [в] Первомайские и октябрьские праздники, во время избирательных компаний. За все эти мероприятия награжден пятью похвальными грамотами. Одна из них от ВЦСПС и Комите[та] по делам искусств при СНК СССР от 10 октября 1945 г. за участие в[о] Всесоюзном смотре художественной самодеятельности.

В 1946 г. мне было необходимо выехать в гор. Ригу к брату, и там я пробыл 10 лет. После Риги вот уже седьмой год опять живу в Архангельске, на пенсии. В летние месяцы работаю в книжном магазине. Семейное положение: женат, живем вдвоем с женой. Имеется три сына и две дочери, у всех свои семьи. Старший сын — полковник, на военной службе в Германии. Есть у меня еще в деревне, в Лешуконье сестра. Ей около 60 лет, она тоже хорошо поет, бывало, в Петровских кругах была певицей. Вот и вся моя биография.

К сему М. Мякушин.
23/XI-62 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Напевы свадебных песен села Пылема

1

$\text{♩} = 112$

А от_ во_ ро_ чу да

ли_ цё бе_ ло_ ё

А от боль_ шо_ во у_ (ы)_

ла пе ре_ д(и)_ ня_ го,

А от (и)_ ко_ ны да,

ли_ ку Бо_ жи_ ё_ го,

А от бож_ ни_ ци да

от ка_ р(ы)_ ни_ зя_ н(ы)_ ной,

А от све_ це_ й(и) - то да

во_ ску_ я_ ро_ вых,

А от ма_ сё_ л(ы) - то да

де_ ре_ вя_ н(ы)_ ны_ х(ы),

А от лам_ па_ до_ чё_ к(ы) да

от хру_ с(ы)_ таль_ ни_ х(ы),

А от о_ го_ ни_ ц(и)_ ка да

от па_ лю_ чё_ го,

А я от ла_ да_

ну, ох, ку рё_ но_ го!

А отворочу да лицё белое
 А от большо́во уг(ы)ла перед(и)няго,
 А от (й)иконы да, лику Божиёго,
 А от божни́цы да от кар(ы)низян(ы)ной,
 А от свецей(и)-то да воскуяровых,

А от масёл(ы)-то да деревян(ы)ных(ы),
 А от лампадочёк(ы) да от хрус(ы)тальных(ы),
 А от огониц(и)ка да от палючөгө,
 А я от ладану, ох, курёного!

2

Ой,

до_ сту_ пай, род_ ной бра_ тел_ ко, да

До сто_ ло_ вой но_ вой го_ р(и)_ ни_ цы,

До сто_ ло_ вой но_ вой горь_ ни_ цы, да

До сто_ лов до ду_ бо_ вы_ х(ы),

До сто_ лов до ду_ бо_ вы_ х(ы), да

До ес_ вов до са_ ха_ р(ы)_ на_ х(ы),

До ес_ вов до са_ хар_ ны_ х(ы), да

До пить_ ей роз_ на_ ли_ в(ы)_ ны_ х(ы),

До пить_ ей роз_ на_ лив_ ны_ х(ы), да

До бра_ ты_ ни пи_ ва пъя_ но_ го,

До бра_ ты_ ни_ пи_ ва_ пья_ но_ го_ да

До гра_ фи_ на_ зе_ ле_ на_ ви_ на, э,

До гра_ фи_ на_ зе_ ле_ на_ ви_ на, да

Ты до сва_ ту_ шка_ лу_ ка_ во_ го,

Ты до сва_ ту_ шка_ лу_ ка_ во_ го,

До лу_ ка_ во_ го - ви_ ла_ во_ го,

До лу_ ка_ во_ го - ви_ ла_ во_ го, да

До вра_ ля_ ред_ ко_ зу_ бо_ го!

Ой, доступай, родной брателко, да
До столовой новой гор(и)ницы,

До столовой новой горьницы, да
До столов до дубовых(ы),

До столов до дубовых(ы), да
До есов до сахар(ы)ных(ы),

До есов до сахарных(ы), да
До питьей розналив(ы)ных(ы),

До питьей розналивных(ы), да
До братыни пива пьяного,

До братыни пива пьяного, да
До графина зелёна вина, э,

До графина зелёна вина, да
Ты до сватушка лукавого,

Ты до сватушка лукавого,
До лукавого-вилавого,

До лукавого-вилавого, да
До вряля редкозубого!

3

♩ = 108

Ой, дак

Как по_шла ре_ка бы_стра_я, (э),

Е_ли, е_ли, е_ли_ю, да

От Мо_сквы по_шла, от Во_ло_гды, (э),

Е_ли, е_ли, е_ли_ю, да

Как до слав_но_го Пи_тё_ра, (э),

Е_ли, е_лю, да

Как до го_ро_да Ар_хан_гел(и)_ска, (а),

Е_ ли, е_ ли, е_ ли_ ю, да

До у_ ез_ да Ме_ зень_ ско_ го, (о),

Е_ ли, е_ ли, е_ ли_ ю, да

До прав_ лень_ я Ле_ шу_ коң_ ско_ го, (о),

Е_ ли, е_ ли, е_ ли_ ю, да

До де_ рева_ ни до Пы_ лё_ мы. (э),

Е_ ли, е_ ли, е_ ли_ ю, да

Уж как на_ ша - та Пы_ лё_ ма, (э),

Е_ ли, е_ ли, е_ ли_ ю, да

На го_ ры сто_ ит вы_ со_ ко_ вй,

Е_ ли, е_ ли, е_ ли_ ю, да

На кра_ сы на ве_ ли_ ко_ вй,

Е_ ли, е_ ли, е_ ли_ ю, к нам

Пти_ ци - пта_ ши_ ци сле_ та_ ю_ це, (э),

Е_ ли, е_ ли, е_ ли_ ю, к нам

До_ бры ко_ ни сбе_ га_ ю_ тце, (э),

Е_ ли, е_ ли, е_ ли_ ю, к нам

Лю_ ди до_ бры съез_ жа_ ю_ тце.

Ой, дак как пошла река быстрая, (э),
 Ели, ели, елию, да
 От Москвы пошла, от Вологды, (э),
 Ели, ели, елию, да
 Как до славного Питёра, (э),
 Ели, елью, да
 Как до города Архангел(и)ска, (а),
 Ели, ели, елию, да
 До уезда Мезеньского, (о),
 Ели, ели, елию, да
 До правленья Лешуконского, (о),
 Ели, ели, елию, да
 До деревни до Пылёмы. (Э),
 Ели, ели, елию, да
 Уж как наша-та Пылёма, (э),
 Ели, ели, елию, да
 На горы стоит высокоёй,
 Ели, ели, елию, да
 На красы на великоёй,
 Ели, ели, елию,
 К нам птицы-пташицы слетаютце, (э),
 Ели, ели, елию, да
 К нам добры кони сбегаютце, (э),
 Ели, ели, елию, да
 К нам люди добры съезжаютце.

Скок через порог —
 одва ноги переволок!
 За скобу руками,
 за молитву — зубами!
 Здравствуйте, красны девицы,
 молоды молодици!
 А вы, старухи, зачем здесь?
 Сидели бы на печи,
 грызли керпици,
 пили кислой квас!
 Здесь обойдетце дело без вас!
 Здравствуй, кнегиня молода Марья Ивановна!
 Принимай от князя молодого подарки:
 зерькало да мыло,
 белое белило!
 Не поднимай высоко рыла!
 Гордость-спесь
 под лавку спрець,
 а низки поклоны с собой забери!
 Через огороды не скаци,
 сарафанов не дери,
 чужих мужиков не мани —
 нашего князя молодого не срами
 и нас, молодцей, не бесчести!
 У нашего князя молодого Ивана Ивановича
 гора высока,
 вода далёка,
 коромысла толсты,
 ушаты больши.
 Носить не ленись,
 ходи — не гордись,
 и старому и малому, кто встретится — поклонись!
 У нашего князя молодого есь горёнка нова,
 в этой горенке есь кроватка тёсова,
 над этой кроваткой есь спичка мурова,
 а на этой спички висит плётка шолкова.
 Эта плетка о трёх конциях:
 один конец тонок,
 другой конец долог,
 а третьей конец —
 вашего брата, баб, учить ловок!

♩ = 100

А_ ой,

от_ ста_ ва_ ла ле_ бё_ ду_ шка, да

Прочь от ста_ да ле_ бе_ ди_ но_ го, (о),

Прочь от ста_ да ле_ бе_ ди_ но_ го, да

При_ ста_ ва_ ла ле_ бё_ ду_ шка, ой,

При_ ста_ ва_ ла ле_ бё_ ду_ шка, о_

на ко ста ду се_ ры_ х(ы) гу_ сей. О_

на ко ста ду се_ рых гу_ сей, да

На_ це_ ли гу_ си шчи_ па_ ти, ой,

На_ це_ ли гу_ си шчи_ па_ ти, да,

На_ це_ ла ле_ бё_ ды ки_ ка_ ти.

А-ой, отставала лебёдушка, да
Прочь от стада лебединого, (о),

Прочь от стада лебединого, да
Приставала лебёдушка, ой,

Приставала лебёдушка,
Она ко стаду серых(ы) гусей.

Она ко стаду серых гусей, да
Нацели гуси шчипати, ой,

Нацели гуси шчипати, да
Нацела лебедь кикати.

6

$\text{♩} = 100$

А - ой,

Как по_ пов сын на го_ ро_ ди, да

Он хо_ дил - гу_ лял по го_ ро_ ду, ой //

Он хо_ дил - гу_ лял по го_ ро_ ду, да

Он зво_ нил всё за_ у_ т(ы)_ ре_ ню, ох, //

(в)Он зво_ нил всё за_ у_ тре_ ню, да, //

Он зво_ нил во все ко_ ло_ ко_ ла, (э), //

(в)Он зво_ нил во все ко_ ло_ ко_ ла, да,

От Мо_ сквы цють до Во_ ло_ гды! //

От Мо_ сквы цють до Во_ ло_ гды, да //

Цють до сла_ но_ го Пи_ тё_ ра, (а), //

Цють до сла_ но_ го Пи_ тё_ ра, да, //

Цють до го_ ро_ да Ар_ ха_ л(и)_ не_ цка, (а), //

Цють до го_ ро_ да Ар_ ха_ льне_ цка, да //

До (ву)_ ез_ да Ме_ зе_ н(и)_ цко_ го, (о), //

До (ву)_ ез_ да Ме_ зень_ цко_ го, да //

До прав_ лень_ я Ле_ шу_ конь_ ско_ го, //

До прав_ лень_ я Ле_ шу_ конь_ ско_ го, //

До де_ рев_ ни до Пы_ лё_ мы. //

А-ой, как попов сын на городи, да
Он ходил-гулял по городу, ой,

Он ходил-гулял по городу, да
Он звонил всё заут(ы)реню, ох,

(в)Он звонил всё заутреню, да
Он звонил во все колокола, (э),

(в)Он звонил во все колокола, да
От Москвы цють до Вологды!

От Москвы цють до Вологды, да
Цють до славного Питёра, (а),

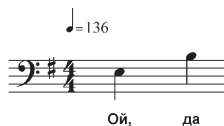
Цють до славного Питёра, да
Цють до города Архал(и)нецка, (а),

Цють до города Архальнецка, да
До (в)уезда Мезен(и)цкого, (о),

До (в)уезда Мезеньцкого, да
До правленья Лешуконьского,

До правленья Лешуконьского,
До деревни до Пылёмы.

7

сын (й)И_ ва_ но_ виць - от гла_ дит. Ой, ре_ ди ла! Да
ты ве_ зёшь ле, конь, го_р(и)_ дё_ ну. Ой, ре_ ди ла! Да
ле го_р(и)_ дё_ ну_ шу горд_ ли_ ву. Ой, ре_ ди ла! Да
ве_ зёшь Ма_р(и)_ю_ шу спесь_ ли_ ву. Ой, ре_ ди ла!

Ой, да там(ы) не коницьки бежали,
Ой, реди ла, да
Не каретушку ташшыли,
Ой, реди ла, да
Так нехто коня не хвалит,
Ой, реди ла, да
Нехто коницька не г(ы)ладит,
Ой, реди ла, да
Как (й)Иван-от коня хвалит,
Ой, реди ла, да
Сын (й)Ивановиць-от гладит,
Ой, реди ла, да
Ты везёшь ле, конь, гор(и)дёну,
Ой, реди ла, да
Ле гор(и)дёнущу гордливу,
Ой, реди ла, да
Везёшь Мар(и)юшу спесьливу,
Ой, реди ла!

8

$\text{♩} = 128$

Шо ска_ за_ ли: у И_ ва_ на - та конь - от во_ ро_ ной.
Нет, не во_ ро_ ной, не во_ ро_ ной: у ё_ го бе_ лой да ху_ дой, да
Шо ска_ за_ ли: у И_ ва_ на у_ бо_ р(ы) зо_ ло_ той.

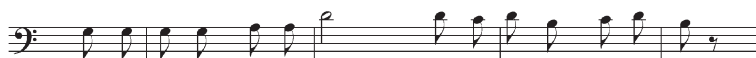
Нет, не зо_ло_той, не зо_ло_той: у ё_го ли_по_вой, ху_дой, да

Што ска_за_ли: у И_ва_ на уз_да - та на ме_ди.

Нет, не на ме_ди, не на ме_ди: да по_сте_го_лён_ки (во)_дны, да

Што ска_за_ли: у И_ва_ на ду_га - то вы_со_ка.

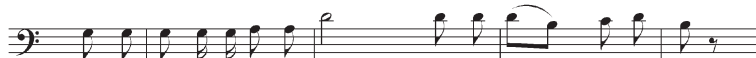
Нет, не вы_со_ка, не вы_со_ка: да це_рем_ши_ной_чка о_дна, да

Што ска_за_ли: у И_ва_ на по_ше_вё_но_чки ко_сы.

Нет! Не ко_сы, не ко_сы: у ё_го роз_ва_л(и)_ни ху_ды, у

ё_го роз_ва_л(и)_ни ху_ды, да и те не сво_и:

Ох! В лю_дях вы_про_шё_ны, да в но_гах вы_пол_за_ны, да

Што ска_за_ли: у И_ва_ на бо_го_су_жо_на бас_ка.

Ой, не бас_ка, не бас_ка: о_на со_ту_ла да ху_да, да

У ей ко_ше_чь_ры_ло, со_ба_чьи гла_за.

А у ей со_ба_чьи гла_за, да ло_ша_дин_на го_ло_ва!

Шо сказали: у Ивана-та конь-от вороной —
Нет, не вороной, не вороной: у ёго белой да худой, да

Шо сказали: у Ивана убор(ы) золотой —
Нет, не золотой, не золотой: у ёго липовой, худой, да

Што сказали: у Ивана узда-та на меди —
Нет, не на меди, не на меди: да постеголёнки (в)одны, да

Што сказали: у Ивана дуга-та высока —
Нет, не высока, не высока: да церемшиночка одна, да

Што сказали: у Ивана пошевёночки косы —
Нет! Не косы, не косы: у ёго розвал(и)ни худы,

У ёго розвал(и)ни худы, да и те не свои:
Ох! В людях выпрошёны, да в ногах выползаны, да

Што сказали: у Ивана богосужона баска —
Ой, не баска, не баска: она сотула да худа, да

У ей кошечье рыло, собачьи глаза,
А у ей собачьи глаза, ды лошадинна голова!

9

♩ = 88

Ой, да

ка_к(ы) по_д(ы) яб_ло_ню кро_вать. Да е_ хи! Да //

под ку_ дря_вой ти_ со_ ва. Да е_ хи! Да //

на кро_ ва_ти пе_ ри_ на. Да е_ хи! Да //

всё пу_ хо_ ва_ я лё_ жит. Да е_ хи! Да //

на пе_ри_ны про_сты_ня. Да е_хи! Да

не п(ы)_ро_сто_го по_ло_тна. Да е_хи! Да

тут лё_жа_ло сто_ло_вьё. Да е_хи! Да

но_во се_р(и)_цё_во_ё. Да е_хи! Да

на но_гах-то о_де_я_ло. Е_хи! Да

це_р(и)_на со_бо_ля лё_жит. Да е_хи! Да

штё по_д(ы) е_тим о_де_я_лом. Е_хи! Да

лё_жит кня_с(и) мо_ло_дой. Да е_хи!

Ой, да как(ы) под(ы) яблонью кровать,
 Да ехи, да
 Под кудрявой тисова,
 Да ехи, да
 На кровати перина,
 Да ехи, да
 Всё пуховая лёжит,
 Да ехи, да
 На перины простыня,
 Да ехи, да
 Не п(ы)ростого полотна,
 Да ехи, да
 Тут лёжало сголовьё,
 Да ехи, да
 Ново сер(и)цёвоё,
 Да ехи, да
 На ногах-то одеяло,
 Ехи, да

Цер(и)на соболя лёжит,
 Да ехи, да
 Штё под(ы) етим одеялом,
 Ехи, да
 Лёжит княс(и) молодой,
 Да ехи!

10

$\text{♩} = 144$

А И_ ван - ты_ сяц_ кой, И_ ван - ты_ сяц_ кой
 Да боль_ шой_ це_ ло_ век, да боль_ шой_ це_ ло_ век!
 Да на ты_ сец_ ком шу_ ба, на ты_ сец_ ком шу_ ба
 со_ ро_ ка со_ бо_ лей, со_ ро_ ка со_ бо_ лей,
 Да се_ ми_ ма бо_ бра_ ми, се_ ми_ ма бо_ бра_ ми
 О_ пу_ ше_ на_ я, да о_ пу_ ше_ на_ я.

А Иван-тысяцкой, Иван-тысяцкой
 Да большой целовек, да большой целовек!

Да на тысецком шуба, на тысецком шуба —
 Сорока соболей, сорока соболей,

Да семима бобрами, семима бобрами
 Опушенная, да опушенная.

♩ = 144

Марь_я - сва_ тью_ шка, Марь_я - сва_ тью_ шка,
 Доць И_ ва_ но_ вна, доць И_ ва_ но_ вна!
 Да у сва_ тью_ шка, да у сва_ тью_ шка
 Бе_ лы пи_ ро_ жки, бе_ лы пи_ ро_ жки,
 О_ ни за_ спян_ ны, о_ ни за_ спян_ ны,
 У ней ма_ спян_ ны, у ей ма_ спян_ ны!
 У ей му_ цю_ шка, у ей му_ цю_ шка бе_
 ла кру пи_ сьца_ та_ я, бе_ ла кру_ пи_ сьца_ та_ я,
 У ей кру_ по_ цька, у ей кру_ по_ цька
 Бе_ ла пшён_ на_ я, бе_ ла пшён_ на_ я,
 У ей ска_ лы_ шка, у ей ска_ лы_ шка
 Ки_ па_ ри_ са-де_ рев_ ця, ки_ па_ ри_ са-де_ рев_ ця,

У ей ма_ сли_ цько, у ей ма_ сли_ цько

За_ мор_ ских ко_ ров, за_ мор_ ских ко_ ров, //

У ей кры_ лы_ шко, у ей кры_ лы_ шко

Бе_ ла ку_ ра_ птя, бе_ ла ку_ ра_ птя, У //

ей со_ се_ лё_ нки, у ей со_ се_ лё_ нки

Бе_ ло_ ду_ бо_ вы, бе_ ло_ ду_ бо_ вы, //

У ей ске_ ю_ шки, у ей ске_ ю_ шки

Кра_ сны де_ ву_ шки, кра_ сны де_ ву_ шки, У //

ей стря_ пе_ ю_ шки, у ей стря_ пе_ ю_ шки

Всё мо_ ло_ ду_ шки, Всё мо_ ло_ ду_ шки!

Марья-сватьяюшка, Марья-сватьяюшка,
Доць Ивановна, доць Ивановна!

Да у сватьяюшки, да у сватьяюшки
Белы пирожки, белы пирожки,

Они заспанны, они заспанны
У ней маслянные, у ей маслянные!

У ей муцюшка, у ей муцюшка
Бела круписьцятая, бела круписьцятая,

У ей крупощка, у ей крупощка
Бела пшённая, бела пшённая,

У ей скалышка, у ей скалышка
Кипариса-деревця, кипариса-деревця,

У ей маслицько, у ей маслицько
Заморских коров, заморских коров,

У ей крылышко, у ей крылышко
Бела курапта, бела курапта,

У ей соселёнки, у ей соселёнки
Белодубовы, белодубовы,

У ей скеюшки, у ей скеюшки
Красны девушки, красны девушки,

У ей стряпеюшки, у ей стряпеюшки
Всё молодушки, всё молодушки!

12

$\text{♩} = 140$

Как у кра_сно_го сон_ця тѣп_лы_ё ма_ре_ва, ох,
Што у свет_ло_го ме_си_ца зо_ло_та бы_ла лу_на, да
Што у свет_ло_го ме_си_ца зо_ло_та бы_ла лу_на, ох,
Што у све_та у Ва_си_ля ку_дре_ва_та го_ло_ва, да
Как у све_та у Ва_си_ля ку_дре_ва_та го_ло_ва, ой,

Сы_ на Я_ ков_ ле_ ви_ ча да куд_ ри шо_ л(ы)_ко_ вы_ я, да
 Сы_ на Я_ ков_ ле_ ви_ ча куд_ ри шо_ л(ы)_ко_ вы_ я, ой,
 Всё т' на вся_ кой на куд_ (ы)_ри_ нке по све_ то_ чку све_ тёт, да
 Как на вся_ кой на ку_ дри_ нке по све_ то_ чку све_ тёт, ой,
 Што на вся_ ком во_ ло_ со_ чку по жем_ чу_ жен_ ки ви_ сёт.

Как у красного солнца тёплые марева, ох,
Што у светлого месица золота была луна, да

Што у светлого месица золота была луна, ох,
Што у света у Василья кудревата голова, да

Как у света у Василья кудревата голова, ой,
Сына Яковлевича да кудри шол(ы)ковья, да

Сына Яковлевича кудри шол(ы)ковья, ой,
Всё-т' на всякой на куд(ы)ринке по светочку светёт, да

Как на всякой на кудринке по светочку светёт, ой,
Што на всяком волосочку по жемчуженки висёт.

13

Ой, да
 Во гор_ ни_ це стол сто_ ял, стол сто_ ял, да

Во свет_ ли_ це ду_ бо_ вой, ду_ бо_ вой, да

На сто_ ли чар зо_ ло_ той, зо_ ло_ той, да

По_ лон ме_ ду на_ ли_ той, на_ ли_ той, да.

И_ ще кто ча_ ру на_ ли_ вал, на_ ли_ вал, да

В зо_ ло_ ту_ ю до_ пол_ нял, до_ пол_ нял?

Ой, да во горнице стол стоял,
 стол стоял, да
 Во светлице дубовой,
 дубовой, да
 На столи чар золотой,
 золотой, да
 Полон мёду налитой,
 налитой, да.
 Ище кто чару наливал,
 наливал, да
 В золотую дополнял,
 дополнял?

КОММЕНТАРИИ К НАПЕВАМ

Напевы песен, записанные в исполнении М. Н. Мякушина 24—25 декабря 1962 г. В. В. Коргузаловым в Лаборатории звукозаписи Фонограммархива ИРЛИ, приводятся в большинстве случаев полностью. М. Н. Мякушин исполнил все свадебные напевы, которые звучат в пылемской свадьбе. Некоторые напевы поются с несколькими текстами. Напев № 2 (вар. № 5, 6) поется с текстами: «Доступай, родной брателко», «Що ты, що ты, синё морё», «Отставала лебёдушка», «Уж вы соколы, соколы», «Как попов сын на городи»; напев № 8 (вар. № 12) — с текстами: «Што сказали: Иван-от хитёр да мудёр», «Што сказали: у Ивана да конь-от вороной», «Што у красного сонця тёплые марева»; напев № 10 (вар. № 11) — с текстами: «Иван-тысячкой да большой цёловек» и «Марья-сватьяшка, доць Ивановна».

Напевы пылемских свадебных песен и хорового причета девушек и невесты, исполненные М. Н. Мякушиным, типичны для мезенской традиции.¹⁹¹ Весьма близкие варианты мы находим среди песен Лешуконского и Мезенского районов, опубликованных в сборниках «Песенный фольклор Мезени»,¹⁹² «Песни русского севера» А. С. Абрамского,¹⁹³ а также на грампластинке «Традиционные песни Мезени».¹⁹⁴ Пять свадебных песен, записанных в 1940 году от М. Н. Мякушина П. Кольцовым опубликованы в сборнике «Песни Лешуконья».¹⁹⁵

В исполнении свадебных песен М. Н. Мякушин придерживается одного из основных голосов, составляющих двухголосную основу песни, богато варьируя мелодию по ходу исполнения песни. Если напев исполняется с несколькими текстами, то с каждым новым текстом появляются все новые варианты. Слуховые записи 1940 г. в некотором отношении беднее магнитофонной фиксации пения Мякушина в 1962 г.: в нотной записи П. Кольцова присутствует лишь одна строфа напева, что, при всем богатстве распева, не может дать полноценного представления об интонационной жизни напева в устах талантливого народного исполнителя, каким был Михаил Николаевич.

Так, варианты напева опевальных песен «Доступай, родной брателко» (Приложение II, № 2) и «Как попов сын на городи» (Приложение II, № 6), исполняемые Мякушиным по мелодическому контуру нижнего голоса, обнаруживают типичные для северно-русской традиции интонационные различия: высотное варьирование II и III ступеней. Эта особенность отсутствует в сборнике «Песни Лешуконья», как и характерное малосекундное соотношение II—III ступеней (ср. Приложение III, № 1). Вариант данного напева, исполняемый с текстом «Отставала лебёдушка» (Приложение II, № 5), поется по верхнему голосу, что, при сравнении с упоминавшимися выше вариантами нижнего голоса, отчасти дает представление о традиционном двухголосии. Те же черты можно увидеть при сравнении политекстового напева величальных песен «Што сказали: у Ивана да конь-от вороной» и «Как у красного сонця тёплые марева» (Приложение II, № 8 и 12), только высотное варьирование касается здесь IV ступени. Надо сказать, что запись 1940 г. дает интересный мелодический вариант в за-

¹⁹¹ Наши наблюдения совпадают с мнением Б. М. Добровольского, отмечавшего существование на Мезени «однородного музыкально-песенного стиля без достаточно яркого деления на локальные группы» (Колтакова Н., Добровольский Б., Митрофанова В., Коргузалов В. Песенный фольклор Мезени. Л., 1967. С. 33).

¹⁹² Колтакова Н., Добровольский Б., Митрофанова В., Коргузалов В. Песенный фольклор Мезени. № 151—155, 157—159, 160, 163, 167, 171, 176, 201 (далее — Песенный фольклор Мезени).

¹⁹³ Абрамский А. С. Песни русского севера. М., 1959. № 31, 47—49 (далее — Абрамский).

¹⁹⁴ Традиционные песни Мезени. М20-44641-4. Л., 1982. Нотное приложение, № 1, 1а, 5, 6, 7, 9.

¹⁹⁵ Песни Лешуконья / Собрал М. Н. Мякушин. Музыкальная запись и запись текстов Петра Кольцова. Предисловие П. Аравина. Архангельск, 1940. См. Приложение III.

вершающей фразе напева (Приложение III, № 3). Напев опеваальной песни «Как пошла река быстрая» в слуховой записи (Приложение III, № 2) более расчлещен мелодической орнаментикой, чем напетый Мякушиным в 1962 г. (Приложение II, № 3) — здесь он более придерживался функционального костяка напева. Представление же о двухголосной основе напева можно получить, сопоставив оба варианта, так же как и в песнях «Гордѣна» (Приложение II, № 7; Приложение III, № 5),¹⁹⁶ «Во горници стол стоит» (Приложение II, № 13, Приложение III, № 4).

Публикуемые в Приложении II нотировки записей свадебных песен выполнены нами по фонограммам, хранящимся в Фонограммархиве ИРЛИ (К. 298. Касс. 747—752). Номер фонограммы указывается в комментарии к конкретному напеву. Сведения об исполнении песен приводятся по тетради РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3.

1. *Образец причети невесты*. МФ 00751.16. Вар: Песенный фольклор Мезени. № 201; Альбом грампластинок «Традиционные песни Мезени», М20-44641-4. Л., 1982, нотное приложение, № 1, 1а.

2. *Доступай, родной брателко*. МФ 00752.07. «Песня свату, поется на рукобитьи». Полный текст см. описание обряда, с. 341—343, а также тетрадь РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 103, 103об., 104. На данный напев поются также песни: «Що ты, що ты, синѣ морѣ» (см. описание обряда, с. 348—349, а также тетрадь РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 104, 104об., 105), «Отставала лебѣдушка», «Уж вы соколы, соколы» и «Как попов сын на городи» (см. описание обряда, с. 379—382, а также тетрадь РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 110, 110об., 111, 111об.). Вар. напева см. Приложение II, № 5, 6, а также: Песни Лешуконья, с. 81 (Приложение III, № 1); Песенный фольклор Мезени. № 151—154, 158, 159; Абрамский. № 31; Альбом грампластинок «Традиционные песни Мезени». М20-44641-4. Л., 1982, нотное приложение, № 5.

3. *Как пошла река быстрая*. МФ 00752.08. «Песня поется в ожидании жениха за невестой на браньѣ». Полный текст см. описание обряда, с. 367—368, а также тетрадь РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 105, 105об., 106. Вар.: Песни Лешуконья, с. 82 (Приложение III, № 2); Песенный фольклор Мезени. № 167.

4. *Приговор дружки*. МФ 00751.20. Вар. текста см. описание обряда, с. 374.

5. *Отставала лебѣдушка*. МФ 00752.14. «Провожают невесту к венцу». Полный текст см. описание обряда, с. 379., а также тетрадь РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 110. На данный напев поются также песни: «Доступай, родной брателко» (см. описание обряда, с. 341—343, а также тетрадь РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 103, 103об., 104), «Що ты, що ты, синѣ морѣ» (см. описание обряда, с. 348—349, а также тетрадь РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 104, 104об., 105), «Уж вы соколы, соколы» и «Как попов сын на городи» (см. описание обряда,

¹⁹⁶ Прихотливая интонационная «игра», характерная для пения М. Н. Мякушина, по-видимому, стала причиной не совсем верной передачи П. Кольцовым ладового строения этой песни — ср. его слуховую запись (Приложение III, № 5) с нотировкой магнитофонной записи 1962 г. (Приложение II, № 7).

с. 380—382, а также тетрадь РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 110, 110об., 111, 111об.). Вар. напева см. Приложение II, № 2, 6, а также: Песни Лешуконья, с. 81 (Приложение III, № 1); Песенный фольклор Мезени. № 151—154, 158, 159; Абрамский. № 31; Альбом грампластинок «Традиционные песни Мезени», М20-44641-4. Л., 1982, нотное приложение, № 5.

6. *Как попов сын на городи*. МФ 00752.15. «Песня жениху после венца». Полный текст см. описание обряда, с. 381—382, а также тетрадь РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 110об., 111, 111об. На данный напев поются также песни: «Доступай, родной брателко» (см. описание обряда, с. 341—343, а также тетрадь РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 103, 103об., 104), «Що ты, що ты, синё морё» (см. описание обряда, с. 348—349, а также тетрадь РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 104, 104об., 105), «Уж вы соколы, соколы» и «Отставала лебёдушка» (см. описание обряда, с. 379—380, а также тетрадь РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 110, 110об., 111, 111об.). Вар. напева см. Приложение II, № 2, 5, а также: Песни Лешуконья, с. 81 (Приложение III, № 1); Песенный фольклор Мезени. № 151—154, 158, 159; Абрамский. № 31; Альбом грампластинок «Традиционные песни Мезени». М20-44641-4. Л., 1982, нотное приложение, № 5.

7. *Там не концики бежали*. МФ 00752.16. «Песня-гордёна, поётся жениху, если он берет невесту с другой деревни, не посватав своих девушек». Полный текст см. описание обряда, с. 382—383, а также тетрадь РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 112, 112об. Вар.: Песни Лешуконья, с. 85—86 (Приложение III, № 5).

8. *Шо сказали: у Ивана-та конь-от вороной*. МФ 00752.16. «Тоже гордёна» — см. № 7. Варианты текста см. описание обряда, с. 383—384, а также тетрадь РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 112об., 113. На этот напев поются также песни: «Сосказали: Иван-от хитёр да мудёр», см. описание обряда, с. 377—378, а также тетрадь РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 106, а также «Как у красного сонця тёплый марева», см. Приложение II, № 11. Напев песни с текстом «Ой, да сосказали: Иван-от хитер да мудер» опубли.: Песни Лешуконья, с. 83. (Приложение III, № 3). Вар. напева: Песенный фольклор Мезени. № 157, 160, 163; Абрамский. № 47; Альбом грампластинок «Традиционные песни Мезени». М20-44641-4. Л., 1982, нотное приложение, № 9.

9. *Как под яблонью кровать*. МФ 00752.09. Согласно обозначению, данному автором рукописи в тетради РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3 — «Песня жениху до венчанья» (л. 106об.). В описании обряда (РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 4) песня относится к послевенчальному этапу свадьбы, поется в доме жениха. Полный текст см. описание обряда, с. 384—385, а также тетрадь РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 106об., 107, 107об. Вар. напева: Песенный фольклор Мезени. № 176; Абрамский. № 48.

10. *Иван-тысяцкой*. МФ 00752.10. «Песня тысяцкому — крестному жениха». Полный текст см. описание обряда, с. 386, а также тетрадь РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 108, 108об. На этот же напев поется песня «Марья-сватьяшка» (№ 11). Вар. напева: Песенный фольклор Мезени. № 171; Альбом грампластинок «Традиционные песни Мезени». М20-44641-4. Л., 1982, нотное приложение, № 6.

11. *Марья-сватьяюшка*. МФ 00752.11. «Песня сватыям. Мотив тот же». Вар. текста см. описание обряда, с. 387—388, а также тетрадь РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 108об., 109. На этот же напев поется песня «Иван-тысячкой» (№ 10). Вар. напева: Песенный фольклор Мезени. № 171; Альбом грампластинок «Традиционные песни Мезени». М20-44641-4. Л., 1982, нотное приложение, № 6.

12. *Как у красного сонця тёплые марева*. МФ 00752.13. «Песня для холостых». Полный текст см. описание обряда, с. 387, а также тетрадь РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 109об., 110. Вар. напева см. Приложение II, № 8. Напев песни с текстом «Ой, да сосказали: Иван-от хитер да мудер» опубли.: Песни Лешуконья, с. 83 (Приложение III, № 3). Вар. напева: Песенный фольклор Мезени. № 157, 160, 163; Абрамский. № 47; Альбом грампластинок «Традиционные песни Мезени». М20-44641-4. Л., 1982, нотное приложение, № 9.

13. *Во горниці стол стоял*. МФ 00752.11. «Песня женатым участникам свадьбы». Полный текст см. описание обряда, с. 386—387, а также тетрадь РО ИРЛИ. Р. V. К. 231. П. 1. № 3. Л. 109, 109об. Вар.: Песни Лешуконья, с. 84 (Приложение III, № 4); Песенный фольклор Мезени. № 155; Абрамский. № 49; Альбом грампластинок «Традиционные песни Мезени». М20-44641-4. Л., 1982, нотное приложение, № 7.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Напевы свадебных песен из сборника «Песни Лешуконья»

1

♩ = 108

Ой,

До_ сту_ пай, род_ ной бра_ тел_ ко, да

До_ сто_ ло_ вой но_ вой го_ рни_ цы.

2

$\text{♩} = 108$

Ой, да как по_шла ре_ка бы_стра_я,

Е_ли, е_ли, е_ли, ю, да

3

$\text{♩} = 108$

Ой, да

Со_ска_за_ли И_ван - от хи_тёр да му_дёр, сы_

_на И_ва_но_ви_ця, да хи_трёй е_го нет, сы_

4

$\text{♩} = 132$

Ой, да во гор_ни_ци стол сто_и_т да стол сто_ит да

5

$\text{♩} = 132$

Ой, да

Там не ко_ни_чки бе_жа_ли, ой, ре_ди_ла, да

Песни записаны от М. Н. Мякушина в конце 30-х годов Петром Кольцовым и опубликованы в сборнике: Песни Лешуко́нья / Собрал М. Н. Мякушин. Музыкальная запись и запись текстов Петра Кольцова. Предисловие П. Аравина. Архангельск, 1940. С. 81—86. Тексты песен, сверенные нами с двумя рукописными вариантами (см. описание свадебного обряда), здесь опускаются. Напевы приводятся в басовом ключе, согласно естественной тесситуре голоса исполнителя. Тактировка для простоты сопоставления вариантов, приведена в соответствии с нашей.

1. *Ой, доступай, родной брателко.* Поется на рукобитье свату. С. 81. Вар. напева см. Приложение II, № 2, 5, 6. Напев транспонирован на кварту ниже.

2. *Ой да как пошла река быстрая.* Поется в ожидании приезда жениха за невестой. С. 82. Вар. напева см. Приложение II, № 3. Напев транспонирован на кварту ниже.

3. *Ой да сосказали Иван-от хитер да мудер.* Песня жениху после венчанья. С. 83. Вар. напева см. Приложение II, № 8, 11. Напев транспонирован на малую терцию ниже.

4. *Ой да во горнищи стол стоит.* Песня для женатого дружки. С. 84. Вар. напева см. Приложение II, № 13.

5. *Ой да там не коницки бежали.* Песня-гордена. Поется, если жених берет себе невесту из чужой деревни. С. 85—86. Вариант напева см. Приложение II, № 7. Напев транспонирован на кварту ниже.

ПЕСНИ-ИМПРОВИЗАЦИИ НАРОДОВ СЕВЕРА 1930-х ГОДОВ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНОГРАММАРХИВА ИНСТИТУТА РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН¹)

Предисловие и публикация А. А. Бурыкина

История изучения устного народного творчества малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока по существу еще не написана, несмотря на то что сами образцы фольклора этих народов в последнее время привлекают к себе все большее внимание ученых, наиболее яркое свидетельство чему — 60-томная серия «Памятников фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», издаваемая Сибирским отделением РАН. Более того, история науки оказывается довольно непопулярной дисциплиной у этнографов и фольклористов-сибиреведов, так что даже специальные работы по истории собирания, изучения и публикации образцов фольклора отдельных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока весьма и весьма немногочисленны.² Такое отношение к прошлому, охватывающее не только историю научных исследований, но и историю культуры нескольких десятков малочисленных этносов, нельзя признать ни заслуженным, ни обоснованным, и вряд ли оправданием такого положения дел может послужить сложность исторических процессов и их связь с идеоло-

¹ Настоящая работа выполнена по итогам международного российско-голландского проекта «Голоса тундры и тайги», целью которого было изучение аудиоматериалов по языкам и фольклору народов Севера России, хранящихся в Фонотграммархиве ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. См.: *Бурыкин А. А., Гирфанова А. Х., Кастров А. Ю., Марченко Ю. И., Светозарова Н. Д., Шифф В. П.* Коллекции народов Севера в Фонотграммархиве Пушкинского Дома. СПб., 2005.

² См., напр.: *Бурыкин А. А.* Из истории собирания, изучения и публикации образцов фольклора эвенков (30—90-е годы) // *Кунсткамера: вчера, сегодня, завтра.* Т. 2. СПб., 1997. С. 121—138.

гической конъюнктурой национальной политики, или ощутимый недостаток биографических материалов по отдельным исследователям, время деятельности которых приходится на трагические для науки и для государства 1930-е годы.

В наши дни трудно понять, почему на протяжении нескольких десятилетий — с 1920-х до 1950-х годов — самобытный фольклор народов Севера оставался без должного внимания специалистов. Это время оказалось по существу потерянным как для его изучения, так и для собирания его образцов, представляющих различные жанры: как результат упущенного времени можно констатировать то, что за все годы XX в. объем собранных и опубликованных материалов по фольклору некоторых народов — таких, как чукчи, юкагиры, нивхи, не сумел превзойти объем собраний текстов, записанных и опубликованных классиками этнографии и фольклористики В. Г. Богоразом (1865—1936),³ В. И. Иохельсоном (1855—1937)⁴ и Л. Я. Штернбергом (1861—1927).⁵ Если задаться целью собрать и оценить те немногие публикации образцов фольклора народов Севера, которые вышли в свет в 1930-е годы, то окажется, что даже их объем (не говоря уже о содержании) не может идти ни в какое сравнение с дореволюционными изданиями фольклорных текстов на языках народов Сибири.⁶ При этом почти полное отсутствие исследований по фольклору народов Севера и минимальное количество изданий фольклорных текстов никак не может объясняться какими-либо организационными или финансовыми трудностями: такая специализированная научная организация, как Научно-исследовательская Ассоциация Института народов Севера (НИА ИНСа), являвшаяся крупнейшим исследовательским центром СССР в области науки о народах Севера и их языках, за время существования Института народов Севера в Ленинграде (с 1932 по 1941 г.)

³ Богораз В. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб., 1900.

⁴ Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб., 1900.

⁵ Штернберг Л. Я. Материалы по изучению гилияцкого языка и фольклора. Образцы народной словесности. СПб., 1908.

⁶ Дадим краткий перечень этих изданий: Ненецкие сказки / Собрал А. Пырерка. Л., 1935; *Пыря А. Пухуця нгоб'ню* (Сын старушки / Сказки на ненец. яз.). Л., 1939; Чукотские сказки / Собранные В. Г. Богоразом. Подготовлены к печати Г. Мельниковым. Л., 1935; *Форштейн А. С.* 1) Сказки азиатских эскимосов / Записаны в поселке Унгазик А. С. Форштейном. Л., 1935; 2) Сказки азиатских эскимосов / Записаны в поселке Унгазик А. С. Форштейном. М.; Л., 1936; *Hart wadakud.* Твои сказки / Собрал А. Пырерка. М.; Л., 1936; Чавчуненские и нымыланские (корякские) сказки / Собранные С. Стебницким. Л., 1934; Чавчуненские и нымыланские (корякские) сказки / Собранные С. Стебницким. М.; Л., 1936; *Левин В. И.* Нерпа жила: Эвенские сказки. Л., 1934; Эвенские сказки / Зап. Б. Л. Кронгауз. Л., 1939; *Каргер Н. К.* Зайчишка: Хантыйская сказка / Зап. Н. К. Каргер. Л., 1934; Сказки для ребят народов Ханты / Зап. Д. В. Зальцберг и Н. Р. Прыткова. Л., 1935. Отметим, что объем публикации образцов чукотского фольклора, осуществленной В. Г. Богоразом в США несколько ранее (*Bogoras W. Chuckchee Tales // Journal of American Folklore.* 1928. Vol. 41, № 161. P. 297—452), превосходит по объему все перечисленные здесь издания, вместе взятые.

издала десятки самых разных книг и сборников статей. Складывается впечатление, что фольклор народов Севера как культурное явление умышленно или неосознанно связывался с архаической, уходящей в прошлое культурой этих народов, на смену которой приходили первые итоги хозяйственных, социальных и культурных преобразований, а немногочисленные образцы сказок и несказочной прозы должны были сохраняться как свидетельство былой «дикости» носителей соответствующей устной традиции и быть своего рода «страшилкой» для подрастающего поколения.

В наши дни, в начале XXI в., когда возможности для сбора новых материалов по большинству жанров фольклора малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока по разным причинам сужены до минимума и мы в пору сожалеть об упущенных в былые десятилетия шансах, обращение к истории изучения и собрания фольклора этих народов, а также к изучению архивных собраний фольклорных материалов вполне естественно и логично. Более того, каждый выявленный и введенный в оборот фольклорный текст не только становится достоянием этнической культуры того или иного народа, но и выступает памятником истории науки об устном народном творчестве народов России. Сама же по себе история изучения фольклора народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока неотъемлема от истории русской фольклористики, и для этого имеется ряд оснований. Изучение русского фольклора Севера и Сибири и собирание образцов фольклора аборигенного населения этих регионов прежде всего связывается с именами одних и тех же ученых. В. Г. Богораз внес значительный вклад как в изучение фольклора чукчей и других народов Северо-Востока Азии, так и в собирание материалов по языку и фольклору русскоговорящего старожильческого населения Арктического побережья и Крайнего Северо-Востока Азии. Эти традиции позднее нашли продолжение в деятельности В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова и других отечественных фольклористов, занимавшихся как проблемами русского фольклора, так и вопросами устного народного творчества других этносов. Далее, необходимо обратить внимание на то, что в конце 1920-х—начале 1930-х годов в фольклористике начало проявляться специфическое осмысление того места, которое должен был занимать фольклор в народной культуре, и формирование некоего особого эстетического фольклорного канона, точнее — некоей единой художественной системы отражения действительности, в которой отдельные жанры фольклора сосуществовали с новыми явлениями культуры, в том числе с литературой. Немаловажным обстоятельством, связавшим изучение фольклора народов России и русского фольклора, стало создание и развитие отечественной этномузыкологии, научной дисциплины с единым предметом, благодаря чему работа с образцами музыкального и песенного творчества самых различных народов РСФСР и СССР концентрировалась в среде высококлассных специалистов — таких, как В. В. Гиппиус, З. В. Эвальд, С. Д. Магид. Не случайно именно эти собиратели и исследователи в указанный период времени интенсивно занимались собиранием и описанием образцов музыкального фольклора русского населения различных регионов, устного творчества славянских народов, а также вели работу по

записыванию текстов, представляющих различные жанры фольклора народов СССР и РСФСР, в том числе и фольклора малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Благодаря поистине подвижнической работе З. В. Эвальд, В. В. Гиппиуса, С. Д. Магид и их коллег в Фонограммархиве ИРЛИ было сконцентрировано уникальное собрание образцов фольклора народов Севера России, записанных на фонографических валиках. Однако, помимо фонографических коллекций, в Фонограммархиве за несколько десятилетий собирательской и исследовательской работы, в которой кроме сотрудников Фонограммархива ИРЛИ принимали участие специалисты из различных научных учреждений и даже зарубежные ученые, жившие в то время в СССР (так, часть коллекций и некоторые документальные материалы Фонограммархива принадлежат известному немецкому ученому-финноугроведу В. К. Штейницу (1900—1967), в Фонограммархиве ИРЛИ сформировался рукописный фонд, в котором аккумулировались и сохранялись документы, связанные с обработкой записей на фонографических валиках. Среди этих документов выявляются расшифровки словесных текстов песенных записей на различных языках, переводы текстов записей на русский язык, краткие изложения текстов, различные вспомогательные материалы, дополнительные сведения об исполнителях отдельных образцов. В рукописном фонде Фонограммархива ИРЛИ имеется также некоторое количество нотировок к записям на валиках: так, в нем среди прочих документов имеется довольно большое количество нотировок к записям песен на языках тунгусо-маньчжурских народов, записанных С. Д. Магид от студентов Института народов Севера (ИНС) — эти нотировки выполнены самой С. Д. Магид по результатам прослушивания ее же фонографических записей.⁷ Кроме документальных материалов, относящихся к фонографическим записям, в рукописном фонде Фонограммархива ИРЛИ имеется некоторое количество текстовых материалов, не связанных с какими-либо записями на валиках — возможно, фонографические записи этих текстов не сохранились или еще не выявлены при каталогизации коллекций, или же по каким-либо причинам подготовленные на бумаге словесные тексты не были озвучены в виде записей на валики. Эти материалы представляют ныне самостоятельную ценность для исследования фольклора малочисленных народов Севера России.

Основная масса образцов фольклорных текстов на языках народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, а также их переводов, содержащихся в рукописном фонде Фонограммархива ИРЛИ, находится в папках № 51, 53-58, 61, 62, 65. В соответствии со спецификой практики записывания фонографических материалов, когда предпочтение при записи отдавалось песенным и музыкальным жанрам, наибольшее количество текстов рукописного фонда Фонограммархива ИРЛИ составляют тексты песен; прозаические, преимущественно сказочные тексты в рукописном фонде Фонограммархива представлены единичными образцами.

⁷ Интересно, что в Рукописном фонде Фонограммархива хранятся нотировки С. Д. Магид, относящиеся к большому количеству записей из всех четырех коллекций С. М. Широкогова.

Характер документации текстов, сохранившихся в рукописном фонде Фонограммархива, достаточно разнообразен. Среди материалов рукописного фонда имеются записи текстов песен на языках оригинала, русские переводы текстов, причем оригиналы и переводы могут быть представлены отдельно друг от друга как различные документы рукописного фонда, так и в составе одних и тех же документов — в этих случаях оригинал и перевод присутствуют в виде двух колонок на странице или представлены в виде «строка в строку», когда после одной строки оригинального текста следует строка русского перевода. Способы исполнения отдельных документов рукописного фонда Фонограммархива оказываются самыми разными — здесь имеются и рукописные тексты, среди которых могут быть выявлены автографы исполнителей текстов, позже ставших первыми поэтами и писателями из числа малочисленных народов Севера России; наряду с собственно рукописями в материалах рукописного фонда Фонограммархива имеется значительное число текстов, перепечатанных на пишущей машинке и имеющих рукописную правку. Довольно большое количество текстов, хранящихся в рукописном фонде Фонограммархива ИРЛИ, представлено в нескольких рукописных или машинописных копиях, отражающих разные этапы филологической работы по расшифровке текста и в особенности его переводу на русский язык. Некоторые варианты русских переводов отдельных образцов песен содержат визы-подписи специалистов по соответствующим языкам, подтверждающие соответствие представленного перевода его оригиналу на национальном языке — среди таких материалов в рукописном фонде Фонограммархива сохранились документы с подписями известного ученого-этнографа, лингвиста и фольклориста Г. М. Василевич (1895—1971), специалиста в области языка и этнографии эвенков,⁸ один из переводов подписан В. К. Штейницем. Существенно, что документальные материалы рукописного фонда Фонограммархива ИРЛИ, помимо их ценности как источника фольклора, представляют собой исключительные образцы письменности народов Севера РФ и отражают несколько наиболее ранних стадий ее существования. В рукописном фонде имеются тексты на языках народов Севера, написанные с использованием алфавитов на латинской графической основе (национальные варианты Единого Северного Алфавита, принятого в 1932 г.); часть текстов написана с использованием обоих алфавитов в виде параллельных записей одного и того же текста с применением алфавитов на латинской графической основе и на русской графической основе; имеются также тексты, записанные алфавитами на русской графической основе — очевидно, такие записи являются свидетельствами использования кириллицы для языков народов Севера Российской Федерации еще до официального принятия национальных алфавитов на кириллической графической основе в конце 1936—начале 1937 г.⁹ К большому сожалению, не все тек-

⁸ См. специальную работу: *Василевич Г. М., Магид С. Д.* Эвенкийская песня // Советский фольклор. 1941. № 7. С. 72—81.

⁹ См. подробнее: *Бурькин А. А.* Язык малочисленного народа в его письменной форме: Социолингвистические и собственно лингвистические проблемы (на материале эвенского языка). СПб., 2004.

сты, хранящиеся в Рукописном фонде Фонограммархива, имеют датировку и не всегда такая датировка может быть установлена по наличествующей записи того же текста на валике.

Очень многие песенные тексты, извлекаемые из рукописного фонда Фонограммархива ИРЛИ, содержат сведения об исполнителях — при тексте указывается фамилия исполнителя (но нередко без имени и отчества и даже без инициалов),¹⁰ национальность и место рождения исполнителя. Таким образом, подавляющее большинство материалов, хранящихся в рукописном фонде Фонограммархива, имеет необходимую научную паспортизацию и представляет собой полноценный материал для изучения песенных жанров фольклора народов Севера. К сожалению, в материалах рукописного фонда почти никогда не указываются имена собирателей песен и отсутствуют указания на переводчиков — можно только догадываться, что русские переводы песен могут принадлежать самим исполнителям, бесспорно, владевшим русским языком. Надо отметить, что корпус песенных записей, сделанных от представителей малочисленных народов Севера и хранящихся в виде рукописей в Фонограммархиве ИРЛИ, уникальны по содержанию и максимальны по объему для соответствующего периода истории собирания образцов песенного творчества этих народов. В самом деле, едва ли в каком-либо другом архиве могут быть ныне обнаружены собрания, насчитывающие десятки образцов песен того или иного народа, которые были бы сделаны 70 или 80 лет назад. И, разумеется, количество записей песен народов Севера Российской Федерации, находящихся в рукописном фонде Фонограммархива ИРЛИ, не может идти ни в какое сравнение с теми немногочисленными образцами песен этих народов, которые были в то время опубликованы, и которые ныне — единственные публикации песен того времени, доступные для специалистов. Здесь достаточно сказать о том, что единственная публикация образцов песен народов Севера, увидевшая свет в 1930-е годы, — это сборник из десяти эвенкийских песен, изданный Г. М. Василевич.¹¹ Количество образцов эвенкийских песен, найденных нами в рукописном фонде Фонограммархива, в несколько раз превосходит объем этого сборника. Если же учитывать все суммарное количество образцов песенного творчества народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, наличествующих в Фонограммархиве ИРЛИ в виде записей на валиках, то окажется, что оно будет во много раз больше, чем число песен народов Севера, известных по публикациям за весь минувший XX век — а этот факт, в свою очередь, говорит о том, что сотрудники Фонограммархива ИРЛИ внесли исключительный вклад в дело собирания, изучения и сохранения образцов устного творчества народов Севера РФ.

Публикация, предлагаемая вниманию читателей, содержит некоторые наиболее яркие образцы песенных жанров устного народ-

¹⁰ К большой досаде, фамилии многих исполнителей записей образцов фольклора народов Севера, хранящихся ныне в Рукописном фонде ФА ИРЛИ, не встречаются ни среди исполнителей фонозаписей, ни среди авторов учебных пособий, ни среди первых литераторов из числа народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России.

¹¹ Дян икэсэл (Десять песен) / Сост. и пер. Г. М. Василевич. Л., 1934.

ного творчества малочисленных этносов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, которые были выявлены при изучении рукописного фонда Фонограммархива ИРЛИ. Если говорить о жанровой характеристике публикуемых текстов, то среди них представлены наиболее распространенные песенные жанры народов Севера России. Во-первых, это личные песни-импровизации, содержанием которых постоянно оказываются элементы современной действительности — в этом отношении у нас нет оснований считать «советские» элементы содержания таких песен проявлениями идеологической конъюнктуры: это устойчивая особенность импровизационного жанра песен, хорошо прослеживаемая и по более поздним записям песен народов Севера, и по отдельным записям, дошедшим до нас из XIX в. Во-вторых, это песни-подражания, которые воспроизводят песню-импровизацию, исполненную когда-то другим исполнителем, не будучи личной песней того исполнителя, от которого она записывается. Весьма показательно, что в изученном корпусе материалов присутствуют женские песни, записанные от исполнителей-мужчин, — именно это обстоятельство и дает основания относить имеющиеся образцы к жанру песен-подражаний, т. е. к группе тех текстов, которые и в наше время фиксируются собирателями весьма редко.¹² В заключение мы выразим надежду, что публикуемые тексты позволят более объемно представить общее количество, состав и характер песен народов Севера, бытовавших в среде носителей устной традиции художественного слова более семи десятилетий назад, они будут полезны специалистам по фольклору народов Севера и представят определенный интерес для современных представителей малочисленных народов Севера России, которые неравнодушны к истокам и судьбам традиционной культуры своих народов.

Образцы песен-импровизаций народов Севера, публикуемые ниже, ныне представляют интерес во многих отношениях, кроме одного — идеологического, того, которое могло составлять их

¹² Впрочем, надо принимать во внимание и то, что отдельные образцы фольклора и литературы народов Севера, появляющиеся в 1930-е годы, имеют явные следы конъюнктуры как в отношении содержания, так и в отношении формы: В. Г. Богораз в своем последнем романе «Воскресшее племя» (Л., 1935), в некоторых главах которого излагаются краткие биографии и описывается учеба и жизнь студентов Института народов Севера в Ленинграде, показал в образе эвенкийской девушки Маши Нергунеевой и особенно в виде ее рассказа о своем детстве и юности то, насколько ложными по содержанию являются устные рассказы представителей народов Севера о своем недавнем прошлом, и как такие ложные повествования появляются под влиянием соответствующего идеологически продиктованного спроса на такие сочинения. Однако даже если женские песни, имеющиеся в материалах рукописного фонда Фонограммархива ИРЛИ, и сочинены кем-то из непосредственных исполнителей, чьи имена отражены в документации, все равно эти тексты являются образцами устного творчества данного этноса на соответствующем синхронном срезе фольклорной традиции — даже если такое явление возникло и исчезло во временном интервале, составляющем менее одного десятилетия.

главную ценность на момент исполнения и записи. С точки зрения поэтики песен-импровизаций это типичные образцы данного жанра, характерного для многих народов Сибири и в первую очередь тунгусо-маньчжурских народов, к которым принадлежали почти все исполнители публикуемых ниже текстов. В эти тексты наряду с присутствующими в них в соответствии с канонами жанра воспоминаниями о давнем или недавнем прошлом присутствуют описания недавно происшедших событий, новые понятия, новые явления быта и культуры. В свете сказанного выше, подтверждаемого десятками образцов песен-импровизаций, которые можно было услышать и записать у народов Севера России даже за последние полвека, можно смело утверждать, что какой-либо социальный заказ, побуждавший исполнителей импровизировать в песенной форме на темы гражданской войны, колхозного строительства, роли В. И. Ленина и И. В. Сталина в судьбах народов Севера и т. п. полностью отсутствовал. Это не была инициированная извне общественная реакция на реалии новой жизни, так действовали каноны жанра песни-импровизации, содержание которой должно было быть знакомо, актуально и понятно слушателям.

Любопытный факт — насколько нам известно, песни о гражданской войне, песни о переменах к лучшему в жизни народов Севера и пути этих народов к светлому будущему, песни о Ленине и Сталине не были изданы, хотя сохранившиеся материалы Рукописного фонда Фонограммархива ИРЛИ отражают тщательную работу переводчиков над русским текстом песен, а отдельные документы рукописного фонда подписаны самими авторитетными специалистами из числа знатоков народов Севера России — А. И. Емельяновым, В. К. Штейницем, Г. М. Василевич. Вероятно, здесь сказалось то обстоятельство, что традиционная эстетика песен-импровизаций народов Севера все же не соответствовала представлениям о том, как должны были выглядеть идеологически выдержанные народные песни о новой жизни и о руководителях советского государства.

Подлинники записей публикуемых песен, как мы можем судить, сохранились не полностью. Некоторые песни нам известны в записях на восковых валиках, для отдельных песен в Рукописном фонде Фонограммархива ИРЛИ имеются тексты на языках оригинала — эвенкийском, нанайском, хантыйском. Русские переводы песен, как правило, имеются в рукописном фонде Фонограммархива в нескольких копиях, как рукописных, так и машинописных, и эти копии отражают разные этапы лингвистической и редакторской работы над текстами песен.

ТЕКСТЫ

1. Песнь женщины

В лесах Калара-матушки,
Как заяц жила <я>,
Любимых подруг
раз в год, как встречала <я>,
билося сердце мое.

В горах Калара-матушки,
Как трехлетняя важенка
жила<я>, пойманная,
Со своими однолетками
Мечтая вместе жить.

Когда в горах Калара-матушки
Круглое яркое солнце,
Длинные тени дало,
Любимых подружек
мне не дали встретить.¹

В царское время в прошлой жизни
отец и мать были хозяевами
Отдавали насильно замуж,
О смерти заставляли думать.

Когда зеленое лето
с зелеными травами наставало
Всей своей кровью
Из своей юрты
От родных мужа стремилась убежать <я>.

2. Женская песнь

В прежние те годы
ничего я не знала,
в уме, в уме;
Ни о чем не рассуждая,
Мужскую работу справляла
тяжелую, тяжелую,

Как настала советская власть –
женское слово зазвучало
по тайге, по тайге.

В далеких горах живя,
С эвенками разговариваю,²
На собраниях выступаю.

3. Песнь женщины

В прошлые годы
При царе
Батрачила <я> у богачей,
Кровью плакала.

На родине моей
В земле долгих зим
Советы победили,
Всех богачей победили.

Красное советское знамя
В стране севера поднято,
Победил совет правдой,
Свободе дорогу открыл.

Теперь я женщина —
В артели руководитель.
Легко, радостно
Я свое счастье в руки взяла.
Великий Сталин, ты
Дал мне это счастье,
Эту веселую, светлую,
радостную, хорошую жизнь.

Имя Сталина всегда
В сердце буду держать <я>.
Бойкая я, к работе привыкла,
колхоз свой укрепляю.

Нашу свободу я охраню,
Штык возьму, —
Если враги нападут —
Пойду на защиту советской земли.

4. Песнь сына

Прощай, прощай моя мама!
Я еду в большой город.
Прощай, прощай мой отец!
Я еду к светлому ученью.

Я буду учиться счастливо.
Я родился в советской стране.
Я буду учиться свободно
В свободной, светлой стране.

Отец мой и мать,
Будьте здоровы в колхозе,
Работайте ударно,
Будьте счастливы и радостны.

Прощай, прощай родина!
Я еду в город Ленина.
Вернусь я на родину,
Чтобы учить детей.

5. Песнь

В прежние годы
Ничего мы не помышляли.

В уме, в уме,
Откуда этот-тот свет стал.

В новые годы
Свет для нас светящим стал

Эту светлую жизнь
Ленин великий придумал.

Ленина мысль
Солнцем назвали.

Партии мысль
Лучами назвали.

Нас, победивших
Зажгли лучи,

Добившись победы
До лучей дойдем.

До лучей дойдя,
Заветы выполним.

6. Как река...

Как река переливаясь,
Как река, шумя,
Как гром гремя,
Как ветер воя,
Из чащи лесов, с горных уступов,
Товарищи наши собираются
С краев равнины, со скал

Товарищи подходят.
Молодые ребята
В звенья встают
Слова заветов Ленина
В кровь впитывая.

7. Песня

Снежок откуда падает?
Из тумана, белого моря
Дождик откуда капает?
Из тумана синего моря.
Коммунизм кто объяснил?
Карл Маркс.
Совет кем основан?
Лениным и Сталиным
Старую обычную жизнь
Мы с комсомолом раздавим.
Новую красивую жизнь
Мы своими руками построим.
У птицы летящей из Сибири
Гнезда своего не бывает.
У человека, ставшего коммунистом,
Бога не бывает.
На больших красивых стенах
Мы вырастим конское стадо,
На широких заросших перевалах
Мы сохраним оленье стадо.
Живя в густых лесах
Мы школы построим себе.
Сами хорошо научимся,
Детей своих мы научим
Эти желанья мы
Через социализм выполняем
Свою новую жизнь
Мы сами построим себе.

8. Партизанская песня

С вершины Гилея
Партизаны идут
По речке спускаются
Вниз плывут.
На речке на Гилею
Врагов повстречали;

Врагов победив,
К Амуру идут.
Красное знамя
Вверху развивается,

Партизан с широкого Амура
Знамя собирает.
С этой речки, со всякой,
С лощин собирает,
На помощь красным

Партизаны идут.
Из города Хабаровова
Врагов прогнать,
В городе Хабаровове
По слову Ленина
Советы устроить
Партизаны идут.
Победив врагов
В Хабаровске собрались
Под великое знамя
Партизаны собрались.
По-ленински-сталински
Советы начали строить.

9. Песня о Сталине и Ленине

Ну-ка, люди-товарищи,
Прежде, когда мы бродили
На верховьях речек,
В кедровнике мы жили,
Мы жили,
И солнца не видали.
Теперь же в эти последние годы,
Из темноты мы вышли,
Светлую жизнь мы видим.
Дикую чащу нашу
Наш старший, брат Ленин,
Всю сжег.
Ну-ка, люди-товарищи,
В эти железные годы
Что стало с нашей чашей?
Равной частью все стало,
Ни одной чащи не осталось.
Все видным-чистым стало,
Ровным местом все стало,
Теплым стало от солнца
Всюду светло, весело.
Солнце наше поднялось
Горячо, высоко,
Ну-ка, люди-товарищи.
На каждой речке
Друг с другом люди знакомятся.
По ленинскому пути-следу
Молодежь-комсомольцы
Ну-ка, идите, идите...

Товарищ Сталин
По ленинскому пути
Нас, ребята,
Видавших нужду людей,
К светлому поведет,
Ленинский путь-след
Не потеряет Сталин, Товарищ Сталин!
В наше счастлирое время
Нас не обморочат

Обманы «шаманов»
Товарищ Сталин
Раскрыл обманы шаманов;
Больше нас не обманут!
Прежде твердили
Лгуны, что обманывали:
Шаман поможет,
Поможет батька,
Он нам поможет!
Так говоря, обманывали,
Морочили нас.
Теперь мы
Обман шаманов раскрыли,
Обман батьки увидели
Теперь –
Теперь нас никто не обманет...
Прежде, когда мы жили,
Еды просили,
Крестьясь, просили,
«Бог даст», говоря,
«Иконы дадут», говоря,
Ну, люди-товарищи,
Теперь этот обман раскрыт,
Тот обман мы нашли,
Тот обман мы нашли,
Теперь у нас нет бога,
Вовсе нет.
Кто работает,
Весело будет жить,
В лучшие одежды одеваясь,
Лучшую еду поедая,
Оставим прежние порядки,
Меховые одежды не наденем,
Насекомое нас не заедят;
Сошьем одежды из материи.
.....
.....

Дождь нас не замочит.
Товарищ Сталин
Всех равными сделал.
Среди ручейков
Исстрадавшихся людей
К светлой жизни повел,

Светлый день показал,
Веселье показал,
Прежде, когда мы жили,
Друг друга не знали,
Врозь костры разжигая,

Теперь в эти последние годы,
Все мы встретились,
Все дружные стали,
Все равные стали.

10. Саамская песня о Сталине

Фомину песню
Спою я,
Как прежде
Жили мы.
Были мы
Маломощными.
Богатые купцы
Спаивали водкой,
Мы им дарили подарки
Подарки дарили мы им.
Поп нас, бывало, пугает,
Поп нас пугает:
«Не дадите мяса, так умрете,
На том свете в ад пойдете».
Пугает, пугает:
«Не дадите мяса, так умрете,
На том свете
в ад пойдете».
А нынче у нас колхоз есть,
Колхоз есть.
У нас есть олени,
Есть. На оленях
Мы ездим. На оленях ездим.
Есть на чем ездить теперь.
Мы теперь богатеть и процветать можем.
У нас есть коровы,
Есть у нас много коров,
Молока много, молока.
У нас есть и доктор, есть.
У нас есть доктор, есть.
У нас есть школа.
У нас есть школа.
У нас и школа есть. Дети у нас
Учатся грамоте.
У нас есть моторный бот,
У нас есть моторный бот,
Мы добываем семгу,
Мы добываем семги много, много.

Мы живем хорошо,
Нам хорошо жить,
Весело жить, весело жить, весело жить.
Не забудем
Советскую власть.
Не нужно забывать
советскую власть.
Не нужно забывать советскую власть.
Кто к нас надежда?
Кто к нас надежда, надежда?
Наша надежда товарищ Сталин.
Не нужно забывать советскую власть
Не нужно забывать
советскую власть
Кто у нас надежда?
Что у нас надежда?
Товарищ Сталин.

11. Нанайская партизанская

Белогвардейцы в Хабаровской тайге рыщут.
Санная дорога испортилась,
Колесная дорога еще не установилась.
Зеленые в устье реки
Пошли располагаться,
Красные в устье Имана
Пошли располагаться.
Железная дорога испорчена,
В устье Имана красные
С белыми воюют. Белые стреляет.
Стреляют будто серебром,
Будто золотом.
Красные на лугу*
Залегли, в тайге бегают.
Пешком бегают, некоторые хоть и раздетые,
Хоть и больные — бегают.
На красных смотреть
Жалко становится.
Эти люди / красные/
Рассердились, в селах
Живущие также выступили.
Красные рассердились
Выступили.
В устье Имана сражались

Красные
С белыми. Красные,
Постарайтесь.
Рабочие и бедняки также
Рассердились. В устье Имана
Сражались. Бедные люди,

Бедная молодежь.
На мари /болоте/ — красная вода,
Вода реки из человеческой крови,
Кровь ее /этой реки/ течет.
Марь намокла, болото затоплено:
Трупы людей глине
Подобны /перемешались/, люди убиты.
Женщина твое тело слабое, женщина,
Твое тело с недостатками /силы/.
Если бы я была мужчиной, красным
Помогала бы.
Со смертью не считалась бы, если бы упала
/убитой/ — не пожалела бы.
Женщина рождена слабой.
Женщина рождена с недостатком /силы/.
Сестра, я плачу,
Грудь моя болит Так я плачу.
Все нанай. Наполнитесь гневом,
Помогайте.
К белым наполнитесь гневом,
Красным давайте помогать.
Чтобы быстроногий конь устал,
Чтобы рысак устал,
Чтобы тяжелован устал,
Так кончайте /войну/.

12. Хантыйская песня о Ленине.

Владимир Ильич,
После того, как он родился умным человеком,
Владимир Ильич,
После того, как он родился мудрым человеком,
Обруча кругом обернутый круглый мир
Кругом обходил,
Обруча кругом обернутый круглый свет
Кругом обходил.
Много хитростей богатых людей
Он принял в свой ум,
Все чары богатых людей
Он положил в свое нутро.
Свою неотделанную шубу
Он (размышляя) отделявает,
Свою неотделанную обувь
Он (размышляя) отделявает.
У многих мужчин в бедных шубах
У многих женщин в бедной обуви
Мужчины с богатыми брюхами,
Женщины с денежными животами
Мясо так и высасывают,
Кости так и высасывают,
Владимир Ильич,
Так как он был умным человеком,

Многих мужчин в бедных шубах
Многих женщин в бедной обуви
В одну сотенную кучу, тесно связанную,
Вместе собрал.
В одно тысячное стадо, тесно связанное,
Вместе собрал.
Длинного пути хороший конец
Он им показал,
Короткого пути хороший конец
Он им показал.
Ртом с десятью зубами
Так он говорит,
Ртом с двадцатью зубами
Так он говорит,
Мы, многие женщины в бедных шубах,
Вы, многие мужчины в бедной обуви,
Тонким ухом чуткой авлик-утки
Вы хорошо расслушивайте.
Тонким ухом чуткой лисицы
Вы хорошо прислушивайтесь.
Многие наши женщины с богатыми животами,
Многие наши женщины с денежными брюхами
Высасывают сильно наше мясо,
Высасывают сильно наши кости.
Крепкую как камень большую сильную войну
Давайте поднимем,
Крепкую как металл большую могучую войну
Давайте поднимем!
Как только его речь кончилась,
Как только эти его слова кончились,
Много женщин в бедных шубах,
Много мужчин в бедной обуви
Радостными ногами
Они здесь радуются (пляшут),
Радостными руками
Они тут радуются (аплодируют).
Много женщин в бедных шубах,
Много мужчин в бедной обуви
Думу, полную черной кровью
Они думали.
Мысль, полную темной кровью,
Они думали.
В плодородной стране России,
В земле России, богатой рыбой,
Когда начинали с одного конца,
То на другом конце кончалось,
Когда начали с одного края,
То на другом крае кончилось.
Много женщин в бедных шубах,
Много мужчин в бедной обуви
Себе под ноги
Они их (богатых) бросили,
Своими ровными руками

Они их ровно стерли.
Много женщин в бедных шубах,
Много мужчин в бедной обуви
Со смеющимися лицами
Они дальше живут.
Со смеющимися животами
Они дальше живут.

13. Нанайская песня о Сталине

Человеческий ум широк,
Как широта низменности,³
Человеческий ум глубок
Как синее море глубоко,
Человеческое сердце сильно
Что (если) сравнить: крепкого не найти
Человеческая голова велика
Что сравнить большего не найти
Он стоит так высоко
С верхней тучей наравне
Он по земле кругом глядит
Как небесной звезды блесканье
На шарообразной земле
Он выше всех стоит
На поверхности земли он как
Сияние солнца блестит
Вокруг него просторно
Чистые воды протекают
Поверхность земли покрывая
Красные цветочки прорастают.
По синему небу летая
Разные птички веселят
По светлой земле шагая
Свободные люди поют
Наш отец и вождь
Сталин великий товарищ
Мы миллионные люди, про тебя
Песню поем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Песнь женщины*. ФА ИРЛИ, РФ. П. 51. Л. 4 (перевод 17, 23, 82); эвенкийский текст — л. 77. Исполнитель П. Мольдякитов, Калар, Витимо-Олёкминский эвенкийский автономный округ Читинской обл. Других данных об исполнителе нет.

¹ Не пускали вечером в хоровод (примечание собирателя).

2. *Женская песнь*. ФА ИРЛИ, РФ. П. 51. Л. 5, 10, 18, 82 (перевод), 75 — эвенкийский текст. Исполнитель С. Герасимов, Тунгир, Витимо-Олёкминский Эвенкийский автономный округ Читинской обл. Других данных об исполнителе нет.

² В прежнее время женщины эвенки не должны были разговаривать с незнакомыми мужчинами (примечание собирателя).

3. *Песнь женщины*. ФА ИРЛИ, РФ. П. 51. Л. 6, 11, 25, 81 (перевод), 75 — эвенкийский текст. Исполнитель К. Солдатов Нелькан, Аянский район Хабаровского края. Других данных об исполнителе нет.

4. *Песнь сына*. ФА ИРЛИ, РФ. П. 51. Л. 7, 14, 20, 82 (русский перевод). Эвенкийский текст в рукописном фонде не обнаружен. Исполнитель К. Солдатов, Нелькан, Аянский р-н Хабаровского края. Других данных об исполнителе нет.

5. *Песнь*. ФА ИРЛИ, РФ. П. 51. Л. 7, 12, 24, 83 (перевод), 74 — эвенкийский текст. Исполнитель Н. Шаньгин, Северобайкальский р-н Бурят-Монгольской АССР. Других данных об исполнителе нет.

6. *Песня «Как река»*. ФА ИРЛИ, РФ. П. 51. Л. 10 (3, 4, 5), 26 (перевод), 78 эвенкийский текст, 92об. — текст и перевод. Исполнитель Ламутканов. Других данных об исполнителе нет. Звукозапись этой песни с другими исполнителями — ФА ИРЛИ, ФВ 4045.02, 4057.01.

7. *Песня*. ФА ИРЛИ, РФ. П. 51. Л. 86, 102, 108 (перевод), 79, 88—89 — эвенкийский текст. Исполнитель Н. В. Сахаров, 20 лет, из рода Чапогир.

Никита Владимирович Сахаров — эвенкийский поэт и прозаик, автор двух книг.

8. *Партизанская песня*. ФА ИРЛИ, РФ. П. 51. Л. 81 — эвенкийский текст; 94 — текст и перевод, 106, 107 — перевод.

Исполнитель Марков Гаврила Архипович, Тунгир. Других данных об исполнителе нет. Фонограмма — ФА ИРЛИ, ФВ 4043.01.

9. *Песня о Ленине и Сталине*. ФА ИРЛИ, РФ. П. 51. С. 77—80, помета «Нац. текст у Гиппиуса». Исполнитель Ф. Ф. Алексеев, Охотско-Эвенкий автономный округ. Других данных об исполнителе нет. По национальности он был эвеном. Фонограмма предположительно — ФА ИРЛИ, ФВ 5404.01, 5405.01.

10. *Саамская песня о Ленине*. «*Фомина песня*». ФА ИРЛИ, РФ. П. 57. Ед. хр. 9. Л. 36—37. Фонограмма предположительно — ФА ИРЛИ, ФВ 4520.01, 4521.01.

11. *Нанайская партизанская*. ФА ИРЛИ, РФ. П. 57. Ед. хр. 2. Л. 10б—4 текст и перевод. Ед. хр. 9. С. 83—84, 91—92 (текст), 85—86, 87—88, 89—90 (перевод).

12. *Хантыйская песня о Ленине*. Исполнитель Дмитрий Павлович Тебетев (Тепетев). Текст на хантыйском языке в кириллографичной записи. ФА ИРЛИ, РФ. П. 57. Л. 19—20об. Перевод — П. 57. Ед. хр. 9. Л. 2—5об. Текст и перевод — ФА ИРЛИ, РФ. П. 57. Ед. хр. 9. Л. 43—49, 50—52, 53—58, 59—65, 66—70. Перевод подготовлен и сверен при участии В. К. Штейница (см. подпись В. К. Штейница — П. 57. Ед. хр. 9. Л. 70). ФА ИРЛИ, ФВ 4013.03

Исполнитель Д. П. Тебетев — один из основоположников хантыйской поэзии. Текст на хантыйском языке — предположительно автограф исполнителя.

13. *Нанайская песня о Сталине*. ФА ИРЛИ, РФ. П. 57. Л. 13—13об (автограф), тетр. 1, с. 6—7об. — русский перевод. Исполнитель Аким Дмитриевич Самар. ФА ИРЛИ, ФВ 5416.01.

Текст на нанайском языке в кириллографичной записи. Автограф исполнителя. Исполнитель А. Д. Самар, известный нанайский поэт. Один из создателей нанайской литературы.

³ зачеркнуто: болота широки.

ПАМЯТИ Е. А. КОСТЮХИНА

Беда приходит неожиданно. Евгений Алексеевич Костюхин, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела народно-поэтического творчества Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук, взявший на себя труд составления и редактирования настоящего, 6-го, выпуска серийного издания «Из истории русской фольклористики», скончался 4 января 2006 г. в Санкт-Петербурге вследствие скоротечной болезни, не достигнув полных 68 лет (родился 23 февраля 1938 г.). Незавершенность работы не отменила необходимости ее издания, хотя некоторые публикации и требовали дополнительного оснащения сверочными комментариями (особенно это касается рукописи С. К. Шамбинаго), а весь том мыслился как более многостороннее отражение историко-фольклористических процессов. Осознав роковую близость своего ухода, Евгений Алексеевич сделал то, что успел. Это стало актом истинного исследовательского мужества.

Крупный ученый-сказковед Е. А. Костюхин поступил в Отдел народно-поэтического творчества ИРЛИ в 1989 г. с желанием и обязательством развернуть деятельность по подготовке сказочной серии Свода русского фольклора в качестве ее руководителя. Крушение советской государственности, отразившееся на судьбах направлений отечественной науки, сузило рабочую программу Свода, и Е. А. Костюхин осуществил «компенсирующий» комплекс работ иного плана, демонстрируя высокопрофессиональные качества филолога широкой ориентации. За его плечами были капитальные монографии фольклориста-литературоведа «Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции» (М., 1972), «Типы и формы животного эпоса» (М., 1987), издания и исследования русской приключенческой беллетристики XVIII века, казахской сказочной прозы, и он перенес свой исследовательский опыт и аналитическое да-

рование к изданию выдающихся или забытых памятников из наследия фольклористики XIX в. – «Народных русских сказок не для печати» А. Н. Афанасьева (М., 1997), «Русских народных пословиц и притч» И. И. Снегирева (М., 1999), «Русских сказок и песен Сибири» (СПб., 2000), «Великорусских сказок, загадок» И. А. Худякова (СПб., 2001), «Сказок и преданий Самарского края» Д. Н. Садовникова (СПб., 2003), «Русских народных сказок, прибауток и побасенок» Е. А. Чудинского (СПб., 2005), «Народных сказок, собранных учителями Тульской губернии» А. А. Эрленвейна (СПб., 2005). В его намерениях было издание книги очерков о сказковедах-предшественниках, и формирующие главы такой книги уже появлялись как статьи о творчестве А. Н. Веселовского, В. Я. Проппа, А. И. Никифорова, Н. П. Андреева. Одновременно на научных конференциях звучали его впечатляющие доклады, где он со знанием дела говорил о проблемах оценки сказковедческой школы М. К. Азадовского, о традициях внедрения лубочной литературы в фольклорную стихию, о переключке и противостояниях разноэтнических редакций сказочных сюжетов славянства и народов Востока.

Будучи в молодости — в Чимкенте, в Алма-Ате — преподавателем литературы и фольклора, Е. А. Костюхин параллель-

но с работой в ИРЛИ продолжил на новом этапе своей биографии педагогическую деятельность профессором кафедр детской литературы и русской литературы Санкт-Петербургского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Его увлеченность преподаванием дала фольклористике остро современные «Лекции по русскому фольклору» (М., 2004), где автор чутко откликнулся на запросы сегодняшней высшей школы, предложив ряд новейших трактовок народной культуры.

Евгений Алексеевич Костюхин был авторитетен в среде своих коллег и учеников. Эрудиция, реализм и объективность его взглядов позволяли ему компетентно судить о явлениях истории народной словесности, этнографии, древней литературы, что выразилось, в частности, в поддержке им в ранге оппонента либо рецензента актуальных докторских диссертаций незаурядных ученых – таких, как С. И. Николаев, М. П. Чередникова, А. Л. Топорков, Е. Г. Водолазкин.

Ученого, покинувшего нас в расцвете его возможностей, доброжелательного товарища, наделенного высокой порядочностью, всегда будет недоставать коллективу Отдела народно-поэтического творчества ИРЛИ и всей нашей находящейся в движении науке.

*Зав. Отделом народно-поэтического творчества
ИРЛИ РАН (Пушкинского Дома), гл. редактор
серии «Из истории русской фольклористики»
доктор филологических наук А. А. Горелов*

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
----------------------	---

РАЗДЕЛ I. ФОЛЬКЛОРИСТИКА: ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ. СТАТЬИ

Письма А. А. Котляревского к А. Н. Пыпину. Публикация З. И. Вла- совой	5
А. Н. Розов. А. И. Соболевский — редактор печатных песенников XVIII в.	29
С. К. Шамбинаго. Песни татарского цикла. Публикация С. Н. Аз- белева.	39
М. И. Романов. Ребенок северной деревни в фольклоре и быте. Пуб- ликация А. Н. Мартыновой.	73
Из истории пермского краеведения (письма Е. Н. Косвинцева к П. С. Богословскому). Публикация Т. Г. Ивановой	126
Ф. А. Рубцов. Материалы к сборнику «Песни Смоленской области». Публикация Ю. И. Марченко	158
Л. И. Петрова. Из истории собирательской и издательской работы ленинградских фольклористов (по материалам протоколов, отчетов, писем 30-х годов XX в.)	248

РАЗДЕЛ II. ФОЛЬКЛОР. НЕИЗДАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Неопубликованные записи К. Д. Кавелина. Публикация Е. П. Глад- ких (Фрэнсис)	263
Архивные записи кулойских эпических напевов (по материалам Север- ной экспедиции 1921 г.). Публикация А. Ю. Кастрова	299
Мезенская традиционная свадьба в записи М. Н. Мякушина. Подготов- ка и комментарии Е. И. Якубовской.	335
Песни-импровизации народов Севера 1930-х годов (по материалам Фо- нограммархива Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Предисловие и публикация А. А. Бурюкина	420
Памяти Е. А. Костюхина	440

Научное издание

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

В ы п у с к 6

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН*

Редактор издательства *Л. А. Карпова*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Е. Г. Коленова*
Компьютерная верстка *Е. С. Егоровой*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Сдано в набор 26.07.06. Подписано к печати 24.11.06.
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 30.5. Уч.-изд. л. 30.5.
Тираж 800 экз. Тип. зак. 3674. С 255

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.naukaspb.spb0.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 5-02-026410-5

9 785020 264106

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«НАУКА» РАН

ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ

**СЛОВАРЬ ОБИХОДНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА
МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI—XVII вв.**

Вып. 3. Вор — Вящий

Словарь, замысел которого принадлежит проф. Б. А. Ларину (1960-е гг.), содержит систематическое описание лексики и фразеологии обиходного русского языка XVI—XVII вв., начального периода формирования национального русского языка, по материалам группы памятников литературно-письменного языка на народно-разговорной основе. Исследовано около 200 источников, созданных в Москве и других областях Московской Руси, также в корпус Словаря вошли данные российских региональных исторических словарей русского языка XVI—XVII вв., опубликованные за последние 20 лет.

Для широкого круга специалистов-филологов, историков, культурологов, всех, кто интересуется русским языком, историей и культурой русского народа.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
«НАУКА» РАН

ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ

ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ **Т. 59**

Том посвящен переводной литературе Древней Руси. В него вошли статьи, подготовленные по материалам Международной конференции «Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.» (С.-Петербург, 2004). Статьи сборника охватывают все жанры русской литературы этого периода; повествовательную и житийную литературу, хронографию, летописание, гимнографию, «хождения», а также содержат сведения о новейших достижениях в области изучения древних памятников.

Для филологов, культурологов, всех, интересующихся литературой и культурой Древней Руси и средневековья.